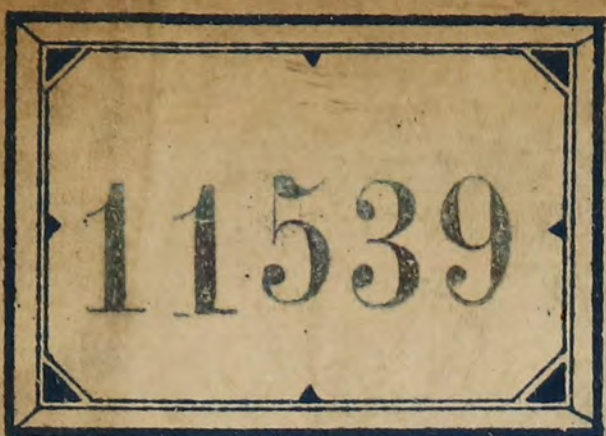

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ,

ВЫДАВАЕМЫЯ

ОТЪ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА.

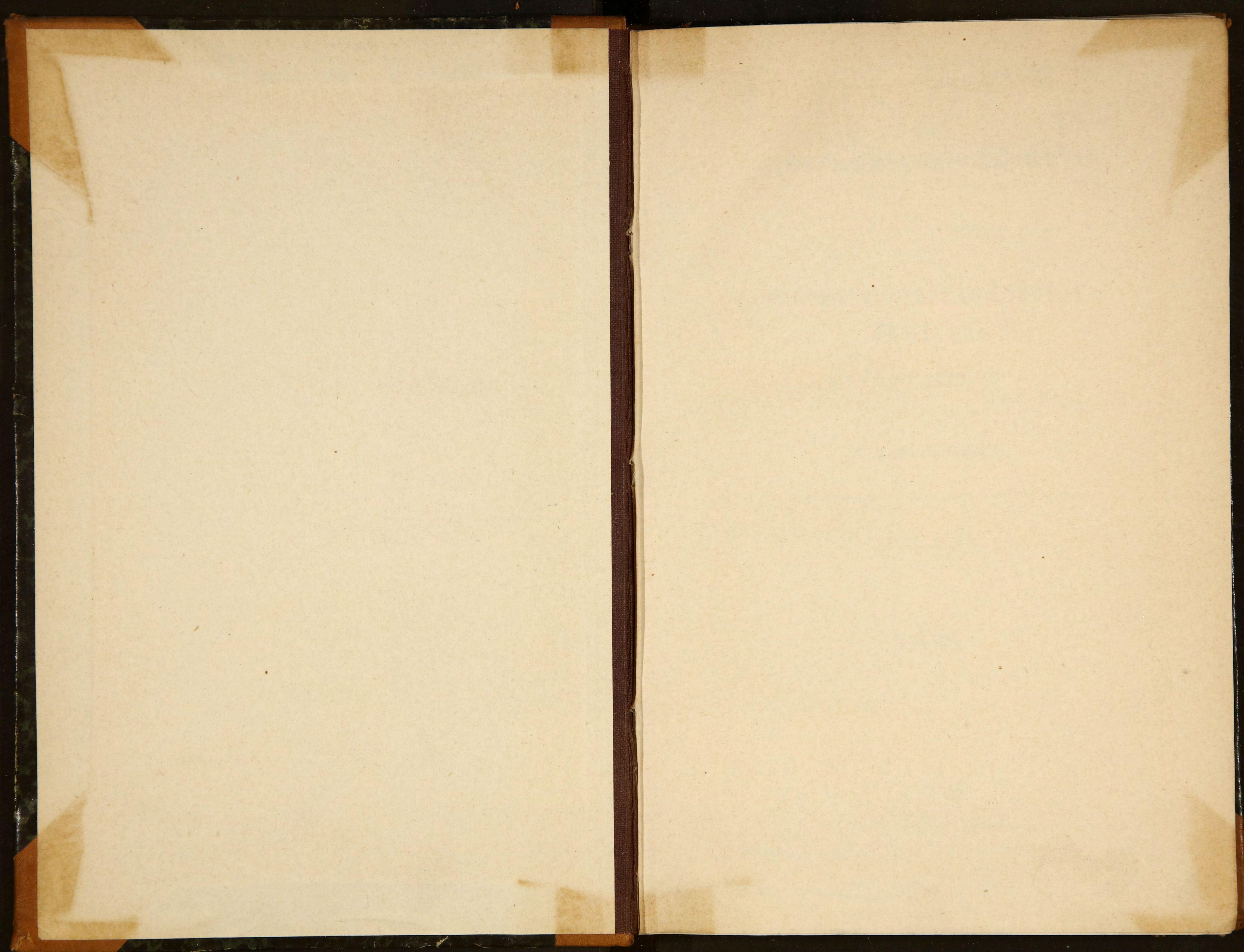
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. И. НАДЕЖДИНА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА И ЧЛЕНА СОВѢТА Р. Г. О.

1848.

Выпускъ 1.

11889

БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНОГО КОМПЛЕКТА МИН. ФИН.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ,

ВЫДАВАЕМЫЯ

ОТЪ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. И. НАДЕЖДИНА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА И ЧЛЕНА СОВѢТА Р. Г. О.

1848.

С. П. Б.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

39

БИБЛИОТЕКА ННФ СССР

✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

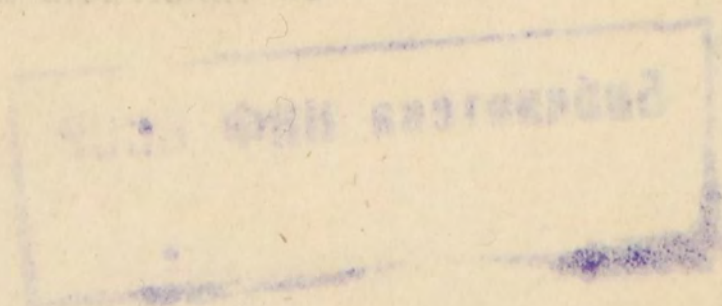
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 10 мая 1849 года.

Ценсоръ *И. Срезнеескій.*

62182

1848.

С. П. Б.

Выпускъ 1.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ три первые мѣсяца текущаго года, Р. Г. О. имѣло слѣдующія три Общія Собранія, подъ предсѣдательствомъ г. Помощника Предсѣдателя *О. П. Литке*.

14 января. — Присутствовало 86 Членовъ. За болѣзнію Секретаря, должность его исправлялъ *Д. Ч. О. А. К. Гирсъ*.

— Доведено до свѣдѣнія Собранія, что Его Величество Государь Императоръ Всемилоостивѣйше соизволилъ пожаловать Обществу по экземпляру: Полнаго Собранія и Свода Законовъ Россійской Имперіи, Уложенія о Наказаніяхъ и Свода Мѣстныхъ Узако-неній Остзейскихъ Губерній.

— Исправляющій должность Секретаря прочелъ въ извлеченіи полученную для третьей книжки Записокъ Общества статью *Д. Ч. О. К. М. Бера*: «о заслугахъ Петра Великаго по-части распростра-ненія географическихъ свѣдѣній».

Во вступленіи къ этой статьѣ, съ силою и основательностью опро-вергнута ложная мысль нѣкоторыхъ, будто Петръ Великій, какъ вообще въ преобразованіи гражданскаго и военнаго устройства Имперіи, такъ и во всѣхъ ученыхъ своихъ предпріятіяхъ, былъ руководимъ иностранцами. «Въ одномъ изъ обзорѣй путешествій, совершенныхъ въ Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», говоритъ г. Беръ, «высказано даже предпо-ложеніе, что первыя мысли объ ученыхъ экспедиціяхъ зародились въ умѣ Петра во время потѣзки его за границу. Но извѣстно, что, именно въ первые десять лѣтъ по возвращеніи Петра изъ-за границы, не бы-ло предпринимаемо ни одной экспедиціи; отправленныя-же съ уче-ною и торговою цѣлю въ Китай и Индію, были задуманы и приведены въ исполненіе, когда онъ еще не переступалъ границъ своего царства.

Мартъ 1848.

Вообще исторія географическихъ экспедицій при Петрѣ доказываетъ, что руководившая его приэтомъ мысль была его собственная. Инструкціи для нихъ всегда писалъ онъ самъ, иногда даже на походѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ предложеніе могло быть сдѣлано изъ-за границы; но такія предложенія принимались только тогда, когда согласовались съ идеями Государя. Примѣромъ тому служить, между-прочимъ, что Петръ оставилъ безъ вниманія предложеніе Лейбница, котораго онъ впрочемъ особенно уважалъ: предложеніе дѣлать на всемъ пространствѣ Россіи магнитныя наблюденія. И кто станетъ отрицать, что Петръ въ этомъ случаѣ былъ совершенно правъ; что государство, въ которомъ еще ни одна точка не была географически опредѣлена, котораго даже протяженіе не было въ точности извѣстно, не иначе, какъ только при удобномъ случаѣ, могло принять на себя обязанность распространять знанія о магнитной стрѣлкѣ?» Вступленіе это заключается слѣдующими словами: «Все, что сдѣлалъ Петръ для распространенія географическихъ свѣдѣній, проистекало частью изъ пламеннаго желанія оживить торговлю и привести своихъ подданныхъ въ близкія сношенія съ другими народами, частью изъ очевидной для всякаго правителя потребности узнать средства своей страны, и наконецъ изъ живой любознательности его ума, жаждавшаго всякаго познанія, особенно когда любопытство бывало пробуждено чѣмъ-нибудь невиданнымъ. Эта жажда знанія, это сочувствіе къ духовнымъ интересамъ, выказывается въ Петрѣ ясно: онъ приходитъ въ восторгъ въ Анатомическомъ Кабинетѣ Рюйша; при видѣ большаго Готторпскаго Глобуса, онъ не можетъ не высказать желанія обладать имъ; услышавъ объ остаткахъ мамонтовъ, приказываетъ искать въ Сибири, не найдется-ли полнаго скелета; получивъ донесеніе, что на берегъ Лапландіи выброшено нѣсколько китовъ, повелѣваетъ, чтобъ, при другомъ подобномъ случаѣ, какими-бы то ни было средствами, доставленъ былъ въ Петербургъ цѣлый китъ; онъ заводитъ, для собственнаго удовольствія, сперва Гербарій, потѣмъ собраніе рѣдкостей всякаго рода (Кунст-Камеру); приказываетъ доставлять туда живыми или мертвыми всѣхъ раждающихся въ Имперіи уродовъ; во время своихъ путешествій, тщательно собираетъ разныя достопримѣчательности природы, которыя и теперь еще хранятся въ Академіи; увидѣвъ мимоѣздомъ заброшенныя развалины древняго города Болгарь, онъ, среди заботъ о предстоящей войнѣ съ Персіей, приказываетъ принять мѣры къ ихъ сохраненію. Тѣже интересы видны и во всѣхъ географическихъ его экспедиціяхъ, исключая имѣвшихъ цѣль чисто торговую: онъ хотѣлъ знать и видѣть, что дѣлаютъ и какъ живутъ въ другихъ земляхъ. Этѣ экспедиціи рѣзко запечатлѣны его характеромъ; онъ его собственностью, его заслуга. Исторія его географическихъ предпріятій является существеннымъ дополненіемъ его жизнеописанія.»

Засимъ, переходя къ самому дѣлу, г. Беръ начинаетъ съ геодезическихъ работъ, совершенныхъ по волю Петра, который ознаменовалъ свое царствованіе изданіемъ первыхъ картъ Россіи, составленныхъ въ самой Россіи. До того времени, всѣ карты Россіи были сдѣланы за границей; составленная-же дома карта древняго Московскаго Государства, известная подъ именемъ «Большаго Чертежа», никогда не была обнародована. Потомъ, излагаются предпріятія Петра, имѣвшія цѣлю познаніе свойствъ разныхъ странъ, ихъ естественныхъ произведеній, жителей, и т. п. Здѣсь г. Беръ указываетъ на ученыя путешествія: *Шобера* — къ Тереку, *Гербера* — въ Закавказскій - Край, *Левендіани* — въ Толикъ, *Блюгера* — по всей Европейской - Россіи, *Мессершмидта* и *Штраленберга* — по Азіатской - Россіи, наконецъ знаменитое морское путешествіе *Беринга*. Замѣтивъ, что Петръ не отправлялъ ни одного посольства въ чужіе края, безъ того чтобъ не возложить на него обязанность собирать притомъ всякія объ нихъ свѣдѣнія, г. Беръ съ особенною подробностью распространяется о сношеніяхъ Петра съ Китаемъ, какъ наиболее важныхъ въ отношеніи учено-географическомъ, и объ отправленіи туда *Лоренца Ланга*. Самыя занимательныя части статьи касаются этихъ сношеній, экспедиціи *Мессершмидта* въ Сибирь и обширныхъ предпріятій *Беринга*, который погибъ на пустынномъ островѣ, не оцененный современниками, не довѣрившими его открытіямъ.

По поводу Китая, въ статьѣ г. Бера объяснено, какимъ образомъ, во все время сношеній съ Китайцами Петра, успѣхъ нашихъ посольствъ зависѣлъ отъ большаго или меньшаго вліянія Іезуитовъ въ Срединной-Имперіи; ибо они всячески старались вредить Русскимъ. Потерей долины Амура Россія обязана ихъ проискамъ. Іезуиты были также единственной причиной высылки Русскихъ изъ Китая, а равно и тѣхъ притѣсненій, которымъ Русскіе подвергались тамъ со стороны Китайскаго Правительства.

Экспедиція *Мессершмидта* была важнѣйшая изъ предпринятыхъ Петромъ внутри Имперіи. Она имѣла цѣлю ознакомить ученый свѣтъ съ пространными землями Сибири, слишкомъ еще мало тогда известными относительно ихъ естественныхъ произведеній и жителей. Въ инструкціи, данной Мессершмидту, вниманію его поручались слѣдующія отрасли знанія: 1) географія, 2) естественная исторія во всемъ ея объемѣ, 3) медицина и въ особенности эпидемическія болѣзни, 4) описаніе туземныхъ народовъ и изслѣдованіе ихъ языковъ, 5) памятники и другія древности и 6) вообще что встрѣтится замѣчательнаго. Палласъ говоритъ, что не лѣзя не удивляться тому, что сдѣлалъ Мессершмидтъ: однѣ наблюденія его надъ птицами составляютъ 18 томовъ in 8°. Къ-сожалѣнію, подробный дневникъ его путешествія не былъ изданъ. Мессершмидту сопутствовалъ въ этой экспедиціи, хотя впрочемъ недолго, Шведскій плѣнный *Таббертъ*, болѣе известный подъ именемъ *Штраленберга*: все суще-

ственное, заключающееся въ сочиненіи этого - послѣдняго о Сибири, есть плодъ тойже экспедиціи.

Что касается до *Беринга*, то приведа въ подлинникъ инструкцію, данную ему Петромъ за пять недѣль передъ смертью, г. Беръ по-справедливости относитъ къ царствованію Петра все, что этотъ знаменитый мореходецъ и его спутники совершили хотя и по кончинѣ Императора, но по его предначертаніямъ. Иностранныя карты, представлявшія совершенно ошибочно весь край на Востокъ отъ Охотска и Камчатки, были причиною, что въ Петербургъ не вѣрили открытіямъ первой экспедиціи Беринга, привезшей совершенно другія свѣдѣнія: это недовѣріе было отчасти поводомъ къ вторичной экспедиціи, сопряженной съ неимовѣрными трудностями и лишеніями и кончившейся смертью смѣлаго мореплавателя. Во время этой экспедиціи, произведена была, подъ главнымъ руководствомъ Беринга, опись всего сѣвернаго берега Сибири; Шпанбергъ и Вальпинъ изслѣдовали море къ Югу отъ Камчатки, и вступали въ сношеніе съ Японцами; самъ Берингъ доходилъ до Сибири, и на возвратномъ пути, не вдалекъ отъ Камчатки, умеръ на островѣ своего имени. «Слава Беринга», заключилъ г. Беръ, «была можно-сказать похоронена въ одно съ нимъ время, и не прежде, какъ чрезъ полстолѣтіе, воскрешена знаменитымъ Кукомъ. Нынѣ Русское Географическое Общество не обязано-ли памятникомъ этому великому мореходцу, которому досталась въ удѣлъ трудная задача: совершить, въ самомъ началѣ существованія Русскаго Флота, географическое изслѣдованіе, обширнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ; и не присоединится-ли къ Обществу, въ этомъ случаѣ, и Россійско-Американская Компанія, извлекающая всѣ выгоды свои изъ того моря, которое открылъ Берингъ?» —

Общество, выслушавъ со вниманіемъ эту любопытную статью, изъявило г. Беру искреннюю признательность за обогащеніе исторіи географіи столь примѣчательнымъ трудомъ, приобщающимъ славу ея успѣховъ къ безсмертной славѣ величайшаго изъ Монарховъ.

— Избраны въ Дѣйствительные Члены Р. Г. О.: *А. И. Вольфъ*, *Ф. В. Гроздовъ*, *А. П. Ефремовъ*, *И. В. Ивановскій*, *М. П. Розбергъ*, *А. Я. Стобеусъ* и Графъ *Д. Н. Толстой*.

4 февраля. — Присутствовало 82 Члена.

— Въ перечнѣ занятій за прошлый мѣсяцъ упомянуто, что на дняхъ приступлено къ печатанію третьей книжки Записокъ Общества, редакцію коей принялъ на себя Д. Ч. О. *К. С. Веселовскій*. Въ книжкѣ этой будутъ заключаться: 1) отчетъ Р. Г. О. за 18⁴⁶/₄₇ годъ; 2) статья Д. Ч. О. *П. А. Чихачева* «объ изслѣдованіи вершинъ Сыръ-и Аму-Дарьи», съ картой; 3) статья Д. Ч. О. *К. С. Веселовскаго* «о недвижимыхъ имуществѣхъ въ Петербургѣ»; 4) пред-

ставленіе особой Коммисіи Отдѣленія Статистики Р. Г. О. о присужденіи въ 1847 году Жуковской преміи; 5) письмо къ Д. Ч. О. *П. И. Кеппену* отъ Венгерскаго путешественника *А. Регули*, содержащее объясненіе карты Урала, составленной г. Регули для Р. Г. О.; 6) краткое описаніе Коканскаго Ханства въ 1841 году, съ картой Кокана, полученное отъ Д. Ч. О. Князя *И. Д. Горчакова*; 7) статья Д. Ч. О. *В. Я. Струве* «о путешествіи въ Сибирь астронома Іосифа Делиля въ 1740 году»; 8) статья Д. Ч. О. *К. М. Бера* «о заслугахъ, оказанныхъ Петромъ Великимъ по части распространенія географическихъ свѣдѣній»; 9) продолженіе списка книгъ, картъ, плановъ и рукописей Библіотеки Общества. Для четвертой и пятой книжки Записокъ имѣются также многія статьи, полученные отъ гг. сочленовъ.

— Прочтено извлеченіе изъ письма Д. Ч. О. *Н. В. Ханыкова*, писаннаго къ Секретарю Общества изъ Тифлиса отъ 12 января текущаго года, въ коемъ содержатся слѣдующія любопытныя извѣстія:

«Географическая дѣятельность наша», пишетъ г. Ханыковъ, «сосредоточена въ Отдѣленіи Генеральнаго Штаба, которое издало прекрасную карту Кавказа въ десяти-верстномъ масштабѣ, и скоро издастъ подробную карту окрестностей Тифлиса. Кромѣ того, Триангуляціонный Отрядъ, въ первый, какъ извѣстно самый трудный годъ своихъ работъ, совершилъ весьма многое; а именно: измѣривъ на *Шамхорской* плоскости, подлѣ *Елисаветполя*, десяти-верстный базисъ, окружилъ *Гокчайское* озеро и далѣе все пространство оттуда до *Аллагѣза* и *Цалки* сѣтью треугольниковъ, а съ другой, сѣверной стороны, на долинѣ *Алазани* и *Куры* подошелъ къ *Тифлису*; чрезъ что положено прочное основаніе картѣ Закавказскаго-Края и пріобрѣтены вѣрныя числа о высотѣ надъ моремъ болѣе двухъ-сотъ первоклассныхъ промежуточныхъ пунктовъ. Въ то же время, Начальникъ Триангуляціи, *О. И. Ходзько*, не упускалъ дѣлать наблюденія надъ температурой, вѣсомъ и сыростью воздуха, надъ быстротой теченія рѣкъ, свойствами земли посѣщаемыхъ имъ мѣстъ, и т. д.; почему можно надѣяться, что и физическія науки останутся не безъ выигрыша отъ этого важнаго для здѣшняго края предпріятія.»

«Другое ученое событіе, долженствующее имѣть также весьма интересныя послѣдствія для физической географіи края, есть посѣщеніе *Южнаго-Дагестана* Профессоромъ *Абихомъ*. Онъ уже въ началѣ прошлаго года, соображая наблюденія свои о разрѣзѣ центральнаго-хребта въ *Сванетіи*, на *Горной-Грузинской* дорогѣ и въ *Кахетіи*, съ имѣвшимися здѣсь съемками, выразилъ, въ «Бюллетенѣ Императорской Академіи Наукъ», мнѣніе свое объ орографіи *Дагестана*; но теперь, конечно, виды его на этотъ предметъ, послѣ личнаго обзора мѣстностей, должны измѣниться: результаты новыхъ своихъ наблюденій онъ намѣренъ въ скоромъ времени сдѣлать извѣстными въ статьѣ, изготовляемой для газеты «Кав-

казъ». Засимъ г. Абихъ посѣтилъ тѣ части *Мусульманскихъ-Провинцій*, которыя онъ не успѣлъ обозрѣть въ прежнихъ поѣздкахъ, и, перейдя въ *Персію*, доѣзжалъ до *Савалана*, который однако не могъ измѣрить по внезапно наступившей зимѣ; такимъ образомъ онъ дополнилъ свои наблюденія о горахъ *Карабага*, восточныхъ предгорьяхъ центральнаго хребта и всемъ юго-западномъ побережью *Каспійскаго-Моря*. Для метеорологіи поѣздка его также осталась не безъ результатовъ: отчасти собственными средствами, отчасти средствами данными отъ казны, онъ устроилъ метеорологическія обсерваторіи въ *Эривани*, *Баку*, *Кутаисъ* и *Редутъ-Кале*, такъ-что соединяя этѣ наблюденія съ выводами здѣшней метеорологической и магнитной обсерваторіи, можно будетъ съ точностью говорить о климатѣ Кавказскаго-Перешейка и — что еще важнѣе — ясно опредѣлить вліяніе на него Азіатскаго материка къ Востоку отъ Каспійскаго-Моря, горныхъ площадей Ирана и Малой-Азіи и наконецъ материка Европейскаго.

«Третье ученое предпріятіе, хотя уже гораздо болѣе спеціальное, есть ботаническая поѣздка Доктора *Буле* въ *Арменію* и *Персію*. Выѣхавъ изъ *Тифлиса* въ апрѣль, этотъ ученый странствователь воспользовался позднимъ наступленіемъ тепла въ прошломъ 1847 году, чтобы съ пользою для ботаники посѣтить долины *Арменіи* до *Нахичевани* включительно, гдѣ ему удалось застать въ цвѣту многія растенія, извѣстныя его предшественникамъ только по сѣменамъ, или экземплярамъ высушеннымъ тамошнимъ палящимъ солнцемъ. Оттуда переехалъ онъ въ *Адербеиджанъ*, гдѣ посвятилъ нѣсколько недѣль изученію флоры окрестностей *Тавриса*, а потѣмъ, чрезъ *Ардебиль*, проѣхалъ въ *Мазандеранъ*, посѣтилъ *Талышъ*, и нынѣ находится въ *Тегеранѣ*.

«Наконецъ, четвертое предпріятіе въ пользу науки, есть археологическое странствованіе г. Академика *Броссе*. Начавъ съ обозрѣнія *Михета*, древней первопрестольной столицы *Грузіи*, онъ посѣтилъ *Сперную-Кахетію* и *Тушетію*, и потѣмъ снова осмотрѣлъ *Михетъ* и его окрестности. Затѣмъ отправился онъ въ *Ахалцыхъ*, гдѣ собралъ богатую жатву неизвѣстныхъ доселѣ памятниковъ древностей Грузинскихъ: между-прочимъ, въ *Зорзмѣ*, двѣ надписи XI вѣка, изъ коихъ одна упоминаетъ объ экспедиціи Грузинъ противъ Византійскаго Воеводы Склироса, предпринятой ими въ 976 году по Р. Х., при Великомъ Куропалатѣ Давидѣ, во время юности Императора Василія II, и замѣчательной тѣмъ, что добыча ея употреблена была на сооруженіе Грузинскаго-Подворья на Аѳонской-Горѣ. Воротаясь оттуда, въ *Тифлисъ*, г. Броссе занимался разработкою архива тамошней Синодальной Конторы, приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ имъ матеріаловъ и собираніемъ свѣдѣній о языкѣ *Тушинскомъ*, которыя несомнѣнно прольютъ новый свѣтъ на эту одну изъ отраслей многовѣтвистаго, если можно такъ выразиться, семейства языковъ Кавказ-

скихъ. Теперь поѣхалъ онъ въ *Эчміадзинъ*, для разбора тамошней богатой библіотеки рукописей Армянскихъ.»

— Д. Ч. О. П. И. *Кеппенъ* представилъ въ корректурѣ всѣ четыре листа изготовляемой имъ «этнографической карты Европейской Россіи», раскрашенные по гравированнымъ контурамъ, но еще безъ подписей. Приэтомъ г. Кеппенъ изложилъ: а) на какихъ основаніяхъ рисована эта карта; б) какъ собирались свѣдѣнія объ инородцахъ Европейской Россіи, и потомъ наносились на карты для составленія этнографическаго атласа, а послѣ въ меньшемъ размѣрѣ на составляемую карту; в) какая принята система (классификація) при общемъ обзорѣ разноплеменныхъ народовъ; г) какъ велико, по собраннымъ донынѣ свѣдѣніямъ, число душъ каждаго народа, по послѣдней (осьмой) ревизіи 1834 года; наконецъ д) въ чемъ будетъ состоять придаточный текстъ къ этнографической картѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представлено имъ вниманію Общества: а) что въ настоящее время нужно-бы обследовать въ Европейской Россіи народъ всего менѣе извѣстный: такъ-называемыхъ *Бессерменъ* въ Вятской губерніи; б) что полезно-бы было приступить къ исполненію сдѣланнаго уже имъ г. Кеппеномъ въ Императорской Академіи Наукъ, а въ Р. Г. О. Начальникомъ Этнографическаго Отдѣленія *К. М. Беромъ*, предложенія о точнѣйшемъ изслѣдованіи *Финновъ*, обитающихъ въ С.-Петербургской губерніи; причемъ, въ отношеніи къ этому послѣднему предмету, онъ г. Кеппенъ предъявилъ Обществу, въ корректурѣ, экземпляръ изготовляемой имъ для Императорской Академіи Наукъ «этнографической карты С.-Петербургской» губерніи; наконецъ в) что желательно-бы было о каждомъ народѣ отдѣльно собрать и издать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя встрѣчаются въ лѣтописяхъ, въ древнихъ граматахъ и въ Полномъ Собраніи Законовъ: въ пользу и возможности чего онъ г. Кеппенъ убѣдился преимущественно при подготовленіи матеріаловъ для пояснительнаго текста къ сказанной этнографической картѣ С.-Петербургской губерніи.

— Д. Ч. О. А. И. *Савичъ* прочелъ извлеченіе изъ разсказа Кайсака *Кентая Бедешева*, бывшаго въ плѣну у *Кара-Киргизовъ*.

«Многія изъ странъ Внутренней - Азіи», сказалъ приэтомъ г. Савичъ, «такъ мало знакомы намъ, что для насъ любопытны даже и отрывочныя свѣдѣнія, доставляемыя случайно людьми, хотя и необразованными, номышленными. Къ числу такихъ людей можно причислить Кайсака *Кентая Бедешева*. Онъ принадлежитъ къ племени Киргизовъ, кочующихъ близъ Сибирской-Линіи. При красивой наружности, одаренный хитрымъ умомъ, онъ испыталъ много разныхъ приключеній. Съ товарами, и промышляя извозомъ, былъ онъ въ *Ташкендѣ*, *Коканѣ*, *Хивѣ* и *Бухарѣ*, гдѣ двумъ плѣнникамъ Русскимъ способствовалъ къ бѣгству оттуда. Наконецъ, самъ лично былъ въ плѣну у *Кара-Киргизовъ*.»

Вотъ какія, между-прочимъ, свѣдѣнія Кентай сообщаетъ объ этомъ народѣ и обитаемомъ имъ краѣ:

«Лѣтъ двадцать тому назадъ, *Кара-Киргизы* жили во враждѣ со всѣми сосѣдями, да и теперь вѣроятно дѣлаютъ тоже; захватываютъ въ плѣнъ кого удастся, безъ различія вѣры и племени. Впрочемъ живутъ они и кочуютъ такъже, какъ и Кайсаки. *Кара-Киргизы* (*Черные-Киргизы*) вообще высокаго роста, сильны; глаза ихъ нѣсколько напоминаютъ калмыцкіе, но лицо имѣетъ другой окладъ. Хотя они мусульмане, но дѣвицы у нихъ весьма незастѣнчивы. *Кара-Киргизы* говорятъ языкомъ татарскаго нарѣчія, довольно сходнаго съ нарѣчіемъ *Тобольскихъ Татаръ*. Они раздѣляются на многія племена, и живутъ около неприступныхъ горъ *Ала-Тау*, которыхъ вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Лѣтомъ разбойничаютъ, и уходятъ въ горы; зимою же, когда голодъ заставляетъ ихъ выходить изъ ущелій, посылаютъ пословъ къ *Ташкендцамъ* и объявляютъ имъ свою покорность: но, вмѣсто покровительства, тогда-то *Ташкендцы* наиболѣе ихъ грабятъ.

«Горы *Ала-Тау* лежатъ между *Ташкендомъ* — съ одной, и *Кашгаромъ*, *Гульджею* и *Чугучакомъ* — съ другой стороны. Изъ горъ вытекаютъ: рѣки *Чирчакъ*, *Таласъ* и *Чу*. Есть и лѣса по горамъ.

«Въ послѣднее время *Кара-Киргизы* присмирѣли. Нѣкоторые изъ нихъ платятъ дань *Ташкендцамъ*, а другіе Китайскимъ воеводамъ городовъ *Кашгара* и *Гульджи*. Они, бѣльшею-частью, называютъ себя *Ала-тау-Киргизами*, или просто *Киргизами*; всѣ хорошіе наѣздники, и лошади ихъ хотя мелки, но привычны къ ѣздѣ по горамъ. Впрочемъ, вообще-сказать, народъ бѣдный: ходятъ безъ сапоговъ, обвертывая ноги только кожею. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ сабель и луковъ; копья у нихъ рѣдки; тогда-какъ у *Киргизъ-Кайсаковъ* копье есть у всякаго, а сабля, лукъ и стрѣлы составляютъ рѣдкость.

«Китайскій городокъ *Чугучакъ* нѣсколько болѣе *Оренбурга*. Дома въ немъ глиняные, но чистые; улицы широкія и опрятныя, какъ въ Русскихъ городахъ. Китайская недовѣрчивость и здѣсь является въ полной силѣ: иностранцамъ не позволяютъ ходить по городу, но вводятъ ихъ прямо въ караванъ-сарай, и оттуда, чрезъ нѣсколько дней, выпроваживаютъ въ обратный путь.»

— Избраны въ Дѣйствительные Члены Р. Г. О.: *Н. П. Акуловъ*, Князь *П. Р. Багратионъ*, *А. А. Бухгольцъ*, Князь *А. И. Васильчиковъ*, *С. М. Жуковский*, *В. И. Заринъ*, *К. А. Злобинъ*, Князь *И. -М. Горчаковъ*, *А. П. Карцовъ*, *В. П. Кириловъ*, *П. А. Кузьминъ*, *К. К. Лидерсъ*, *П. А. Мартыновъ*, *В. М. Муравьевъ*, *П. Н. Мясновъ*, *П. П. Никитскій*, *Е. К. Огородниковъ*, *В. И. Панаевъ*, *В. М. Романовичъ*, *М. О. Сабиръ*, Графъ *В. А. Сологубъ*, Графъ *И. П. Толстой*, Графъ *А. С. Уваровъ*, *К. В. Фрейгангъ*, *Д. В. Хвостовъ*, *А. А. Хромицовъ* и *Н. И. Шенигъ*.

3 марта. — Присутствовало 82 Члена.

— Сообщено о полученных, со времени послѣдняго Собранія, въ подарокъ Обществу книгахъ и статьяхъ.

— Читаны слѣдующія извлеченія изъ журналовъ Совѣта Общества:

1. Такъ какъ въ февралѣ текущаго года всѣ оставшіеся экземпляры первой и второй книжекъ Записокъ Общества распроданы, а между-тѣмъ непрерывно получаютъ требованія на эти книги, какъ отъ Петербургскихъ жителей, такъ и отъ иногородныхъ, то Совѣтъ опредѣлилъ напечатать ихъ вторымъ изданіемъ въ числѣ 600 экземпляровъ. Къ этому и будетъ приступлено немедленно.

2. Въ Собраніи Общества, бывшемъ 7 мая 1847 года, Д. Ч. О. В. С. Порошинъ читалъ статью «о средствахъ къ опредѣленію климата» (въ послѣдствіи напечатанную во второй книжкѣ З. О.), гдѣ излагалось, что, независимо отъ измѣненій барометра и термометра, есть много другихъ явленій, изъ которыхъ также можно сдѣлать выводы о разности климатовъ, какъ-то: время посѣва, всхода, цвѣтенія и жатвы разныхъ хлѣбовъ, распространеніе до нѣкоторыхъ предѣловъ разныхъ породъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ, также различныхъ растений, многіе обычаи народные, основанные на разности климата, и т. д.; изъ чего и выведено было заключеніе, что весьма полезно было-бы Обществу, чрезъ иногородныхъ сочленовъ и другихъ просвѣщенныхъ споспѣшествователей, собрать о подобныхъ явленіяхъ нужныя свѣдѣнія. Для дальнѣйшаго развитія заключающихся въ этой статьѣ предположеній учреждена была особая Коммиссія изъ гг. ДД. ЧЧ.: Э. Х. Ленца, В. С. Порошина и И. О. Шиховскаго. Эта Коммиссія составила для наблюдателей рядъ вопросовъ и наставленіе къ собиранію свѣдѣній: что все теперь, согласно предположенію Коммиссіи, напечатано въ числѣ 12,000 экземпляровъ и будетъ разослано разнымъ лицамъ, живущимъ въ губерніяхъ, съ просьбой доставлять Обществу свѣдѣнія, въ сказанныхъ вопросахъ и наставленіи означенныя. Судя по многимъ сообщеніямъ, которыя Общество получаетъ изъ губерній въ отвѣтъ на свои приглашенія и вызовы, можно надѣяться, что и эта просьба не будетъ оставлена безъ вниманія всѣми ревнителями науки и ея успѣховъ.

3. Въ засѣданіяхъ своихъ, бывшихъ въ январѣ и февралѣ нынѣшняго года, Совѣтъ разсуждалъ, что Записки Общества, состоя исключительно изъ статей, получаемыхъ отъ гг. Членовъ въ разное время, и выходя поэтому не въ опредѣленные сроки, но по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, не могутъ сообщать своевременно ни извѣстій о трудахъ Общества, ни вообще текущихъ извѣстій и новостей по предметамъ его занятій, и что, въ слѣдствіе того, многіе сочлены неоднократно изъявляли желаніе, чтобы, кромѣ Записокъ, Общество издавало особыя къ нимъ прибавленія, которыя, являясь одинъ или два раза въ мѣсяцъ,

заключали - бы въ себѣ: а) свѣдѣнія о занятіяхъ Р. Г. О. въ составѣ его Общихъ Собраній, Совѣта, Отдѣленій и особыхъ Коммиссій, также объ отдѣльныхъ трудахъ гг. Членовъ по тѣмъ предметамъ, кои относятся къ цѣли Общества; б) извѣстія о трудахъ иностранныхъ ученыхъ обществъ: географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ; в) разные географическія новости, отечественныя и заграничныя; какъ-то: краткія извѣстія о новыхъ открытіяхъ, о предпринимаемыхъ путешествіяхъ, снаряжаемыхъ цѣлыхъ экспедиціяхъ, равно о ходѣ, окончаніи и послѣдствіяхъ предпріятій уже начатыхъ, и т. п.; г) краткія библиографическія замѣтки о картахъ, книгахъ и всякихъ другихъ изданіяхъ по предмету географіи, статистики и этнографіи. Польза такого изданія была признана единогласно въ Совѣтѣ; на приведеніе его въ исполненіе по части матеріальной, то-есть на печатаніе и бумагу, издержки не представлялись значительными: но главное затрудненіе состояло въ приисканіи Редактора, который своими познаніями и опытностью обезпечивалъ-бы успѣхъ изданія и притомъ не потребовалъ-бы за то денежнаго вознагражденія, котораго въ настоящее время, при множествѣ другихъ ученыхъ предпріятій, Общество не можетъ назначить. При семъ случаѣ, Дѣйствительный Членъ и Членъ Совѣта Общества, *Н. И. Надеждинъ*, объявилъ, что если все затрудненіе къ осуществленію столь полезнаго предпріятія состоитъ въ неимѣніи Редактора, то онъ готовъ, на сей первый разъ, принять на себя редакцію предполагаемыхъ прибавленій къ З. О., съ тѣмъ чтобы со-стороны прочихъ сочленовъ, въ особенности гг. Управляющихъ Отдѣленіями Общества, обѣщано было ему постоянное содѣйствіе въ доставленіи своевременно нужныхъ по программѣ изданія матеріаловъ. Въ слѣдствіе того, Совѣтъ опредѣлилъ: съ нынѣшняго-же марта мѣсяца, начать изданіе особыхъ Прибавленій къ Запискамъ Общества, подъ заглавіемъ: «Географическія Извѣстія, выдаваемые отъ Р. Г. О.»; цѣну-же каждому ихъ выпуску (объемомъ отъ 1 до 2 и болѣе печатныхъ листовъ, смотря по обилію матеріаловъ) назначить 20 к. сер. (а за весь текущій годъ, буде кто пожелаетъ внести единовременно — 1 р. 50 к. сер.), включительно съ доставкой на домъ въ С.-Петербургъ и съ пересылкой въ другіе города. Выслушавъ это извѣщеніе, Общество изъявило единогласно сочлену своему, *Н. И. Надеждину*, искреннюю признательность за его безкорыстно-усердный вызовъ, которому столь полезное предпріятіе обязано своимъ осуществленіемъ; а г. Помощникъ Предсѣдателя пригласилъ всѣхъ гг. Членовъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе сообщеніемъ Секретарю Общества, или самому г. *Надеждину* (живущему Московской части въ Свѣчномъ переулкѣ въ домѣ Турчанинова) всего того, что, по изложенной программѣ, могло-бы войти въ составъ предпринятаго изданія. Въ особенности желательно, чтобы гг. иногородные сочлены съ своей стороны оказали приэтомъ дружное, радуш-

ное сочувствіе и содѣйствіе, такъ - чтобъ настоящее изданіе сдѣлалось постоянною связью между ихъ трудами и тѣмъ, что дѣлается въ С.-Петербургѣ для пользы науки. Отъ нихъ зависитъ, чтобы листки «Географическихъ Извѣстій» сообщали ежемѣсячно подробные отчеты о всѣхъ географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ работахъ, производящихся во всѣхъ концахъ нашего обширнаго Отечества. При подобномъ содержаніи, онѣ конечно не замедлили-бы получить высокую степень занимательности не только въ Россіи, но и за границей, и современемъ могли-бы составить краткую лѣтопись хода и успѣха Географическихъ Наукъ. Каждое предпріятіе въ началѣ представляетъ наиболѣе трудностей; а потому, въ настоящее время, для успѣха всего нужнѣе общее въ общемъ дѣлѣ участіе.

—Прочтенъ краткій отчетъ Начальника Уральской Экспедиціи Д. Ч. О. *Э. К. Гофмана* о дѣйствіяхъ экспедиціи въ прошломъ 1847 году. Отчетъ этотъ, въ сжатомъ очеркѣ, соединилъ всѣ тѣ извѣстія, которыя читались въ прежнихъ Собраніяхъ Общества, и потѣмъ печатались въ Вѣдомостяхъ, по мѣрѣ ихъ полученія.

— Избраны: а) въ Дѣйствительные Члены Р. Г. О.: *А. И. Бутаковъ*, *П. Д. Бутурлинъ*, Графъ *М. Ю. Віельгорскій*, *Н. П. Васьковъ*, *О. Н. Константиновъ*, *Ф. Д. Кемпцъ*, *А. Д. Кривцовъ*, *Н. С. Лебедевъ*, Князь *Александръ В. Оболенскій*, Князь *Алексѣй В. Оболенскій*, *Н. Д. Озерскій*, *А. П. Очкинъ*, *Д. М. Стояновичъ* и *В. И. Тимковскій*; б) въ Члены-Корреспонденты Р. Г. О.: гг. *Ботанъ-Бопре* и *Дюперре*.

Совѣтъ Р. Г. О. имѣлъ засѣданія свои: 7 и 28 января, 11 и 25 февраля и 17 марта. Кромѣ обыкновеннаго текущаго дѣлопроизводства, онѣ занимался изготовленіемъ инструкцій для будущихъ дѣйствій Уральской Экспедиціи, члены которой, гг. *Гофманъ* и *Стражевскій*, должны отправиться изъ Петербурга въ подлежащій имъ путь 5 апрѣля.

ИНОСТРАННЫЯ УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

— КОРОЛЕВСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЛОНДОНСКОЕ. — Съ началомъ текущаго года, это Общество имѣло свое собраніе 10 января, подѣ председательствомъ г. *Гамильтона*. Тутъ г. *Садлеръ* читалъ дневникъ путешествія своего по *Новой-Зеландіи*, куда онъ былъ посланъ за грузомъ такъ-называемаго «корейскаго» мачтоваго лѣса для Велико-Британскаго Королевскаго Флота. Дневникъ этотъ, писанный назадъ тому восемь лѣтъ, главнымъ образомъ состоитъ изъ подробнаго описанія «корейскаго дере-

ва» (cowhee), о которомъ, между-прочимъ, наблюдено, что оно растеть только въ сѣверной части Новой-Зеландіи, да и тамъ встрѣчается теперь уже скудно, по причинѣ сильныхъ пожаровъ, истребившихъ прежніе огромные лѣса; вообще-же, въ ростѣ рѣдко достигаетъ вышины болѣе 40 футовъ, и легко подвергается гнилости. Приэтомъ г. Садлеръ весьма неблагопріятнымъ образомъ отзывался о свойствахъ туземцевъ Ново-Зеландскихъ; но находившійся тутъже въ собраніи г. *Жокетъ* (*Jucket*), который провелъ въ Новой-Зеландіи послѣднія шесть лѣтъ, объявилъ, что онъ имѣеть причины быть совсѣмъ другаго мнѣнія объ этомъ предметѣ, и разсказалъ многіе случаи, доказывающіе быстрые успѣхи образованности у Ново-Зеландцевъ.

— ПАРИЖСКОЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ. — Въ этомъ Обществѣ, въ послѣднемъ засѣданіи прошлаго 1847 года, держанномъ 24 декабря, подѣ председательствомъ г. *Ленормана*, происходило разсужденіе по поводу статьи нашего соотечественника и сочлена *А. О. Миддендорфа* «о Самоѣдахъ»: той самой, которую авторъ читалъ прежде въ Р. Г. О. (въ собраніи 5 марта 1847), потѣмъ напечаталъ въ нѣмецкихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1847, NN^{оо} 77 и 78), а теперь, при особомъ письмѣ, препроводилъ въ Парижское Э. О.

Этнологовъ Парижскихъ въ-особенности заняло въ этой статьѣ примѣчаніе, сдѣланное г. Миддендорфомъ, что «у народовъ кочующихъ, при смѣси породъ, метисы воспроизводятъ въ себѣ исключительно характеръ только отца или матери, тогда какъ у образованныхъ народовъ они вообще удерживаютъ совмѣстно черты обоихъ родителей, то-есть и отца и матери, такъ-что дѣлаются посредствующими звеньями между двухъ цѣпей». Секретарь Общества, г. *д'Эйхталь*, обративъ вниманіе сочленовъ на это примѣчаніе, съ своей стороны присовокупилъ, что оно кажется ему подтверждающимъ тотъ общій законъ, который г. *Вильямъ Эдвардсъ* доказалъ въ-отношеніи къ человѣку, а г. *Жофруа Сент-Илеръ* вообще относительно всѣхъ видовъ животныхъ; а именно: что при смѣси двухъ очень между собою различныхъ породъ, метисы представляютъ въ себѣ среднее выраженіе типовъ, принадлежащихъ родителямъ; при смѣси-же породъ близкихъ, въ нихъ воспроизводится одинъ изъ который-нибудь изъ двухъ типовъ, раздѣльно, безъ смѣшенія. На это г. *Мильнъ Эдвардсъ* замѣтилъ, что, по его мнѣнію, примѣчаніе, сдѣланное по этому предмету братомъ его, не лзя еще въ строгомъ смыслѣ называть закономъ; чтожъ касается до замѣчанія г. Миддендорфа на-счетъ помѣсей у кочующихъ племенъ, то можетъ статься, что на усмотрѣнные имъ факты имѣло вліяніе какое-нибудь особенное обстоятельство, на-примѣръ большое различіе, которое у подобныхъ племенъ существуетъ въ образѣ жизни мужчины и женщины. Тутъ завязался споръ между гг. *А.*

д' Орбиньи, Дюмутье и Тройе, указывавшими на весьма неравныя отношенія сродства между полами, по различію племенъ, мѣстностей и климатовъ. Какъ на особенно замѣчательный примѣръ разницы между чертами мужчины и женщины, г. *Ленорманъ* показалъ приѣтомъ на Эпиротскую или Албанскую породу, которую онъ самъ имѣлъ случай наблюдать въ Пелопонесѣ; тамъ образъ жизни женщинъ весьма мало отличается отъ образа жизни мужчинъ, а между-тѣмъ нигдѣ не видалъ онъ столько различія между чертами обоихъ половъ: въ женщинахъ сохраняется во всей красотѣ типъ Греческій, мужчины-же имѣютъ черты весьма отличныя, носъ слишкомъ-орлиный и вообще фizioномію не столь красивую; напротивъ-того, среди Франціи, во Франш-Конте, образованность, при всемъ разнообразіи своего вліянія, не могла измѣнить крайняго сродства между обоими полами: тамошнія женщины имѣютъ въ чертахъ своихъ всегда что-то мужское.

Засимъ, г. *Имберъ де Мотлетъ* перевелъ вниманіе собранія на другой предметъ, тоже по поводу труда г. Миддендорфа, сказавши, что онъ обследовалъ головы Лапландцевъ, и нашелъ ихъ ощутительно удаляющимися отъ типа Самоѣдскаго, который г. Миддендорфъ сближаетъ съ Финскимъ: по его мнѣнію, Самоѣды не гораздо-ли ближе къ Монголамъ? На это г. *Вивьенъ де Сен-Мартенъ* замѣтилъ, что у Лапландцевъ и Финновъ языкъ хотя и одинъ, но породы ихъ очень различны; въ одной старинной сагѣ, на которую ссылается Амперъ, символически излагается первобытное различіе трехъ породъ, вошедшихъ между-собой въ соприкосновеніе на Сѣверѣ, именно: Лапландцевъ, Финновъ и Готовъ; первая отличается черными волосами и малорослостью; вторая—рыжими волосами; третья, которая есть порода благородная, воинственная и завоевательная—яркой бѣлизной и бѣлокурыми волосами. Тогда г. *Курте де-ль-Иль* изъявилъ желаніе узнать, и узнать достоверно, черноволосая ли изъ этихъ породъ носить въ сагахъ названіе Готунговъ: такъ-какъ это необходимо нужно для объясненія прочихъ мѣстъ сагъ, относящихся къ Готунгамъ, которыхъ ученые причисляютъ къ породѣ Финской, не смотря на созвучіе имени ихъ съ Готами. Въ слѣдствіе того, по приглашенію Предсѣдателя, г. Вивьенъ обѣщалъ представить объ этомъ предметѣ особую записку, крайне притомъ сожалья, что г. Миддендорфъ, въ статьѣ своей, ничего не сказалъ ни о цвѣтѣ глазъ, ни о цвѣтѣ волосъ у наблюдаемаго имъ народа.

Остальная часть засѣданія посвящена была чтенію и преніямъ по предмету путешествія въ Южную-Австралію г. *Адольфа Дельгорга* (*A. Delegorgue*). Вниманіе Общества преимущественно сосредоточивалось на замѣченной путешественникомъ особенной толстотѣ черепа у Кафровъ. Говорили: гг. *Ленорманъ*, *О. Жакино*, *де-Лисбоа*, *Перринонъ*, *Бланденъ* и *Дюмутье*.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭКСПЕДИЦІИ.

— г. ЧИХАЧЕВЪ ВЪ МАЛОЙ-АЗІИ. — По извѣстіямъ изъ Константинополя, г. *Чихачевъ* (*Петръ Александровичъ*), соотечественникъ и сочленъ нашъ по Р. Г. О. въ концѣ истекшаго года, прибылъ на берега Босфора изъ путешествія по *Малой-Азій*, которую онъ съ 1846 года предположилъ подвергнуть систематическому обследованію.

На сей разъ, путешествіе г. Чихачева, продолжавшееся восемь мѣсяцевъ и сопровождавшееся множествомъ тяжкихъ лишеній и трудностей, простиралось на большую-часть пашалыковъ *Сивасскаго*, *Конійскаго* и *Айдынскаго*, заключающихъ въ себѣ древнюю *Каппадокію*, *Киликію*, *Исаврію*, *Ликию* и *Фригію*. Отважный путешественникъ не побоялся проникнуть съ своими изслѣдованіями даже къ фанатическимъ племенамъ *Эфшаровъ* и *Курдовъ*, занимающихъ страны, до сихъ поръ слишкомъ мало извѣстныя въ отношеніи къ наукамъ физическимъ. Съ особеннымъ тщаніемъ изучилъ онъ строеніе горы *Аргея*, у подошвы которой лежитъ нынѣшній *Кайсаріэ* (въ древности знаменитая *Кесарія-Каппадокійская*); и многочисленные обрашки, которые онъ оттуда вывезъ, вполне обнаруживаютъ вулканическую природу этой горы, столь же любопытной для геолога, какъ и для историка.

Но всего важнѣе, что г. Чихачевъ, одушевляемый высокою любовью къ наукѣ, кромѣ лично имъ самимъ употребляемыхъ усилій, озаботился, чтобы, и послѣ него, безъ него, начатое имъ дѣло продолжалось: для этого, на многихъ пунктахъ *Малой-Азій*, устроилъ онъ заведенія въ родѣ метеорологическихъ обсерваторій, и инструменты для нихъ, выписанные съ большими издержками изъ Парижа, передалъ такимъ изъ мѣстныхъ жителей, которыхъ призналъ способными пользоваться ими съ успѣхомъ. Услуга, оказанная чрезъ то наукѣ неоцѣненна; ибо до сихъ поръ ученый свѣтъ не имѣетъ никакого понятія о великихъ физическихъ явленіяхъ, совершающихся въ столь примѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ странѣ, какова *Малая-Азія*.

— ПУТЕШЕСТВІЕ ДЖОНА ЛИ ВЪ ЗАПАДНУЮ-АФРИКУ. — Извѣстный уже и прежде своими путешествіями, г. *Джонъ Ли* (*John Leigh*), недавно отправился въ другой разъ на западный берегъ Африки, съ намѣреніемъ пробраться изъ *Квиллоа* дальше внутрь материка. Ему, между прочимъ, ученый свѣтъ обязанъ уже открытіемъ и ближайшимъ изслѣдованіемъ одной рѣки въ сосѣдствѣ устья *Юба*. Онъ также сообщилъ Доктору Кули (*Cooley*) маршрутъ отъ *Занзибара* до озера *Ніасси*, и словарь языка *Совайлиевъ* (*Sowayli*), содержащій въ себѣ отъ 7 до 8,000 словъ.

— докторъ Шванеръ на островѣ Борнео. — Докторъ *Шванеръ* есть одинъ изъ Членовъ Нидерландской Коммисіи Естествоиспытателей, углубившійся для ученыхъ изслѣдованій во внутренность острова Борнео. По послѣднимъ полученнымъ объ немъ извѣстіямъ, къ сожалѣнію весьма короткимъ, онъ поднялся вверхъ по рѣкѣ *Барито*, почти до *Лутонг-тура*, близъ Экватора; откуда, повернувъ къ С.-В., проникнулъ во внутренность *Кутея*, и достигъ до *Лонгмераха*, близъ рѣки *Махакама*, подъ 1° 2' С. Ш. Съ другаго пункта тойже рѣки, называемаго *Муvara-Паку*, проникъ онъ на З. до *Пари*, и достигъ восточныхъ границъ провинціи *Метаиви*, принадлежащей къ внутреннимъ землямъ *Понтіанака*. Все это, до сихъ поръ, для географовъ скрывалось во мракѣ неизвѣстности, который безъ сомнѣнія разъяснится въ слѣдствіе наблюденій и открытій ученаго путешественника.

— плоды датской кругосвѣтной экспедиціи. — Этой экспедиціей, отправленной на Королевско-Датской корветѣ «*Галатея*», привезено описаніе *Никобарскихъ - Острововъ*, содержащее столь много въ ихъ пользу, что Е. В. Король Датскій рѣшилъ устроить на нихъ колоніи; въ слѣдствіе чего, два судна приготовлены уже для перевозки туда всѣхъ нужныхъ къ колонизаціи вещей. Самое-же описаніе, составленное Докторомъ *Ринкомъ*, натуралистомъ экспедиціи, вышло въ свѣтъ въ прошломъ году въ Копенгагенѣ.

— экспедиціи для отысканія капитана Франклина. — Тайнственная судьба сэра *Джона Франклина* занимаетъ теперь не только отечество его Англію, но и весь образованный міръ. Извѣстно, что этотъ отважный мореплаватель отправился, въ 1845 году, на двухъ корабляхъ съ 125 человѣками экипажа, для отысканія Сѣверо-Западнаго пути изъ Атлантическаго въ Великій Океанъ, и что съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ Баффиновъ-Заливъ, нѣтъ объ немъ никакого слуху. Такая безвѣстность, естественнымъ образомъ, возбудила всеобщія опасенія не только на счетъ успѣха экспедиціи, но даже касательно жизни плавателей. Англійское Адмиралтейство, въ-особенности, не могло оставаться къ тому равнодушнымъ, и съ самымъ похвальнымъ великодушіемъ рѣшилось, для отысканія пропавшихъ и, въ случаѣ нужды, для поданія имъ помощи, снарядить разомъ три экспедиціи, коимъ въ предположенный поискъ назначено итти тремя разными путями: первой — въ *Беринговъ-Проливъ*; второй — въ *Баффиновъ-Заливъ*; третьей (сухопутной) — по *Сѣверо-Американскому* материку, къ берегамъ *Полярнаго-Моря*.

Для первой изъ этихъ экспедицій снаряженъ былъ въ Ширнесѣ корабль Е. В. В. «*Plower*», подъ начальствомъ Лейтенанта *Мура*, снабженный всѣмъ, что только можетъ быть полезно для достиже-

нія предположенной цѣли. Онъ отправился въ путь 1 минувшаго января, съ тѣмъ чтобы нынѣшнею осенью притти въ *Беринговъ-Проливъ*, перезимовать тамъ въ *Зундъ-Коцебу*, или въ другомъ удобномъ мѣстѣ, и на будущій годъ весною разослать отряды для встрѣчи съ Франклиномъ. Отрядамъ этимъ предписано, проникнувъ чрезъ льды, вполне изслѣдовать море къ З. отъ рѣки *Маккензійевой*, и буде представится случай, то войти въ сношеніе съ двумя остальными экспедиціями.

Вторая экспедиція будетъ находится подъ командою извѣстнаго изслѣдователя и знатока полярныхъ морей, сэра *Джемса Кларка Росса*. Адмиралтейство нарочно для ней пріобрѣло два совершенно новые корабли, только что выстроенные, и снарядило ихъ сообразно цѣли предпріятія. Оно не жалѣло на это издержекъ, а старый морякъ Россъ истощилъ всю свою тридцатилѣтнюю опытность и знанія для приспособленія этихъ судовъ къ дальнему, опасному плаванію, на которое вызвался самъ съ неохладѣвшимъ отъ лѣтѣ жаромъ. Самыя имена судовъ выбраны весьма удачно, именно: «*Предпріятіе*» (*Enterprise*) и «*Искатель*» (*Investigator*). Первымъ будетъ командовать самъ Россъ, начальникъ экспедиціи; а второй поручается Капитану *Бэрду*, бывшему Первому-Лейтенанту Росса на корабль «*Эребъ*», во время путешествія ихъ къ Южному-Полюсу. Экспедиція эта нынѣшнею весною отправится въ *Баффиновъ-Заливъ*, и далѣе: тѣмъ самымъ путемъ, которымъ долженъ былъ итти Франклинъ, и которымъ шелъ Перри въ свое первое путешествіе чрезъ *Ланкастеръ-Зундъ*. Одно изъ судовъ проникнетъ до *Земли-Бэнкса*, и отсюда будетъ высылать развѣдочныя партіи, по всѣмъ направленіямъ. Другое остановится у *Ланкастеръ-Зунда*, или у сѣверной оконечности *Сѣвернаго-Сомерсета*, и оттолъ будетъ производить поиски и изслѣдованія, по направленіямъ къ С. и Ю. Если признается удобнымъ и полезнымъ, то одна изъ упомянутыхъ развѣдочныхъ партій постарается войти въ сношеніе съ третьей экспедиціей на рѣкѣ *Мѣдныхъ-Рудъ*.

Наконецъ, третьею, сухопутною экспедиціею, будетъ начальствовать другъ и бывшій спутникъ Франклина, сэръ *Джонъ Ричардсонъ*. Для этой цѣли, еще въ теченіе прошлаго лѣта, посланы къ *Гудсонову-Заливу* 20 человекъ экипажа, кои, по полученнымъ недавно въ Лондонѣ извѣстіямъ, благополучно достигли до *Йоркской-Факторіи*, и нынѣшнюю зиму должны были провести въ *Комберлендъ-Гоузъ*, или на рѣкѣ *Саскэчуэнъ*. Съ наступленіемъ весны, отправится самъ Ричардсонъ, съ прочими, которые должны провожать его; въ томъ числѣ съ извѣстнымъ путешественникомъ Докторомъ *Ра* (*Rae*), возвратившимся недавно изъ дальней арктической экспедиціи. Онъ поѣдетъ прямо въ Канаду, и оттуда, на легкихъ челнокахъ, пустится къ С.-З., по обыкновенному пути мѣховыхъ торговцевъ. Въ іюлѣ долженъ онъ будетъ на-

гнать лодки, отправленные туда прошлым лѣтомъ, и въ началѣ августа пустится на нихъ къ *Полярному - Морю*, запасшись достаточнымъ, а если возможно, то даже избыточнымъ количествомъ нужныхъ съѣстныхъ запасовъ. Онъ постарается обогнуть берегъ къ В. отъ рѣки *Маккензіевой*, и войти въ сношенія съ различными племенами Эскимосовъ, въ надеждѣ отобрать отъ нихъ какія-либо свѣдѣнія о пропавшихъ безъ вѣсти плователяхъ. Приэтомъ поручено ему подробно обозрѣть *Земли Уолластона* и *Викторіи*, и вообще стараться проникнуть, сколь возможно далѣе къ Сѣверу. На мысахъ, которые будутъ ему встрѣчаться, долженъ онъ воздвигать памятные знаки, закапывая у подножія ихъ записки о себѣ и о своихъ приключеніяхъ; когда-же позднее время года заставитъ прекратить поиски, то расположится зимовать близъ рѣки *Мѣдныхъ-Рудъ*, у *Большаго-Медвѣжьего* озера.

62/82
Общій голосъ въ Англіи, воздавая Адмиралтейству должную благодарность за труды и пожертвованія по этому предмету, выражаетъ надежду, основанную на убѣжденіи многихъ моряковъ, коротко знакомыхъ съ плаваніемъ по *Ледовитому - Океану* и съ намѣреніями Франклина, что пропавшая экспедиція не только воротится, но и съ полнымъ успѣхомъ, достигнувъ предположенной ею цели. Говорятъ, что если корабли Франклина, затертые льдомъ, остановились еще въ *Ланкастеръ-Зундѣ*, то возвращеніе его въ Англію должно воспослѣдовать очень скоро. Въ противномъ случаѣ, надо полагать, что ему въ первый-же годъ удалось пробраться къ Западу, и что онъ прошелъ уже *Беринговъ-Проливъ* еще въ минувшемъ октябрѣ; тогда слѣдовало-бы ожидать объ немъ извѣстій около настоящаго времени, черезъ Россію или черезъ *Панамскій-Перешеекъ*. Наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, еслибъ и нынѣшнюю зиму суждено было ему провести въ странахъ полярныхъ, то у него еще достаточно осталось провизіи, и потому нельзя терять надежды, что онъ нынѣшнимъ лѣтомъ пройдетъ *Беринговъ-Проливъ* и возвратится благополучно въ отечество.

Между тѣмъ, противъ плана всѣхъ трехъ означенныхъ экспедицій возстаетъ нѣкто Докторъ *Кингъ*, сопутствовавшій Капитану Баку въ экспедиціи для отысканія старшаго Росса въ 1834 году. Вотъ его возраженія противъ каждой: во-первыхъ — еслибъ Капитанъ Россъ, слѣдуя тѣмъ-же путемъ, что Франклинъ, и нашелъ-бы его, то будетъ вѣроятно самъ въ такой-же невозможности пройти далѣе, или воротиться назадъ, какъ и Франклинъ; во-вторыхъ — экспедиція чрезъ *Беринговъ-Проливъ* тогда только можетъ встрѣтить Франклина, когда онъ самъ пройдетъ уже такъ далеко къ Западу, что дальнѣйшему пути его ничто болѣе мѣшать не будетъ; наконецъ, въ-третьихъ — *Ричардсонъ*, если и удасться ему встрѣтить Франклина, не будетъ въ состояніи оказать ему никакой помощи по тому, что едва можетъ взять съ собой столько запасовъ,

чтобы самому съ партіей пропитаться. Такими доводами, въ которыхъ, при многихъ односторонностяхъ, есть однакожъ и много справедливаго, Кингъ старается доказать, что ни одна изъ вышесказанныхъ экспедицій не достигнетъ своей цѣли, и съ тѣмъ вмѣстѣ предлагаетъ четвертую, которою берется управлять самъ. По его мнѣнію, Франклина должно искать на западномъ берегу *Сѣвернаго-Сомерсета*; а главная помощь, въ которой онъ нуждается—съѣстные припасы. Въ этомъ предположеніи, планъ Кинга есть слѣдующій: «взять за исходный пунктъ экспедиціи вершину *Залива-Честерфильда*, куда впадаетъ большая рѣка, текущая отъ Сѣвера, завести на эту рѣку большой запасъ припасовъ, и производить оттуда развѣдки прямо на Сѣверъ, въ томъ направленіи, въ которомъ съ большею вѣроятностію можно надѣяться встрѣтить Франклина». Неизвѣстно, удалось-ли Кингу его настояніе. Впрочемъ должно замѣтить, что онъ съ самаго начала вооружался противъ экспедиціи Франклина, доказывалъ невозможность ея успѣха и предсказывалъ ей дурной конецъ.

— печальный конецъ религіозно-ученой экспедиціи во внутренность Африки.— Не одно море, какъ видно, упорно противится любознательности человѣческой, и заставляеть ее, время отъ времени, платить за отвагу тяжкими жертвами. Пока о Франклинѣ есть еще надежда, что онъ какъ-нибудь да съищется, другимъ подвижникамъ науки, странствовавшимъ по-суху, остается только посвятить дань скорбнаго воспоминанія. Въ прошломъ году, отправилось во внутренность Африки общество, состоящее изъ осьми Европейцевъ, съ цѣлію во-первыхъ религіозною— для проповѣдыванія дикимъ туземцамъ Евангелія, во-вторыхъ ученою— для наблюденія и изслѣдованія неизвѣстныхъ доселѣ странъ. Религіозной цѣли посвятили себя пять Римско-Католическихъ Священниковъ, въ главѣ коихъ находился Патеръ *Рыло*, извѣстный Іезуитъ, бывшій прежде Начальникомъ Пропаганды въ Римѣ, потѣмъ весьма дѣятельный на Ливанѣ. Другой участникъ предпріятія былъ Монс. *Кассолани*, Епископъ Маврокастрскій, котораго викаріатство есть обширѣйшее во всемъ свѣтѣ, ибо простирается въ ширину отъ Экватора до Средиземнаго-Моря, въ длину отъ Чернаго-Моря до Атлантическаго-Океана. Намѣреніе ихъ было: достигнуть *Картума*, и потѣмъ подняться по *Бѣлому-Нилу* вверхъ до 4° С. Ш.; тутъ, на предѣлѣ, дальше котораго не проникалъ еще ни одинъ Европеецъ, они предполагали основать постоянный миссіонерскій постъ, куда надѣялись дожидаться еще Отцовъ *Ноблика* и *Винка*, слѣдовавшихъ черезъ Тунисъ. Между собственно учеными спутниками экспедиціи находился Баронъ *І. В. фон-Миллеръ*, извѣстный своими путешествіями въ Алжиръ и Марокко; ему хотѣлось теперь возобновить старый свой планъ: пройти Среднюю-Африку во всю ея ширину, въ Ю.-З. направленіи. Все это кончилось тѣмъ, что путешественники, едва достигнувъ

Абиссиніи, попались въ руки туземнымъ разбойникамъ, которые умер-вили ихъ всѣхъ, изъ видовъ, какъ должно полагать, хищничества.

— вторичная экспедиція во внутренность Австраліи, подъ предводительствомъ доктора Лейхардта. — И это весьма важное для науки предпріятіе, задуманное въ обширныхъ размѣрахъ и по-види-мому обеспеченное всѣми нужными для успѣха средствами, къ-сожалѣнію должно было встрѣтить препятствія, коими остановлено почти при са-момъ началѣ исполненія. Распоряжавшій этимъ предпріятіемъ, извѣстный ученый и странствователь, Докторъ *Людвигъ Лейхардтъ*, не новичекъ въ дѣлѣ: въ продолженіе 1844—45 годовъ, онъ уже совершилъ весьма любопытное путешествіе по Австраліи отъ *Мортонъ-Бей* до *Портъ-Эс-сингтона*, дневникъ котораго въ прошломъ 1847 году вышелъ въ свѣтъ въ Лондонѣ. Теперь онъ намѣревался продолжать далее свои изслѣдованія и открытія; а именно: пройти Австральскій-Материкъ во всю длину его отъ В. къ З., простирающуюся по-крайней-мѣрѣ на 1,000 льё (болѣе 3,000 верстъ), на что предполагалъ и употребить не менѣе двухъ съ половиною льтъ. Чтобы снабдить его потребными къ тому способами, колонія Сиднейская собрала для него по подпискѣ 600 ф. с. (около 4,000 р. сер. на наши деньги), на которые онъ купилъ 12 лошадей и 13 му-ловъ для возки, да—въ числѣ нужныхъ жизненныхъ припасовъ—270 козъ, кои должны были слѣдовать за нимъ живыя; сверхъ-того получилъ въ подарокъ 3 мула, 2 лошади и 40 воловъ. Людей вызвалось съ нимъ въ путь двѣнадцать человекъ: шесть бѣлыхъ и шесть черныхъ; всѣ по собственной охотѣ, хотя очень хорошо знали, что имъ придется, два года или болѣе, питаться однимъ мясомъ и пить голой чай, ибо мукою и сахаромъ не лзя было запастись больше, какъ развѣ мѣсяцевъ на шесть, много на восемь. Такимъ образомъ, караванъ двинулся изъ Сиднея въ концѣ предпрошлаго 1846 года. Отъ 6 декабря этого года Лей-хардтъ прислалъ въ Германію, къ одному родственнику своему, прощаль-ное письмо, съ послѣдней колонизованной Европейцами станціи на за-падной границѣ *Дарлингъ-Доуна* (*Woolshed of Mr. Dennes Station Darling Downs*): тутъ онъ, между-прочимъ, извѣщалъ, что пред-полагаетъ сначала итти тѣмъже путемъ, которымъ шелъ прежде, въ направленіи на Ю. до 22° 44' Ш., а потѣмъ повернуть къ З.; при чемъ послѣднемъ не было и не могло быть у него никакого предвари-тельного плана, а все должно было зависѣть отъ присутствія во-ды, то-есть: гдѣ вода, тамъ и подвигаться впередъ по ея руковод-ству. Впрочемъ, была у него надежда встрѣтиться какъ-нибудь съ сэромъ *Томасомъ Митчелемъ*, котораго Колоніальное Прави-тельство отправило для точнѣйшихъ и подробнѣйшихъ топографи-ческихъ изслѣдованій вокругъ *Залива-Карпентаріа*, по указаніямъ пер-

ваго путешествія Лейхардта; отъ него могли быть получены полезныя свѣдѣнія, почему Лейхардтъ рѣшился не упускать изъ виду слѣдовъ, которыя должны были остаться отъ движенія повозокъ, сопровождающихъ Митчеля. Но Митчель, вскорѣ послѣ того, воротился въ Сидней, и привезъ весьма благопріятныя извѣстія объ успѣхахъ работъ, производившихся подъ его главнымъ надзоромъ: въ-особенности, относительно открытой имъ большой рѣки, впадающей въ *Заливъ-Карпентаріа*, которой онъ далъ имя *Викторіи*, и которая, при ближайшемъ дознаніи, оказалась совершенно способною сдѣлаться самымъ удобнымъ звеномъ прямого сообщенія между *Сиднеемъ* и сѣвернымъ берегомъ Австраліи къ З. отъ пролива *Торресъ*. Между-тѣмъ, о Лейхардтѣ, въ концѣ прошлаго года, пришло извѣстіе изъ Сиднея въ Лондонъ, что онъ едва только успѣлъ добраться до рѣки *Маккензіевой*, какъ между спутниками его обнаружилась жестокая лихорадка, принудившая его остановиться дальнѣйшимъ продолженіемъ путешествія. Бѣда эта по-видимому начинала проходить, такъ случилась новая, вовсе непредвидѣнная и крайне странная: животныя, сопровождавшія экспедицію, вдругъ неизвѣстно съ чего вздурились, и до того одичали, что не было никакой возможности поймать ихъ и привести въ порядокъ. Такимъ образомъ, продолжать предпринятое путешествіе оказалось и не съ чѣмъ и не на чемъ, такъ-что по-неволѣ приходится воротиться назадъ, къ крайнему прискорбію науки, имѣвшей всѣ причины ожидать отъ этого предпріятія самыхъ богатыхъ послѣдствій.

— ЭКСПЕДИЦІЯ ВНУТРЬ АФРИКИ СЪ ВОСТОКА, ПРЕДПРИНИМАЕМАЯ ИЗЪ БРИТАНСКОЙ ИНДІИ.—По новѣйшимъ извѣстіямъ, готовится въ Британской-Индіи экспедиція, обѣщающая важныя результаты для познанія восточной половины Центральной-Африки. Предположено сдѣлать опытъ подняться на пароходѣ вверхъ по рѣкѣ *Гочабъ* (или *Гошонъ*), вытекающей, въ королевствѣ *Инарія* (*Энареа*), изъ тѣхъ самыхъ горъ, на сѣверномъ и западномъ склонахъ которыхъ начинаются нѣкоторые изъ главнѣйшихъ притоковъ *Синяго* и *Бѣлаго-Нила*. Рѣка *Гочабъ* длиною теченія своего равняется Дунаю; въ небольшомъ разстояніи отъ истока своего, въ королевствѣ *Каффа*, она уже широка и судоходна. Экспедиція вѣряется г. *Паркеру*, бывшему офицеру Индійской Арміи, совершившему уже нѣсколько путешествій между дикими племенами Южной-Африки и ознакомившемуся съ ихъ нравами и обычаями. Ему дается на первый разъ небольшой, но быстрый пароходъ, съ отборнымъ грузомъ товаровъ, на которомъ ему предстоитъ совершить завидный подвигъ: открыть доступъ и занести благодать торговли и цивилизаціи въ одну изъ примѣчательнѣйшихъ странъ въ мірѣ, въ которой нога Европейца еще не бывала. Впрочемъ жители этой части Африки совсѣмъ не такъ дики,

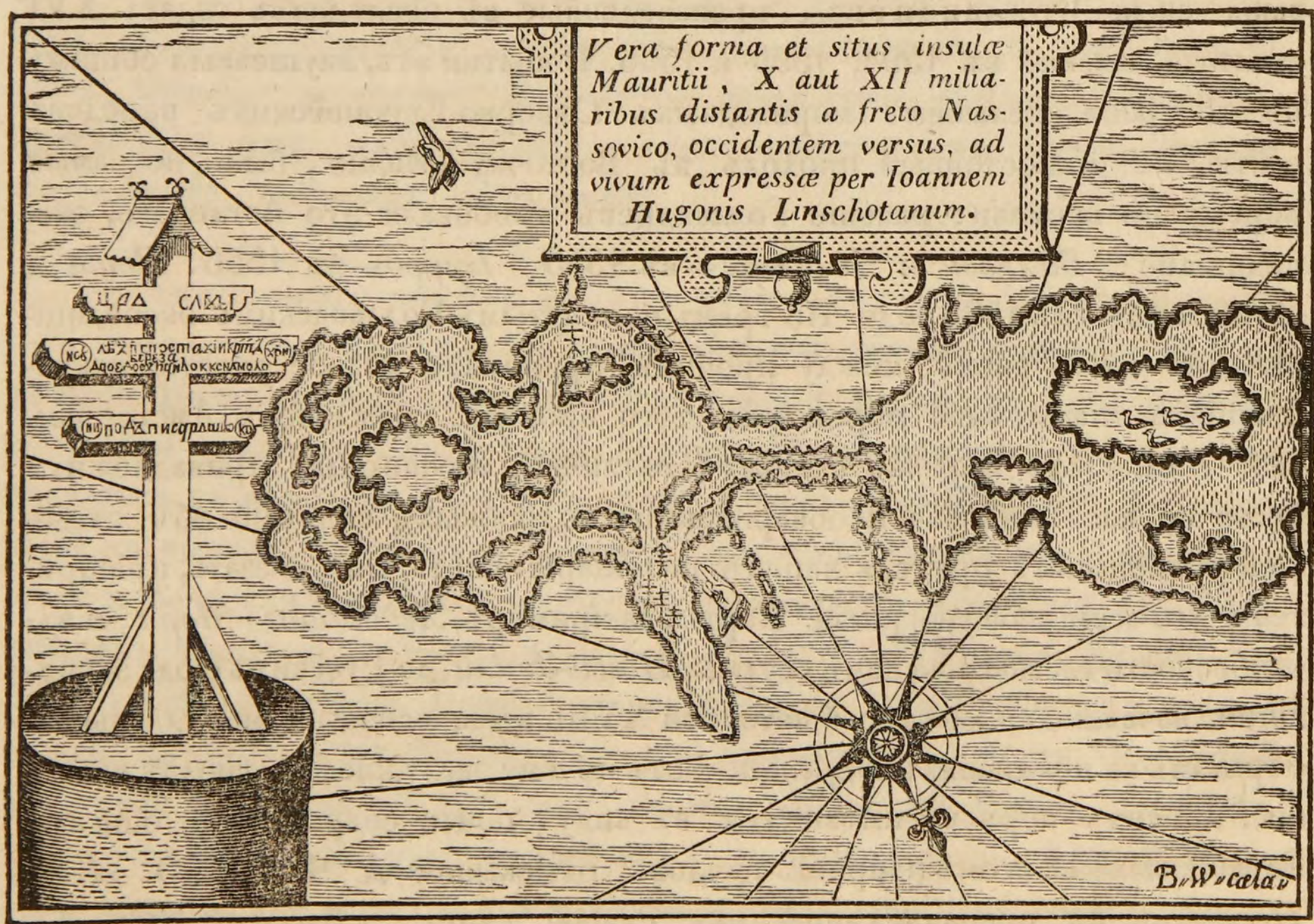
какъ мы привыкли думать. Англійскаго Флота Лейтенантъ *Кристоферъ* (*Christopher*), посѣщавшій въ 1844 году берега рѣки *Генсъ* (*Haines*), теряющейся въ пескахъ нѣсколько къ С. отъ устья *Гочаба*, описываетъ туземцевъ гостепріимными, добродушными и веселыми.

СМѢСЬ.

— СТАРИННОЕ ОПИСАНІЕ ТРЕХЪ ПЕРВЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ГОЛЛАНДЦЕВЪ КЪ РУССКИМЪ БЕРЕГАМЪ И ОСТРОВАМЪ ЛЕДОВИТАГО-МОРЕЯ, ВЪ КОНЦѢ XVI ВѢКА. — Помощникъ Предсѣдателя Р. Г. О., *Θ. П. Литке*, въ изданномъ имъ за двадцать предъ-симъ лѣтъ (1828) классическомъ описаніи «четырекратнаго путешествія въ Сѣверный Ледовитый Океанъ», имъже и совершеннаго въ 1821—24 годахъ, на военномъ бригѣ «*Новая-Земля*», по Высочайшему повелѣнію блаженной памяти Императора Александра I, всю первую вступительную главу посвятилъ «критическому обозрѣнію прежнихъ путешествій» въ этѣ страны, гдѣ, между-прочимъ, весьма обстоятельно изложилъ и три первые опыта плаванія сюда Голландцевъ, произведенные въ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія, именно въ 1594, 1595 и 1596. Попытки этѣ, внушенныя общимъ въ то время желаніемъ мореходныхъ Сѣверно-Европейскихъ народовъ найти Сѣверо-Восточный проходъ въ Восточную-Индію, были не самыя первыя по времени; раньше Голландцевъ пробовали это Англичане, экспедиціями: *Виллоби* и *Ченслера*—въ 1553, *Бурро*—въ 1556, *Пета* и *Джакмана*—въ 1580 году. Но тремъ помянутымъ Голландскимъ экспедиціямъ, въ коихъ всѣхъ, между прочими, принималъ личное участіе искуснѣйшій и опытнѣйшій мореходецъ того времени, гражданинъ Амстердамскій, *Вильгельмъ Баренцъ фан-дер-Схеллингъ*, неоспоримо принадлежитъ честь перваго собранія и обнародованія подробныхъ свѣдѣній объ этомъ гиперборейскомъ предѣлѣ нашего полушарія: честь, такъ-сказать, пріобрѣтенія его всемірной географіи. Карты, на-примѣръ, *Ледовитаго-Моря*, и въ особенности главнаго на немъ острова *Новой-Земли*, до Русскихъ сюда экспедицій, начавшихся со второй четверти XVIII вѣка, основывались главнымъ образомъ на показаніяхъ *Баренца*. Вотъ почему заслуживаетъ вполнѣ вниманія, до сихъ поръ не имѣвшееся въ виду, почти современное описаніе Баренцовыхъ на этомъ поприщѣ трудовъ, отысканное Д. Ч. Р. Г. О. *А. С. Норосымъ* въ принадлежащей ему старой книгѣ: «*Regum et urbi Amstelodamensium historia, auctore Joh. Isacio Pontano*», напечатанной въ Амстердамѣ въ 1611 году, слѣдовательно спустя только пятнадцать лѣтъ послѣ послѣдняго Баренцова на Сѣверъ путешествія.

Въ книгѣ этой три главы посвящены описанію трехъ путешествій Баренца, снаряженныхъ отъ города Амстердама, и потому выставаемыхъ

здѣсь, какъ почетные факты въ исторіи этого города. Вотъ подлинныя ихъ заглавія: *Cap. XX. Prima ad Chinam et Moluccas boreali via tentata navigatio. Cap. XXI. Altera per Boream circuitus investigandi periclitatio. Cap. XXII. Tertia per eundem Septemtrionem instituta navigatio, ejusque eventus mirabilis.* Къ нимъ приложена карта, съ надписью: «*Tabula Geogr., in qua admirandæ navigationis cursus et recursus designatur.*». Но въ-особенности любопытны вставленные между строкъ текста гравюры, въ числѣ тринадцати, на которыхъ представлены отдѣльные очерки нѣкоторыхъ странъ, разные виды природы, изображенія примѣчательныхъ предметовъ и наконецъ сцены изъ быта туземцевъ: послѣднія особенно интересны тѣмъ, что въ нихъ весьма наглядно видимы тогдашнія жилища, нарядъ, домашнія утвари и рабочія орудія, однимъ-словомъ все главныя характеристическія черты народнаго въ то время быта на нашемъ Сѣверѣ. Чтобы убѣдиться, какъ вѣрно сняты съ натуры эти изображенія, прилагаемъ здѣсь копію одной изъ гравюръ: въ книгѣ она находится на стр. 130, подъ числ. 6, въ концѣ XX главы.

Изображенный здѣсь *Островъ-Мавриція*, найденный и названный такъ Голландцами во время первой ихъ экспедиціи на Сѣверъ въ 1594 году, по изъясненію г. Литке, есть тотъ самый, который нынѣ называется *Долгимъ*. Мы ничего не говоримъ о самомъ островѣ, какъ онъ тутъ

представленъ; но обращаемъ вниманіе на изображеніе креста съ надписью, стоящее отдѣльно на гравюрѣ съ лѣвой стороны. Крестъ этотъ, въ числѣ многихъ другихъ подобныхъ, найденъ Голландцами, при открытіи острова, на одномъ изъ его мысовъ, далеко выдающемся въ море (въ мѣстѣ, отмѣченномъ на гравюрѣ особыми знаками). Должно быть, что онъ изображенъ очень вѣрно, когда находящуюся на немъ рускую надпись (которую Голландцы очевидно не прочитали, а просто сняли на рисунокъ, какъ нашли) можно читать теперь на гравюрѣ, относя усматриваемыя въ ней искаженности и неразборчивости нѣкоторыхъ буквъ отчасти къ грубости первоначальной ихъ вырѣзки на самомъ крестѣ, сдѣланной вѣроятно, по русскому обычаю, простымъ ножомъ, главнѣйше же къ порчѣ отъ времени: ибо, какъ значится въ надписи, крестъ съ нею поставленъ былъ въ 7083 (отъ С. М., то-есть отъ Р. Х. въ 1575) году, слѣдовательно за девятнадцать лѣтъ до прибытія Голландцевъ. Весьма благонадежное ручательство и за вѣрность прочихъ изображеній, содержаніе которыхъ, какъ мы замѣтили, весьма разнообразно и занимательно въ смыслѣ историческо-этнографическомъ.

Книга *Понтануса*, о которой идетъ здѣсь рѣчь, не упомянута въ «обозрѣніи путешественниковъ въ Россію до 1700 года», которымъ обязаны мы неутомимымъ трудамъ и огромной начитанности покойнаго *Ө. П. Аделунга* (*Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, von F. v. Adelung. Zwey Bände. St.-Petersb. u. Leipz. 1846*). Содержащіяся въ ней свѣдѣнія о сѣверныхъ экспедиціяхъ, заимствованы изъ первыхъ рукъ, на глазахъ участвовавшихъ въ нихъ; а потому заслуживаютъ особеннаго вниманія предъ многочисленными позднѣйшими извлеченіями изъ самыхъ первыхъ описаній этихъ экспедицій, обнародованныхъ, вскорѣ послѣ ихъ совершенія, *Я. Г. фан-Линшотеномъ* (1601) и *Г. фан-Вееромъ* (1599 и 1605), которыя оба, изданныя на голландскомъ языкѣ, Аделунгъ причисляетъ къ библіографическимъ рѣдкостямъ.

— изданія гаклюйтова общества въ лондонѣ. — Учрежденное въ недавнемъ времени въ Лондонѣ Общество для изданія рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ по части Географическихъ Наукъ, названное, по имени знаменитаго Гаклюйта, «Обществомъ Гаклюйтовымъ» (*Hakluyt Society*), въ послѣднее время, между-прочимъ, издало собраніе «писемъ Христофора Колумба», съ подлинниковъ хранящихся въ Британскомъ Музеумѣ. Вновь перепечатаны имъ съ стараго рѣдкаго изданія 1622 года: «*The observations of sir Richard Hawkins in his voyage into the South Sea in the year 1593*» (Замѣтки Ричарда Гаукинса во время путешествія въ Южный Океанъ въ 1593 году). Затѣмъ примѣчательны изданія: «путешествія въ Сахару въ 1845—46

году» — *Дж. Ричардсона* (въ двухъ частяхъ), и «о жителяхъ и произведеніяхъ Сарауаны» — *Феле* (секретаря *В. Брука*, Рая Сарпуанскаго).

— ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ, ИЗДАВАЕМЫЕ ВЪ ПАРИЖѢ. — Подъ именемъ «Географическихъ Памятниковъ» (*Monimens de Géographie*), г. *Жомаръ*, Предсѣдатель Парижскаго Г.О., издаетъ коллекцію примѣчательныхъ «картъ изъ Среднихъ Вѣковъ». Введеніе къ этому изданію составляютъ разные опыты тогдашнихъ урографическихъ, гномоническихъ и космографическихъ чертежей. Собственно-же между географическими картами, которыя до сихъ поръ изданы, особеннаго примѣчанія достойны: карта *Шерифа Эль-Эдриси*; карта странствованія изъ Лондона въ Іерусалимъ изъ XIII вѣка; всемірная карта изъ тогоже вѣка, оригиналъ которой находится въ Герфордѣ; морская карта Средиземнаго-Моря изъ XIV вѣка, принадлежавшая одной старинной фамиліи въ Пизѣ, нынѣ сохраняющаяся въ Королевской Парижской Библіотекѣ; атласъ Генуэзца *Пьетро Весконтте* отъ 1318 года, оригиналъ котораго въ Вѣнской Императорской Библіотекѣ; всемірная карта изъ XIV вѣка, отысканная въ Парижской Королевской Библіотекѣ; знаменитая венеціанская карта братьевъ *Пиццигани* отъ 1367 года, изъ Пармской Библіотеки; карта Падуанской Области отъ 1449 года; италіянская карта странъ, лежащихъ между Мраморнымъ-Моремъ и Балканами, вѣроятно отъ 1453 года, изъ Парижской Королевской Библіотеки; нѣмецкая всемірная карта въ двухъ полушаріяхъ, по глобусу *Мартина фон-Бегейма* отъ 1492 года; знаменитая всемірная карта *Хуана де-ла Коза* (*Juan de la Cosa*), бывшаго Штурманомъ у Колумба, отъ 1500 года, оригиналъ которой находится въ Валькенаэровой Библіотекѣ; земный глобусъ изъ XVI столѣтія, съ оригинала въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ; наконецъ большая всемірная карта или планисфера, составленная въ 1550 году по повелѣнію Французскаго Короля Генриха II. Коллекціи этой вышло теперь уже 49 листовъ.

— НОВОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕМІРНОЙ КАРТЫ ПО ПТОЛОМЕЮ, ПРИПИСЫВАЕМОЙ А. ДЮРЕРУ. — Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣдкостей Императорской Вѣнской Библіотеки почитается изданная въ 1552 году карта, изображающая на одномъ большомъ листѣ «извѣстный Птоломею свѣтъ», съ присовокупленіемъ открытій, сдѣланныхъ Португальцами въ Южной-Африкѣ и Восточной-Азіи, также береговъ Сѣвернаго-Ледовитаго-Моря. Эта карта почитается произведеніемъ знаменитаго художника *Албрехта Дюрера*. Нынѣ отысканы случайно подлинныя деревянные доски, на которыхъ она вырѣзана, и по распоряженію Барона *Клеменца Гюгеля* сдѣлано съ нихъ нѣсколько оттисковъ, которые разосланы: Барону *Александру Гумбольдту*, Карлу *Риттеру*, въ Королевскую Библіотеку въ Бер-

литъ и къ другимъ подобнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Одинъ такой оттискъ получило и Р. Г. О., чрезъ своего Помощника Предсѣдателя.

— ТРУДЫ ПО-ЧАСТИ ДРЕВНЕЙ ГЕОГРАФІИ РУССКОЙ АЗІИ. — Членъ-Корреспондентъ Р. Г. О., г. *Вивьенъ де Сен-Мартенъ* (Секретарь Парижскаго Г. О.), въ письмѣ въ Р. Г. О. отъ 18 февраля извѣщаетъ, что онъ приводитъ къ окончанію свою «историческую записку о древней географіи Кавказа, съ эпохи Аргонавтовъ до войнъ Митридата въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.», которую онъ читалъ въ прошломъ году въ засѣданіяхъ Королевской Академіи Надписей, а потомъ печаталъ, по частямъ, въ издаваемыхъ имъ въ Парижѣ «*Nouvelles annales de Voyages et de Sciences Géographiques*». Записка эта должна служить дополненіемъ и довершеніемъ изданнаго имъ въ прошломъ году отдѣльнаго сочиненія «о первобытномъ населеніи Кавказа», подъ заглавіемъ: «*Recherches sur les populations primitives du Caucase, par M. Vivien de St.-Martin* (Paris 1847)». Затѣмъ намѣревается онъ, по тому же плану и въ такой же обширности, обработать «географическую исторію Сибири и Урала.»

— ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ И СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ МАЛЬТЫ, ПРИСЛАННОЕ СЪ МѢСТА. — Императорскій Россійскій Консулъ въ Мальтѣ, г. *Тальяферро*, отъ 15 декабря прошлаго года, препроводилъ въ Р. Г. О., составленное имъ, на французскомъ языкѣ, изъ мѣстныхъ новѣйшихъ источниковъ, описаніе острова Мальты (съ принадлежащею къ нему группою островковъ: *Гозо, Бумино, Буминотто* и *Фильфола*), въ географическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. На сей разъ мы довольствуемся извлеченіемъ оттуда слѣдующихъ цифръ о торговыхъ судахъ, прибывшихъ въ Мальту въ теченіе 1846 года:

Англійскихъ	948	Норвежскихъ	8
Неаполитанскихъ	830	Голландскихъ	6
Греческихъ	320	Валахскихъ	6
Австрійскихъ	230	Молдавскихъ	5
Сардинскихъ	165	Римскихъ	5
Оттоманскихъ	112	Самосскихъ	5
Русскихъ	101	Прусскихъ	4
Французскихъ	70	Египетскихъ	3
Тосканскихъ	48	Генуэзскихъ	2
Іоническихъ	33	Мекленбургскихъ	2
Американскихъ	18	Испанскихъ	2
Тунисскихъ	14	Гамбургскихъ	1
Шведскихъ	13		
Сирійскихъ	11		
		итого	3,962

Вмѣстѣ-съ-тѣмъ, г. *Тальяферро* увѣдомилъ, что существующее въ Мальтѣ Медицинское Общество (*Società Medica*), дѣятельность котораго тѣсно соприкасается и съ Географическими Науками, узнавъ объ учрежденіи Р. Г. О., изъявило желаніе войти съ нимъ въ ближайшія сношенія по общему дѣлу собиранія и распространенія географическихъ свѣдѣній, чрезъ посредство Императорско-Россійскаго Консульства. Со стороны Р. Г. О., это радушное предложеніе принято съ благодарностью и готовностью къ взаимнымъ услугамъ.

— ЗАМѢТКИ О КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ, СОБРАННЫЯ НАРОЧНОЙ ПОѢЗДКОЙ. — Д. Ч. Р. Г. О., *М. Д. Завълейскій*, прислалъ въ Общество двѣ записки, составленныя Кандидатомъ Императорскаго Казанскаго Университета *Артемьевымъ*, въ коихъ содержатся «географическія, статистическія и этнографическія замѣтки о Казанской губерніи». Свѣдѣнія этъ г. Артемьевъ собралъ при поѣздкѣ по губерніи, совершенной имъ въ 1847 году на иждивеніи г. *Завълейскаго*, единственно въ видахъ споспѣшествованія цѣлямъ Р. Г. О. Трудъ этотъ, принятый съ признательностью къ усердію достойнаго сочлена, разсматривается теперь въ Статистическомъ Отдѣленіи Общества.

— ПОДРОБНОСТИ О НОВОМЪ ВОЛКАНѢ, ВОЗНИКШЕМЪ НА ОДНОМЪ ИЗЪ ДРУЖЕСКИХЪ-ОСТРОВОВЪ. — Агентъ Р. Г. О. въ Лондонѣ, г. *Шиллингау*, сообщаетъ слѣдующія подробности о новомъ волканѣ, который прошлымъ лѣтомъ появился на островѣ *Армагуръ*, принадлежащемъ къ архипелагу *Тонга* (иначе называемому *Дружескими-Островами*), въ 20 миляхъ къ Сѣверу отъ острова *Вавао*. Подробности этъ доставлены въ Лондонъ гг. *Вильямсомъ* и *Самсономъ*.

Вотъ какъ дѣло происходило. Въ прошломъ іюль, 9, 10 и 11 числъ, въ Вавао почувствованы были сильныя подземныя сотрясенія, съ промежутками отъ 15—20 минутъ; онѣ были ощутительны и для судовъ, стоявшихъ на тамошнемъ рейдѣ. Затѣмъ, 11 числа яркія молніи показались въ сторонѣ Армагуры, а 12 утромъ земля покрылась чрезвычайно мелкимъ пепломъ, между-тѣмъ какъ воздухъ наполнился удушающимъ запахомъ сѣры. На другой день, то-есть 13 числа, г. Вильямсъ, Американскій Консулъ въ Вавао, отправился оттуда къ мѣсту изверженія. По мѣрѣ приближенія, ему представлялись огромныя столбы дыма и пепла, которые высоко поднимались въ воздухъ. Подѣхавъ къ самому острову, онъ увидѣлъ большой кратеръ, образовавшійся въ одномъ уровнѣ съ моремъ. Въ кратерѣ происходило сильное кипѣніе; массы горючихъ веществъ выкидывались изъ него, и падая разливались потокомъ по окрестной равнинѣ. Замѣчательно, что пепелъ вылеталъ на значительное разстояніе прямо противъ вѣтра, который несся въ направленіи къ С.-В. сильнымъ ураганомъ.

Между-тѣмъ, по направленію къ С.-В., іюля 12, въ 2 часа по полудни, Американское судно «*Карлъ Морганъ*», подъ командою Капитана Самсона, было покрыто дождемъ пепла, въ разстояніи слишкомъ 30 миль отъ Армагуры. Съ того времени судно это продолжало плаваніе чрезъ густыя тучи пепла, которыя производили совершенную темноту, сами являясь въ видъ клубящихся массъ дыма красно-огненного цвѣта. Цвѣтъ пепла былъ сѣроватый. Относительный вѣсъ его составлялъ—1.076. Разложеніе открыло въ немъ: значительное количество мѣди, немного желѣза и нѣсколько сѣрной кислоты.

— негръ съ европейскимъ образованіемъ. — Находящійся въ сношеніяхъ съ Р. Г. О., издатель ученыхъ листковъ, выходящихъ въ Веймарѣ подъ заглавіемъ «*Fortschritte der Geographie und Naturgeschichte*», г. *Фропринъ* (*Froger*), въ письмѣ къ Помощнику Предсѣдателя Р. Г. О. отъ 28 февраля, между-прочимъ рассказываетъ, что за недѣлю предъ-тѣмъ, въ Веймарѣ, обращалъ на себя всеобщее вниманіе молодой Негръ, чистой черной крови, являвшійся тамъ при Велико-Герцогскомъ Дворѣ и въ другихъ избранныхъ обществахъ. Это *Ашантійскій* Принцъ, по-имени *Аквасси Боахи*, двадцати-лѣтній юноша, получившій самое блестящее европейское образованіе и такъ хорошо умѣвшій имъ воспользоваться, что трудно встрѣтить Европейца такихъ лѣтъ, съ подобными познаніями, ловкостью, тактомъ и самымъ утонченнымъ свѣтскимъ обращеніемъ. Покойный Голландскій Король выпросилъ этого Принца у его отца, Короля Ашантіевъ, и доставилъ ему всѣ средства къ образованію. Нынѣ онъ изучаетъ Горныя Науки въ Фрейбергѣ, и хотя не болѣе семи мѣсяцевъ находится въ Германіи, но говоритъ весьма хорошо по-Нѣмецки. Гдѣ онъ ни является, вездѣ принимаютъ его съ особеннымъ удовольствіемъ. Ученые видятъ въ немъ этнографическое чудо.

Королевство *Ашантіевъ* лежитъ въ Африкѣ, на Золотомъ-Берегу, занимая пространство около 600 кв. миль. Жителей, чистыхъ *Негровъ*, считается въ немъ до милліона. Не смотря на нѣкоторую степень людскости и, сравнительно съ прочими Неграми, можно-сказать образованности, развившейся, какъ должно полагать, уже издавна, *Ашантіицы* все еще народъ дикій, варварскій. У нихъ не вывелось еще обыкновеніе, при погребеніяхъ значительныхъ лицъ, убивать ихъ слугъ и домочадцевъ. Короли ихъ наследственны: но умершему непосредственно преемствуетъ не сынъ его, а братъ, который есть ближайшій наследникъ престола; за нимъ слѣдуетъ сынъ сестры, потѣмъ уже сынъ королевскій. Такое же странное право наследованія соблюдается и въ отношеніи къ частнымъ имуществамъ между подданными. Къ преимуществамъ королевскимъ, между-прочимъ, принадлежитъ право имѣть 3,333 жены.

Любопытно-бы видѣть этого Негритянскаго Королевича возвратившимся на свою дикую родину такимъ европейскимъ джентльменомъ!

— монголъ съ европейской ученостію. — Примѣръ «чернаго джентльмена», предъ-симъ представленный, конечно есть любопытное этнографическое явленіе, но вовсе не единственное. Что Негры способны къ полному воспріятію европейской образованности, это еще въ прошломъ столѣтіи, не меньше нынѣшняго Ашантійскаго Королевича, доказалъ у насъ въ Россіи, извѣстный *Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ*, любимецъ Петра Великаго, умершій въ 1782 году въ чинѣ Генералъ-Аншефа. Природный Африканецъ, онъ былъ увезенъ съ родины въ дѣтствѣ; впрочемъ помнилъ очень хорошо, какъ его продалъ Европейцамъ собственный его отецъ, и какъ любимая его сестра долго плала за кораблемъ, въ которомъ увозили его въ рабство. Высокій покровитель его, Петръ Великій, послѣ предварительнаго воспитанія въ Россіи, посылалъ его для довершенія образованія въ Парижъ, гдѣ онъ въ-особенности оказалъ успѣхи по части Инженерной, такъ-что въ послѣдствіи удостоился чести быть назначеннымъ въ учителя Математики Великому-Князю, будущему Императору Петру II. Въ этнографическомъ отношеніи замѣчательно объ немъ еще и то, что отъ него въ прямой линіи по женскому колѣну, не дальше какъ въ четвертой степени, произошелъ геніальный нашъ поэтъ *А. С. Пушкинъ*, который и самъ, какъ извѣстно, въ чертахъ своихъ сохранялъ примѣтные слѣды прадедовскаго негритянскаго типа.

Впрочемъ Россіи, заключающей въ своемъ неизмѣримомъ пространствѣ такое множество разнообразнѣйшихъ народностей, коимъ всѣмъ отворенъ путь къ образованію, подобныя этнографическія рѣдкости вообще не въ диковинку. Въ то время какъ въ Германіи восхищаются такъ Негритянскимъ джентльменомъ, здѣсь въ Петербургѣ находится Монгольскій «гелертеръ» въ полномъ значеніи этого слова. Это г. *Дорджи Банзаровъ*, Монголь-Бурятъ, Буддистскаго исповѣданія. Онъ привезенъ былъ въ Казань съ нѣсколькими такимиже Монголенками, лѣтъ двѣнадцати отъ роду, чтобы учиться въ тамошней Гимназіи, гдѣ, окончивъ курсъ ученія, перешелъ въ Казанскій Университетъ по отдѣленію Восточныхъ Языковъ, и тутъ въ 1846 году получилъ степень Кандидата, написавъ весьма примѣчательную диссертацию «о Черной-Вѣрѣ Монголовъ», напечатанную въ «Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета». Затѣмъ поручено ему было преподаваніе Всеобщей Исторіи въ Казанской Гимназіи.

Физиономія этого молодаго ученаго слишкомъ явственно изобличаетъ происхожденіе его отъ одной кости съ Чингисомъ и Батыемъ; но по складу, какой получилъ его умъ чрезъ воспитаніе, онъ могъ-бы надѣть съ честью докторскій колпакъ въ любомъ Европейскомъ Университетѣ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Карманная книжка для любителей
Землеустройства, издаваемая отъ
Р. Г. О. 1848. СПб. (16)

— Содержитъ въ себѣ слѣдующія ста-
ты; 1) Введение; 2) Объ успехахъ Зем-
леустройства съ первой половины XVIII
столѣтія (Д. Кемпца, Д. Ч. О.); 3) О
теплотѣ въ отношеніи климатологическомъ
(Э. Ленца, Д. Ч. О.); 4) О вліяніи вѣс-
тней природы на соціальныя отношенія
отдѣльных народовъ и исторію человѣ-
чества (К. Бера, Д. Ч. О.); 5) Сред-
няя Азія (П. С. Савельева, Д. Ч. О.);
6) Смѣсь (слѣдующаго содержанія :
а) Замѣтки объ иностранныхъ Геогра-
фическихъ Обществахъ и о другихъ
учрежденіяхъ, имѣющихъ предметомъ
Землеустройство; б) Какъ случилось, что
Новый-Свѣтъ названъ Америкой; в) Тор-
говья сношенія Голландцевъ съ Японіею;
г) О суевѣріяхъ въ нѣкоторыхъ Русскихъ
губерніяхъ; д) О степи Саваръ; е) Ки-
тай и Китайцы; ж) Сравнительная табли-
ца наиболѣе употребительныхъ мѣръ дли-
ны; з) Высоты главнѣйшихъ горъ на
Земномъ Шарѣ, надъ поверхностію мо-
ря; и) Высоты пунктовъ въ Альпахъ, чрезъ
которые пролегаютъ дороги въ Италію
изъ Германіи, Швейцаріи и Франціи;
і) Высоты главнѣйшихъ нагорныхъ пло-
щадей (plateaux); к) Высоты нѣкоторыхъ
озеръ и внутреннихъ морей; л) Высоты
нижняго предѣла вѣчнаго снѣга въ раз-
ныхъ широтахъ; м) Высоты нѣкоторыхъ
обитаемыхъ мѣстъ земнаго шара; н) Вы-
соты нѣкоторыхъ зданій. Книжку эту
предполагается продолжать изданіемъ и
на будущіе годы.

Статистическіе очерки Россіи. Со-
чиненіе К. Арсеньева. СПб. 1848.
(8). Посвящено Его Император-
скому Высочеству Государю
Наслѣднику.

— Содержаніе этой книги, представляю-
щей плоды трудовъ извѣстнаго ветерана
отечественной статистики, одного изъ чле-
новъ-учредителей Р. Г. О., есть слѣдую-
щее: 1) Разсмотрѣніе границъ Россіи;
2) Постепенное приращеніе Россіи въ про-
странствѣ; 3) Постепенное устройство
губерній; 4) Топографическое разсмо-
трѣніе Россіи по климату и качеству
почвы; 5) Поземельное богатство Россіи.
Въ концѣ краткаго предисловія, ав-
торъ говоритъ, что «степень внима-
нія людей просвѣщенныхъ къ его кни-
гѣ укажетъ то, въ какой мѣрѣ приго-
денъ трудъ его на пользу общую, и
нужно-ли обнародованіе другихъ работъ
его, готовыхъ уже къ печатанію »

*E. Hofmann, Reise nach den Gold-
wäschen Ostsibiriens. (Въ двѣнад-
цатой книжкѣ издаваемаго гг. Бе-
ромъ и Гельмерсеномъ періодичес-
каго сочиненія подъ заглавіемъ :
Beiträge zur Kenntniss des
Russischen Reiches etc.)*

— Еще въ 1843 году, г. Гофманъ, ны-
нѣшній Д. Ч. Р. Г. О. и Начальникъ
Уральской Экспедиціи, осмотрѣлъ золо-
тые промыслы Восточной Сибири, кото-
рые описываетъ въ этомъ сочиненіи, вмѣ-
стѣ съ прочими достопримѣчательно-
стями своего путешествія. Можно ска-
зать, что, черезъ это сочиненіе, въ пер-
вый разъ получено полное и ясное по-
нятіе о золотомъ производствѣ Восточ-
ной Сибири. Вторая глава, въ которой
описываются золотоносные округа, чрез-
вычайно богата точными, достоверны-
ми данными; въ первой-же главѣ много
оригинальных замѣчаній о мѣстныхъ
правахъ, образѣ жизни, администраціи и
т. п. Вторая глава уже была напечата-
на въ Горномъ Журналѣ: но пер-
вая не была еще переведена по Русски.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ последнее время, Русское Географическое Общество понесло въ составѣ своемъ утраты, которымъ вмѣняетъ въ обязанность посвятить дань сердечнаго воспоминанія.

— к. е. опочинивъ, д. ч. о. — Въ началъ текущаго года, Р. Г. О. лишилось одного изъ достойнѣйшихъ своихъ Членовъ, въ лицѣ Флигель-Адъютанта Его Императорскаго Величества, Гвардіи Полковника, *Константина Ѳеодоровича Опочинина*, который скончался 18 числа прошлаго января мѣсяца.

Сынъ Члена Государственнаго Совѣта и Оберъ-Гофмейстера *Ѳеодора Петровича* и дочери Князя Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова Смоленскаго *Дарьи Михайловны*, Константинъ Ѳеодоровичъ родился въ С.-Петербургѣ 14 ноября 1808 года. Попеченіями своей бабушки, Свѣтлѣйшей Княгини *Екатерины Ильиничны Голенищевой-Кутузовой Смоленской*, онъ получилъ классическое образованіе, подъ руководствомъ ученаго и добродѣтельнаго педагога, г. *Жандроса* изъ Лозанны, избраннаго на это дѣло знаменитою г-жею *Сталь*, которая находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ покойной Княгинѣ Смоленской; Княгиня вела съ ней постоянную переписку, предметомъ коей было преимущественно воспитаніе нѣжно любимаго внука. Затѣмъ, состоя Пажемъ при Высочайшемъ Дворѣ, Константинъ Ѳеодоровичъ посѣщалъ С.-Петербургскій Университетъ, и окончилъ въ немъ курсъ наукъ. Въ службу вступилъ онъ Корнетомъ въ Волыскій Уланскій Полкъ въ 1826 году, откуда былъ вскорѣ потѣмъ переведенъ Лейб-Гвардіи въ Подольскій Кирасирскій, и, по желанію покойнаго Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, продолжалъ службу въ Варшавѣ при Его Императорскомъ Высочествѣ. Въ послѣдствіи переведенъ онъ былъ Лейб-Гвардіи-же въ Конный Полкъ, а въ 1840 году назначенъ Флигель-Адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Съ того времени, онъ находился въ безпрестанныхъ разъѣздахъ по Россіи, съ разными порученіями по службѣ. Бѣдиль также на нѣсколько мѣсяцевъ за границу, для излеченія отъ болѣзни; и это путешествіе по Европѣ было для него тѣмъ пріятнѣе въ зрѣлыхъ лѣтахъ, что онъ часть юношескаго своего возраста провелъ въ Германіи и Швейцаріи при Княгинѣ Смоленской. Константинъ Ѳеодоровичъ былъ женатъ на Фрейлинѣ Двора Ея Императорскаго Величества, *Виръ Исаиновнѣ Скобелевой*, дочери знаменитаго нашего ветерана и народнаго писателя Генерала-отъ-Инфантеріи *Ивана Никитича Скобелева*.

Намъ не предлежитъ здѣсь описывать христіанскаго благочестія, которое украшало покойнаго, ни его достоинствъ семьянина и человѣка; не

предлежитъ также излагать заслугъ его по службѣ. Наслѣдственная безпредѣльная преданность къ Престолу была соединена въ немъ съ личною горячею привязанностью, и онъ постоянно стремился оправдывать довѣріе, которымъ Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоивать его при разныхъ случаяхъ. Въ частной жизни, лица, имѣвшія случай быть съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ и узнать его при обстоятельствахъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго, вседневнаго круга, чувствовали глубокое уваженіе къ благородству его характера, возвышенности духа и теплотѣ сердца, которыя его отличали.

Принимая живое участіе во всемъ истинно полезномъ, Константинъ Федоровичъ съ радостью привѣтствовалъ учрежденіе Русскаго Географическаго Общества; ибо живо ощущалъ современную потребность въ подобномъ установленіи. Въ Дѣйствительные Члены Общества былъ онъ избранъ единогласно въ собраніи 7 мая 1847 года.

Получивъ въ юныхъ лѣтахъ знанія основательныя и многостороннія, Константинъ Федоровичъ продолжалъ учиться въ теченіе всей жизни, и главнымъ предметомъ изученія была для него постоянно — Россія! Онъ звалъ основательно отечественные законы, и имѣлъ случай близко видѣть судебную практику и полицейское дѣлопроизводство. Многократныя поѣздки коротко ознакомили его съ разными отдаленными концами Россіи и со всеми ея сословіями, такъ - что принадлежа самъ по рожденію и познаніямъ своимъ къ высшему и образованнѣйшему обществу, зналъ онъ вполне и простой народный бытъ, не по слухамъ, но по живому, непосредственному наблюденію. Вообще, никогда и нигдѣ не упускалъ онъ случая пріобрѣтать полезныя свѣдѣнія. Передъ отъѣздомъ куда-либо, онъ каждый разъ собиралъ все, что было написано и напечатано о томъ краѣ, куда отправлялся, тщательно изучалъ все, что собралъ, потѣмъ повѣрялъ на мѣстѣ полученныя свѣдѣнія, и не щадилъ никакихъ трудовъ, чтобъ доискаться истины. О немъ можно было сказать, что разъѣзжая въ Россіи по службѣ, онъ — «путешествовалъ по Россіи!» Во время всѣхъ поѣздокъ своихъ, велъ онъ про себя подробный журналъ, и вообще имѣлъ привычку отдавать себѣ ежедневно письменный отчетъ о всемъ, что видѣлъ или слышалъ замѣчательнаго. Даже отчеты о собраніяхъ Р. Г. О. появлялись прежде всего не въ протоколахъ Общества, не въ запискахъ его и не въ газетахъ, но въ дневникѣ подкѣйнаго. Такая дѣятельность при наблюдательномъ умѣ и счастливой памяти, обогатили Константина Федоровича знаніемъ, которое встрѣчается у насъ къ сожалѣнію довольно рѣдко — знаніемъ Россіи. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ Русскихъ, которые любятъ свое Отечество, потому особенно, что его знаютъ.

Нужно-ли послѣ этого говорить о потерѣ, которую понесло въ немъ Русское Географическое Общество? — (Сообщ. *А. В. Головинъ.*)

— м. г. свѣдомскій, ч. с. о. — Въ концѣ прошлаго 1847 года скончался въ Перми Членъ-Сотрудникъ Р. Г. О. Коллежскій Ассессоръ *Михаилъ Гавриловичъ Свѣдомскій*. Покойный оказалъ весьма важныя услуги Обществу дѣятельнымъ участіемъ въ приготовленіи въ Пермской губерніи разныхъ вещей, необходимыхъ для ученой экспедиціи, отправленной Обществомъ въ 1847 году для изслѣдованія Сѣвернаго-Урала. Обладая совершеннымъ знаніемъ края, гдѣ надлежало сдѣлать приготовительныя распоряженія, довольно многосложныя и требовавшія большой смѣтливости, пользуясь тамъ всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ и проникнутый любовью къ успѣхамъ науки, онъ не щадилъ трудовъ и собственныхъ издержекъ, чтобы обезпечить успѣхъ полезному предпріятію. Въ Члены-Сотрудники Общества былъ онъ избранъ 14 февраля 1847 года, и въ немногіе мѣсяцы успѣлъ заслужить полное уваженіе и искреннюю признательность за безкорыстные труды свои.

А. Бальби, ч. к. о. — Р. Г. О. считало въ числѣ своихъ Членовъ-Корреспондентовъ извѣстнаго ученаго *Адріана Бальби*, который скончался въ началѣ текущаго марта въ Венеціи. Покойный и родился въ Венеціи-же, въ 1784 году. Тамъже былъ онъ Профессоромъ Физики и Географіи, пока, въ слѣдствіе женитьбы, не отправился въ 1820 году въ Португалію, гдѣ, воспользовавшись знакомствомъ со многими знатными и учеными людьми, составилъ пріобрѣтшій ему первую извѣстность «статистическій опытъ о Португаліи и Алгарвѣ» (*Essai statistique sur le royaume de Portugal et d' Algarve, comparé aux autres états de l' Europe*), который издалъ въ Парижѣ въ 1822 году. Живя потѣмъ въ Парижѣ, онъ упрочилъ славу свою изданіемъ въ 1826 году «Этнографическаго Атласа Земнаго Шара» (*Atlas ethnographique du Globe, ou classification des peuples anciens et modernes d'après leur langues*), а потѣмъ въ 1832 году извѣстнаго «Сокращенія Географіи» (*Abrégé de Géographie sur un plan nouveau*). Затѣмъ, выѣхалъ онъ обратно въ свое отечество, въ званіи Профессора въ Падувѣ, а въ 1835 году вызванъ былъ въ Вѣну, гдѣ предложено ему было почетное служебное мѣсто отъ Правительства; но въ-послѣдствіи снова воротился на родину. Осенью прошлаго 1847 года, на бывшемъ въ Венеціи Сѣздѣ Италіянскихъ Ученыхъ, Бальби предсѣдательствовалъ въ совѣщаніяхъ и разсужденіяхъ по Наукамъ Географическимъ, и былъ еще очень живъ и дѣятеленъ. Смерть похитила его на семьдесятъ-четвертомъ году жизни.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Печатать позволяется. Марта 31 дня 1848 года. Ценсоръ *А. Никитенко*.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ Общемъ Собраніи Р. Г. О., бывшемъ 14 апрѣля, присутствовали, подъ предсѣдательствомъ г. Помощника Предсѣдателя, 86 Членовъ.

— Принято съ благоговѣйною признательностью увѣдомленіе, что Августѣйшій Предсѣдатель, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ, соизволилъ пожаловать Обществу Свой портретъ.

— Объявлено о подаркахъ, полученныхъ Обществомъ отъ разныхъ лицъ, со времени послѣдняго Собранія.

— Д. Ч. О. *А. Г. Яновскій*, занимаясь изслѣдованіемъ народности остатка племени *Удовъ*, сохранившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за Кавказомъ, обратилъ вниманіе Совѣта на пользу для науки, которой можно бы ожидать отъ сравненія ихъ языка, обычаевъ и преданій, съ языкомъ, обычаями и преданіями: народа *Вотяковъ*, обитающаго въ Вятской и Казанской губерніяхъ, племени *Лагшиъ*, живущаго въ горной части Ширвана, и жителей селенія *Кубечи* въ Сѣверномъ-Дагестанѣ. Въ слѣдствіе постановленія о томъ Совѣта, г. Помощникъ Предсѣдателя просилъ г. Почетнаго Члена Общества, Намѣстника Кавказскаго, Князя *М. С. Воронцова*, объ оказаніи съ его стороны содѣйствія къ собранію нужныхъ по мысли г. Яновскаго свѣдѣній. На это Князь-Намѣстникъ отвѣчалъ, что наблюденіемъ надъ *Удами*, живущими въ уѣздѣ *Шекинскомъ*, онъ поручилъ заняться лицамъ, извѣстнымъ по своей любознательности и знакомству съ краемъ и народными обычаями; въ селеніи-же *Кубечи*, въ Сѣверномъ-Дагестанѣ, Его Сіятельство былъ самъ лично, и на первый разъ увѣдомляетъ, что жители этого селенія преимущественно, даже исключительно, занимаются отдѣлкою оружія, которое считается лучшимъ въ Дагестанѣ.

— Г. Министръ Финансовъ извѣстилъ Общество о Высочайшемъ соизволеніи командировать ДД. ЧЧ. Общества, Полковника *Гофмана* и Маіора *Стражевскаго*, къ продолженію въ нынѣшнемъ году Уральской Экспедиціи. Таковою милостію Августѣйшаго Монарха дана возможность окончить будущимъ лѣтомъ столь успѣшно начатое въ прошломъ году изслѣдованіе Сѣвернаго-Урала.

Цѣль Экспедиціи остается прежняя; личный составъ тотъ же. Поэтому, какъ со стороны ученаго направленія работъ, такъ и въ отношеніи членовъ Экспедицію составляющихъ, Совѣтъ не измѣнилъ ничего въ прежде данныхъ инструкціяхъ. Первою точкою соединенія членовъ Экспедиціи назначенъ Тобольскъ. По вскрытіи рѣкъ, Экспедиція спустится оттуда по Иртышу и Оби въ Березовъ, а потѣмъ на лодкахъ, внизъ по Оби, до устья рѣки Войкаръ, вытекающей изъ Урала въ широтѣ около 66°, по которой подымется такъ далеко, какъ глубина рѣки позволитъ. По сдѣланнымъ уже г. Гофманомъ предварительнымъ распоряженіямъ, олени должны его ожидать тамъ, гдѣ Войкаръ становится мелководнымъ. Отсюда путешественники отправятся на оленяхъ далѣе къ хребту: до горы Паріунго и озера того же имени, изъ котораго, по разсказамъ, вытекаетъ Войкаръ. Тутъ Экспедиція раздѣлится на два отряда. Г. Стражевскій, съ топографомъ *Юрьевымъ* и горными работниками, отправится къ Югу по хребту, до того мѣста, гдѣ Экспедиція остановилась въ прошломъ году, посѣтитъ Саблинскія-Горы, осмотритъ, сколько время позволитъ, восточный склонъ хребта и продолженіе его къ Югу, и по наступленіи осени возвратится въ ближайшее обитаемое мѣсто. Г. Гофманъ, въ сопровожденіи гг. *Бранта* и *Ковальскаго*, топографа *Брагина* и двухъ работниковъ, отправится отъ Паріунго къ Сѣверу, опредѣлитъ направленіе сѣвернѣйшихъ отроговъ хребта, спустится въ лодкахъ по рѣкамъ Каръ или Потератъ до впаденія въ море, если возможно, то переправится на островъ Вайгачъ, и оттуда возвратится къ Югу по западному склону хребта, до истоковъ рѣки Усы, по которой спустится опять въ лодкахъ, до впаденія въ Печору, чтобы получить такимъ-образомъ еще одинъ разрѣзъ съ этой стороны горъ. Указывая путь, которымъ, по мнѣнію Совѣта, Экспедиція можетъ достигнуть окончательно назначенной ей цѣли, Совѣтъ долженъ былъ заключиться въ предѣлахъ общихъ соображеній. Входить въ подробности было бы лишнее, потому что онѣ зависятъ отъ обстоятельствъ мѣстныхъ, которыхъ напередъ предвидѣть не лзя, и которыя могутъ сдѣлать необходимыми отступленія отъ сдѣланныхъ предначертаній. Лучшимъ руководствомъ въ этомъ случаѣ послужатъ мѣстные свѣдѣнія и опытность, пріобрѣтенныя г. Гофманомъ въ прошлый годъ, а доказанныя имъ искусство и неутомимость, равно-какъ и усердіе всѣхъ прочихъ членовъ, даютъ Обществу справедливую при-

чину надѣяться, что первая, предпринятая имъ, обширная Географическая Экспедиція увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Остается желать, чтобы обстоятельства, ни отъ кого независящія, тому не помѣшали.

Въ началѣ апрѣля, гг. Гофманъ и Стражевскій отправились уже изъ С.-Петербурга къ мѣсту ихъ назначенія.

— Въ последнемъ Общемъ Собраніи предоставлено было г. Помощнику Предсѣдателя войти въ сношеніе съ г. Надворнымъ Совѣтникомъ Голубковымъ въ Москвѣ, который предложилъ въ распоряженіе Общества (сдѣланный, по желанію его г. Голубкова, Д. Ч. О. А. П. Ефремовымъ, и теперь предпринимаемый къ немедленному изданію въ свѣтъ, на собственный его же г. Голубкова счетъ) переводъ извѣстнаго творенія знаменитаго *Rumtsera*: «Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie». Общество съ своей стороны вызвалось содѣйствовать, чтобы переводъ этотъ могъ быть пополненъ всѣми новѣйшими свѣдѣніями, которыми географія обогатилась со времени слишкомъ давно начавшагося изданія подлинника этого важнаго сочиненія. Между-тѣмъ, г. Голубковъ доставилъ г. Помощнику Предсѣдателя первый пробный листъ поступившаго уже въ печать перваго тома перевода, заключающаго въ себѣ «Африку», и съ тѣмъ вмѣстѣ увѣдомилъ, что онъ все изданіе обращаетъ въ пользу Общества, за исключеніемъ 300 экземпляровъ, слѣдующихъ переводчику по условію за трудъ, и 400 экземпляровъ, въ собственную г. Голубкова пользу.

— Читано, отъ имени Совѣта, предложеніе г. Управляющаго Отдѣленіемъ Этнографіи, Д. Ч. О. К. М. Бера, объ устройствѣ при Обществѣ «Собранія Этнографическихъ Предметовъ», основаніемъ которому могутъ послужить уже теперь предметы, привезенные Уральскою Экспедиціею. Считаемо излишнимъ помѣстить здѣсь вполне это предложеніе, весьма умно обдуманное и свѣтло изложенное:

«Совѣтъ Р. Г. О., въ послѣднихъ засѣданіяхъ своихъ, разсуждалъ объ употребленіи, которое слѣдуетъ сдѣлать изъ предметовъ Естественной Исторіи и Этнографическихъ, привезенныхъ Уральскою Экспедиціею въ концѣ прошлаго года.

«Признавъ неудобнымъ устроить при Обществѣ «Собрание Предметовъ Естественной Исторіи», Совѣтъ опредѣлилъ передавать поступающія въ Общество подобныя вещи въ одинъ изъ существующихъ уже Музеевъ, управленіе котораго могло-бы само заняться и систематическимъ разборомъ этѣхъ вещей. Главныя причины такому рѣшенію были слѣдующія: 1) предметы Естественной Исторіи, въ отдѣльности, теряютъ свое достоинство, если не могутъ быть сравниваемы со многими другими; но 2) денежные средства Общества не позволяютъ ему соединить у себя значительнаго числа подобныхъ вещей; между-тѣмъ

3) въ Петербургѣ существуетъ уже нѣсколько немаловажныхъ коллекцій въ этомъ родѣ; сверхъ-того 4) съ естествоиспытательною коллекціею должна быть непременно соединена соответствующая библіотека, ибо только специально-ученый можетъ найти каждому предмету научное названіе, да и то не иначе, какъ если онъ будетъ имѣть подъ рукой необходимыя ученныя пособія.

«Совсѣмъ другое представляютъ «предметы Этнографическіе». Они не имѣютъ систематическихъ названій, отысканіе которыхъ потребовало-бы продолжительныхъ трудовъ; изученіемъ ихъ можно заняться при пособіи такихъ только сочиненій, которыя и безъ того входятъ въ кругъ приобретаемыхъ Обществомъ книгъ (какъ-то: описанія путешествій, странъ и народовъ). Притомъ въ Петербургѣ, и сколько извѣстно—во всей Имперіи, существуетъ только одно Этнографическое Собраніе при Академіи Наукъ, тогда-какъ каждый Университетъ имѣетъ Собранія Предметовъ Естественной Исторіи: въ одномъ Петербургѣ доступны для публики два Зоологическихъ, три Ботаническихъ и столькоже Геолого-Минералогическихъ Музеевъ, не говоря о многочисленныхъ частныхъ собраніяхъ. Еслибъ, по какому-либо несчастному случаю, Собранію Предметовъ Естественныхъ довелось погибнуть, то оно можетъ быть всегда замѣнено другимъ; ибо природа возобновляетъ свои произведенія. Напротивъ степень образованія народовъ измѣняется и оставляетъ по себѣ немногіе слѣды: Собраніе Этнографическихъ Предметовъ изъ отдаленнѣйшихъ временъ нашей исторіи могло-бы намъ дать понятіе о бытѣ такихъ народовъ, о которыхъ теперь, кромѣ имени, мы ничего не знаемъ; даже многое сохранилось-бы, еслибъ Академія съ самаго основанія своего обратила вниманіе на подобные предметы, такъ-что теперь остается весьма сожалѣть, что она занялась собираніемъ ихъ уже въ послѣдствіи времени. Предположимъ, что Этнографическое Собраніе Академіи, нынѣ единственное въ Россіи, погибло-бы отъ какого-нибудь несчастнаго случая: потомство будетъ имѣть полное право сѣтовать на наше Общество, что оно не воспользовалось своими средствами для основанія другаго подобнаго Собранія.

«Убѣждаясь этими доводами и основываясь на п. 1 § 1 Временнаго Устава Р. Г. О., Совѣтъ предположилъ учредить при Обществѣ «Собраніе Этнографическихъ Предметовъ», началомъ которому послужать доставленныя уже Уральскою Экспедиціею вещи. Въ этомъ полезномъ для науки дѣлѣ, онъ имѣетъ всѣ причины ожидать существеннаго споспѣшествованія отъ участія Членовъ Общества. Много въ частныхъ рукахъ находится предметовъ, которые, безъ связи съ другими, бесполезно существуютъ; весьма часто, по смерти перваго владѣтеля, теряются даже свѣдѣнія, откуда взяты этѣ вещи и какому народу онѣ принадлежали. При просвѣщенномъ содѣйствіи Членовъ

Общества могла-бы, въ весьма скоромъ времени, составить порядочная коллекція предметовъ, касающихся Этнографіи Россіи.

«Приглашая симъ васъ, ММ. ГГ., къ таковому участию, я считаю неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ: 1) о цѣли и пользѣ предполагаемаго Собранія, 2) о томъ, изъ какихъ именно предметовъ оно должно состоять, и 3) объ его объемѣ.

«А. Непосредственная польза Этнографическаго Собранія состоитъ въ томъ, что оно представляетъ наглядному изученію особенности физическаго и умственнаго быта народовъ и степень развитія у нихъ искусствъ въ извѣстное время. Описанія, какъ-бы онѣ хороши ни были, не могутъ замѣнить самыхъ вещей. Произведенія природы съ точностью изслѣдованы только съ тѣхъ поръ, когда ихъ начали соединять въ коллекціи; въ слѣдствіе того, по мѣрѣ развитія науки, усиливалось желаніе совершенствовать подобныя коллекціи. Замѣчательно однако, что съ половины прошлаго столѣтія, при пробужденіи общаго стремленія къ изученію неодаренныхъ разумомъ произведеній природы, вниманіе къ отличіямъ человека, единственнаго разумнаго творенія—уменьшилось. Малѣйшія растенія и насѣкомыя, самыя уродливыя животныя, камни и раковины, привозимые путешественниками изъ отдаленныхъ странъ, сохранились тщательно; но произведенія искусства народовъ необразованныхъ, домашняя утварь ихъ, идолы и т. п., считались недостойными изученія. Подобные предметы или сохранялись только первымъ пріобрѣтателемъ въ память дальняго путешествія, и послѣ смерти его терялись; или если попадали въ собранія рѣдкостей, то вскорѣ забывалось ихъ происхожденіе и значеніе, ибо не считали нужнымъ составлять имъ списки и описанія. Такимъ образомъ, въ Парижѣ, Амстердамѣ и другихъ городахъ, имѣвшихъ частыя сношенія съ дальними странами, существуетъ множество этнографическихъ предметовъ, о которыхъ неизвѣстно, какому народу и времени они принадлежатъ. Только въ новѣйшее время принялись за учрежденіе Этнографическихъ Музеевъ, какъ общихъ для всѣхъ народовъ (на-примѣръ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, Лейденѣ, Гагѣ), такъ и специальныхъ (на-примѣръ въ Парижѣ—для Египетскихъ, въ Лондонѣ—для Мексиканскихъ вещей).

Долгое пренебреженіе такимъ важнымъ предметомъ было-бы неизъяснимо, еслибы исторія ученыхъ изслѣдованій не доказывала, что собранія, составляемыя въ видахъ науки, появляются только въ то время, когда необыкновенный талантъ одного лица обратитъ общее вниманіе на результаты, которыхъ можно отъ нихъ ожидать; самыя-же этѣ лица, весьма часто, при важныхъ своихъ открытіяхъ, имѣли пособіемъ матеріалы, собранныя вовсе не съ ученою цѣлью. Такъ извѣстно, что во всѣхъ образованныхъ странахъ стали возникать Обсерваторіи, уже послѣ того, какъ Ньютонъ открылъ общій «законъ движенія міровъ»; а тѣ данныя, которыя привели его къ этому открытію, были собраны на Обсерваторіи, воздвигнутой Императо-

ромъ Рудольфомъ II для астрологическихъ работъ, и частью только на Обсерваторіи Тихо-Брага, построенной-было для астрономическихъ наблюдений на островъ Венъ, но которую Датское Правительство вскорѣ потѣмъ уничтожило какъ предметъ безполезнаго расхода. Коллекціи рѣдкостей и цвѣтники Голландіи послужили Линнею матеріаломъ для составленія его «системы природы»; и уже послѣ того возбудилось то живое участіе къ естественнымъ наукамъ, въ слѣдствіе котораго вездѣ, гдѣ только занимаются науками, появились Музеи и Ботаническіе Сады. Этнографическія Собранія начало свое имѣютъ также въ охотѣ собирать рѣдкости, и точно также, въ новѣйшее время, основанные на нихъ случаи весьма замѣчательныхъ ученыхъ выводовъ обратили на нихъ общее вниманіе. Приведу здѣсь нѣсколько тому примѣровъ.

«Въ половинѣ прошлаго столѣтія, извѣстный Датчанинъ, Олаусъ Вормъ, собиралъ изъ любопытства древности Датскія; между-прочимъ, пріобрѣлъ онъ разнаго рода каменныея орудія. Число этихъ орудій, найденныхъ въ Даніи, въ послѣдствіи весьма значительно увеличилось. Ученые вывели отсюда, что Датчане, когда были язычниками, при жертвоприношеніяхъ своихъ употребляли исключительно каменныея орудія, и что груды камней весьма тщательно сложенные, подлѣ которыхъ эти орудія находили, были не что иное, какъ жертвенники. Въ послѣдствіи привезены были тоже каменныея орудія, съ острововъ Южнаго-Океана и изъ странъ, въ новѣйшее уже время изслѣдованныхъ, обитаемыхъ Эскимосами: тутъ убѣдились, что человѣкъ употребляетъ каменныея орудія тогда только, когда ему неизвѣстно еще употребленіе металловъ. Это открытіе обратило снова вниманіе ученыхъ на древности Датскія. Оказалось, что каменныея орудія и въ Даніи никогда не находятъ вмѣстѣ съ металлическими: тогда пришли къ очевидному заключенію, что предполагаемые жертвенники были не другое что, какъ надгробные памятники народа, не знавшаго еще употребленія металловъ, который жилъ здѣсь во времена доисторическія, гораздо задолго до того времени, о которомъ говорятъ самыя древнѣйшія преданія; за этой эпохой послѣдовалъ продолжительный періодъ времени, когда въ Даніи употребляли золото, мѣдъ и бронзу, но все еще не знали желѣза и серебра, и уже послѣ того наступилъ вѣкъ, въ который желѣзо вошло въ употребленіе. Открылось и еще болѣе, а именно: что украшенія, относящіяся къ тому времени, когда употреблялась бронза, совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя принадлежатъ періоду желѣзныхъ вещей, такъ-что бронзовыя орудія, находимыя иногда въ землѣ близъ желѣзныхъ или серебряныхъ вещей, всегда отличаются отъ нихъ своимъ видомъ. Такимъ образомъ, нѣсколько остатковъ древности разлили болѣе свѣта на исторію Даніи, чѣмъ всѣ письменные памятники.

«Слѣдующій примѣръ доказываетъ важность результатовъ знанія самыхъ маловажныхъ орудій весьма незначительнаго народа. Исландскія пре-

данія говорятъ о происходившихъ въ IX и X столѣтіяхъ дальнихъ экспедиціяхъ Норманновъ въ плодородную страну «Винландъ». Послѣ открытія Америки возникло предположеніе, что Норманны изъ Гренландіи посѣщали южныя страны Америки; но это предположеніе долгое время не находило подтвержденія ни въ Америкѣ, ни въ литературѣ Европы; почему въ самой Скандинавіи, а тѣмъ-болѣе въ другихъ земляхъ, стали причислять преданіе Исландское къ числу вымысловъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, привезена была въ Копенгагенъ точная копія съ надписи, найденной на камнѣ въ Массачусетъ, на берегу моря: надпись эта доказала, что Массачусетъ и сосѣдній Штатъ Роде-Эйландъ были Винландъ древнихъ. На этомъ камнѣ представлено сраженіе: воины, стоящіе на одной сторонѣ, бросаютъ въ своихъ противниковъ копья, съ привязанными къ нимъ пузырями, совершенно сходными съ тѣми шарами, которыя Гренландцы и понынѣ укрѣпляютъ на копьяхъ, употребляемыхъ ими для охоты на тюленей. Въ сагѣ Исландской говорится, что въ Винландѣ на Исландцевъ напали туземцы, которые стали бросать въ нихъ мячики, издававшіе при паденіи сильный звукъ; въ слѣдствіе этѣхъ нападеній, Норманны удалились изъ Винланда. Никто изъ ученыхъ антикваріевъ не догадывался, что значатъ эти мячики, пока сказанный камень не указалъ на употребляемые Гренландцами копья съ пузырями. Сверхъ-того, на этомъ же камнѣ есть руны, и можно прочесть первую половину слова «Торфинъ»: это имя предводителя экспедиціи Исландской въ Винландъ. Такимъ образомъ камень этотъ несомнѣнно доказываетъ открытіе и колонизацію Америки чрезъ Норманновъ, за долгое время до Колумба.

«Подобный-же примѣръ можемъ мы найти и въ нашемъ Отеествѣ. Одинъ писатель Арабскій X столѣтія имѣлъ случай видѣть употребляемыя тогда Русскими письма: онъ снялъ съ нихъ копію, которая сохранилась понынѣ, и доставила г. Френу возможность сличить этѣ письма съ извѣстными надписями, существующими на Синайскомъ-Полуостровѣ; между ними оказалось большое сходство.

«Можетъ-быть возразятъ, что всѣ эти примѣры доказываютъ только пользу, которую можетъ извлечь исторія изъ древностей, въ чемъ никто и не сомнѣвается. Но когда Арабъ Ибнъ-эль-Недимъ списывалъ Русскія письма, онѣ не были еще древностью. Притомъ и самыя древности вообще объясняются обычаями и орудіями нашего времени; а все, что теперь употребляютъ народы, будетъ со временемъ древностью. Каменные орудія первыхъ жителей Даніи получили свое историческое значеніе только чрезъ сравненіе ихъ съ орудіями отдаленныхъ странъ, полученныхъ въ новѣйшее время. Въ одномъ болотѣ въ Даніи былъ найденъ человѣческій скелетъ и обувь, которая была тогдаже подробно описана; еслибы въ то время имѣли въ Даніи образчикъ обуви, употребляемой донынѣ Эстами, то конечно убѣдились-бы, что это таже самая обувь. Вотъ живой примѣръ,

до какой степени Собрание Этнографических Предметовъ, принадлежащихъ собственно Россіи, можетъ быть полезнымъ не только для исторіи нашего Отечества, но и сопредѣльныхъ странъ. Впрочемъ, и безъ отношенія къ прошедшему, на-примѣръ: единоплеменность народовъ, кромѣ сходства языковъ, главнѣйше доказывается сличеніемъ ихъ оружія, орудій и одежды.

«Б. Обратимся ко второму изъ предложенныхъ вопросовъ: изъ какихъ предметовъ должно состоять Этнографическое Собрание?

«Мы полагали-бы раздѣлить весь кругъ ихъ на слѣдующіе разряды:

«—1. Предметы, представляющіе внѣшнее физическое образованіе народовъ; сюда относятся: бюсты, слѣпки и хорошіе портреты типическихъ лицъ. Включать-ли въ нашу коллекцію собраніе череповъ, составляющее предметъ специальныхъ изслѣдованій, и притомъ непріятный для глазъ: объ этомъ слѣдуетъ подумать и рѣшить.

«—2. Одежды, различныя по временамъ года. Тутъ полезно имѣть не только одну общую или главную одежду, но и отдѣльныя вещи, покрывающія разныя части тѣла. Праздничную одежду должно предпочитать обыкновенному платью; она иногда характеристически поясняетъ особенности народнаго быта.

«—3. Наряды, какъ-то: серги, ожерелья, головные уборы, и т. п. Не бесполезно-бъ было также имѣть образцы преимущественно любимыхъ и употребляемыхъ народомъ цвѣтовъ.

«—4. Оружіе всякаго рода; также снаряды для охоты и рыболовства, если они представляютъ какую-нибудь особенность. Громоздкія вещи по этому разряду, на-примѣръ: сѣти, капканы и т. п., могутъ быть замѣнены моделями.

«—5. Модели повозокъ, саней, лодокъ, и т. п.

«—6. Модели палатокъ и всякаго рода жилищъ, со всѣми внутри ихъ раздѣленіями.

«—7. Образцы всякаго рода домашней утвари и орудій, представляющихъ какія-либо особенности.

«—8. Предметы, принадлежащіе къ богослуженію язычниковъ, или выражающіе ихъ суевѣрія; какъ-то: идолы, талисманы, модели храмовъ, жертвенниковъ и гробницъ.

«—9. Памятники искусствъ. Сюда относятся какъ самыя орудія, на-примѣръ: музыкальные инструменты и т. п., такъ равно и выдѣланныя искусствомъ вещи: рѣзные, металлическія, и т. д.

«—10. Памятники умственнаго образованія: письменные знаки, и самыя письмена, гдѣ онѣ существуютъ. Знаки письменные, въ родѣ гіероглифовъ, не такъ рѣдки на глубокомъ Сѣверѣ, какъ обыкновенно полагаютъ: у Самоѣдовъ, на-примѣръ, глава cadaго семейства имѣетъ свой особый знакъ (тамгу). Разныя вырѣзки на деревѣ и изсѣченія на камняхъ составляютъ переходъ отъ гіероглифовъ къ письму.

«— 11. Древности всякаго рода, то-есть памятники давнопрошедшаго времени. Онѣ особенно важны по тому, что составляютъ единственный источникъ исторіи, при недостаткѣ писанныхъ документовъ; сверхъ-того, весьма часто объясняется ими самое настоящее. Подобные предметы особенно полезно соединять въ коллекціи по тому, что они легко теряютъ значеніе свое для исторіи. Систематическое собраніе ихъ, безъ-сомнѣнія, объяснило-бы многое, что до сихъ поръ совершенно темно; на-примѣръ, еслибы тщательно соединять вещи, находимыя въ такъ-называемыхъ «чудскихъ-копяхъ», то конечно можно-бы опредѣлить, какому народу эти памятники принадлежатъ. Въ свое время надобно будетъ рѣшить: какіе именно предметы по этому разряду должны входить въ составъ нашего Собранія; на-примѣръ, Обществу едва-ли нужно заботиться о составленіи у себя особой коллекціи монетъ: въ Петербургѣ существуетъ нѣсколько значительныхъ Нумизматическихъ Собраній, которыя можно дополнять, въ случаѣ если-бы Обществу удалось сдѣлать какія-либо пріобрѣтенія въ этомъ родѣ; нѣтъ впрочемъ причины не сохранять при Обществѣ экземпляровъ такихъ монетъ, которыя уже находятся въ другихъ Музеяхъ.

«— 12. Рисунки тѣхъ предметовъ, которыхъ не лѣзя имѣть ни въ подлинникъ, ни въ модели.

«По этимъ разрядамъ можно-бы распредѣлить предметы предполагаемаго Этнографическаго Собранія. Что касается до систематической ихъ разстановки, то вообще есть только два ея способа: по предметамъ, или по народностямъ; послѣдній непріятенъ для глазъ. Г. Клемъ предлагаетъ разстнавливать подобные предметы по степени цивилизаціи народовъ; но этотъ способъ слишкомъ неопредѣлителенъ. Названія всѣхъ предметовъ должны быть обозначены, съ объясненіемъ: какому народу вещи принадлежатъ и откуда взяты. О древностяхъ должно имѣть вѣрные свѣдѣнія: гдѣ и какъ онѣ найдены; на-примѣръ: если изъ гробницъ, то какимъ-образомъ гробницы этѣ были расположены, и т. д.

«В. Третій вопросъ подлежащій обсужденію, есть слѣдующій: какой объемъ можетъ имѣть учреждаемое Собраніе?

«Очевидно, что первое мѣсто въ немъ должно занимать все, поясняющее бытъ народовъ обитающихъ въ Россіи, и древности, найденныя въ нашемъ Отечествѣ, способствующія познанію прошедшаго. Подобное Собраніе удовлетворитъ вполнѣ ожиданіямъ ученыхъ. Впрочемъ не должно отказываться и отъ вещей, касающихся другихъ народовъ, если этѣ вещи приносятся въ даръ Обществу. Этнографическіе предметы одного народа поясняются подобными другаго; древности сопредѣльныхъ намъ странъ, необходимо должны быть сравниваемы съ нашими: тогда только можно ожидать важныхъ для науки результатовъ. Объяснимъ это примѣромъ. На Двинѣ и въ Литвѣ найдено много вещей, совершенно

сходныхъ съ древностями Скандинавскими позднѣйшей эпохи: онѣ доказываютъ сношенія Скандинавовъ, посредствомъ Двины и Днѣпра, съ Византіею. Между-тѣмъ, при всѣхъ успѣхахъ изученія Скандинавскихъ древностей, остается еще необъясненнымъ: съ которой стороны проникла въ Скандинавію цивилизація бронзоваго вѣка; можетъ-быть — съ Востока? Весьма возможно, что доказательства этого предположенія скрываются въ нѣдрахъ земли на Сѣверѣ Россіи, древностей котораго мы не имѣемъ досель ни одной удовлетворительной коллекціи. Но если даже принять и то, что вѣкъ бронзовый проникъ въ Скандинавію съ Юго-Запада, то и тогда остается еще опредѣлить пространство вліянія его на Востокъ, и имѣла-ли Средняя и Сѣверная Россія въ этомъ періодѣ сношенія съ Скандинавіею? Вообще можно принять за правило, употреблять денежныя средства Общества на пріобрѣтеніе этнографическихъ предметовъ и древностей только отечественныхъ, и еще такихъ, которыя касаются сопредѣльныхъ съ Россіею странъ, если отъ нихъ можно ожидать поясненій для нашей исторіи; предметы-же, принадлежащіе отдаленнымъ народамъ, или имѣющіе интересъ для человечества вообще, помѣщать въ Собраніе въ томъ лишь случаѣ, когда они приносятся въ даръ Обществу.

«Изложивъ, такимъ образомъ, планъ предполагаемаго Этнографическаго Собранія въ пособіе изучающимъ настоящій и прошедшій бытъ народовъ, мы обращаемся къ достопочтеннымъ Членамъ Общества и ко всѣмъ любящимъ Отечество, съ просьбою: обогатить это Собраніе приношеніемъ вещей, могущихъ имѣть интересъ для науки, дабы оно сколь-возможно скорѣе достигло степени совершенства, сообразной съ достоинствомъ Общества. Множество безцѣнныхъ для исторіи Отечества матеріаловъ уже погибло, потому-что не было центра для соединенія и сохраненія ихъ. Наше Общество, имѣющее связи во всей Имперіи, представляетъ въ себѣ удобнѣйшее средоточіе для соединенія разбросанныхъ частицъ. Предметы, принадлежащіе частному лицу, болѣею-частію недостаточны для ученаго изысканія: второе поколѣніе не имѣетъ уже интереса въ этѣхъ вещахъ; забываютъ откуда они взяты, и то, что могло-бы принести значительную пользу наукъ, теряется бесполезно. Изъ письменныхъ памятниковъ стараются извлечь все, что можетъ пролить свѣтъ на исторію Россіи; но сколько неизвѣстнаго и неизслѣдованнаго скрывается въ нѣдрахъ земли? Многочисленнымъ курганамъ Южной-Россіи не опредѣлено еще мѣсто въ исторіи: мы не отчаяваемся въ объясненіи современемъ и ихъ происхожденія; дѣло только въ томъ, что успѣшное изслѣдованіе ихъ требуетъ особыхъ познаній, и Общество предоставляетъ себѣ составить по этому предмету особую инструкцію. Встрѣчаемыя въ Сибири на скалахъ надписи также еще не объяснены, и вообще недостаточно изслѣдованы: Общество издастъ наставленіе о удобнѣйшемъ способѣ снимать съ нихъ, и вообще со всякихъ надписей, вѣрныя по-возможности

копии. Члены Общества и Сотрудники, которые находятся въ сношеніяхъ съ народами не-Русскими, легко могли-бы пріобрѣтать и доставлять Обществу — одежды, наряды, оружія и орудія этихъ народовъ, равно — модели жилищъ и другихъ громоздкихъ предметовъ, которые полезно-бы дѣлать изъ тогоже матеріала, изъ котораго сдѣланы самые предметы. При всемъ этомъ существенно важно, чтобы присылаемыя вещи сопровождались достовѣрными свѣдѣніями объ ихъ происхожденіи и прочихъ касающихся до нихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ и тѣ предметы, о которыхъ это неизвѣстно, примутся съ благодарностью, и будутъ сохраняться въ надеждѣ, что наука со-временемъ найдетъ имъ объясненіе.»

— Д. Ч. О. К. И. *Арсеньевъ* прочелъ статью свою: «о торговомъ арманочномъ движеніи въ Россіи».

— Секретарь Общества, *А. В. Головинъ*, обратился къ Совѣту съ просьбою объ увольненіи его отъ этой должности, по случаю отъѣзда его изъ С.-Петербурга. Совѣтъ, уволивъ г. Головнина, исправленіе должности Секретаря поручилъ временно Д. Ч. О. М. Х. *Рейтерну*; а о г. *Головинѣ*, въ справедливой признательности къ его особенному усердію и неусыпной дѣятельности по званію носимому въ теченіе трехъ лѣтъ, опредѣлилъ: предложить его, отъ имени Совѣта, къ балотированію въ Дѣйствительные Члены Общества, въ непосредственно имѣющемъ быть Общемъ Собраніи.

— Избраны въ Дѣйствительные Члены Р. Г. О.: Князь *Г. К. Багратионъ-Мухранскій*, *А. В. Головинъ*, *П. В. Голубковъ*, *В. П. Давыдовъ*, *В. А. Купріяновъ*, Графъ *І. К. Ламбертъ*, *А. А. Никитинъ*, *В. И. Романовичъ*, *Н. М. Спшневъ* и Графъ *К. П. Сухтеленъ*.

Совѣтъ Общества, для текущихъ дѣлъ управленія, имѣлъ засѣданія 31 марта и 28 апрѣля.

По Отдѣленію Статистики было собраніе 13 апрѣля.

ИНОСТРАННЫЯ УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

— КОРОЛЕВСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЛОНДОНСКОЕ. — Въ засѣданіяхъ 24 января и 14 февраля текущаго года, бывшихъ подъ предсѣдательствомъ г. Гамильтона, читано примѣчательное изслѣдованіе г. *Эртона* (*Ayrton*) «объ источникахъ Бѣлаго-Нила», которые, по увѣренію французскихъ путешественниковъ, братьевъ *Абади* (*Abbadie*), находятся на возвышенностяхъ области *Инариу* (*Inaryu*), подъ 7° 49' 48" С. Ш. и 36° 2' 39" В. Д. (отъ Гринича). Противъ мнѣнія *Абади* возсталъ Докторъ *Бекъ* (*Beke*), который, на основаніи мѣстоположенія края и разныхъ этимологическихъ соображеній, находитъ вѣроятнѣйшимъ пред-

полагать, что источники Нила должны находиться по-ту-сторону Экватора. Эртонъ, разобравъ доводы обѣихъ сторонъ, отдаетъ предпочтеніе заключеніямъ Абади, ожидая окончательнаго имъ подтвержденія отъ г. *Арно* (*Arnaud*), отправившагося недавно въ тѣже страны. Вопросъ, служащій предметомъ этому спору, такъ важенъ и любопытенъ для науки землевѣдѣнія, что мы считаемъ неизлишнимъ въ послѣдствіи ознакомить читателей съ его современнымъ положеніемъ.

Въ слѣдовавшемъ затѣмъ засѣданіи 28 февраля, подъ предсѣдательствомъ тогоже г. Гамильтона, между-прочимъ читалась занимательная статья г. *Августа Петермана*: «о высотѣ паденія воды въ рѣкѣ *Иорданѣ*, сравнительно съ нѣкоторыми рѣками Британіи». До-сихъ-поръ, точныя свѣдѣнія объ этой рѣкѣ, освященной столь высокими въ исторіи міра воспоминаніями, крайне скудны; то, что известно объ ней въ послѣднія времена, подлежитъ еще многимъ сомнѣніямъ и спорамъ. Такъ, принимая въ основаніе относительные уровни *Тиверіадскаго-Озера* и *Мертваго-Моря* и разстояніе между ними, выходитъ, что рѣка *Иорданъ*, которая, какъ извѣстно, служитъ нитью соединенія этихъ двухъ водоемовъ, на протяженіи немного больше 80 миль, должна имѣть среднюю высоту паденія $= 16,4$ фф. на милю. Это нѣкоторые, въ томъ числѣ и извѣстный недавній изслѣдователь Святой-Земли, Профессоръ *Робинзонъ*, считали не иначе объяснимымъ, какъ при существованіи въ рѣкѣ пороговъ и стремнинъ; но какъ ничего подобнаго до-сихъ-поръ не было замѣчено путешественниками, переходившими рѣку въ разныхъ пунктахъ ея теченія, то оставалось заключать, что либо уровни озера и моря опредѣлены невѣрно, либо это есть необычайное явленіе, заслуживающее особеннаго вниманія географовъ. На это г. Петерманъ въ статьѣ своей представляетъ, что высота паденія воды въ рѣкахъ конечно имѣетъ вліяніе на быстроту и силу ихъ стремленія, но отнюдь не въ такой степени, чтобы мѣрой этой высоты въ точной соотвѣтственности опредѣлялась и мѣра быстрины. *Рейнъ*, *Дунай* и *Эмба* весьма быстры, но высота паденія ихъ простирается не болѣе какъ на одинъ или два, очень рѣдко до трехъ футовъ на милю; такъ-называемый «тихоструйный *Твидъ*» (*gentle Tweed*), паденіе котораго среднимъ числомъ вычисляется въ восемь футовъ, съ прилива къ нему *Биггара* (*Biggar-Water*) свободно до моря носитъ небольшія суда, напротивъ величайшія препоны судоходству въ *Дунаѣ* составляетъ паденіе на какіе-нибудь два фута. Вообще, по мнѣнію г. Петермана, быстрина теченія рѣкъ главнымъ-образомъ зависитъ отъ геологическаго устройства ихъ ложа. *Севернъ* (*Severn*) въ Англіи и *Шаннонъ* (*Shannon*) въ Ирландіи, рѣки почти равныя величиной, имѣютъ среднюю высоту паденія: первая—26,6 дюймовъ, послѣдняя—только 9 дюймовъ на милю; между-тѣмъ *Севернъ* течетъ совершенно спокойно, безъ всякихъ пороговъ и стремнинъ, а *Шаннонъ* напротивъ образуетъ великолѣпные

пороги *Дунаские* (falls of *Doonas*), соперничающіе съ знаменитѣйшими въ Европѣ. Приводя длинный рядъ подобныхъ вычисленій величины и паденія разныхъ рѣкъ Британіи и сопровождая ихъ тщательными гидрографическими изслѣдованіями, г. Петерманъ доходитъ до заключенія, что высота паденія Іордана, какъ она теперь извѣстна, можетъ быть допущена безъ предположенія въ немъ пороговъ и стремнинъ, и въ этомъ нѣтъ вовсе ничего чрезвычайнаго. Заслуживаетъ также вниманія замѣченное въ этой статьѣ обстоятельство, что, при сличеніи показаній *Де-Берту* (*De-Bertou*), *Русегера* (*Rusegger*) и *Фон-Вильденбруха*, какъ Тиверіадское-Озеро, такъ и Мертвое-Море, оказываются понижающимися въ своемъ уровнѣ какъ-будто въ хронологической послѣдовательности: наблюденія *Де-Берту* въ 1838 году обозначили въ нихъ гораздо большее пониженіе, чѣмъ наблюденія предшествовавшего 1837 года.

— лондонскій королевскій институтъ. — Въ этомъ ученomъ учрежденіи, въ засѣданіи бывшемъ 10 марта, подъ предсѣдательствомъ Адмирала Кодрингтона, Докторъ *Р. Г. Латамъ* (*R. G. Latham*) читалъ въ-особенности для насъ Русскихъ любопытное изслѣдованіе: «объ этнологическомъ сродствѣ народовъ Кавказскихъ». Выраженіе «Кавказскій» разумѣется здѣсь въ самомъ тѣсномъ, строго-географическомъ смыслѣ: то-есть, включаетъ подъ собой тѣ только народы, которые обитаютъ у подножія и въ ущельяхъ Кавказскаго-Хребта, между морями Каспійскимъ и Чернымъ. Народы эти представляютъ разительную противоположность съ окружающими ихъ сосѣдами, принадлежащими къ тремъ большимъ семействамъ: Русско-Славянскому, Персидскому и Турецкому. Тогда-какъ эти послѣдніе раскидываются сплошными много-милліонными массами на огромныя пространства, народы или правильнѣе — народцы «собственно-Кавказскіе», въ тѣсныхъ предѣлахъ ихъ мѣсто-пробыванія, скучены во множествѣ небольшихъ, раздѣльныхъ, одинокихъ племенъ, другъ-на-друга столькоже, сколько и на весь остальной міръ непохожихъ. Это всего очевиднѣе доказывается многочисленностью ихъ языковъ, которыхъ древніе классическіе писатели насчитывали до трехъ-сотъ. Баснословная цифра эта новѣйшими изслѣдованіями значительно сокращена, но все еще не доведена до точной положительной опредѣлительности. Полагаютъ, что въ настоящее время число всѣхъ нарѣчій Кавказскихъ не простирается выше семидесяти. Клапротъ различилъ въ нихъ пять главныхъ группъ, другъ-отъ-друга совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ: 1) Осетинскую, 2) Георгіанскую или Грузинскую, 3) Лезгинскую, 4) Чеченскую и 5) Черкесскую. Тоже самое раздѣленіе принялъ въ основаніе своему обзору и Докторъ Латамъ. Впрочемъ главною задачею для себя онъ поставилъ изслѣдованіе сродства этихъ языковъ не между-собою, а вообще съ языками, какіе есть на свѣтѣ; причемъ совершенно устра-

нимъ общепринимаемое нынѣ «Индоевропейское происхожденіе» языка *Осетинскаго*, признавая этотъ послѣдній, точно также какъ и всѣ прочіе, чисто-туземнымъ — просто-Кавказскимъ: такъ-что посему всѣ его изысканія и выводы относятся не порознь, а ко всѣмъ вообще Кавказскимъ языкамъ и нарѣчіямъ. Съ установленной такимъ образомъ точки зрѣнія, онъ повелъ свое изслѣдованіе путемъ отрицанія, показывая, что разсматриваемые языки не представляютъ «этнологическаго (какъ онъ говоритъ) сродства» (the ethnological affinity): ни съ сопредѣльными Русско-Славянскимъ, Персидскимъ и Турецкимъ — ни съ еще болѣе близкимъ (почти сливающимся съ ними географически) языкомъ Армянскимъ — ни съ Египетскимъ (что можно-бъ было предполагать по древнимъ историческимъ преданіямъ о населеніи Колхиды изъ Египта) — ни вообще съ языками Индоевропейскими — ни даже наконецъ съ Сибирскими (въ томъ смыслѣ, какъ это допускалъ Клапротъ). На чемъ же наконецъ останавливаются этѣ отрицанія? На томъ, что языки Кавказа, въ ихъ общности, имѣютъ наиблизайшее сродство съ языками «односложными», изъ коихъ самый ближайшій къ нимъ географически есть языкъ *Тибетскій*, онъ-же слѣдовательно долженъ быть и ближайшимъ ихъ этнологическимъ корнемъ. Развивая это предположеніе, ученый Британецъ изъ замѣчаемаго имъ въ-особенности сходства «именъ числительныхъ» заключаетъ, что Кавказскіе языки должны были отдѣлиться отъ предполагаемаго корня уже послѣ установленія понятій и словъ, означающихъ числа: напротивъ-того совершенное различіе въ выраженіяхъ, касающихся «религій и разныхъ социальныхъ отношеній», служить для него доказательствомъ, что это отдѣленіе воспослѣдовало прежде развитія въ *Тибетѣ* общественной и религіозной образованности. То рѣзкое отчужденіе отъ корневаго начала, въ какомъ эти языки являются нынѣ, произошло главнымъ образомъ въ слѣдствіе вліянія на нихъ языка Персидскаго. Вообще-же, въ предполагаемой такимъ образомъ цѣпи языковъ, выражается слѣдующая постепенность: нарѣчія Китайскія суть чисто односложныя; въ языкѣ Тибетскомъ есть уже зародыши грамматической гибкости; эта гибкость еще больше развертывается въ Кавказскихъ языкахъ, но все еще съ сохраненіемъ рѣзкихъ слѣдовъ родоваго характера односложности. Взглядъ, по самой странности своей, заслуживающій быть принятымъ во вниманіе лингвистами! —

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭКСПЕДИЦИИ.

— СУХОПУТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДОКТОРА РА КЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИМЪ БЕРЕГАМЪ ПОЛЯРНАГО - ОКЕАНА. — Докторъ *Джонъ Ра* (*Rae*), по порученію Гудзонбэйской Компаніи, совершилъ, въ недавнее время, весьма любопытное путешествіе въ самыхъ крайнихъ, доселѣ извѣстныхъ,

предѣлахъ Сѣверо-Американскаго Материка. Это путешествіе, продолжавшееся съ 5 іюля 1846 по 3 сентября 1847 года, со всѣми тягостями и опасностями, неизбежными въ столь дальней глуши, среди ужасовъ въ полномъ смыслѣ «гинерборейской» природы, вознаградилось важными результатами для географіи Полярныхъ-Странъ, до-сихъ-поръ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, бывшей предметомъ жаркой полемики въ Англіи: ибо, выслѣдивъ сухопутно пространство отъ истма *Мельвилева - Полуострова* вдоль западнаго берега *Залива-Комитета*, привело въ достаточную извѣстность, что такъ-названная Россомъ *Бутія-Феликсъ* (*Boothia Felix*) съ полуостровомъ этимъ соединяется непрерывно, слѣдовательно принадлежитъ къ Сѣверо-Американскому Материку, а потому и *Проливъ Фуріи* и *Геклы*, вопреки мнѣнію сэра Джона Барро (*Barrow*) и всѣхъ гидрографовъ Англійскаго Адмиралтейства, не имѣетъ къ Западу прямого соединенія съ Полярнымъ-Моремъ, значить не можетъ служить къ ожидаемому чрезъ него сообщенію Атлантическаго Океана съ Великимъ. Сообщаемъ здѣсь краткое описаніе этого географическаго подвига, на основаніи подробнаго донесенія, представленнаго путешественникомъ Директору Гудзонбейской Компаніи, съ приложеніемъ «карты пройденной имъ страны и сдѣланныхъ открытій».

Экспедиція вышла изъ Чорчилля 5 іюля 1846 года, и плыва днемъ и ночью на лодкахъ подъ парусами, встрѣтила первые льды 15 іюля, въ десяти миляхъ къ С. отъ Мыса-Фуллертонъ (*Cap Fullerton*), въ 64° 6' 45" С. Ш. Ледъ былъ такъ толстъ и густъ, что путешественники, опасаясь быть затертыми, должны были зайти въ бухту, гдѣ и простояли два дни. Іюля 22, они достигли до самаго южнаго устья Рѣки-Уэджеръ (*Wager River*), гдѣ опять крупный ледъ остановилъ ихъ на сутки. Какъ скоро отливъ унесъ ледъ въ море, то путешественники продолжали путь свой по направленію къ *Губи-Отраженія* (*Repulse Bay*); 24, въ семь часовъ вечера, обогнули Мысъ-Надежды (*С. Норре*); а 25, въ три часа по полудни, пришли въ Бухту-Гибсона (*Gibson's Cove*), на берегахъ котораго, съ удовольствіемъ, увидѣли нѣсколько палатокъ Эскимосовъ. Четверо изъ этихъ туземцевъ, стоявшіе на берегу, сперва очень испугались, но убѣдясь въ дружескихъ намѣреніяхъ пришельцевъ, скоро ободрились: ни одинъ изъ нихъ не бывалъ въ Чорчиллѣ; но двѣ женщины видѣли корабли Капитана Парри, и сохранили еще стеклярусныя ожерелья, имъ подаренныя. Изъ разсказовъ ихъ Ра узналъ, что западный берегъ *Мельвилева - Полуострова* находился оттуда только въ сорока миляхъ, по направленію къ С.-С.-З., и что на всемъ этомъ пути едва-ли найдется на пять миль земли, все-же прочее занято озерами; почему, оставивъ намѣреніе обогнуть полуостровъ *Проливомъ Фуріи и Геклы*, онъ рѣшился плыть внутри земли, озерами, переставая лодки съ одного озера на другое волокомъ.

Схоронивъ здѣсь значительное количество запасовъ, Ра пустился дальше внутрь полуострова, вверхъ по быстрой и весьма каменистой рѣкѣ, вытекающей изъ одного изъ внутреннихъ озеръ. Юля 26, вышелъ онъ на берегъ подь $66^{\circ} 22' 4''$ С. Ш.; здѣсь оказалось, что ходъ бывшаго при экспедиціи хронометра сдѣлался весьма неправильнымъ и не могъ болѣе служить для опредѣленія долготы; въ послѣдствіи онъ и совсѣмъ остановился. Путешественники спрятали тутъ еще запасъ провизіи, и оставивъ одного изъ товарищей сторожить ее, отправились далѣе по рѣкѣ въ озеро, изъ котораго она текла: ширина озера была отъ полумили до 80 сажень, а глубина въ иныхъ мѣстахъ болѣе 25 сажень. Пройдя затѣмъ еще нѣсколько озеръ и переволоковъ, 1 августа они достигли до текущей къ С.-З. довольно мелкой рѣчки, и пустились по ней; но тутъ должны были довольно часто вытаскивать лодку на берегъ, или перетаскивать ее черезъ мѣли. Наконецъ, августа 2, приплыли они въ небольшое соленоводное озеро, имѣвшее одинъ только истокъ къ С. въ море. Здѣсь встрѣченные Эскимосы объявили, что море къ С. постоянно покрыто льдомъ, и что они иногда только, съ большимъ трудомъ, пускаются въ него въ своихъ «каякахъ» (kuaks — кожаныя лодки, байдарки). Докторъ самъ захотѣлъ убѣдиться въ этѣхъ показаніяхъ, и поплылъ впередъ, между большими льдинами, вдоль берега устѣяннаго гранитными холмами. Пройдя одиннадцать миль, онъ достигъ отвѣсной скалы, выдававшейся въ море, и назвалъ ее *Мысомъ-Гаргрева* (С. *Hargrave*). Августа 3, подь $67^{\circ} 28'$ С. Ш. и $87^{\circ} 40' 3''$ Д. (примѣрно), обогнулъ онъ мысъ, которому далъ имя *Леди-Пелли* (С. *Lady Pelly*), въ честь супруги Директора Гудзонбейской Компаніи. Но три мили далѣе затѣмъ, лодку такъ затерло льдомъ, что не было возможности двинуться ни взадъ ни впередъ. Глубина, на разстояніи эта сажень отъ берега, доходила отъ $2\frac{1}{2}$ до 4 сажень; грунтъ былъ песокъ съ иломъ.

Въ такомъ положеніи, экспедиціи ничего болѣе не оставалось, какъ повернуть назадъ. Съ величайшимъ трудомъ и опасностями выбралась она изъ льдовъ, и наконецъ 10 августа достигла опять *Губы-Отраженія*. Тутъ видя невозможность итти далѣе къ С. по морю совершенно покрытому льдомъ, особливо при начавшихся постоянныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ, и притомъ боясь быть захваченнымъ въ пути зимой безъ провизіи и безъ приюта, Ра долженъ былъ рѣшиться тогдаже приняться за устройство зимняго прибѣжища. Онъ выбралъ удобный для того пунктъ въ одномъ изъ углубленій берега рѣки, въ четверти мили отъ моря, и началъ съ помощію Эскимосовъ строить здѣсь себѣ зимовье. То была хижина въ 20 фф. длины, 14 фф. ширины и $7\frac{1}{2}$ фф. вышины по переднему фасу; но какъ крыша, составленная изъ парусины и моржевыхъ шкуръ, шла назадъ отлого, то задняя стѣна имѣла только 5 фф. въ вышину. Мачты и весла лодки служили устоями; а дверь

состояла изъ дубленыхъ оленьихъ шкуръ, натянутыхъ на деревянную раму. Ра назвалъ эту хижину *Укрѣпленіемъ-Надежды* (*Fort Hope*). Ея С. Ш. = $66^{\circ} 32' 46''$, а З. Д. (по нѣсколькимъ луннымъ разстояніямъ) = $86^{\circ} 55' 51''$; склоненіе магнитной стрѣлки 30 августа 1846 года было = $52^{\circ} 50' 30''$ З.; наклоненіе стрѣлки = $88^{\circ} 44'$; средняя продолжительность 100 вертикальныхъ колебаній = 226". Это такъ-названное «укрѣпленіе» было готово ко 2 сентября. Во все время постройки, и послѣ, путешественники не переставали, вмѣстѣ съ Эскимосами, заниматься охотой на оленей и ловомъ семги; но вскорѣ сѣти ихъ были источены и изорваны какимъ-то морскимъ наѣткомъ, похожимъ на маленькаго рачка.

Октября 16, термометръ впервые опустился до 0° по Фаренг. ($-14,2^{\circ}$ по-Реом.). Олени почти все ушли къ тому времени на югъ, и только изрѣдка показывались нѣкоторые запоздалые. Впрочемъ путешественники успѣли набить ихъ себѣ въ запасъ 232 штуки, къ которымъ прибавилось въ послѣдствіи еще 32; все это, съ 200 куропатками и нѣсколькими штуками семги, составляло весьма порядочный зимній запасъ. Дровъ для кухни было заготовлено довольно, хотя безъ излишества; а два убитыхъ тюленя снабдили на зиму масломъ для ночниковъ. Между тѣмъ, съ наступленіемъ зимы, хижина сдѣлалась довольно холодною. Въ каморкѣ Доктора, отдѣленной отъ жилища экипажа парусинною занавѣсью, часто бывало отъ 10 до 42° ниже нуля по-Фаренг. (около 19° мороза по-Реом.); въ общей комнатѣ для экипажа, немного было теплѣе. Дурно устроенная печь кухни сильно дымила, какъ скоро дверь хижины была затворена; оттого зимнее убѣжище путешественниковъ постоянно выстуживалось. Зима вообще была суровая и весьма бурная, такъ-что путешественники едва смѣли выходить изъ хижины. Преимущественно дулъ С.-З. вѣтеръ; самая низшая температура стояла 8 января: въ этотъ день было -47° по Фаренг. (-35° по-Реом.). Не смотря на все это, они привыкли къ своему положенію, и все, безъ исключенія, были веселы и здоровы.

Въ концѣ февраля, начались приготовленія къ весенней кампаніи. Изъ разобранныхъ лодокъ построили двое саней, по образцу Эскимосскихъ, и запрягли въ нихъ собакъ. Ра пустился изъ своего зимовья 5 апрѣля, вмѣстѣ съ тремя изъ своихъ людей и въ сопровожденіи двухъ Эскимосовъ. Два дни слѣдовали они по прошлогоднему пути, совершенному по озерамъ въ лодкахъ, и 7 апрѣля прибыли къ небольшому озерку, въ четырехъ миляхъ отъ *М.-Гаргрева*; отсюда одинъ изъ проводниковъ-Эскимосовъ воротился назадъ, съ санями и собаками. Не смотря на густой снѣгъ и сильную вьюгу, путешественники 8 апрѣля прошли семь миль за *М.-Леди-Пелли*. На другой день погода была хорошая, и 10 апрѣля, около полудня, они достигли до круглой оконечности, которую называли *М.-Вейнтонъ* (*C. Weinton*). Дорога шла по

бухты, около шести миль въ длину и десяти въ ширину, которая названа *Б.-Кольвиля* (*Colville C.*), по имени Помощника Директора Гудзонбейской Компаніи; сѣверная-же оконечность этой бухты, по имени Гидрографа Адмиральтейства, названа *М.-Бюфорта* (*B. Beaufort*).

Земля простиравшаяся на С.-С.-З., дотолѣ скалистая, стала дѣлаться ровнѣе, и заворотила совершенно къ С., съ почвою примѣтно известковою. Путешественники отдохнули въ *Б.-Кейта* (*Keith B.*), подѣ $68^{\circ} 17' \text{ С. Ш.}$ и $88^{\circ} 22' \text{ З. Д.}$ Здѣсь берегъ круто поворотилъ на В., и проводникъ-Эскимось объявилъ Доктору, что, пустясь по направленію къ С.-З., онъ значительно сократитъ путь: это предложеніе было принято. После трехдневнаго странствованія, апрѣля 15, при весьма бурной погодѣ и морозѣ $22\frac{1}{2}^{\circ}$ по-Реом., путешественники достигли до утесистыхъ береговъ бухты, устѣянной скалистыми островами, которую проводникъ-Эскимось называлъ *Ак-ку-ли-гу-уякъ*. Здѣсь Докторъ оставилъ экипажъ свой для отдыха, а самъ, 17 апрѣля, съ двумя только спутниками, пустился для обозрѣнія еще неизслѣдованной части берега и открытія котораго-либо изъ пунктовъ, опредѣленныхъ сэромъ Джономъ Россомъ.

Направляясь прямо къ С.-З., при холодной, но ясной погодѣ, по совершенно гладкому льду, Ра, въ семнадцати миляхъ оттуда, достигъ до *М.-Беренса* (*C. Berens*), лежащаго подѣ $69^{\circ} 4' 12'' \text{ С. Ш.}$ и $90^{\circ} 35' \text{ З. Д.}$ мысъ этотъ весь гранитный, и отчасти покрытъ мохомъ. Далѣе берегъ шелъ все къ С.-З., но потѣмъ круто заворотилъ на В. Докторъ продолжалъ по немъ путь свой, вдоль западнаго берега узкой бухты, которой, въ память одного изъ Членовъ Гудзонбейской Компаніи, далъ имя *Б.-Галькета* (*Halkett C.*). Отсюда взялъ онъ прямо почти на С., не держась уже берега, и едва прошелъ нѣсколько миль внутрь земли, пробираясь чрезъ скалы и ледники, какъ передъ нимъ разостлался покрытый льдомъ *З.-Лорда-Мера* (*Lord Mayor B.*), съ безчисленными островами, которымъ Россъ далъ названіе *Чадъ Духовенства Шотландской Церкви* (*Sons of the Clergy of the Church of Scotland*). Перешеекъ, соединяющій эту землю къ С. съ *Бутіей-Феликсъ*, имѣетъ только милю ширины, и судя по множеству камней, поставленныхъ на примѣту и память, вѣроятно весьма часто посѣщается туземцами: его С. Ш. = $69^{\circ} 3'$, а (примѣрная) З. Д. = $91^{\circ} 29' 30''$.

Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своего путешествія, Докторъ исполнилъ обрядъ вступленія во владѣніе вновь обозрѣнною землею отъ имени Великобританіи, и затѣмъ, по берегу бухты, направился еще далѣе къ В. Прошедши четыре мили, онъ увидѣлъ, что земля, бывшая у него по лѣвую руку, круто повернула на С., оставивъ, по этому направленію, отверстіе мили въ двѣ шириной, замыкаемое къ В. однимъ или нѣсколькими островами. Проливъ, отдѣляющій эти острова отъ земли, казался весьма узокъ и имѣлъ склоненіе къ Ю.

Такъ-какъ у путешественниковъ оставалось очень мало съѣстныхъ припасовъ, то они, 20 апрѣля, признали за нужное повернуть отсюда назадъ, въ обратный путь. Перебираясь чрезъ многочисленныя крутизны, снова достигли они до *Б.-Галькета*. Оттуда недалеко встрѣтились съ ними четыре незнакомые Эскимоса, которые снабдили нашихъ странниковъ тюленьимъ жиромъ и мясомъ, и сверхъ-того продали имъ двухъ прекрасныхъ собакъ. Затѣмъ, по причинѣ глазной болѣзни людей и слабости собакъ, Докторъ вынужденъ былъ остановиться отдохнуть, на островѣ подь $68^{\circ} 53' 44''$ С. Ш. и $89^{\circ} 56'$ З. Д. (примѣрно). Этотъ островъ есть гранитная скала, возвышающаяся на 130 фф. надъ уровнемъ моря, съ прекраснымъ видомъ на заливъ, который простирается миль на шестнадцать или осмнадцать къ Ю. и устьямъ множествомъ гранитныхъ островковъ. Заливъ этотъ Ра назвалъ *З.-Пелли*, а острова — *Гарриссоновыми*.

Отсюда, 24 апрѣля, Докторъ отправился для обозрѣнія береговъ земли, по которой дѣлалъ свою послѣднюю экскурсію. Путь шелъ къ С.-В., на разстояніи двадцати-пяти миль; потѣмъ заворотился на восемь миль къ В., образуя мысъ, которому дано имя *М.-Чапмена* (*C. Chapman*); отсель, по направленію къ Ю.-В. — сорокъ миль, наконецъ къ Ю. — еще тридцать миль, до *Б.-Кейта*. Вся эта земля плоска и слабо возвышена; берегъ имѣетъ правильное очертаніе и представляетъ мало бухтъ и мысовъ: Ра назвалъ ее *Симпсоновымъ-Полуостровомъ* (*Simpson's Peninsula*). Далѣе держался онъ сколь-возможно ближе своего перваго пути, и 5 мая прибылъ обратно къ *Губѣ-Отраженія*, гдѣ оставленное зимовье нашелъ въ совершенномъ порядкѣ.

Имѣя еще въ виду обозрѣть западный берегъ *Мельвилева-Полуострова*, Ра, съ четырьмя спутниками, 13 мая отправился почти прямо къ С., чрезъ цѣпь озеръ къ морю, и 16 мая достигъ до *М.-Томаса-Симпсона*, подь $67^{\circ} 49' 44''$ С. Ш. и 87° З. Д. Отсюда онъ воротилъ назадъ двухъ изъ своихъ спутниковъ, вмѣстѣ съ санями и собаками; самъ же, съ остальными двумя, пошелъ чрезъ бухту, имѣющую до осмнадцати миль ширины, въ которой было два острова: одинъ изъ нихъ получилъ имя *Приста-Валлійскаго*, другой названъ *О.-Сабина*. Утесистый берегъ бухты направлялся постоянно въ С.-С.-В.; внутренность земли казалась холмистою. Мая 20, буря задержала путешественниковъ на сутки у *М.-Леди-Симпсонъ*, подь $68^{\circ} 40'$ С. Ш. и $85^{\circ} 53'$ З. Д.; поутру, 21 мая, они прошли *Б.-Селькирка* (*Selkirk B.*), и остановились близъ замерзшей до дна рѣки, на островѣ подь $68^{\circ} 48'$ С. Ш. и $85^{\circ} 4'$ З. Д. Отсюда, чрезъ *Б.-Гарри* (*Garry B.*), Докторъ проникнулъ къ С.-В. до $69^{\circ} 49' 39''$ С. Ш. и $85^{\circ} 4'$ З. Д. (по вычисленію, котораго не лзя было повѣрить по той причинѣ, что хронометра и часовъ порядочныхъ не было, а на компасы сильно дѣйствовало мѣстное притяженіе). Затѣмъ прошелъ онъ еще десять миль къ С., до обширной губы,

которой далъ имя *Парри*; предѣль, до котораго онъ тутъ достигъ, былъ *М.-Крозьера* (*C. Crozier*), а отдаленнѣйшій изъ мысовъ, видимыхъ по-ту-сторону губы, назвалъ онъ *М.-Эллиса* (*C. Ellise*). Хотя *Проливъ Фуріи* и *Геклы* долженъ былъ находиться недалеко за этимъ послѣднимъ мысомъ, но совершенный недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставилъ путешественниковъ воротиться отсюда назадъ. Затѣмъ обратный путь ихъ до *Укрѣпленія - Надежды* совершился благополучно; зарытые тамъ запасы провизіи найдены цѣлыми.

Экспедиція прибыла сюда 9 іюня, послѣ двадцати-семи дневнаго отсутствія. Здѣсь, въ концѣ іюля, перебивало у путешественниковъ множество Эскимосовъ; Ра, между-тѣмъ, обозрѣвалъ берега *Губы - Отраженія*. Наконецъ, когда ледъ на заливѣ сломало 11 августа, путешественники наши въ слѣдующій день отправились къ Чорчилю, котораго достигли 31 августа. Тутъ противные вѣтры и бури задержали ихъ еще по 3 сентября, такъ-что не прежде 6 сентября возвратились они въ Юркскую-Факторію.

Неизлишнимъ считаемъ здѣсь, послѣ всего, прибавить въ заключеніе, что г. *Кингъ*, какъ видно поставившій себѣ въ обязанность сомнѣваться во всемъ и все оспаривать (см. Г. И. стр. 17 — 18), нашелъ и тутъ пищу своему неумолимому скептицизму. До-сихъ-поръ онъ постоянно опровергалъ важность, которую, на основаніи предшествовавшихъ открытій, приписывали *Проливу Фуріи* и *Геклы*, какъ пути полярнаго сообщенія между Атлантическимъ и Великимъ Океанами. Теперь когда Ра по-видимому совершенно оправдалъ его опроверженія, *Кингъ* возсталъ противъ него, утверждая, что сдѣланные имъ развѣдки, въ отношенія къ выводимому изъ нихъ результату, «съ географической точки зрѣнія вовсе недоказательны» (*valueless in a geographical point of view*). По его мнѣнію, можно еще сомнѣваться: точно-ли заливъ, при которомъ Ра счелъ цѣль путешествія своего достигнутою, былъ *Заливъ Лорда Мера*? Впрочемъ, еслибъ это было и такъ, то производя свои розысканія въ такое время, когда вся природа была покрыта снѣгами и льдами, препятствовавшими различать землю отъ воды, а тѣмъ болѣе воду прѣсную отъ воды соленой, Ра не представляетъ никакихъ достовѣрныхъ, на очевидности основанныхъ ручательствъ, чтобы путь его до этого залива продолжался по непрерывному протяженію матерой земли, и что слѣдовательно *Бутія-Феликсъ* состоитъ въ непрерывной связи съ *Мельвилевымъ-Полуостровомъ*. Это послѣднее возраженіе, которому не лзя отказать въ основательности, было высказано и въ Р. Г. О., г. Помощникомъ Предсѣдателя *О. П. Литке*, при первомъ извѣстіи о результатахъ экспедиціи Доктора Ра; а потѣмъ, въ видѣ замѣтки, намекнуто въ недавно изданной Р. Г. О. «Карманной Книжкѣ для любителей Землеводѣнія на 1848 годъ» (стр. 74).

— ОТКРЫТІЯ, СДѢЛАННЫЯ ВЪ АВСТРАЛІИ РАЗВѢДОЧНОЮ ЭКСПЕДИЦІЕЮ, ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ Т. МИТЧЕЛЯ. — По поводу неудавшагося обширнаго плана Доктора Лейхардта на - счетъ Австраліи, мы имѣли уже случай упоминать (Г. И. стр. 49 — 20) о сэрѣ *Томасѣ Митчеллѣ*, котораго Колоніальное Правительство Новаго - Южнаго - Валлиса, какъ Начальника Топографическихъ Работъ (*Surveyor General*), въ началѣ предпрошлаго 1846 года отправило для точнѣйшихъ и подробнѣйшихъ изслѣдованій по направленію къ *Заливу - Карпентаріа*; Лейхардтъ предполагалъ встрѣтиться съ нимъ на его обратномъ уже пути въ Сидней, куда сэръ Томасъ дѣйствительно воротился вскорѣ по отбытіи Доктора. Вотъ краткій очеркъ сдѣланныхъ имъ весьма любопытныхъ открытій. Экспедиція начала свое путешествіе съ соединенія рѣки *Макверри* (*Macquarrie*) съ рѣкой *Дарлингъ* (*Darling*), подъ $30^{\circ} 6' \text{ Ю. Ш.}$ и $147^{\circ} 33' \text{ В. Д.}$ (отъ Гринича). Она потянулась оттуда въ направленіи къ С., чрезъ болото *Нарранъ* (*Narran*), и поднимаясь вверхъ по рѣкѣ *Балонъ* (*Balonne*), одной изъ верхнихъ притоковъ *Дарлинга*, достигла горной цѣпи, лежащей подъ $26^{\circ} 33' \text{ Ю. Ш.}$ и $149^{\circ} 2' \text{ В. Д.}$, которая названа *Высотами - Фицроя* (*Fitzroy Downs*). По - ту - сторону этѣхъ высотъ открылась рѣка, текущая на Ю. - З. и стольже значительная какъ *Дарлингъ*, которую туземцы называли *Мараноя* (*Maranoa*); послѣ оказалось, что эта рѣка, также какъ и *Балонъ*, соединяется съ *Дарлингомъ*. Сэръ Томасъ преслѣдовалъ теченіе этой рѣки вверхъ до горной цѣпи съ волканическими сопками, и, между ею и другою грядою холмовъ повыше, простирающеюся вдоль морскаго берега, встрѣтилъ еще одну цѣпь высотъ, идущую къ З. почти подъ 25° параллелью Ю. Ш. Тутъ открылась довольно трудная, гористая сторона, песчано-каменистаго свойства. Выбравшись изъ ея долинъ и ущелій, экспедиція пришла на рѣку *Беляндо* (*Belyando*), которая, когда въ первый разъ ее увидѣли, имѣла теченіе по направленію къ С. - З.; путешественники остановились на ней подъ 24° Ю. Ш. и $147^{\circ} 17' \text{ В. Д.}$ Въ слѣдствіе дальнѣйшихъ затѣмъ розысканій оказалось, что рѣка эта подъ $24^{\circ} 30' \text{ Ю. Ш.}$ поворачивается на С. - В., и что она есть та самая, которую Докторъ Лейхардтъ въ первомъ своемъ путешествіи означилъ подъ именемъ *Рѣки - Мыса* (*Sar River*). Во время развѣдокъ по ея теченію, при переходѣ горной цѣпи подъ 25° Ю. Ш. , барометръ далъ средней высоты надъ поверхностью моря до 2,000 фф. Такъ-какъ главная цѣль экспедиціи Митчеля состояла въ томъ, чтобы найти какую - нибудь рѣку, несущую воды свои въ *Заливъ - Карпентаріа*, то онъ, съ становища своего подъ $24^{\circ} 30' \text{ Ю. Ш.}$, пошелъ далѣе въ направленіи къ З. Подъ $24^{\circ} 50' \text{ Ю. Ш.}$ и $146^{\circ} 42' \text{ В. Д.}$, нашелъ онъ «проходъ» (гар) сквозь западную гряду высотъ, и за ней открылась прелестная сторона, состоящая изъ равнинъ, перемежающихся съ лег-

кими возвышеніями, а посреди ея рѣка, направляющаяся къ С.-С.-З. Десять дней шелъ онъ внизъ по этой рѣкѣ, до пункта подъ $24^{\circ} 14'$ Ю. Ш. и $144^{\circ} 34'$ В. Д., откуда, съ вершины одного возвышенія, увидѣлъ, что рѣка поворотила прямо на С., и въ этомъ направленіи такъ и терялась въ послѣднихъ предѣлахъ горизонта. Хотя отсель до *Залива Карпентаріа* было еще около семи градусовъ, тѣмъ-не-менѣе сэръ Томасъ счелъ себя въ правѣ убѣдиться, что рѣка эта, судя по направленію ея и значительному объему, должна изливаться не иначе, какъ въ этотъ самый заливъ; и такимъ образомъ, видя въ ней цѣль своихъ поисковъ достигнутою, почтилъ ее именемъ *Викторіи*, въ честь Е. В. Королевы Великобританской. Затѣмъ, предоставляя дальнѣйшее продолженіе и довершеніе своего открытія будущности, онъ распорядился объ окончательномъ возвращеніи домой вѣренной ему экспедиціи: что и исполнилось благополучно въ началѣ прошедшаго года. Новооткрытая рѣка пройдена Митчелемъ на протяженіи болѣе 200 миль. Край, орошаемый ею, чрезвычайно примѣчателенъ по удобствамъ, какія представляетъ къ обитаемости и сообщеніямъ. Въ-особенности богатъ онъ разнообразіемъ новыхъ видовъ растений и птицъ, весьма отличныхъ отъ находящихся въ прежде-изслѣдованныхъ странахъ. Туземцевъ встрѣчалось немного, и можно-сказать безъ особенныхъ враждебныхъ расположеній къ путешественникамъ: было только замѣтно, что имъ не нравилось, если путешественники долго оставались на одномъ мѣстѣ, причемъ они весьма значительно давали разумѣть пришельцамъ, что земля эта ихъ и что они въ ней хозяева. Вообще это путешествіе, кромѣ замѣчательности его въ самомъ себѣ, важно для науки тѣмъ, что, въ соединеніи съ прежними путешествіями Сторта (Sturt) и Лейхардта, значительно проясняетъ и дополняетъ географію Юго-Восточной Австраліи. Теперь видно, что водораздѣльная черта между бассейнами *Дарлинга* и *З.-Карпентаріа*, или — что тоже — между сѣверными и южными токами Восточной-Австраліи, должна находиться подъ 25° параллелью Ю. Ш., на точкѣ соединенія съ Австралійскими-Альпами, возвышающимися на восточномъ берегу Новаго-Южнаго-Валлиса, отъ высоты *М.-Вильсона* до *Пролива-Басса* (отдѣляющаго Австралійскій-Материкъ отъ *Земли Ван-Дименовой*); видно также, что береговой цѣпи, которую считали сѣвернымъ продолженіемъ этѣхъ Альпъ, простирающимся будто-бы отъ *М.-Вильсона* до *М.-Йорка* у *Пролива-Торресъ* (коимъ Австралійскій-Материкъ отдѣляется отъ *Новой-Гвиней*), вовсе не существуетъ. Съ-симъ-вмѣстѣ обнаружилось, что юго-восточный уголъ Австралійскаго-Материка вообще можно разсматривать, какъ обширный бассейнъ, наводняемый *Дарлингомъ* и *Муррремъ* (*Murrumbidgee*) съ ихъ безчисленными притоками, которые всѣ берутся на Востокъ, въ тамошней горно-береговой цѣпи высотъ, тогда-какъ Западъ, сколько досель извѣстно, представляетъ пустыню,

совершенно лишенную текущихъ водъ, и притомъ весьма мало возвышенную. Сверхъ-того, своими гипсометрическими измѣреніями, сэръ Томасъ значительно поправилъ и дополнилъ разныя подробности касательно рельефа всей этой стороны: причемъ съ особенною похвалою и благодарностью упоминаетъ онъ о «сифонныхъ барометрахъ» *Бунтама* (*Buntem de Paris*), которыми пользовался во все время своего путешествія. Слышно, что, по этѣмъ новымъ открытіямъ и видамъ, известный *Джонъ Арросмитъ*, въ Лондонѣ, готовится изданіе новой, въ большомъ масштабѣ проэктированной карты Австраліи.

— ПРЕДПРИНЯТОЕ ДОКТОРОМЪ РАФФЕНЕЛЕМЪ ПУТЕШЕСТВІЕ СКВОЗЬ АФРИКУ. — Французскій путешественникъ, Докторъ *Раффенель*, сдѣлавшій себя извѣстнымъ еще въ 1843—44 годахъ, изслѣдованіями и открытіями, произведенными въ Сенегамбіи, послѣ того затѣялъ чрезвычайно трудный и смѣлый, можно даже сказать дерзкій подвигъ: прорѣзать насквозь Африканскій Материкъ, въ наибольшей его ширинѣ отъ З. къ В., между 10° и 15° С. Ш. Бывшее Правительство Франціи приняло подъ свое особенное покровительство это предпріятіе; а гг. *Фрейсине* (*Freycinet*) и *Жомаръ*, Члены Парижскаго Географическаго Общества и Парижской Академіи Наукъ, отъ имени сей послѣдней, снабдили весьма подробными инструкціями путешественника, отправляющагося въ столь важный путь, до-сихъ-поръ столь многими предпринимаемый и никому еще не удававшийся. На этомъ пути, поручено ему имѣть постоянно въ виду сколько собственно-географическія, столько и этнографическія особенности проходимыхъ странъ: преданія народовъ, ихъ образъ управленія, нравы, обычаи, законы, религіозныя понятія и обряды, произведенія туземнаго искусства, и т. п.; съ другой стороны: геологическое строеніе и свойство почвы, естественныя произведенія, климатъ, и т. д. Затѣмъ въ-особенности наказано, чтобы путешественникъ обращалъ прилежное вниманіе на изученіе мѣстныхъ вѣтровъ, съ тѣмъ чтобы опредѣлить сколько-возможно точнѣе: дѣйствительно-ли извѣстный воздушный токъ съ Запада, обнаруживающійся на Атлантическомъ-Океанѣ нѣсколько сѣвернѣе Экватора, долженъ быть приписанъ особенному разрѣженію воздуха надъ Африканскимъ-Материкомъ, и въ самомъ-ли дѣлѣ южный вѣтръ въ тѣхъ широтахъ, которыя предполагается теперь пройти, есть постоянно жаркій, какъ до-сихъ-поръ утверждаютъ? Приэтомъ, а также и вообще, ему рекомендовано: всѣ метеорологическія наблюденія производить по особой для тропическихъ странъ придуманной методѣ Буссенго. Само-собою разумѣется, что между обязанностями путешественника не позабыты наблюденія магнитныя; также и астрономическія опредѣленія долготъ и широтъ (въ-особенности важныя для края, гдѣ въ этомъ отношеніи извѣстны до-сихъ-поръ только три пункта: *Саккату*, *Гаусса* и *Каббе* въ Дар-

фуръ). Съ столь обширнымъ и важнымъ предназначеніемъ отправясь изъ Франціи, *Раффенель* первую вѣсть о себѣ подалъ отъ 20 декабря предъ-прошлаго 1846 года, съ верховьевъ *Сенегала*. Прежде нежели пускаться оттуда далѣе внутрь Африки, онъ намѣревался-было, уклонясь вверхъ по *Фалеме* (*Falémé*), одному изъ главныхъ притоковъ *Сенегала*, снова обозрѣть видѣнныя уже имъ въ 1844 году золотоносныя мѣстности, и въ особенности желалъ добраться до *Бамбука*, преимущественно славящагося въ краѣ своими рудниками. Это послѣднее ему не удалось; впрочемъ онъ и тутъ успѣлъ проникнуть до такихъ мѣстъ, гдѣ до-тѣхъ-поръ «бѣлыхъ людей» вовсе не видывали. Затѣмъ, весною прошедшаго года путешественникъ нашъ былъ уже въ *Когге* (*Kogué*), столицѣ области *Каарта*, откуда прислалъ новое о себѣ извѣстіе отъ 3 мая. Тутъ находился онъ не далѣе какъ на десять дней ходьбы отъ *Сего* (*Sego*), столицы области *Бамбара*, лежащей въ верховьяхъ *Нигера*, куда прибывши, располагался пробыть въ этомъ богатомъ и торговомъ городѣ до конца дождливаго времени, и затѣмъ пуститься въ *Тимбокту* (*Temboktou*). Нельзя не замѣтить, что извѣщая о томъ друзей своихъ, ретивый путешественникъ нисколько не пугается воспоминаній, сопряженныхъ въ лѣтописяхъ путешествій съ этимъ роковымъ именемъ, напротивъ утѣшаетъ себя и другихъ полною увѣренностью, что все обойдется благополучно, лишь-бы только выдержало здоровье: чего конечно всѣ, въ одинъ голосъ, пожелаютъ отъ души отважному рыцарю науки.

— СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКАЯ УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ СВЯТУЮ-ЗЕМЛЮ. — Въ началѣ нынѣшней весны, прибылъ въ Смирну корабль изъ Сѣверной-Америки съ ученою Коммиссіею, снаряженною отъ Правительства Соединенныхъ-Штатовъ, для изслѣдованія *Мертваго-Моря*, *Тиверіадскаго-Озера*, *Йордана* и *Ливана*. Къ достиженію этой цѣли, два большіе бота, обитые одинъ—желѣзомъ, другой—мѣдью, имѣютъ быть перевезены изъ *С. Жанъ-д'Акра* на *Озеро-Тиверіадское*, откуда Коммиссія должна въ нихъ спуститься внизъ по *Йордану* до *Мертваго-Моря*. Капитанъ *Линчъ* (*Linch*), начальникъ экспедиціи, ѣздилъ изъ Смирны въ Константинополь, для исходатайствованія отъ Порты нужнаго фирмана, и 7 марта воротился уже оттуда назадъ въ Смирну.

— ПРОДОЛЖЕНІЕ СВѢДѢНІЙ ОБЪ УСИЛІЯХЪ КЪ ОТЪИСКАНІЮ ЭКСПЕДИЦІИ КАПИТАНА ФРАНКЛИНА. — О суднѣ «*Plower*», отправившемся уже въ свой путь, подъ командою Лейтенанта *Мура*, получены извѣстія, что оно 17 февраля прибыло изъ Плимута въ Мадеру, и на другой день вышло оттуда въ дальнѣйшій путь къ Берингову-Проливу. Что касается до сэра *Д. Росса*, то онъ, съ своею экспедиціею, предполагалъ выйти въ море 1 мая, когда кончится постройка снабженныхъ архимедовыми

винтами баркасовъ, съ машинами въ 5 силъ каждый, которые онъ беретъ съ собою для отправленія поисковыхъ партій. Какъ ему, такъ и сэру Д. Ричардсону, начальнику третьей экспедиціи, тоже скоро выступающему въ путь, данъ былъ уже прощальный обѣдъ, въ клубъ *Пелль-Мелль* (*Pall-Mall*), при участіи разныхъ морскихъ и вообще путешественническихъ знаменитостей Лондона. Между-тѣмъ, въ журналъ «*Nautical Magazine*» на-дняхъ обнародовано извѣстіе, что, кромѣ трехъ этѣхъ экспедицій, подробно нами описанныхъ, 24-пушечный корветъ «*Герольдъ*» (*Herald*), Капитанъ *Келлетъ*, находившійся на Южно-Американской станціи, получилъ повелѣніе итти тоже въ Беринговъ-Проливъ на помощь Франклину, и что онъ на пути туда долженъ зайти въ нашъ Петропавловскій-Портъ (*Petropolski* (sic!), a Russian settlement of Kampschatka).

Кстати упомянемъ здѣсь, что *Леди Франклинъ*, супруга знаменитаго моряка, пропадающаго безъ вѣсти, съ своей стороны назначила награду въ 2,000 фф. ст., чтобы, независимо отъ предпринятыхъ экспедицій, поощрить къ поискамъ китоловныя суда, отправляющіяся на нынѣшнее лѣто въ Проливъ-Девиса или въ Баффиновъ-Заливъ. Чтобы заслужить эту награду, поиски должно производить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ экспедиціи, отправляемыя Правительствомъ, не будутъ дѣйствовать. Награда принадлежитъ: во-первыхъ, хозяевамъ, капитану и экипажу судна, которое, отыскавъ пропадающую экспедицію, окажетъ ей на мѣстѣ необходимую помощь; во вторыхъ, хозяевамъ, капитану и экипажу судна, которое найденной экспедиціи поможетъ воротиться въ Англію. Въ объявленіи своемъ о томъ, *Леди Франклинъ* присовокупляетъ, что, для избѣжанія споровъ относительно присужденія и распредѣленія наградъ, все дѣло это предоставляется окончательному рѣшенію трехъ слѣдующихъ лицъ, имѣвшихъ благосклонность принять на себя этотъ трудъ: адмирала *Босфорта*, сэра *Вилльяма Парри* и г. *Уарда*.

СМѢСЬ.

— НОВОЕ ДОРОЖНОЕ СООБЩЕНІЕ, ОТКРЫТОЕ ВО ГЛУБИНѢ ВОСТОЧНОЙ-СИБИРИ. — При Охотскомъ-Морѣ, Факторія Россійской Американской Компаніи устроена была вблизи порта Охотска, на узкой кошкѣ у самаго устья рѣки Охоты. Мѣстность эта оказалась вскорѣ весьма неудобною: суда, сидяція въ водѣ не болѣе 12 фф., могутъ входить въ рѣку не иначе, какъ при полной водѣ или въ-половину прибылой; фарватеръ узокъ; теченіе стремительное и неправильное, отчего неоднократно разбивались здѣсь казенныя транспортныя суда, а самымъ зданіямъ Факторіи угрожала величайшая опасность отъ наводненій, особенно осенью, когда, при сильномъ вѣтрѣ съ моря, отрывались части дрсвяной кошки такъ быстро, что

съ 1827 по 1838 годъ ширина ея уменьшилась на $32\frac{1}{2}$ сажени, а въ 1842 году отъ забора Факторіи до морскаго берега оставалось не болѣе какихъ-нибудь трехъ сажень.

Заливъ-Аянъ, лежащій около 300 верстъ къ Ю.-З. отъ Охотска, подъ $56^{\circ} 28' 40''$ С. Ш. и $221^{\circ} 40'$ З. Д. (отъ Гринича), извѣстный уже въ 1799 году по описи Вице-Адмирала Фомина, повторенной въ 1832 году Корпуса Штурмановъ Прапорщикомъ Шиловымъ, наконецъ съ болѣею подробностью, именно въ видахъ замѣна Охотска, осмотрѣнъ былъ Корпуса Штурмановъ Подпоручикомъ Гавриловымъ, на компанейскомъ бригѣ «*Промыселъ*», въ 1843 году; между тѣмъ какъ по распоряженію Лейтенанта (нынѣ Капитана 2 ранга) Завойко, бывшаго тогда Начальникомъ Охотской Факторіи, удостовѣрились въ возможности устройства удобнаго сообщенія между нимъ и Якутскомъ. Убѣдившись предварительными розысканіями, что мѣстность при Заливѣ-Аянѣ представляетъ большія преимущества предъ Охотскомъ, Лейтенантъ Завойко приступилъ въ томъ же 1843 году къ трудному дѣлу переноса Факторіи и устройства дороги, которое и совершено въ слѣдующемъ 1844 году иждивеніемъ Россійской Американской Компаніи.

Заливъ вдается въ Охотскій берегъ къ С. подъ *М.-Ландоръ-Леготни*; съ З. онъ ограничивается *Желтымъ-Мысомъ*. Въ чертѣ отъ этого мыса, до противоположнаго восточнаго берега, разстояніе около $1\frac{1}{2}$ версты; далѣе заливъ суживается до 250 сажень, а потѣмъ опять нѣсколько расширяется; продолженіе по меридіану съ небольшимъ $1\frac{1}{2}$ версты. Такимъ образомъ заливъ открытъ отъ Ю.-Ю.-В. чрезъ Ю. до Ю.-Ю.-З., слѣдовательно въ сторонѣ, съ которой здѣсь дуютъ наиболѣе тихіе вѣтры. Отъ Желтаго-Мыса на С.-С.-В., въ 150 саженьхъ, лежитъ каменная банка *Ларга-Ангра*, покрываемая только въ полныя воды; у *М.-Ландоръ-Леготни*, почти вплоть берега, *Чаяйи-Кекуръ*; на остальномъ пространствѣ заливъ совершенно чистъ. Глубина при входѣ до 7 сажень, но далѣе, въ самой бухтѣ, до $2\frac{1}{2}$ сажень; грунтъ иль съ пескомъ. Берега гористы; вершины дальнѣйшихъ отъ берега горъ оканчиваются голыми сопками. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, мѣстныя условія вполне удовлетворяютъ потребностямъ Компаніи. Входъ въ заливъ и выходъ изъ онаго удобны для судовъ всѣхъ ранговъ; отъ сильныхъ вѣтровъ онъ защищенъ; открытъ съ Юга, откуда не дуютъ крѣпкіе вѣтры; входная стоянка, въ 100 саженьхъ отъ берега, безопасна и покойна, а зданія Факторіи не подвержены опасеніямъ, угрожавшимъ въ Охотскѣ. Зимовать въ заливѣ могутъ однако-же только малые одномачтовые боты.

Новоустроенный путь отъ *Якутска* къ *Аяну* раздѣляется на три главныя части: 1) отъ *Якутска* до впаденія рѣки *Май* въ рѣку *Алданъ*; 2) отъ *Усть-Майской* пристани до селенія *Нельканъ*, лежащаго на лѣвомъ берегу рѣки *Май*; 3) отъ *Нелькана* до *Аяна*.

Чрезъ первыя два разстоянія, смотря по времени года, перевозки совершаются слѣдующими способами. Изъ *Якутска* въ *Нельканъ*: а) весною — какъ товары, такъ и пассажиры — сухопутно чрезъ Усть-Майскую приставъ до самаго Нелькана; б) лѣтомъ — почтовая перевозка пакетовъ и малаго числа пассажировъ — до Усть-Майской пристани сухопутно, а потѣмъ до Нелькана на лодкахъ по Маѣ. Въ *Якутскѣ* изъ *Нелькана*: а) въ лѣтнее время — транспорты и пассажиры идутъ въ судахъ, по рѣкамъ Маѣ, Алдану и Ленѣ, до самаго Якутска; б) въ прочія времена года — почты и пассажиры отъ Нелькана до Якутска провозятся тѣмъ же порядкомъ, какъ въ лѣтнее время отъ Якутска до Нелькана. Затѣмъ, отъ *Нелькана* до *Аяна* и обратно, какъ транспорты съ товарами, такъ пассажиры и почты, всегда идутъ сухопутно.

О водяномъ пути отъ *Нелькана*, по рѣкамъ Маѣ, Алдану и Ленѣ, до *Якутска*, можно сказать только то, что онъ, съ открытія до закрытія судоходства, на всемъ этомъ протяженіи, для небольшихъ рѣчныхъ судовъ совершенно удобенъ. Наименьшая глубина фарватеровъ простирается до 4 футовъ. Значительныхъ пороговъ, кои бы затрудняли даже и верховый ходъ, нигдѣ не находится.

Для возможнаго облегченія сухопутныхъ сообщеній между *Якутскомъ* и *Аяномъ*, въ удобныхъ мѣстахъ, учреждены отъ Россійской-Американской Компаніи станціи, расположенныя въ нижеслѣдующемъ порядкѣ и разстояніяхъ, измѣренныхъ приблизительно по времени переездовъ:

	верстѣ.
селеніе Амга на рѣкѣ Амгѣ, впадающей въ Алданъ	203
устье рѣки Май	180
	383
станція Намудыръ	30
рѣка Уйрахъ	35
рѣка Чабда	45
озеро Андресь-Кель-Ассылыкъ	30
— Чая	35
устье рѣки Юдомы, при рѣкѣ Эльгикантѣ	40
— — Хандаки	30
— — Аима	75
— — Ипгли	85
— — Апы	60
— — Маймакана	70
— — Ватанги	40
селеніе Нельканъ	30
	595
рѣка Аимчапъ	80
— Чалисинъ	40
самое высокое мѣсто Саянскаго-Хребта, называемое Зюнзюръ	30
рѣка Алдама	35

	верстѣ.
хребетъ Уйскій	5
рѣка Сивучанъ	24
Аянскій-Портъ	6
	220
	всего 2,198

Такимъ образомъ, смотря по избираемымъ трактамъ, весь путь между Аяномъ и Якутскомъ, какъ туда, такъ и обратно, простирается на нижеслѣдующія разстоянія:

1. Весною:

	верстѣ.	дней.
отъ Якутска чрезъ Амгу до Усть-Майской пристани . .	383	6
отъ Усть-Майской пристани до Нелькана	595	8
отъ Нелькана до Аянскаго-Порта	220	5
всего .	1,198	19

2. Лѣтомъ, перевозка товаровъ и пассажировъ:

отъ Аяна до Нелькана	383	5
отъ Нелькана (водою въ судахъ):		
по Маѣ до Алдана	640	3
по Алдану до Лены	900	7
по Ленѣ до Якутска	260	6
всего .	2,123	20

3. Лѣтомъ, почтовая перевозка:

отъ Якутска до Аяна (какъ и транспорты).	1,198	19
отъ Аяна до Нелькана	220	5
отъ Нелькана до Усть-Май (водою въ лодкахъ)	640	3
отъ Усть-Май (сухопутно) до Якутска	383	6
всего .	1,243	14

4. Зимой, почтовая перевозка:

отъ Якутска, чрезъ Амгу, до Усть-Майской пристани .	383	6
отъ Усть-Майской пристани по Маѣ до Нелькана . . .	640	8
отъ Нелькана до Аяна	220	5
всего .	1,243	19

Изъ вышепоименованныхъ станцій, только Амга и Нельканъ имѣютъ видъ селеній, основанныхъ еще до занятія Компаніей Залива-Аяна; всѣ-же прочія станціи вновь учреждаются отъ Компаніи.

Удобство сообщенія Якутска съ Аяномъ, по проложеннымъ Компаніею путямъ, доказывается, въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1843 года,

тѣмъ, что всѣ тяжести и пассажиры, въ вышеозначенные сроки, совершаютъ пути свои безъ особыхъ препятствій. Компанія же съ своей стороны постоянно заботится о возможномъ улучшеніи этихъ путей.

Въ настоящее время, сухопутная перевозка тяжестей и пассажировъ между Якутскомъ и Нельканомъ, лѣтомъ и зимою, производится на выючныхъ лошадяхъ; а между Нельканомъ и Аяномъ, лѣтомъ на выючныхъ лошадяхъ, зимою-же на оленяхъ и иногда на собакахъ. Сверхъ того предполагается производить опыты зимней перевозки лошадьми въ нартахъ. Самый затруднительный путь—между Нельканомъ и Аяномъ: нерѣдкія болота и топи, броды чрезъ рѣчки и большіе ручьи, густой лѣсъ и кустарникъ, и наконецъ въ окрестностяхъ Яблоннаго и Уйскаго хребтовъ, и на самыхъ этихъ хребтахъ, множество мелкаго камня, значительно затрудняютъ сообщенія; но вездѣ, гдѣ встрѣчаются подобныя препятствія, Компанія, по мѣрѣ способовъ и возможности, устраиваетъ гати, мосты, и продолжаетъ дѣлать лѣсные просѣки.

Въ апрѣль и маѣ 1847 года, Епископъ Камчатскій и Алеутскій Иннокентій прибылъ изъ Якутска къ Аянскому-Порту въ экипажѣ, безъ особо важныхъ препятствій. Его Преосвященство описываетъ совершенный имъ путь слѣдующимъ образомъ: «Отъ Якутска до Алдана можетъ быть всякое сообщеніе, всегда, и на всякихъ экипажахъ. Отъ Алдана по Маѣ на 200 верстъ, по правому берегу Маи, горы подходятъ къ самой рѣкѣ, кой-гдѣ отдаляясь, а на лѣвомъ берегу горъ не видать: онѣ далеко отошли къ Ю.-З., и потому на этомъ пространствѣ можно имѣть скотоводство, сначала для себя, а потѣмъ, когда расчистятся мѣста, и для продажи. Далѣе до Нелькана горы стѣсняютъ Маю, оставляя кой-гдѣ побережья, и на всемъ пространствѣ, вѣроятно до самаго моря, нѣтъ нигдѣ между горами долинъ, даже небольшихъ, выключая вершинъ рѣчекъ, гдѣ обыкновенно зимою бываютъ накипи, а лѣтомъ кормовища. Отъ Нелькана, вверхъ по рѣкѣ Маѣ, горы опять разодвинулись на большое пространство, и Маѣ гуляетъ по всему этому пространству, какъ и Охота. Отъ Нелькана до Аяна также совсѣмъ нѣтъ долинъ, кромѣ кормовищъ между горами. Для проѣзжающихъ зимою, безъ всякаго неудобства, можно будетъ ѣздить въ экипажахъ. Доказательствомъ тому мой проѣздъ».

Для полного успѣха новаго сообщенія, остается найти широкую падь, или по-крайней-мѣрѣ шире той, по которой нынѣ спускаются съ Зюнзюра, и удобную-же падь для обхода этого хребта.

— пресѣченіе суэзскаго перешейка судоходнымъ каналомъ. —
Если Африка не островъ, если моря, которыя мы въ самомъ началѣ времени историческихъ находимъ уже покрытыми торговыми флотами, Средиземное и Чермное, не сливаются въ одно; то виною тому—залегшая между Азіей и Африкой—безплодная, обнаженная, едва надъ поверхностью

моря возвышенная равнина, иная сухая, иная покрытая солончаками и усеянная песчаными, странствующими отъ дѣйствія вѣтровъ съ мѣста на мѣсто сопками. Это знаменитый такъ-называемый *Суэзскій-Перешеекъ*. Какъ некая гать, служащая для сухопутнаго сообщенія между двумя частями Стараго-Материка, она въ тоже время мышаетъ водному сообщенію между двумя морями, бывшими въ самыя древнія времена театромъ обширной торговли. Вредъ отъ этой гати гораздо болѣе пользы ею приносимой; оттого самые первые обитатели земли Фараоновъ помышляли уже объ уничтоженіи этого препятствія торговлѣ и сообщенію народовъ между собою.

Этотъ «мостъ не на мѣстѣ» имѣетъ ширины около 120 верстъ: отъ развалинъ Пелузіума—на берегу Средиземнаго-Моря, до Суэза—въ кутѣ Чермнаго-Моря. Между этими двумя крайними точками, поперекъ всего перешейка, простирается рытвина, образуемая встрѣчею двухъ склоновъ, снижающихся едва замѣтною покатостію съ одной стороны отъ береговъ Нила, съ другой отъ холмовъ Азіатскихъ. Отвѣсно къ этой рытвинѣ идетъ другая, стольже замѣчательная: отъ Бельдеиса—на Нилѣ, къ развалинамъ Серапеума, лежащимъ на самой почти серединѣ первой рытвины. Въ этихъ двухъ жолобахъ природа какъ-бы сама указала мѣста, гдѣ человекъ долженъ стараться возстановить сообщеніе, такъ неудачно ею пресѣченное.

Со временъ первыхъ преемниковъ Сесостриса, уже постигнувшихъ важность и возможность этого сообщенія и пытавшихся системою каналовъ соединить Нилъ съ Аравійскимъ-Заливомъ, до нынѣшняго Владѣтеля Египта, проектъ такого соединенія не былъ терямъ изъ виду въ разныхъ мѣстахъ двухъ рытвинъ, о которыхъ сказано, видны слѣды каналовъ. Несовершенство инженернаго искусства было конечно главнѣйшею между многими причинами, препятствовавшими исполненію этого проекта. Наполеонъ, въ восточную эпоху своихъ исполинскихъ замысловъ, серьезно думалъ о прорытіи перешейка, и ученые Египетской Экспедиціи произвели съ этой цѣлью подробныя развѣдки. Наконецъ въ наше время жажда быстрыхъ сообщеній воспользовалась предприимчивымъ и геніальнымъ умомъ Мегемета-Али, чтобы возобновить это дѣло, и кажется на этотъ разъ не безъ основательной надежды на успѣхъ.

Проездъ изъ Европы въ Индію по Африкѣ идетъ нынѣ чрезъ Александрію, Каиръ, и отсюда чрезъ пустыню въ Суэзъ. Попеченіемъ Правителя Египта эта послѣдняя часть пути сдѣлана по возможности удобною для путешественниковъ. Учреждены дилижансы, гостиницы. Усовершенствованіями сообщеній чрезъ Египетъ, и регулярными пароходными сообщениями съ одной стороны—между Александріей и портами Европы, съ другой—между Суэзомъ и Бомбеемъ, движеніе облегчено такъ, что извѣстія изъ Индіи получаютъ нынѣ въ Англіи въ сороковой день. Для корреспонден-

цій и пассажировъ этого довольно, но не для коммерціи. Товары этимъ путемъ воспользоваться не могутъ, и по-прежнему оплываютъ Африку.

Чтобы сократить путь въ Индію и для товаровъ представляются три средства: 1) желѣзная дорога отъ Каира къ Суэзу; 2) соединеніе Нила съ Аравійскимъ-Заливомъ, чрезъ посредство канала, проведеннаго по слѣдамъ древняго канала Птолмеевъ, шедшаго отъ Бельбеиса въ Суэзъ чрезъ Серапеумъ; наконецъ 3) каналъ поперекъ Суэзскаго-Перешейка.

Выгоды прямого соединенія водъ Средиземнаго-Моря съ Индійскими такъ очевидны, что невозможно-бы по-видимому и колебаться въ выборѣ. Со всѣмъ тѣмъ, борьба противорѣчащихъ интересовъ и вліяній въ совѣтахъ Мегмета-Али долго колебала его то на ту, то на другую сторону. По расчетамъ промышленнымъ, можетъ-быть и политическимъ, вліяніе Англійское клонило его на сторону желѣзной дороги. Но очевидныя невыгоды этого пути, на которомъ товары должны-бъ были нѣсколько разъ перегружаться, заставили его наконецъ отдать преимущество проекту прямого канала, который защищали Французы. Третій проектъ кажется не имѣлъ серьезныхъ защитниковъ.

Три Правительства — Англійское, Французское и Австрійское — условились соединить свои средства къ исполненію интересующаго все человечество предпріятія, и назначили инженеровъ для предварительныхъ изслѣдованій, которыя должны будутъ служить основаніемъ проекту. Они раздѣлили между-собою труды такъ: инженеры Французскіе взяли на себя развѣдку во всѣхъ отношеніяхъ мѣстности, чрезъ которую долженъ будетъ пролегать каналъ; Австрійскіе — начертаніе плановъ гавани въ сѣверномъ устьѣ канала, у древняго Пелузіума; Англійскіе — тоже самое для Суэза. Трудъ послѣднихъ есть самый легкій, или лучше сказать онъ уже оконченъ, потому-что гидрографическія описи, произведенныя Англичанами для другихъ цѣлей, давно ознакомили ихъ въ подробности съ мѣстностью Суэзскаго - Залива. Французамъ также многое подготовлено уже прежними нивелировками и другими работами ихъ соотечественниковъ. Самая трудная задача досталась на долю Австрійцевъ, какъ по малоизвѣстности мѣста, такъ и по механической трудности устройства порта на открытомъ берегу.

Коммиссія Инженеровъ каждой націи (у Французовъ — «Бригада», у Нѣмцевъ — «Группа») имѣетъ своего особаго Директора; всѣ-же онѣ составляютъ такъ-называемое «Общество для изученія Суэзскаго Канала» (*Société d'Etudes du Canal de Suez*). Австрійскою Группою управляетъ *Негрелли*. Ему назначено было съѣхаться съ Англійскими инженерами *Стивенсономъ* и *Талаботомъ* еще истекшею зимою; но это отложено до ноября нынѣшняго года, по причинѣ поздняго возвращенія изъ Египта Французской Бригады, прибывшей въ Марсель только-что въ минувшемъ январѣ и занимающейся теперь составленіемъ плановъ и смѣтъ.

Между-тѣмъ сдѣланныя уже Австрійскою группою изысканія доказали, что наносы изъ Нильской-Дельты не такъ далеко простираются, какъ сначала предполагали, и что грунтъ для якорной гавани противъ Пелузіума очень хорошъ. Это добрые признаки для успѣха работъ.

Вообще, сколько можно судить по тому, что уже сдѣлано, нѣтъ причинъ сомнѣваться въ удобоисполнимости всего проекта. Средній уровень Чермнаго-Моря, по нивелировкѣ Французскихъ инженеровъ, выше уровня Средиземнаго на 9,9 метровъ (32½ фут. р.). Узкая песчаная полоса, окружающая куть Суэзскаго-Залива, едва на нѣсколько футовъ возвышается надъ водою. Вся долина, простирающаяся отсюда къ Сѣверу, вплоть до берега Средиземнаго-Моря, лежитъ ниже Чермнаго. Итакъ, стѣитъ только прорыть эту песчаную полосу, и воды Индійскаго Океана сами-собою сольются съ водами Средиземнаго-Моря. Но это не составило-бы еще канала удобнаго для судоходства; для этого нужны будутъ разныя гидравлическія сооруженія, шлюзы, боковыя плотины (тамъ гдѣ нѣтъ природнаго возвышенія почвы) и т. п. Все это, для повѣйшаго инженернаго искусства, задача легкая. Самая трудная часть всего предпріятія будетъ конечно устроеніе гаваней на обоихъ концахъ канала; но и это только затрудненіе, а не препятствіе.

Между-тѣмъ, если плану этому суждено осуществиться, то плаваніе въ Индію, при посредствѣ Суэзскаго Канала, сократится:

	версть.
для всѣхъ гаваней Балтійскаго и Сѣвернаго морей и для Атлантическаго-Океана	на 11,000
для Марсели и Триеста	на 13,000
для Константинополя и всѣхъ Черноморскихъ портовъ	на 16,000

Расчитываютъ, что на одномъ фрахтѣ 2.000,000 тонновъ товаровъ, которые на 3,000 корабляхъ провозятся вокругъ Мыса Доброй-Надежды и Мыса Горна, европейская торговля сбережетъ ежегодно болѣе 25.000,000 р. сер.

Мегметъ-Али продолжаетъ всячески покровительствовать предпріятію. Со стороны его къ трудящимся иностраннымъ инженерамъ прикомандированъ состоящій у него на службѣ Французъ *Линанъ-Бей* (*Linant*). Мы не имѣемъ свѣдѣній, какимъ образомъ предполагается въ послѣдствіи распределить между тремя народами самое исполненіе работъ и назначеніе капиталовъ, а равно и то, на какомъ основаніи предоставится каналъ употребленію другихъ мореходныхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, предпріятіе это обѣщаетъ огромную пользу для всего человѣчества, и остается только желать, чтобы оно увѣнчалось полнымъ и скорымъ успѣхомъ.

— свѣдѣнія о нарѣчіяхъ зырянскаго языка. — С.-Петербургской Духовной Семинаріи Профессоръ, *П. И. Савваитовъ*, составилъ и уже

приготовилъ къ напечатанію, въ пользу Духовныхъ Училищъ, полную «Грамматику Зырянскаго Языка», изъ предисловія къ которой сообщилъ намъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Во множествѣ нарѣчій, разнообразящихъ Зырянскій Языкъ, должно признать четыре главнѣйшія: *Сысольское, Вычегодское, Удорское и Ижемское*. Нарѣчіемъ *Сысольскимъ* говорятъ Зыряне, живущіе по теченію рѣки Сысолы; средоточіе его въ приходахъ: Палаузскомъ, Пыелдинскомъ, Чукаибскомъ, Киберскомъ, Визингскомъ, Ибскомъ и Межедорскомъ. *Вычегодское* нарѣчіе господствуетъ отъ верховья рѣки Вычегды почти до города Яренска; сюда принадлежатъ: городъ Устьсысольскъ, приходы Вильгортскій, Шешкинскій, Зеленецкій, Нювчимскій и Паджгинскій. Затѣмъ, *Удорское* употребляется въ такъ-называемой Удорѣ, составляющей сѣверную часть Яренскаго уѣзда по рѣкѣ Вашкѣ; а *Ижемское*, между Зырянами, которыхъ селитьбы разсѣяны въ Архангельской губерніи по впадающимъ въ Печору рѣкамъ Ижмѣ, Пижмѣ и Цымѣ. Сверхъ-того, въ нарѣчій *Сысольскомъ* можно отличить еще три отрасли: восточную или *Пермскую*, среднюю или *Верхнесысольскую* и западную или *Лузскую*. Къ первой принадлежатъ Пермскіе приходы, смежные съ Устьсысольскимъ уѣздомъ; ко второй—приходы Гривенскій, Ужгинскій, Койгородскій, Кажимскій; къ третьей—Летскій, Ношульскій, Объячевскій и Спасорубскій. Дальнѣйшее постепенное уклоненіе отъ *Лузскаго* нарѣчія замѣчается въ тѣхъ, которыми говорятъ по Выму, Сысолѣ, Вашкѣ, Ижмѣ и Печорѣ.

«Общій отличительный признакъ нарѣчій Зырянскаго Языка представляетъ разнообразное измѣненіе буквы *л* въ концѣ словъ и слоговъ. Только у Пермяковъ и ближайшихъ къ нимъ Зырянъ, живущихъ по рѣкамъ Сысолѣ и Лузѣ, эта буква остается въ первобытной своей силѣ. Въ городѣ Устьсысольскѣ и его окрестностяхъ она измѣнилась въ *в*, и въ такомъ видѣ господствуетъ по всему протяженію Вычегды и по ея притокамъ. Удорскіе-же Зыряне въ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто *л* или *в*, употребляютъ гласную *у*, что можно замѣтить даже въ самомъ названіи «Удоры»: *улдоръ—увдор, уудор*, или въ скоромъ произношеніи—*удор* (низовый край). Далѣе къ сѣверу, такая перемѣна, по всей вѣроятности, совершилась уже давно и произвела тѣ превращенія, какія можно замѣтить въ самомъ сѣверномъ изъ Зырянскихъ нарѣчій: здѣсь буква *л*, находясь въ концѣ словъ и слоговъ, уступаетъ мѣсто свое той гласной, которая непосредственно ей предшествуетъ; на-примѣръ, въ словахъ: *лоо—душа, поозіны—бояться, вѳо—лошадь, тѳо—вѣтеръ, туу—гвоздь, уу—низъ, кыы—языкъ, мыыкыд—разумъ*, вмѣсто: *лол, ползіны, еѳл, тѳл, ул, кыл, мылкыд*, и т. д. Впрочемъ всѣ нарѣчія, уклонившіяся отъ Сысольскаго употребленіемъ вмѣсто *л* другихъ буквъ, при дальнѣйшемъ видоизмѣненіи тѣхъ самыхъ словъ, опять обращаются къ Сысольскому нарѣчію, и принимаютъ *л*, какъ скоро за

этою буквою должна слѣдовать какая-нибудь гласная. Вообще-же изъ сравненія нарѣчій Зырянскаго Языка можно заключить, что первобытный типъ этого языка наивѣрнѣе сохранился въ нарѣчій Сысольскомъ, которое, и по самому географическому положенію своему, менѣе прочихъ могло подвергаться вліянію сосѣдственныхъ языковъ.

— ПЛЕМЯ БАЛЛАБОЛЛА въ СВЕРНОЙ-АМЕРИКѢ, по извѣстіямъ симпсона. — Это племя дикарей, обитающихъ къ Западу отъ *Утесистыхъ-Горъ* (*Rocky Mountains*), отличается особенною свирѣпостью и безчеловѣчіемъ своихъ нравовъ. Нѣтъ такого ужаснаго поступка, надъ которымъ-бы у Баллаболласовъ (*Ballabollas*) дрогнула рука: они готовы даже терзать сами-себя и безропотно совершаютъ надъ собой мучительнѣйшія истязанія, какъ скоро приказывается это ихъ начальниками. Симпсонъ, бывшій у нихъ, рассказываетъ, что разъ одинъ изъ ихъ начальниковъ, которому какъ-то понездоровилось, приказалъ немедленно застрѣлить одного изъ своихъ людей; это было въ ту же минуту исполнено, и оттого, по мнѣнію дикарей, больной тотчасъ-же поздоровѣлъ. Превратныя религіозныя понятія играютъ тутъ весьма значительную роль; ибо, по народному суевѣрію, при совершеніи подобныхъ жестокостей, само божество нисходитъ на ожесточающихся и воодушевляетъ ихъ неистовымъ изступленіемъ. Въ этомъ состояніи неистовствующихъ убѣгаютъ въ лѣса, жрутъ тамъ траву какъ звѣри, или скитаются по полямъ и грызутъ кости человѣческихъ труповъ. При высшемъ развитіи бѣшенства, они бросаются и на живыхъ людей, кто-бы ни попался, и вырываютъ у нихъ зубами, изъ плечъ или изъ икръ, цѣлые куски мяса, которые тутъ-же проглатываютъ: бѣднымъ жертвамъ, въ такихъ случаяхъ, не остается другаго спасенія, кромѣ бѣгства. Въ бытность Симпсона, именно подобный припадокъ случился съ однимъ изъ начальниковъ, и онъ, передъ воротами Англійскаго укрѣпленія, выкусилъ у одного бѣдняка большой лоскутъ мяса изъ плеча. Собака одного изъ товарищей Симпсона, отличный догъ, поняла это происшествіе по своему, кинулась на взбѣсившагося дикаря, впилась зубами ему въ икру, и какъ тотъ ни барахтался, ревя во все горло, не выпускала его, пока наконецъ голосъ хозяина не принудилъ ее отказаться отъ добычи. Англичане думали, что собакъ послѣ того не сдобровать отъ дикарей; вышло совершенно напротивъ: съ-тѣхъ-поръ храброе животное сдѣлалось для нихъ предметомъ особаго глубокаго уваженія.

— ПЛЕМЯ ЯГВА въ ЮЖНОЙ-АМЕРИКѢ, по извѣстіямъ Кастельно. — Объ этихъ Южно-Американскихъ дикаряхъ, воротившійся недавно изъ обширнаго путешествія г. *Кастельно* (*Castelnau*), рассказываетъ, между-прочимъ, слѣдующія не столь ужасныя, но не менѣе странныя

особенности. Ягвасы (Yaguas) такъ любятъ своихъ дѣтей, что, по смерти ихъ, немедленно сожигаютъ все, послѣ нихъ остающееся. Дѣвушка, вышедшая за мужъ, на три мѣсяца запирается въ уединенной лѣсной хижинѣ, гдѣ только одна мать ея во все это время можетъ съ ней видѣться. Какъ скоро женщины приходитъ пора родить, то мужъ ея бросается наземь среди своей хижины, валяется и испускаетъ ужасные, болѣзненные крики, а бѣдная родильница, при своихъ дѣйствительныхъ мукахъ, должна въ это время за нимъ ухаживать и утѣшать его въ мнимыхъ страданіяхъ.

— Окончаніе изданія путешествія Альсида д'Орбиньи. — Кстати объ Южной-Америкѣ. Огромное изданіе путешествія, совершеннаго по ней *Альсидомъ д'Орбиньи*, выходящее подъ заглавіемъ «Voyage dans l'Amérique Méridionale», доведено до конца выходомъ послѣдняго девяностого выпуска. Все оно, въ цѣлой совокупности, состоитъ теперь изъ 620 листовъ текста съ 415 гравюрами in 4°, съ присовокупленіемъ 18 картъ большаго формата. Цѣна полному изданію 1200 франковъ. Впрочемъ можно покупать и врозь, по отдѣленіямъ, которымъ назначены слѣдующія цѣны:

Crustacées, съ 18 грав. . . . 40 фр.	Insectes, съ 32 грав. . . . 77 фр.
Cryptogames, съ 15 грав. . . 40 —	Mammifères, съ 22 грав. . . 37 —
Foraminifères, съ 9 грав. . . 25 —	Mollusques, съ 86 грав. . . 230 —
Géographie, съ 8 карт. . . . 75 —	Oiseaux, съ 67 грав. . . . 151 —
Карта Боливии, особо. . . . 20 —	Paléontologie, съ 22 грав. . 65 —
Géologie, съ 9 карт. и 2 грав. 75 —	Palmiers, съ 32 грав. . . . 66 —
Геол. Кар. Боливии, особо. . 30 —	Poissons, съ 66 грав. . . . 23 —
Historique, 3 тома съ 70 грав. 331 —	Reptiles, съ 9 грав. . . . 15 —
Homme Américain, съ 1 карт. 44 —	Zoophytes, съ 13 грав. . . . 23 —

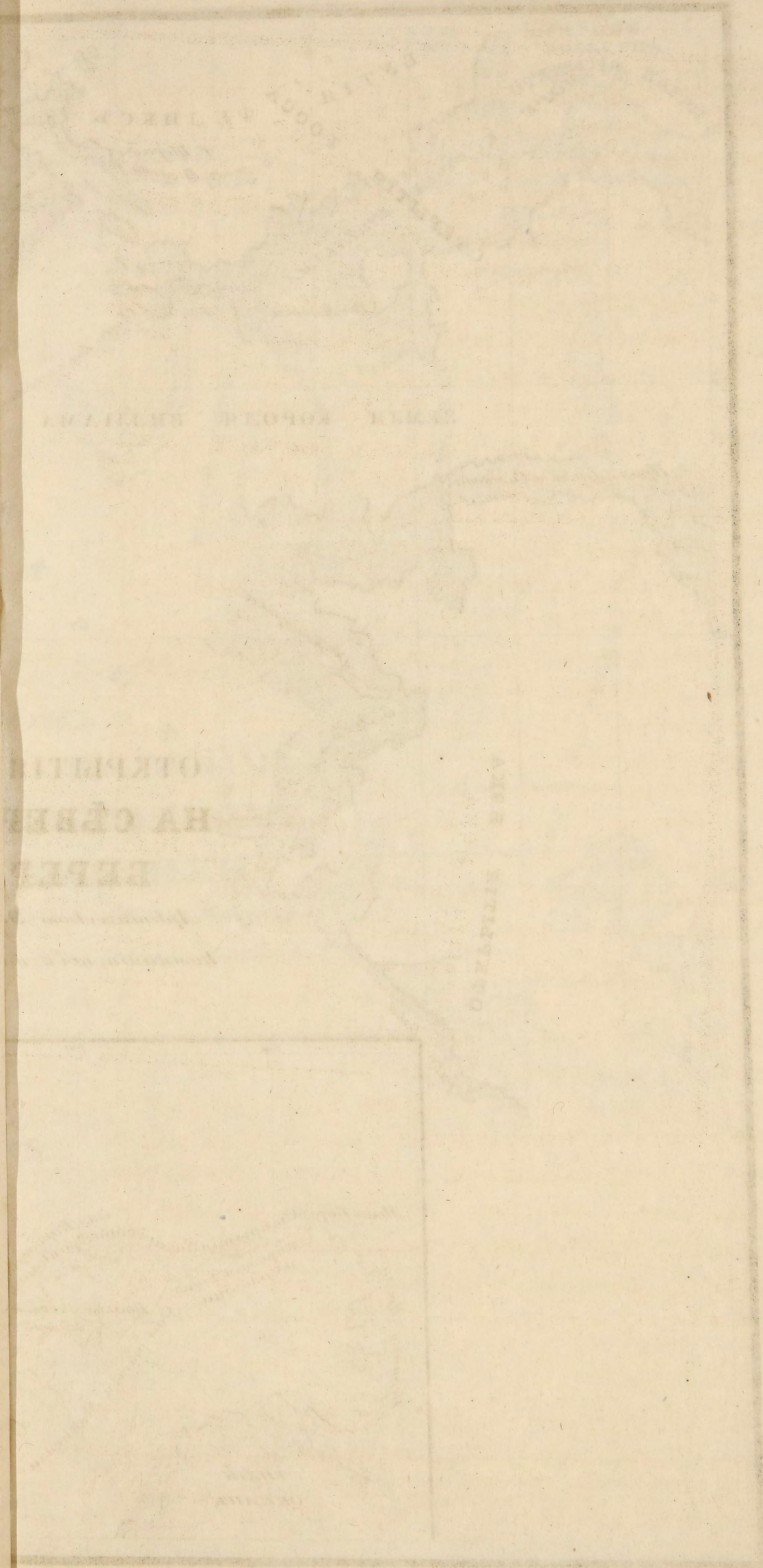
Приэтомъ, нельзя не упомянуть о всеобщемъ ропотѣ, возникшемъ всюду въ Европѣ, въ томъ числѣ и въ самой Франціи, противъ «безумной» роскоши французскихъ изданій путешествій, а также и «безсовѣстности» французскихъ книгопродавцевъ, ничего, кромѣ спекуляцій, не видящихъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о высшей пользѣ науки.

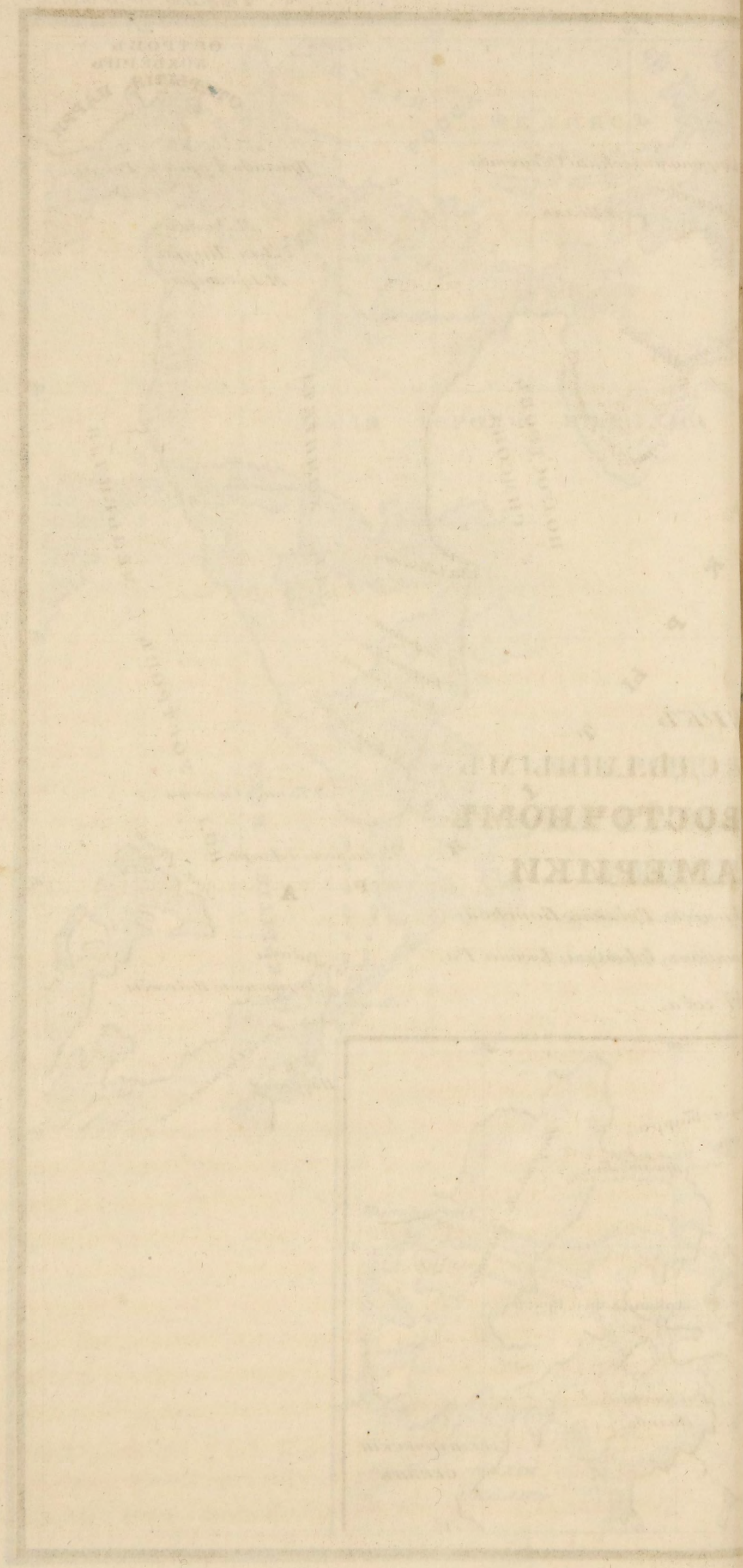
— вѣсти изъ закавказья. — Д. Ч. Р. Г. О. Н. В. Ханьковъ, въ частномъ письмѣ отъ 22 апрѣля, сообщаетъ слѣдующія извѣстія:

«... Какъ подумаю, какое мнѣ предстоитъ путешествіе, то невольно одолеваетъ страхъ. Послѣ завтра отправляюсь изъ Тифлиса въ Тавризъ; оттуда черезъ Хальхаль въ Ардебиль, Ленкоранъ, Сальянъ, Баку, Дербентъ, Темиръ-Ханъ-Шуру, Тарки. Изъ Тарковъ снова возвращаюсь въ Дербентъ, тѣду въ Корчахъ, Курахъ, Кумухъ, снова возвращаюсь

въ Курахъ, перетѣжаю Самуръ—вѣроятно въ Ахтахъ—и по правому берегу этого текущаго бѣса, ѣду въ Хазры, Кубу. Оттуда перетѣжаю черезъ горы въ Куткашинъ; далѣе въ Нуху, Закаталы, гдѣ сажусь на перекладную, и ѣду въ Шемаху. Тамъ опять сажусь верхомъ, и — черезъ Кюрдамиръ — отправляюсь въ Шушу, откуда — черезъ Беченаги — ѣду въ Нахичевань, Ордубать. Затѣмъ опять въ Нахичевань, Эривань, Сардаръ-Абатъ, и — черезъ Ани — въ Карсъ и Арзерумъ; а потомъ уже — черезъ Хозяпинскій-Каравтинъ и Ахалцыхъ — назадъ въ Тифлисъ, откуда, если зима будетъ хороша, съѣзжу еще въ Елисаветполь и Борчалу. Эта прогулка, по приблизительному расчету, составитъ 4,450 верстъ, и все это почти надобно проѣхать верхомъ въ шесть мѣсяцевъ. Непременно постараюсь списывать вездѣ надписи и собирать древнія монеты, и даже для этой цѣли беру съ собой известное сочиненіе Френа; а это жертва не малая, потому что книжка эта вѣситъ столькоже, сколько добрая желѣзная кровать. Впрочемъ по Дагестану я ее возить не буду, а оставлю въ Дербентѣ: а то пожалуй еще, чтобъ Горцы не сдѣлались нумисматами...

«Профессоръ *Абихъ*, весь погрузился въ метеорологическіе расчеты, и дѣйствительно результаты его весьма замѣчательны. Согласіе гипсометрическихъ выводовъ съ натурою такъ велико, что не лѣзя и сомнѣваться въ основательности барометрическихъ наблюдений, дѣлаемыхъ постоянно, свѣренными инструментами, въ Баку, Дербентѣ, Шемахѣ, Тифлисѣ, Владикавказѣ, Кутаисѣ, Эривани и Редутъ-Кале. Наблюденія эти несомнѣнно прольютъ новый свѣтъ на темную метеорологію Закавказья, и тогда уже можно будетъ серьезно подумать о составленіи климатической карты этого края. Всѣ выводы барометра опять бросаютъ большую тѣнь на работы, опредѣлявшія разность уровней Каспійскаго и Чернаго морей, и опять низводятъ Каспійское-Море на 170 или 180 футовъ ниже поверхности Океана. Впрочемъ это почти уже сдѣлалось несомнѣннымъ и изъ результатовъ триангуляціи, производимой въ прошломъ году Полковникомъ *Ходзько*. Последній опредѣленный имъ пунктъ на Курѣ, верстъ 60 или 70 ниже впаденія рѣки Храмъ въ Куръ, едва имѣетъ 500 футовъ абсолютной высоты; а вы знаете, сколько еще оттуда Куру до моря, и тихо-ли онъ тамъ течетъ. Впрочемъ, въ нынѣшнемъ году это разрѣшится, ибо триангуляція должна быть доведена до Каспійскаго-Моря, и потому, по-крайней-мѣрѣ на счетъ Тифлиса, котораго высота уже довольно вѣрно опредѣлена, узнаемъ истину...»

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ Общемъ Собраніи Р. Г. О., бывшемъ 5 мая, подъ предсѣдательствомъ г. Помощника Предсѣдателя, присутствовало 65 Членовъ.

— Помощникъ Предсѣдателя извѣстилъ Собрание, что избранный отъ Общества для участія въ пересмотрѣ Временнаго Устава Д. Ч. *М. Н. Муравьевъ*, по причинѣ лежащихъ на немъ другихъ многочисленныхъ занятій, проситъ назначить на мѣсто его другаго Члена; въ-слѣдствіе чего, большинствомъ голосовъ Собранія, избранъ для сказанной цѣли Д. Ч. *В. С. Порошинъ*.

— Исправляющій должность Секретаря сообщилъ о полученныхъ Обществомъ, со времени послѣдняго Собранія, книгахъ, статьяхъ и т. п.

— Еще въ прошломъ году, Д. Ч. О. Баронъ *А. К. Мейендорфъ* сдѣлалъ Обществу предложеніе «объ изслѣдованіи черноземной полосы внутри Россіи, простирающейся, отъ Самары и Хвалынска на Волгѣ, до Черкасъ и Канева на Днѣпрѣ». Предложеніе это было подвергнуто разсмотрѣнію въ особой отъ Совѣта назначенной Коммиссіи и въ Статистическомъ Отдѣленіи Общества. Оказалось, что въ немъ заключается пять отдѣльных, каждое само-по-себѣ весьма обширныхъ предположеній; а именно: 1) опредѣлить топографическія свойства и границы сказанной черноземной полосы; 2) изслѣдовать высоты, простирающіяся отъ Смоленска до Пензы, и опредѣлить ось девоніанской системы, продолжающейся по симъ высотамъ; 3) собрать свѣдѣнія о качествѣ почвы, состояніи земледѣлія, климатѣ и другихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ; 4) изслѣдовать настоящее положеніе мѣстныхъ лѣсовъ; 5) опредѣлить совпадающую съ сказанной полосой границу между народонаселеніями Велико-россійскимъ и Малороссійскимъ. Бполнѣ оцѣняя пользу, общаемую какъ

для науки, такъ и для отечественной промышленности, отъ полного обследованія этой части Россіи по вѣсѣмъ обозначеннымъ Барономъ Мейендорфомъ направленіямъ, Совѣтъ призналъ однакоже, что осуществленіе этого предпріятія во всемъ предполагаемомъ объемѣ превысило-бы средства Общества; почему отдѣлилъ отъ него одну только часть, имѣющую интересъ по преимуществу «географическій», а именно: «изслѣдованіе высотъ отъ Смоленска до Пензы и опредѣленіе оси проходящей по нимъ девоніанской системы», и это привести въ исполненіе положилъ по окончаніи Уральской Экспедиціи; а между-тѣмъ Управляющему Отдѣленіемъ Общей Географіи Д. Ч. О. Г. П. Гельмерсену поручилъ заняться составленіемъ ближайшихъ по сему предмету соображеній.

— С.-Петербургское Купечество пожертвовало въ распоряженіе Общества 5,000 р. сер., съ тѣмъ чтобъ употребить ихъ «для изслѣдованія состоянія внутренней торговли Россіи». Совѣтъ, доведя о томъ въ свое время до свѣдѣнія Общества, предоставилъ обстоятельнѣйшее разсмотрѣніе этого предмета Статистическому Отдѣленію; а сіе последнее, съ своей стороны, составило для того особую Коммиссію изъ Д. Ч. Н. А. Милютина, Г. П. Небольсина и В. С. Порошина. При изысканіи сею Коммиссіею мѣръ, могущихъ дать благоуспѣшный ходъ этому дѣлу, представлялись три главные способа: 1) конкурсъ, 2) предложеніе подробныхъ вопросовъ свѣдущимъ людямъ, и 3) экспедиціи нарочно избранныхъ лицъ. Оцѣнивъ каждый изъ этихъ способовъ при соображеніи съ мѣстными и другими обстоятельствами, Коммиссія нашла значительныя неудобства въ каждомъ изъ нихъ порознь, и признала болѣе удобнымъ «составленіе посредствомъ особой редакціи сочиненія, объемлющаго обзоръ главнѣйшихъ отраслей внутренней торговли», на слѣдующихъ основаніяхъ:

а. Сказанное обзоръ должно заключать въ себѣ, по каждому изъ главнѣйшихъ предметовъ внутренней торговли, указанія: изъ какихъ мѣстъ онъ происходитъ; гдѣ именно закупается и куда перепродается; въ чьихъ рукахъ находится торговля имъ въ различныхъ его переходахъ; какими путями и способами доставляется онъ на мѣста сбыта; на какіе сорта распределяется, и какая разность между этими сортами въ разцѣнкѣ; какіе торговые обычаи приняты, въ различныхъ мѣстахъ, для купли или продажи; какимъ провознымъ и другимъ расходамъ подвергается товаръ, и въ какихъ случаяхъ расходы эти увеличиваются; и т. д. Независимо отъ этихъ частныхъ описаній каждого товара порознь, въ обзоръ должны войти и общія изслѣдованія, болѣе или менѣе относящіяся ко всему ходу внутренней торговли; на-примѣръ: о ярманкахъ, кредитныхъ операціяхъ, средствахъ перевозки, и т. п.

б. Такъ-какъ предпринимаемое изданіе, по содержанію и плану своему, должно представить собраніе отдѣльныхъ и спеціальныхъ статей,

то заготовленіе ихъ можетъ быть поручаемо разнымъ лицамъ, съ тѣмъ чтобы объемъ, способъ изложенія и самое направленіе каждой статьи, соответствовали общей системѣ и заранее начертанной программѣ.

в. На семъ основаніи, обзорѣніе можетъ выходить, по мѣрѣ заготовленія статей, отдѣльными тетрадами, или выпусками, съ тѣмъ только чтобы, по содержанію первыхъ выпусковъ, можно было уже судить о назначеніи и цѣли всего труда.

г. Для приведенія сего предпріятія въ дѣйствіе учреждается при Отдѣленіи Совѣщательный Комитетъ изъ пяти Членовъ, одинъ изъ которыхъ приметъ на себя званіе Редактора.

д. Комитетъ имѣетъ главное завѣдываніе и наблюденіе за успешнымъ ходомъ предпріятія. Онъ обязанъ: а) составить правила, опредѣляющія порядокъ его собраній, занятій и распоряженій; б) установить, съ утвержденія Отдѣленія, нормальную мѣру денежнаго вознагражденія за сочиненіе статей, входящихъ въ обзорѣніе, и вообще за работы сотрудниковъ по изданію; с) сочинить подробную программу изданія, опредѣлить его форму и объемъ и составить примѣрную смету расходовъ; при составленіи-же сметы, имѣть въ виду, чтобы изъ пожертвованной суммы оставалась нѣкоторая часть въ запасъ, на случай если-бы представилась надобность употребить эти деньги на экспедиціи для собранія мѣстныхъ свѣдѣній; d) разсматривать представляемыя Редакторомъ статьи, причемъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы онѣ были составлены отчетливо и согласно съ общемою системою; по одобреніи-же статей, дѣлать постановленія о выдачѣ вознагражденія трудившимся, согласно установленнымъ размѣрамъ; e) изыскивать удобнѣйшіе способы и принимать надлежащія мѣры къ пріобрѣтенію необходимыхъ свѣдѣній и къ повѣркѣ самыхъ статей посредствомъ сношеній съ разными мѣстами и лицами. Члены Комитета не получаютъ никакого вознагражденія не только за занятія по этому званію, но и за обработку статей, составленіе коихъ примутъ на себя для общей пользы дѣла.

е. На Редактора возлагаются всѣ распоряженія по составленію и изданію статей. Онъ обязанъ: а) отыскивать спеціальныхъ людей, которые по своимъ познаніямъ и способностямъ, могутъ участвовать въ изданіи; отъ тѣхъ, которые обладаютъ необходимыми матеріалами, но не могутъ заняться обработкою оныхъ, собирать эти матеріалы и заботиться о приведеніи ихъ въ систематическій порядокъ; тѣмъ, которые примутъ на себя составленіе самыхъ статей, дѣлать нужныя указанія и оказывать всевозможное содѣйствіе; наблюдать, чтобы каждая статья соответствовала общему плану и объему изданія; наконецъ заботиться вообще о скорѣйшемъ ходѣ предпріятія; б) представлять Комитету на разсмотрѣніе готовыя статьи, предварительно имъ просмотрѣнныя, и приводить въ исполненіе всѣ постановленія Комитета касательно изданія ихъ въ свѣтъ;

с) завѣдывать всею экономическою частию на основаніи утвержденной смѣты и постановленій Комитета, распоряжаться печатаніемъ и просматривать корректурные листы. За труды по изданію, полагается Редактору плата, по особому положенію.

ж. Комитетъ представляетъ въ Отдѣленіе каждую треть года отчетъ о положеніи дѣлъ и ходѣ работъ и о сдѣланныхъ имъ расходахъ.

— Читано окончаніе статьи Д. Ч. О. К. М. Бера: «о заслугахъ Петра Великаго по-части распространенія географическихъ свѣдѣній о Россіи и пограничныхъ земляхъ». (См. Г. И. с. 1—4). Собраніе единогласно изъявило г. Беру искреннѣйшую признательность за этотъ прекрасный трудъ, который вполнѣ будетъ напечатанъ въ Запискахъ Общества.

— Избраны въ Р. Г. О.: а) въ Дѣйствительные Члены: Е. П. Ковалевскій, В. А. Милютинъ, П. Н. Небольсинъ, Л. В. Тенгоборскій; б) въ Иностранные Члены-Корреспонденты: Баронъ Гакстгаузенъ.

ИНОСТРАННЫЯ УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

— КОРОЛЕВСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЛОНДОНСКОЕ. — Въ годичномъ засѣданіи этого Общества, бывшемъ 22 мая, представленъ отчетъ за 1847 годъ, изъ котораго видно, что въ теченіе этого года Общество увеличилось 8 новыми членами, но въ тоже время выбыло изъ прежнихъ 53, такъ-что всего осталось: Членовъ-Compounders (сдѣлавшихъ единовременный взносъ денегъ въ пользу Общества) 344, Членовъ-Subscribers (вносящихъ деньги ежегодно по подпискѣ) 283, Почетныхъ-Членовъ 39, Корреспондентовъ 22. Двѣ золотыя медали, которыя Королева ежегодно назначаетъ для выдачъ за географическія заслуги, были присуждены: 1) сэру *Джемзу Бруку* (*Brooke*) — за экспедицію въ Борнео, предпринятую на собственный счетъ, и вообще за усердіе къ успѣхамъ географическихъ открытій, оказанное имъ въ-продолженіе резидентства въ Борнео и Целебесъ; 2) *Чарльзу Вилькзу* (*Wilkes*), капитану флота Сѣверо-Американскихъ Штатовъ — за труды и заслуги въ продолженіе четырехлѣтняго путешествія для открытій въ Южномъ-Полушаріи и странахъ Антарктическихъ. Библіотека Общества увеличилась 232 книгами и брошюрами и 292 картами и планами. Финансовый балансъ по 31 января 1847 года показалъ, что Общество имѣетъ въ кассѣ 144 ф. ст., не въ счетъ 422 ф. ст., не донятыхъ съ членовъ; но въ тожъ время оказалось на немъ 293 ф. ст. неуплаченного долга. Это послѣднее обстоятельство даетъ печальный поводъ сомнѣваться въ прочности дальнѣйшаго существованія Общества и обвинять управленіе его въ недостаткѣ экономического благоразумія и предусмотрительности.

— лондонское этнологическое. — Въ засѣданіи, бывшемъ 15 марта, подъ предсѣдательствомъ Притчарда, читана была весьма любопытная записка В. Д. Соля (*Saull*): «о туземныхъ племенахъ Британіи». Сохранившіеся доселѣ памятники древнѣйшаго быта Бриттовъ, авторъ относитъ къ пяти періодамъ, которыхъ отличительныя свойства представляются въ слѣдующей постепенности: 1) самый грубый и простой способъ первобытной жизни людей; 2) улучшение жилищъ; 3) употребленіе метательнаго оружія, дѣланіе грубой глиняной посуды и обычай погребать умершихъ; 4) переходъ въ пастушеское состояніе; наконецъ 5) сближеніе съ Бельгами, Галлами и другими мореходными народами Средиземнаго-Моря, сопровождаемое введеніемъ въ употребленіе оборонительнаго оружія и ходячей монеты.

Къ первому періоду принадлежать остатки самыхъ древнихъ жилищъ, встрѣчаемыя въ *Yorkshire Moors* (Йоркшайрскихъ-Пустыряхъ); въ *Nagewood Dale* (Гервудской-Долинѣ), близъ Скарборо; въ *Egton Grange*; въ *Swartham*, близъ Витби; въ *Chalk Downs* (Мѣловыхъ-Падяхъ), близъ Донстебля, о которыхъ упоминаетъ д-ръ Стэкли; въ *Pen Pits*, близъ Шефтсбэри; въ *Hod Hill*, близъ Бландфорда; въ *Hill*, надъ Дичлингомъ; въ *Bow Hill*, близъ Чичестера; въ *Worle Hill*, надъ *Weston-supra-Mare*; на *Brent Knoll* (Брентской-Возвышенности), въ графствѣ *Соммерсетъ*; наконецъ, въ графствѣ *Абердинъ*, по свидѣтельству д-ра Юнга. Жилища эти суть простыя землянки круглой или продолговатой формы, около осьми футовъ въ діаметрѣ и отъ двухъ до трехъ футовъ глубиной, обложенныя по сторонамъ дерномъ или торфомъ, и вѣроятно накрывавшіяся сверху тѣмъ же дерномъ и древесными вѣтвями, причемъ оставлялось единственное отверстіе, служившее вмѣстѣ дверью, окномъ и дымовою трубою. При раскопкахъ, открываемы были въ нихъ: куски дерева, зола, обожженные камни и калъ въ видѣ черной земли.

Во второмъ періодѣ, въ этихъ землянкахъ послѣдовало значительное улучшение: бока ихъ стали обкладывать камнемъ. Приэтомъ являются курганы (*tumuli*) и особыя огороженные мѣста для покойниковъ; также входятъ въ употребленіе: наконечники стрѣлъ и ножи изъ кремня, и грубые каменные топоры. Къ тому же періоду изслѣдователь относитъ и группы каменьевъ, извѣстныя въ Британіи подъ именемъ «кромлеховъ» (*cromlechs*): многіе другіе ученые считаютъ эти кромлехи за друидическіе храмы; но, по его мнѣнію, это были мѣста, служившія просто притономъ или убѣжищемъ для жилья въ разныхъ случаяхъ. Многочисленные обрашки такихъ жилищъ, сложенныхъ изъ необтесанныхъ камней, встрѣчаются: въ урочищѣ *Stone Hags* (Каменные-Бабы), близъ Джисбóро, въ Йоркшайрѣ; по бокамъ холмовъ, вдоль Клевеландской-Долины; въ *Minninglowe*, на вершинѣ холма что близъ Винстера, въ графствѣ *Дерби*; въ *Arborlowe*, въ томъ же графствѣ; въ *Wayland* и въ *Farringdon*, въ

графствъ Беркъ; въ верхнемъ и нижнемъ Kitt's Cotty House, между Чатамомъ и Мэдстономъ; на противоположной сторонѣ Medway, близъ Ротама. Лѣтъ за шестьдесятъ назадъ, на холму близъ St. Hilliers, въ Джерси, существовалъ отличный кромлехъ, заключавшій внутри огороженного круга нѣсколько отдѣльныхъ помѣщеній или жилищъ; генераль Конвэ (Conway) перенесъ его съ этого мѣста въ свой паркъ близъ Гэнли-на-Темзѣ: модель этого кромлеха можно видѣть и теперь въ Лондонскомъ Обществѣ Антикваріевъ.

Въ третьемъ періодѣ, обычай погребенія умершихъ становится повсемѣстнымъ; причемъ трупъ покойника подвергается иногда сожженію, а пепель кладется въ урну изъ необожженной глины. Кремневые наконечники стрѣлъ и копій, и каменные ножи, являются во всеобщемъ употребленіи. Относящіеся къ этому періоду курганы (tumuli) и такъ называемые «боровы» (barrows), съ находимыми въ нихъ погребальными урнами, разсыяны въ большомъ числѣ по пустырямъ и падымъ графства Йоркъ; обращики-же урнъ можно видѣть въ музей города Скарборо. Когда покойникъ не сжигался, а предавался землѣ въ цѣлости, ему связывали ляжки, и потѣмъ заключали въ родъ склепа изъ грубыхъ, необтесанныхъ камней, который помѣщался обыкновенно на днѣ «борова», иногда ниже уровня почвы; когда-же трупъ сжигали, то пепель клали въ урну, и урны этѣ помѣщались въ насыпь, на разной глубинѣ. Этого рода курганы весьма многочисленны въ южныхъ и западныхъ графствахъ. Поколѣнія, которыя не могли добыть камня для улучшенія землянокъ, имѣли обычай хоронить своихъ покойниковъ попарно, или по нѣскольку въ рядъ, обводя ихъ съ каждой стороны параллельными линіями насыпей. Замѣчательный обращикъ такого способа погребенія находится у Martingdale Hill, близъ Марлборо, въ графствѣ Вильтъ; другой такойже, на пустырь близъ Scaling, въ графствѣ Йоркъ. Тутъ видны три различныя гряды, или отдѣльныя деревни, съ соотвѣствующими имъ курганами, гдѣ, кромѣ костей, ничего не было найдено.

Періодъ четвертый отличается еще бѣльшими успѣхами въ гражданственности, и можетъ быть названъ «пастушескимъ». Дикій доселѣ скотъ стали ловить, укрощать и заключать въ круглыя или продолговатыя ограды, по вершинамъ и склонамъ холмовъ: лучшія изъ такихъ оградъ сохраняются на протяженіи Мѣловаго-Хребта, въ юго-восточныхъ и западныхъ округахъ. Глиняная посуда этого періода сдѣлана гораздо лучше и съ украшеніями, а въ погребальныхъ урнахъ видно даже стремленіе къ изяществу. Вмѣстѣ съ костями человѣческими, въ могилахъ находятся часто кабаньи и оленьи черепя и другія части скелетовъ животныхъ; также отростки оленьихъ роговъ, выдѣланные въ формѣ иглъ для шитья кожаныхъ одеждъ. Привалы или становища, оставшіяся отъ этого періода, встрѣчаются во многихъ возвышенныхъ частяхъ Англіи, и извѣстны

въ народѣ подѣ названіемъ «Цезаревыхъ Становищъ» (Caesar's Camps): одно такое, отлично сохранившееся, находится въ Wimbledon Common, занимая площадь въ девять акровъ, окруженную двойнымъ валомъ и рвомъ; другое — на St. George's Hill, въ Валтонѣ-на-Темзѣ; третье, называемое Maiden Bower (Дѣвичья-Кровать) — близъ Донстебля.

Наконецъ, въ періодѣ пятомъ, ясно видно вѣдреніе Тевтоновъ. Исторически извѣстно, что, около четырехъ вѣковъ предъ Р. Х., колоніи Бельговъ перебрались черезъ Британскій-Каналь, и поселились между туземными поколѣніями, отъ коихъ отличались бѣльшими знаніями и искусствомъ. Стало-быть, къ этому періоду должно относить находимую иногда оловянную и мѣдную монету: сначала — съ грубымъ изображеніемъ какого-то животнаго, вѣроятно — лошади, потомъ — съ буквами римской формы. Мечи, копья и щиты, въ это время были уже во всеобщемъ употребленіи, но не существовало еще ничего похожаго на города; только небольшія, дотолѣ нахолмныя становища, замѣнились болѣе просторными. Изъ такихъ становищъ, одно находится близъ Folkestone; другое — на St. Catherine's Hill, близъ Винчестера (это новаго рода становище, по имени населившаго его поколѣнія, прозвано было Venta Belgarum); третье — у Danesfield, близъ Стокбриджа; четвертое — у Hod-Hill, близъ Бландфорда; пятое — у Milbourn, въ St. Andrew; шестое, самое обширное, извѣстное подѣ именемъ Maiden Castre (Дѣвичій-Замокъ) — близъ Дорчестера. Изъ этого послѣдняго видно до сорока кургановъ, разбѣянныхъ по окрестнымъ высотамъ. Во всѣхъ нихъ находили погребальныя урны, оборонительное оружіе, кухонную посуду и различные предметы убранства. Урны этого періода вообще имѣютъ весьма правильную форму, отличаются особенными выпуклыми орнаментами, и такой величины, что могутъ вмѣщать иногда до тринадцати галлоновъ жидкости.

Это любопытное изслѣдованіе имѣетъ для насъ особенную цѣну по тому, что въ одно съ нимъ время вышло и у насъ подобное же изслѣдованіе «могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи»: плодъ просвѣщеннаго патріотизма Кіевского Гражданскаго Губернатора *И. И. Фундуклея*. Мы не замедлимъ дать подробный отчетъ объ этомъ отечественномъ трудѣ, составляющемъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ современныхъ явленій по части этнографической археологіи.

— ОТДѢЛЕНІЕ ДЛЯ ГЕОГРАФІИ И ГЕОЛОГІИ, ВЪ ГАМБУРГСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ. — Вновь образовалось съ началомъ нынѣшняго года. Первое засѣданіе имѣло 19 января, подѣ предѣтельствомъ г. Вабеля, который открылъ его рѣчью: «объ отношеніяхъ Географіи къ Естественнымъ Наукамъ». Во второмъ засѣданіи, бывшемъ 16 февраля, тотъ же г. Вабель читалъ записку: «о важность познанія морскихъ токовъ для мореплаванія».

ЭКСПЕДИЦИИ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

— УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ, ОТПРАВЛЕННАЯ ОСТИНДСКОЮ - КОМПАНИЕЮ ВНУТРЬ ВЕРХНЕЙ-АЗІИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ТИБЕТЪ. — Извѣстно, что Англичане, въ прямую противоположность съ нами Русскими, ничего не предпринимаютъ и не дѣлаютъ даромъ, безъ какихъ-нибудь опредѣлительныхъ видовъ; самая наука бываетъ у нихъ бѣльшей частью проводникомъ торговлѣ и политикѣ, служить прикрытіемъ для какихъ-нибудь коммерческихъ или государственныхъ цѣлей. Поэтому, когда весной прошлаго года Англо-Индійское Правительство снарядило ученую экспедицію для изслѣдованія верхнихъ частей Центральной-Азіи, предпріятіе это возбудило всеобщее вниманіе и вмѣстѣ-съ-тѣмъ множество предположеній на-счетъ истинной цѣли экспедиціи. Что она не чисто ученая, въ томъ никто не сомнѣвался, да нельзя и сомнѣваться; но какіе другіе замыслы прикрываетъ она собой, о томъ доселѣ ничего навѣрное неизвѣстно. Намъ, впрочемъ, не до того и дѣло; мы займемся здѣсь только сообщеніемъ плана и результатовъ экспедиціи въ ученомъ отношеніи, на сколько то и другое доселѣ извѣстно.

Изъ письма доктора Гукера (Hooker) къ Александру Гумбольдту, напечатаннаго въ Фрориновомъ «*Fortschritte der Geographie*» (В. IV. S. 115), и письма Секретаря Бомбайскаго Географическаго Общества, доктора Бэрда (Bird), читаннаго въ засѣданіи Лондонскаго Географическаго Общества 8 января текущаго года, узнаемъ, что экспедиція эта находится подъ управленіемъ трехъ лицъ: Капитана *Конингэма* (Conningham), Доктора *Томсона* (Thomson) и Поручика *Стрэчи* (Strachey). Первый извѣстенъ какъ искусный инженеръ, второй — какъ натуралистъ, а третій — тѣмъ, что онъ былъ уже отчасти въ мѣстахъ, куда направляется экспедиція. Азіатскія Общества, Калькутское и Бомбайское, желая съ своей стороны содѣйствовать успѣху дѣла, предложили отправляющимся цѣлый рядъ вопросовъ по-части Орографіи, Гидрографіи, Этнологіи и Археологіи странъ, которыя они должны изслѣдовать. Собравшись въ Симлѣ, экспедиція оттуда должна была направиться сперва по верхней долинтѣ рѣки Сетледжа, въ мѣста окружающія истоки этой рѣки, и пробраться черезъ цѣпь Гималаевъ проходомъ Нити-Гать, находящимся на абсолютной высотѣ 14,514 футовъ, подъ 31° С. Ш. и 80° В. Д.; затѣмъ, пересѣкши долину Сетледжа, продолжать путь по этой рѣкѣ до соединенія восточнаго ея рукава, рѣки Ланъ-Циня, съ рѣкою Спити, которая течетъ здѣсь съ сѣвера, и потомъ, вдоль озера Панджъ-Канъ, направиться къ Карако-румскому - Хребту, чрезъ который пролегаетъ дорога въ Ярканъ. Еслибъ исполненіе этого плана, противъ ожиданія, встрѣтило какія-либо затрудненія, то, вмѣсто того чтобы итти на Ярканъ, экспедиція предпола-

гала перебраться чрезъ Каракорумъ проходомъ, ведущимъ изъ Родака въ Хотанъ, и зимовать въ этомъ последнемъ мѣстѣ; если же и это не удастся, то останется въ Родакѣ, или пойдетъ въ Ярканъ съ другой стороны. Затѣмъ, какъ скоро время года позволитъ снова пуститься въ путь, *Копингемъ* располагалъ изслѣдовать теченіе Инда до Гильгита, а потомъ чрезъ Дардѹ и Газарѣ, страны до-сихъ-поръ вовсе еще неизвѣстныя, возвратиться въ Пенджабъ. Въ тоже самое время, *Стрэнчи* намеревался пройти чрезъ зѣмли на востокъ отъ Синкабаба, или восточнаго рукава Инда, въ Гардокъ и къ озеру Манасаревъ, которое онъ постилъ уже въ 1845 году, пробравшись черезъ Гималай со-стороны Кэмана; отсюда же, если не встрѣтится затрудненій, проникнуть, чрезъ ущелье Ла-Ганскиль, въ восточную часть Тибета, гдѣ хотѣлъ изслѣдовать теченіе рѣки Санпу, съ цѣлю опредѣлить навѣрное: одно-ли и тоже она что Ава, или подъ именемъ Дигуна вливается въ Брахмапутру. *Томсонъ*, между-тѣмъ, поставилъ себѣ главнѣйшею задачею изслѣдованіе растительнаго и минеральнаго царствъ, въ проходимыхъ экспедиціею мѣстахъ.

Въ письмѣ послѣдняго изъ Симлы, отъ 5 іюля прошлаго года, напечатанномъ въ Гукеровомъ «*Journal of Botany*», находимъ еще слѣдующія подробности о намѣреніяхъ экспедиціи. «Сперва отправимся мы», пишетъ *Томсонъ*, «вверхъ по Сетледжу, чтобы отъ Кенавера пробраться въ Шипки, первое Китайское мѣстечко. Оттуда думаемъ взять на востокъ, въ Гару или Гартепэ на Индѣ, гдѣ надѣемся найти Китайскихъ комиссаровъ, съ которыми пойдемъ на сѣверо-востокъ къ озеру Чумуръ, обозначенному на моей картѣ подъ $32^{\circ} 45'$ С. Ш. и $78^{\circ} 15'$ В. Д.; тутъ начинается неопредѣленная еще граница владѣній Голабъ-Синга, которую должно опредѣлить. Перешедши Индѣ, мы направимъ путь сперва къ сѣверо-востоку, а потомъ къ сѣверу; впрочемъ, легко можетъ случиться, что наступающая зима помѣшаетъ нашимъ изслѣдованіямъ, прежде чѣмъ мы достигнемъ 34° С. Ш. По всей вѣроятности, зимней квартирой нашей будетъ Ладахъ (или правильнѣе Лехъ), откуда весною отправимся мы къ сѣверу и востоку, съ тѣмъ-чтобы на югъ отъ Яркани и Кашгара достигнуть до 72° В. Д. Если наши предположенія исполнятся, то средину будущаго лѣта располагаю я провести на сѣверъ отъ Кашмира. Бросивъ взглядъ на карту, вы увидите, что путь нашъ идетъ чрезъ обширное и съ-тѣмъ-вмѣстѣ почти вовсе неизслѣдованное еще пространство земель, откуда я надѣюсь вынести богатое сокровище матеріаловъ для Естественныхъ Наукъ.»

Съ такими предположеніями, 2 августа прошлаго года экспедиція вышла изъ Симлы, богато снабженная превосходными инструментами для всякаго рода наблюденій и измѣреній, равно-какъ и необходимою провизіею на два года. Вотъ извлеченіе изъ писемъ Доктора Томсона,

полученныхъ съ-тѣхъ-поръ и напечатанныхъ въ помянутомъ «Journal of Botany» Гукера.

9 августа 1847. Рампуръ на лѣвомъ берегу
Сетледжа, въ 6 дняхъ отъ Симлы.

«Послѣ долгихъ проволочекъ, оставили мы *Симлу* 2 августа, и прибыли въ *Рампуръ* 8 числа; завтра располагаемъ продолжать нашъ путь безостановочно въ теченіе 14 дней. Отъ Симлы досюда дорога извѣстна; мы слѣдовали маршруту Жакмона: но хотя путешествіе наше происходило, только мѣсяцемъ позже, однако я не замѣтилъ уже многихъ изъ показанныхъ имъ растеній. Въ первые четыре дня слѣдовали мы по возвышенной странѣ, и только однажды пересѣкли небольшое пространство низменности, гдѣ насъ, на мгновеніе, привѣтствовали растенія тропическихъ странъ. *Нахканда*, третья наша стоянка, лежитъ почти на 9,000 фф. надъ моремъ; а гора *Хатту*, поднимается еще на 1,700 фф. выше, и почти вся, до самой вершины, покрыта лѣсомъ. Много собралъ я здѣсь новыхъ видовъ растеній, но до-сихъ-поръ не имѣлъ еще времени привести сокровища мои въ порядокъ и распределить по принадлежности. На четвертый день нашего пути прибыли мы на *Котгуръ*, съ 6,600 фф. абсолютной высоты. Горная долина, лежащая почти на 1,000 фф. ниже, доставила необыкновенно обильную ботаническую жатву. Съ Котгура спустились мы въ долину рѣки *Сетледжа*, гдѣ нашли себя на высотѣ 3,000 футовъ. Разность въ температурѣ воздуха была довольно ощутительна, а перемѣна растительности изумительна: термометръ поднялся до 90°, и тогда-какъ прежде шли мы почти непрерывно дубовыми и сосновыми лѣсами, теперь находились между разными тропическими растеніями. Самая долина Сетледжа вообще неплодна, такъ-что, за исключеніемъ ближайшихъ окрестностей деревень, рѣдко гдѣ увидишь дерево. Не менѣе былъ я изумленъ, встрѣтивъ между горными растеніями, прозябавшими въ долину, нѣкоторыя почти исключительно Европейскія; всѣ онѣ успѣшно произрастаютъ на одинакой высотѣ съ Американскими.

«*Рампуръ* для горнаго города довольно значителенъ, и ведетъ дѣятельную торговлю съ Китайскими городами и мѣстечками; тонкая шерсть для шалей составляетъ главную статью привоза. Завтра мы снова поднимаемся на высоту 6,000 фф., и опять встрѣтимъ суровый климатъ и совершенно другую растительность. На пятый день по выѣздѣ отсюда хотимъ переправиться чрезъ Сетледжъ, шесть или семь дней будемъ слѣдовать по правому его берегу, а потѣмъ обратимся къ сѣверу на Канумъ и Сонгумъ, чтобы, чрезъ Гангарангское ущелье, пройти въ долину рѣки Спити; затѣмъ будемъ идти, вверхъ по теченію этой рѣки, до соединенія ея съ рѣкою Паръ, и потѣмъ—последнею, до истоковъ ея близъ озера Чумуръ-Эмилъ, куда надѣемся прибыть около 5 сентября. О даль-

нѣйшихъ планахъ своихъ покуда не могу еще ничего сказать: точнѣе опредѣлятся они послѣ свиданія нашего съ Китайцами. Когда будемъ на возвышенныхъ равнинахъ Татаріи, наступитъ время зрѣнія семянъ, и я надѣюсь собрать ихъ много. Тамъ же, вѣроятно, встрѣчу я и ревенный кустарникъ, и такимъ образомъ буду имѣть возможность собрать свѣдѣнія о его мѣсторожденіи.»

2 сентября 1847. Даукуръ при рѣкѣ
Пити, сѣверный берегъ.

«Въ долину Сетледжа у Рампура, находились мы на высотѣ 3,200 футовъ надъ моремъ, окруженные почти тропическими растеніями. Дорога отсюда, въ теченіе четырехъ первыхъ дней, шла вдоль лѣваго берега рѣки, и мы повсюду встрѣчали растенія умѣреннаго климата; но чѣмъ далѣе подвигались мы къ востоку, тѣмъ-болѣе виды ихъ напоминали о близости сухаго климата *Кенавера*. Въ половинѣ пятаго дня пути отъ Рампура, 14 августа, перѣехали мы опять черезъ Сетледжъ по мосту, и отправились далѣе уже по правому берегу; здѣсь, на высотѣ 5,200 фф. мы все еще находились среди тропической растительности. Трудно поставить опредѣлительную ботаническую границу Кенаверу: растенія одной полосы переходятъ въ другую; измѣненія являются мало-помалу и состоятъ въ тѣсной связи съ количествомъ выпадающихъ дождей.

«У Туранды, 12 августа, застигъ насъ сильный ливень; но съ-тѣхъ-поръ настала опять сухая погода. *Туранда* лежитъ у одной изъ боковыхъ отраслей большаго горнаго хребта идущаго на югъ, параллельно съ рѣкою, и возвышающагося на 8,000 фф. надъ моремъ. Горы покрыты величественными деодоровыми лѣсами (*cedrus deodora*). Новыя формы растеній начали встрѣчаться впервые только послѣ переправы чрезъ Сетледжъ, 14 августа; но съ-тѣхъ-поръ не проходитъ дня, чтобы я не увеличилъ ими своего собранія.

«Путь нашъ чрезъ Кенаверъ лежалъ вдоль праваго берега Сетледжа, почти 2,300 фф. надъ поверхностію рѣки. Чрезъ *Меру* и *Роджи*, достигли мы *Панджи*. Страна чрезвычайно гориста, и оттого дорога въ такойже мѣрѣ затруднительна. Лѣсъ сопровождалъ насъ повсюду. Окрестности деревень восхитительны: дома, въ буквальномъ смыслѣ, погребены въ густой зелени грецкаго орѣшника и шелковицы; персики и абрикосы находятся всюду; въ теплѣйшихъ частяхъ долины виноградъ находили мы уже созрѣвшимъ.

«У Панджи, оставивъ рѣку, обратились мы къ сѣверу, и перебрались чрезъ рядъ горныхъ цѣпей, перевалами: *Вирингскимъ*, *Рунангскимъ* и *Гангарангскимъ*, возвышающимися на 13,200, 14,500 и 14,800 фф. На переходъ каждаго изъ этихъ переваловъ употребляли мы по два дня: въ первый день поднимались до-тѣхъ-поръ, пока могли еще находить воду; на слѣдующее утро переходили черезъ вершину на другую сторону горной цѣпи,

и затѣмъ опять спускались внутрь долины. Въ-продолженіе этихъ шести дней, съ 18 до 23 августа, растительность столь быстро измѣняла свой характеръ въ нашихъ глазахъ, что я не могу припомнить другой подобной мѣстности. На сѣверномъ склонѣ *Вирингскаго*-Перевала все еще встрѣчались лѣса, впрочемъ уже съ совершенно другимъ характеромъ: вмѣстѣ съ березами, являлись и другія деревья, которыхъ вовсе нѣтъ на южномъ склонѣ; но, по выступленіи изъ *Липпы*, съ самаго начала подъема на *Рунангскій*-Перевалъ, лѣсъ сильно зарѣдѣлъ, и наконецъ вовсе уступилъ мѣсто можжевельнику. Еще разительнѣе и полнѣе представлялись быстрота переходовъ и несходство въ растеніяхъ травянистыхъ.

«Августа 24 прибыли мы въ *Сіо*, на правомъ берегу рѣки *Пити*. Не смотря на высоту 9,000 фф. надъ моремъ, тутъ еще собираются богатая жатвы проса, гречи и абрикосовъ. Здѣсь же у *Сіо* переправились мы чрезъ *Пити*. Съ-тѣхъ-поръ путь нашъ пролегалъ по мѣстамъ, во многомъ сходствующимъ съ *Гангарангскимъ*-Переваломъ и его окрестностями. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ все выше поднимались, такъ-что почва рѣчнаго ложа достигала высоты 11,000 футовъ надъ моремъ. Послѣ переправы чрезъ *Пити*, путь нашъ шелъ все вблизи лѣваго ея берега. Начиная отъ *Сіо*, почва чрезвычайно бесплодна, камениста и утесиста; растительность бѣдна до-крайности, за исключеніемъ рѣчныхъ береговъ, сплошь покрытыхъ зеленымъ дерномъ, на которомъ прозябаетъ довольно много мелкихъ растеній. Августа 30 сдѣлалъ я опись всѣмъ видамъ растеній, найденныхъ мною на разстояніи 10 миль нашего пути, и нашелъ 59 родовъ, кромѣ тайнобрачныхъ. На теперешней нашей стоянкѣ окружаетъ насъ растительность почти чисто Европейская или Сибирская. При безостановочномъ слѣдованіи впередъ, мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ собирать; поэтому, съ тѣхъ поръ какъ оставили мы *Симлу*, гербарій мой обогатился 400 видами растеній, доселѣ мнѣ вовсе неизвѣстныхъ.

«Отсюда еще три дня предполагаемъ мы слѣдовать вдоль рѣки, а тамъ обратимся къ сѣверу чрезъ *Парангскій*-Перевалъ, съ намѣреніемъ достигнуть озера *Чумуръ-Элиль*. Этотъ путь прелегаетъ частію по *Англійскимъ* землямъ, частію по владѣніямъ *Голабъ-Синга*, вассала *Англии*. По *Требеку* и *Муркрофту*, *Парангскій*-Перевалъ возвышается на 19,000 фф., и съ сѣверной стороны покрытъ снѣгомъ; по этой причинѣ, намъ могутъ встрѣтиться разныя затрудненія. *Лехъ* (*Leh*), теперешняя цѣль нашего странствованія, лежитъ въ 11,000 фф. надъ моремъ, а озеро *Чумуръ-Элиль* — въ 15,000; посему, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, страну эту едва-ли мы найдемъ свободною отъ снѣговъ.

«Одно изъ главнѣйшихъ моихъ намѣреній есть проникнуть далѣе на сѣверъ, съ-тѣмъ-чтобъ захватить частичку *Алтайской* флоры. Можетъ-быть, мнѣ посчастливится въ будущемъ году изслѣдовать большой хребтъ, лежащій къ сѣверу отъ *Инда*, когда будемъ пробираться

черезъ него въ Китайскія владѣнія: этотъ планъ тѣмъ легче привести въ исполненіе, что сѣверный склонъ прохода почти вовсе необитаемъ. А тамъ ничего мнѣ такъ не хочется, какъ посѣтить Русскія владѣнія, лежащія за Яркенъю. Всѣ эти надежды и планы, конечно, еще только въ зародышѣ: можетъ-быть, ни одному изъ нихъ не суждено осуществиться; по-крайней-мѣрѣ то, что будетъ въ силахъ, я попытаюсь привести въ исполненіе. Мнѣ встрѣчались уже и здѣсь нѣкоторыя Алтайскія растенія. Ройль познакомилъ насъ съ нѣкоторыми прозябеніями края, теперь нами проходимаго; но касательно мѣста нахождения ихъ, показанія его почти всегда ошибочны: такъ всѣ сѣверныя формы растеній изъ Лишпы, Сонгнама, Роджи и Панджи, показанныя у него на высотѣ отъ 8 до 9,000 фф., я находилъ перѣдко и на высотѣ отъ 12 до 15,000 фф.

«Что касается до геологіи, то хотя я не пренебрегаю и ею, однакожь поспѣшность, съ какой мы подаемся впередъ, полагаетъ существенныя препятствія точнѣйшимъ изслѣдованіямъ по этой части: мнѣ не остается ничего дѣлать, какъ только откалывать или подбирать куски каменьева, и съ надписью, гдѣ они найдены, завертывать въ бумагу. До-сихъ-поръ находилъ я не болѣе какъ — гранить, гнейсъ, слуду, глинистый сланецъ, кварцъ, песчаникъ, конгломератъ и известнякъ — которые, притомъ, попадаются не слоями или пластами, правильно расположенными, но вездѣ набросаны другъ-на-друга въ дикомъ безпорядкѣ. Видно, что область Гималая, или лучше-сказать — весь Кенаверъ, покрыты были нѣкогда рядомъ озеръ; доказательствомъ тому служатъ огромныя массы осадочной глины, въ которой, даже на самыхъ высокихъ горахъ, попадаются прѣсноводныя раковины. Замѣчательно, между-прочимъ, что насѣкомыя чрезвычайно здѣсь рѣдки: до-сихъ-поръ не удалось мнѣ найти ни одного даже жука.

22 сентября 1847 года. Пуга въ 10 миляхъ,
отъ лѣваго берега Инда.

«Какъ всѣ карты проходимою нами страны не точны и ошибочны, то я и не могу точнѣе обозначить мѣста, гдѣ мы теперь находимся, и откуда спѣшу сообщить свѣдѣнія о дальнѣйшихъ моихъ изслѣдованіяхъ, послѣ письма изъ Даукура. Долину Пити мы оставили 5 сентября, и вслѣдъ за тѣмъ, *Парангскимъ* - Переваломъ, перебрались черезъ покрытый снѣгомъ хребетъ, который тянется къ сѣверу параллельно съ долиной Пити, причемъ открыли случайно и самые источники рѣки *Паранга*: по наблюденіямъ, мы находились тогда въ 18,600 или 18,700 фф. надъ поверхностію моря. Сперва слѣдовали мы по теченію рѣки къ сѣверу; потѣмъ, въ продолженіе двухъ дней, прямо къ востоку; а на третій день, переплывши рѣку, повернули на югъ, по направленію къ

Голé (Haulé). На пути туда перешли мы *Саракскій-Переваль*, находящійся на 18,000 фф. высоты, и 14 сентября прибыли въ *Голé*, гдѣ и оставались два дня. Затѣмъ, 17 сентября, опять мы выступили къ *Инду*, и въ теченіе двухъ дней, слѣдовали *Индомъ*, сначала въ направленіи къ сѣверу, а потомъ къ востоку; послѣ-того поднялись на широкую лощину, находившуюся по лѣвую отъ насъ сторону, и наконецъ прибыли къ означенному выше мѣсту стоянки, гдѣ и остались на цѣлый день, для ближайшаго изслѣдованія находящихся здѣсь сѣрныхъ, соляныхъ и теплыхъ источниковъ. Вотъ очеркъ нашего путешествія.

«Теперь въ нѣсколькихъ словахъ объясню характеръ здѣшней растительности и наружный видъ страны. Съ 5 сентября находились мы никакъ не ниже 13,800 фф. надъ моремъ; по-большей-же-части — гораздо выше. Иногда приходилось быть на открытыхъ и гладкихъ равнинахъ, но вообще мѣстность была холмистая. Нѣкоторыя изъ этѣхъ возвышенныхъ равнинъ весьма обширны и казались совершенно горизонтальными, у другихъ замѣтна была незначительная покатость; послѣднія, по-большей-части, покрыты каменистой почвой, но на первыхъ всюду выказывалась солянистая ржавчина (*Salzefflorescenz*): явный признакъ, что этѣ равнины были нѣкогда ложемъ озеръ. Повсемѣстное безплодіе царствовало не только на горахъ, но и на каменистыхъ равнинахъ; тамъ, гдѣ поднимаются огромныя массы утесовъ, пыливый взоръ едва открывалъ кой-какія прозябенія, растущія одиночно. Вообще, растительность держится лишь по близости водъ, берега которыхъ, по-большей-части, болотисты и покрыты низкой травой. Я сдѣлалъ здѣсь нѣсколько замѣчательныхъ находокъ.

«На девятый день послѣ того какъ мы оставили *Пити*, 8 сентября перешли мы *Парангскій-Переваль*, на высотѣ до 17,000 фф. Горы, чрезъ которыя пролегалъ нашъ путь, были огромныя каменистыя массы: выдающіеся на вершинахъ ихъ каменья покрыты только лишаями. Но безплодіе южной отлогости перевала сторицей вознаградилось растительнымъ богатствомъ сѣвернаго склона; въ-особенности былъ я изумленъ имъ на берегу рѣки. Высшій пунктъ перевала образуетъ, на полторы мили въ длину, покрытую снѣгомъ равнину, къ коей непосредственно примыкаетъ такойже длины ледяная площадь. Всего больше удивился я несходству растеній высоты отъ 16 до 17,000 фф. съ растительностію высоты отъ 14 до 15,000 фф.; впрочемъ это несходство зависитъ не отъ одной только разности въ высотахъ, но и отъ многихъ другихъ, содѣйствующихъ тому причинъ, какъ напримѣръ: отъ большаго или меньшаго удаленія растеній отъ ложа долины. Внизу перевала имѣли мы стоянку на высотѣ 16,000 фф. надъ моремъ; самый низшій пунктъ, пока мы не миновали рѣки, все еще былъ въ 14,000 фф. высоты. Отлогость горы, при спускѣ, была нисколько не крута; это обсто-

ятельство доставило мнѣ возможность замѣтить съ точностью, въ продолженіе трехдневнаго пути внизъ, предѣлы распространенія немногихъ здѣшнихъ растеній. Выше 15,000 футовъ совершенно исчезли растенія собственно альпійскія. Переваль *Саракскій* весьма замѣчателенъ въ ботаническомъ отношеніи; всходить по немъ легче, да и самыя горы, покрытыя гранитомъ и обломками скалъ, даютъ гораздо больше пространства для богатой растительности, чѣмъ отлогость Парангскаго-Перевала, гдѣ растенія прозябаютъ между мелкими, разсыпчатыми и угловатыми каменьями. Чрезъ нѣсколько времени, достигли мы небольшой рѣки съ покрытыми густымъ дерномъ берегами, на которыхъ опять нашелъ я множество альпійскихъ растеній. Верхняя часть перевала, на высотѣ до 18,000 фф., состояла изъ небольшой, покрытой пескомъ и каменистымъ хрящемъ равнины; самая дорога была совершенно свободна отъ снѣга, который держался еще на право, по краямъ горной отлогости.

«Оставивъ далеко за собой сѣверный склонъ Саракскаго-Перевала, достигли мы *Голѣ*, монастыря Буддійскихъ Ламъ. Этотъ монастырь лежитъ на горѣ, въ сѣверной части пространной и совершенно гладкой равнины, возвышающейся до 14,000 фф. надъ моремъ и пересѣкаемой двумя медленно текущими и обильными рыбой рѣчками, которыя, соединясь у самаго монастыря, обращаются послѣ того на сѣверъ, и пробѣгая открытою долиною, впадаютъ наконецъ въ Индъ. По теченію этой рѣки слѣдовали мы около 20 миль; берега ея, какъ и вся равнина, солонцоваты и содержатъ въ себѣ минералы, которые замѣчалъ я тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ дальше подвигались мы впередъ. Рѣку *Гале* оставили мы за нѣсколько миль до впаденія ея въ Индъ, съ намѣреніемъ пройти черезъ цѣпь холмовъ, приближающихся къ этой рѣкѣ, и потомъ опять слѣдовать по Инду, въ нѣсколькихъ миляхъ ниже ея устья.

«*Индъ* течетъ здѣсь, съ быстротою отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 миль въ часъ, чрезъ обширную, солонцоватую равнину. Берега его чрезвычайно безплодны, такъ-что, на протяженіи 25 миль, я замѣтилъ только 45 растительныхъ видовъ. Поэтому я охотно обернулся къ нему спиной, и отправился въ лощину, или, лучше-сказать, въ узкую горную долину, которая обѣщала мнѣ лучшую добычу. Только-что вошелъ я въ нее, какъ очутился посреди миниатюрнаго лѣса изъ мирикарій (*myricaria*); деревья, по-большей-части, были до 15 футовъ въ вышину, а стволы ихъ около фута въ поперечникъ. Съ обѣихъ сторонъ лощины поднимались высокіе горные откосы; тамъ, гдѣ лощина подходитъ къ Инду, дно ея лежитъ почти въ 14,000 фф. надъ моремъ.

«Когда мы прибыли на теперешнюю нашу стоянку, я не мало удивился, нашедши здѣсь температуру воды до 69° по Фаренгейту. Столь высокая температура происходитъ отъ множества горячихъ ключей, теплота которыхъ среднимъ числомъ простирает-

ся до $147\frac{1}{2}^{\circ}$. Лагерь нашъ расположенъ въ части лощины, гдѣ она расширяется почти на $\frac{1}{4}$ мили. Изъ теплыхъ ключей выходитъ сильно пахнущій строю газъ; между-тѣмъ вода совершенно чиста и на вкусъ пріятна. Верхняя почва занятой нами небольшой равнины изобилуетъ солью, и содержитъ въ себѣ много буры (borax), которая вывозится отсюда въ Индію, гдѣ ее очищаютъ. Мѣстность, въ которой попадаетъ стро въ видѣ минерала, лежитъ на милю дальше; но я еще не былъ тамъ. Ложе маленькой рѣчки наполнено безчисленнымъ множествомъ рыбы, которая, по-видимому, сама ищетъ горячей воды и любить ее.»

27 сентября. Гіа.

«Мѣсто, изъ котораго посылается это письмо, вы легко найдете на хорошей картѣ: съ-тѣхъ-поръ какъ я началъ писать его, мы сдѣлали столь значительные переходы, что я не имѣлъ времени его кончить. Здѣсь остановились мы на одинъ только день, частью для того чтобы немного отдохнуть, частью-же чтобы отправить наши письма. Въ послѣдніе пять дней путешествія не пріобрѣлъ я ровно ничего въ ботаническомъ отношеніи, потому-что холодныя ночи уничтожали почти всю растительность. Передъ симъ за два дня расположились мы лагеремъ по ту сторону ската *Тунлунскаго-Перевала*, на 16,000 фф. высоты надъ моремъ; здѣсь, послѣ чрезвычайно холоднаго дня, вечеромъ выпалъ снѣгъ, который на слѣдующее утро покрылъ землю слоемъ толщиною въ три дюйма. Скатъ былъ необыкновенно крутъ, и я съ внутреннею радостію оставилъ за собой этотъ снѣжный саванъ. Теперь находимся мы все еще на 13,500 фф. надъ моремъ; завтра, можетъ-быть, спустимся уже только на 11,500.

«Замѣчательнѣйшимъ предметомъ, видѣннымъ мною въ послѣдніе дни, было соляное озеро на высотѣ 15,000 фф. Не имѣя стока (характеристическая принадлежность всѣхъ соляныхъ озеръ), оно занимаетъ средину равнины, замкнутой со всѣхъ сторонъ горами, на которыхъ, въ высотѣ 200 фф. надъ теперешнимъ уровнемъ озера, явственно и рѣзко обозначаются предѣлы воды. Съ сѣверной стороны, эта котловина, по-видимому, состоитъ въ связи съ долиной, которая тоже склоняется къ сѣверу, и во всякомъ случаѣ была нѣкогда ложемъ для стока воды изъ озера. Около самаго озера, и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, почти за нѣскольکو футовъ до предѣловъ воды, видѣнъ наносный осадокъ мелкой глины, въ которомъ находится безчисленное множество ископаемыхъ улитокъ; всѣ онѣ, за исключеніемъ немногихъ, принадлежатъ къ прѣсноводнымъ моллюскамъ: этимъ ясно доказывается, что въ прежнее время озеро содержало въ себѣ прѣсную воду, а теперешняя соленость происходитъ единственно отъ прекращенія стока его водъ. Посему и самая страна, со времени образованія этихъ наплывовъ, должна была значи-

тельно возвыситься, если не повсюду, то по-крайней-мѣрѣ мѣстами. Кроме превосходныхъ сѣрныхъ кристалловъ, собралъ я здѣсь множество стольже прекрасныхъ соляныхъ.

«На дняхъ отправимся мы вдоль по Инду, и затѣмъ думаемъ остаться съ недѣлю въ Лехѣ, откуда и ожидайте отъ меня новаго письма.»

Письмо это получено уже въ Лондонѣ, и мы въ непродолжительномъ времени сообщимъ содержаніе его нашимъ читателямъ, вполне увѣренные, что это странствованіе, въ столь близкомъ сосѣдствѣ отъ насъ и съ ясно признаваемыми намѣреніями пробраться наконецъ и къ намъ (съ цѣлью, положимъ, хоть и ботаническою только), не можетъ не имѣть для насъ особеннаго интереса. А чтобъ облегчить читателямъ возможность слѣдовать за путешественниками, прилагаемъ теперь же небольшую карту, на которой имена мѣстностей означаемъ по системѣ правописанія, возможно приближенной къ туземному произношенію.

— извѣстія объ уральской экспедиціи. — Совѣтъ Р. Г. О. получилъ увѣдомленіе отъ Начальствующаго Экспедиціей, Д. Ч. О. Полковника *Гофмана*, что онъ, по причинѣ льда, покрывавшаго рѣки, не могъ выѣхать изъ Тобольска раньше, какъ 16 мая. Донесеніе свое объ этомъ прислалъ онъ изъ деревни *Кошелевой*, гдѣ, 23 мая, встрѣтился съ почтою, извѣстившею его, что Объ внизу еще стоитъ и что отъ Березова до Кондинскаго-Монастыря эту самую почту все еще надо было везти по льду. Впрочемъ г. Гофманъ имѣлъ надежду, что такое состояніе рѣки продолжится недолго; добравшись-же до Березова, намѣревался остановиться тамъ не болѣе какъ дня на два, и потомъ неукоснительно спѣшить далѣе.

Между-тѣмъ, Астрономъ Экспедиціи, Д. Ч. О. Магистръ *Ковальскій*, слѣдовавшій другимъ путемъ къ Березову, прислалъ съ дороги два слѣдующія донесенія о своихъ дѣйствіяхъ:

25 марта 1848. Устье рѣки Косси въ Уссу.

«Въ *Пустозерскѣ* я заключилъ 12 марта наблюденія мои для опредѣленія этого пункта, и въ слѣдующій день выѣхалъ изъ него, и отправился, чрезъ *Ижму* и *Усть-Кожву*, въ селеніе *Колву* на *Уссь*, куда прибылъ 20 марта.

«Во время пребыванія въ *Пустозерскѣ*, мнѣ удалось прибавить еще два опредѣленія прямыхъ восхожденій луны къ четыремъ прежнимъ, о которыхъ я уже имѣлъ честь донести; такимъ образомъ долгота *Пустозерска* опредѣляется теперь шестью прямыми восхожденіями луны и одною оккультациею. При переездѣ въ *Колву*, я сдѣлалъ наблюденія для опредѣленія поправокъ хронометровъ и широты въ *Оксань*, и вторично

въ *Великовислячнѣ* и *Ижмѣ*; въ *Усть-Уссу* и *Колву* это мнѣ не удалось, по причинѣ пасмурной погоды.

«Такъ - какъ деревня *Оранецъ* или *Усть-Щугоръ* требуетъ еще опредѣленія долготы, потому-что на долготу *Усть-Щугора* основываются долготы пунктовъ *Уральскаго-Хребта*, опредѣленныхъ въ концѣ лѣтней экспедиціи, то съ однимъ изъ этихъ пунктовъ можно будетъ соединить *Усть-Уссу* и *Колву*. Что касается широты пунктовъ на *Печорѣ*, то въ точности ихъ нѣтъ никакого сомнѣнія; потому-что я для этой цѣли преимущественно употреблялъ пассажныя инструменты, установленныя въ первомъ вертикалѣ.

«Въ *Колвѣ* я три дня ожидалъ возможности сдѣлать наблюденіе; но такъ-какъ пасмурная погода не прекращалась, то я не могъ долѣе откладывать моего выѣзда. Посему 23 марта оставилъ я это селеніе, и на нанятыхъ у здѣшнихъ Самоѣдовъ оленяхъ слѣдовалъ вверхъ рѣки *Уссы* до устья рѣки *Косси*, куда и прибылъ на второй день. Дальше по рѣкѣ *Уссу* слѣдовать невозможно за недостаткомъ мховъ оленьихъ, и дорога идетъ прямо чрезъ болота до рѣки *Лемвы* къ *Избѣ-Акакія*.

«Если худая погода не замедлитъ переправы чрезъ горы, то надѣюсь черезъ пять дней быть въ *Обдорскѣ*.»

14 апрѣля 1848. Обдорскъ.

«Путь до *Обдорска* совершилъ я безъ всякихъ важныхъ затрудненій.

«Вся страна на лѣвомъ берегу рѣки *Уссы* покрыта однимъ болотомъ; мѣстами встрѣчается лѣсъ, но очень скудный: это болото носитъ *Зырянское* названіе *Усьва-Нюръ*. Приближаясь къ берегамъ рѣки *Лемвы*, грунтъ немного возвышается, а въ 20 верстахъ къ западу отъ *Избы-Акакія* беретъ начало рѣка *Кочмысъ*, впадающая въ *Уссу*. Между рѣками *Кочмысъ* и *Лемвою*, на лѣвомъ берегу *Уссы* нѣтъ больше рѣкъ: рѣка *Харута*, помѣщаемая въ этомъ мѣстѣ на лучшихъ картахъ, не существуетъ; но есть двѣ рѣчки, носящія это названіе: одна изъ нихъ, къ сѣверу отъ хребта *Адакъ*, впадаетъ въ *Херморъ*, а другая выходитъ изъ *Урала*, и впадаетъ въ *Лемву*. *Изба-Акакія*, лежащая въ 25 верстахъ отъ устья *Лемвы* и въ 15 отъ рѣчки *Пага-Яса*, находится на параллели *Обдорска*.

«На правомъ берегу *Лемвы* страна до *Уральскаго-Хребта* постоянно возвышается, и лѣсъ прекращается въ 40 верстахъ отъ хребта. *Уралъ* перѣхалъ я при сопкѣ *Тумбуловой* и одной изъ вершинъ рѣки *Войкаръ*.

«На восточномъ склонѣ *Урала*, дорога затрудняется недостаткомъ снѣга. Вся покатость почти безснѣжна, и на самомъ хребтѣ снѣгъ составляетъ тонкій слой плотной обледенѣлой массы, толщиною не болѣе какъ въ четверть фута. По мѣрѣ приближенія къ *Оби*, глубина снѣга возрастаетъ постепенно, и по берегамъ этой рѣки достигаетъ полутора

фута. Между-тѣмъ, на западномъ склонѣ, снѣгъ до самаго хребта одинаково глубокъ, и доходитъ до трехъ и больше футовъ.

« При перѣздѣ отъ устья рѣки Косси до Обдорска, я сдѣлалъ наблюденія для опредѣленія широты и поправокъ хронометра: при *Избѣ-Акакія*, у вершины рѣки *Войкаръ* въ переходѣ *Тумбуловъ* и въ *Югангордскихъ* юртахъ на рѣкѣ *Войкаръ*. Въ *Обдорскъ* прибылъ я 2 апрѣля, гдѣ успѣлъ наблюсти только двѣ кульминаціи луны.

« Такъ - какъ въ *Березовѣ* наблюденія луны могу я начать только съ 1 мая, то до этого времени намѣренъ соединить посредствомъ хронометровъ съ *Обдорскомъ* нѣсколько пунктовъ рѣки *Кары*, къ которымъ можно-бъ было отнести долготы пунктовъ *Сѣвернаго-Урала*, имѣющихъ быть опредѣленными въ теченіе лѣтней экспедиціи. Съ этой цѣлью я завтра же отправляюсь къ вершинамъ рѣки *Щучей*, и оттуда внизъ по теченію *Кары*. »

ЗАМѢТКИ И ВЫПИСКИ.

Р. Г. О., въ отвѣтъ на сдѣланныя имъ приглашенія, начало уже получать многія любопытныя по предметамъ своихъ занятій свѣдѣнія, какъ отъ членовъ своихъ, такъ и отъ другихъ достопочтенныхъ соотечественниковъ. Благодарность свою за это радушное сочувствіе оно считаетъ всего приличнѣе свидѣтельствовать немедленнымъ обнародованіемъ полученныхъ свѣдѣній: для чего и учреждается отнынѣ въ нашихъ листкахъ эта постоянная рубрика.

— ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЯ УРОЧИЩА ВЪ НОВГОРОДСѢВЕРСКОМЪ УѢЗДѢ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. — Сообщено г. *Маркевичемъ*.

1. *Мертвица*. Близъ села *Юхнова*, въ 8 верстахъ отъ *Новгорода-Сѣверскаго*, есть урочище *Мертвица*. Владѣлецъ *Юхнова* и *Мертвицы*, *Новгородсѣверскій* Уѣздный Предводитель *М. И. Ханенко*, рассказываетъ объ немъ слѣдующія любопытныя обстоятельства. Когда кончилась знаменитая битва подъ *Полтавою*, *Карль XII* и его полководцы бѣжали, кто куда могъ. Одинъ изъ генераловъ, имѣя въ своемъ обозѣ казну и корону *Короля* и видя, что его съ часу на часъ могутъ нагнать *Русскіе*, зарылъ въ землю всѣ боченки, наполненные золотомъ и серебромъ и всѣ клейноды королевскіе. Въ недавнемъ времени *Правительство Шведское* нашло въ архивахъ того царствованія подробный счетъ этого клада, такоеже описаніе примѣтъ мѣста, гдѣ онъ схороненъ, и точное наименованіе урочища. По согласію съ нашимъ *Правительствомъ*, присланы были комиссары для отысканія клада; но тщетныя усилія! Вѣроятно *Десна* измѣнила свое русло и поглотила кладъ; а можетъ-быть и примѣты исчезли. Какой-нибудь счастливецъ случайно развѣ найдетъ со временемъ это сокровище.

2. *Юхновъ*. Село это, съ домомъ и садомъ владѣльца, весьма примѣчательно необыкновенною красотою мѣста и воспоминаніями историческими. Гора, на которой выстроены домъ помѣщика, обращена на югъ, и ее покатъ столь быстръ, что можно-бы назвать его обрывомъ. Видъ съ этой горы восхитительный. У подошвы ея село; нѣво снѣжнаго цвѣта мѣловыя горы и густые плодовые сады Юхнова; направо историческія *Горка* и *Семеновка*, съ воспоминаніями объ Императорѣ Петрѣ, о Королѣ Карлѣ и о Гетманѣ Мазепѣ. Впереди вьется по зеленымъ лугамъ Десна съ безчисленными заливами; а за нею лѣса и необъятная даль.

3. *Огнедышущая гора въ Ленковѣ*. Въ 8 верстахъ отъ Новгорода-Сѣверскаго, есть село *Ленковъ*, принадлежащее супругѣ помѣщика М. А. Маркевича. Въ верстѣ или двухъ отъ этого села, когда идти къ помѣщичьему дому, есть тропинка вправо: она сквозь ущелья приводитъ къ небольшому возвышенію, окруженному лѣсомъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ видны слѣды двухъ кратеровъ. Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, гора эта вспыхнула, и горѣла два года сряду; глина превратилась въ самородный, превосходно обожженный, ярко-краснаго цвѣта кирпичъ, образцы котораго можно видѣть въ Петербургѣ у П. А. Кочубея. Университетъ Харьковскій отряжалъ тогда чиновниковъ для испытаній надъ этимъ необыкновеннымъ явленіемъ; но, говорятъ, зной и сѣрный дымъ пылающей горы не допустилъ ихъ ни до какихъ испытаній: весьма жаль, что ихъ не прислали вторично, когда только что погасла гора.

4. *Водоворотъ противъ Ленкова и ключъ Узруй*. Въ Ленковской церкви есть чудотворный образъ Пресвятыя Дѣвы «Спасительницы Утопающихъ». Съ горы, на которой поставлена церковь, видна Десна въ нескончаемыхъ, прихотливыхъ извилинахъ; противъ-же этой горы, есть на Деснѣ ужасный водоворотъ. Переплыть его было весьма трудно; часто огромныя барки исчезали въ этомъ водоворотѣ. Наконецъ явился образъ Дѣвы: пловцы подѣзжая къ Ленкову, останавливались, сходили на берегъ, шли въ Ленковскую церковь, молились Спасительницѣ Утопающихъ; потомъ бросали жребій, кому одному оставаться кормчимъ для барокъ; всѣ-же прочіе выходили и шли берегомъ, пока барки не пройдутъ сквозь водоворотъ. Между-тѣмъ, верстахъ въ 15, или въ 20 отъ этого водоворота, въ имѣніи Княгини Голицыной, есть ключъ воды подъ именемъ *Узруй*. На плоскости, ниоткуда не имѣющей покатовъ или возвышеній, открывается бездна, въ длину и въ ширину аршинъ по шести: въ поларшина высоты бьетъ, и вѣчно кипитъ изъ нее, вода ледяной температуры; ни желѣзо, ни гранитъ, не могутъ пойти на дно; ключъ все выбрасываетъ немедленно. И что-же? Замѣчали: будто-бы, коль скоро барка исчезала въ Ленковскомъ водоворотѣ, щепы ея выбрасывалъ *Узруй*. Предмѣстникъ нынѣшняго управляющаго имѣніемъ, которому вѣроятно наскучилъ ужасный шумъ *Узруя*, вздумалъ засыпать его, и хотя совершенно достигнуть то-

го не могъ, однако успѣлъ сдѣлать, что ключъ въ силѣ своей ослабѣлъ. Съ-тѣхъ-поръ на Ленковскомъ водоворотѣ несчастій стало гораздо меньше; опасность существуетъ только для небольшихъ лодокъ.

— нѣчто о жителяхъ тельшевскаго уѣзда ковенской губерніи. — Составлено г. Сухомлиновымъ. Препровождено въ Общество отъ Тельшевскаго Земскаго Исправника.

Матеріальный бытъ здѣшняго народа (принадлежащаго къ племени Жмудскому или, какъ пишутъ въ книгахъ — Самогитскому), способствуемый близостію портовыхъ городовъ, и чрезъ то удобнымъ сбытомъ хозяйственныхъ продуктовъ, вообще довольно удовлетворителенъ. Крестьянинъ, съ выгодою мѣняетъ плоды трудовъ своихъ на необходимыя въ домѣ статьи, запасаясь притомъ деньгами на уплату умѣреннаго оброка и прочія житейскія надобности. Скромная, но чистая и прочная одежда домашняго издѣлія, довольство въ хозяйственныхъ потребностяхъ, скотъ и снарядахъ, свѣжесть и здоровье, рисующееся на бѣльшей-части лицъ, не обнаруживаютъ недостатка.

Праздничная одежда крестьянъ, въ-особенности состоятельныхъ, выказываетъ ихъ трудолюбіе и охоту одѣться почище. Длинный лавочнаго или домашняго крашенаго сукна сертукъ, сапоги, яркоцвѣтный жилетъ и щегольская шапка, составляютъ костюмъ мужчинъ. Женщины одѣваются въ платья обыкновеннаго покроя, изъ тонкихъ, тоже домашнихъ или лавочныхъ, шерстяныхъ, коленкоровыхъ и шелковыхъ матерій; нѣкоторыя носятъ длинныя юбки, съ застегнутыми подъ груди, короткими, не доходящими до талии камзоликами. Изобиліе въ платкахъ составляетъ вообще главную красоту женскаго наряда: замужнія и дѣвки во все время года обвязываютъ головы множествомъ большихъ и малыхъ, домашнихъ и лавочныхъ, платковъ, которые покрываютъ у нихъ почти все лицо.

Хаты крестьянъ, исключая бѣдныхъ, довольно обширныя и свѣтлыя, часто съ большими окнами, и вымощенныя поломъ. Въ первой, обыкновенно пространнѣйшей комнатѣ, помѣщается брачная кровать хозяевъ, покрытая занавѣсками изъ домашней клѣтчатой ткани. Большой столъ, скамьи, на стѣнѣ множество образовъ Святыхъ, въ томъ числѣ непременно Распятіе, составляютъ обыкновенное убранство комнаты. Прилегающая кладовая служитъ помѣщеніемъ съѣстныхъ припасовъ и прочаго ежечасно нужнаго хозяйкѣ. Въ противоположномъ концѣ дома помѣщается челядь, и тамъ уже производятся все домашнія работы. Въ описаніи жилищъ здѣшнихъ крестьянъ, невозможно умолчать объ амбарахъ: въ одномъ изъ нихъ, всегда украшенномъ разнородными картинами и картинками, изготовляемыми чаще всего хозяйскими сынками, обучающимися въ приходскихъ училищахъ, принимаются почетные гости и добрые знакомые; при угощеніи

всего болѣе обнаруживается зажиточность хозяина, равно-какъ и старательность хозяйки дома.

Что относится до нравственного быта простонародія, то онъ вообще, какъ и вездѣ, слишкомъ мало еще развитъ. Впрочемъ, благодаря христіанской набожности, крестьяне охотно выучиваются читать молитвенныя книги; заботливость объ улучшеніи хозяйства пробуждаетъ въ нихъ смѣтливость и даже изобрѣтательность. Нельзя однакожъ не замѣтить, что нѣтъ въ нихъ той жизни и энергіи, какую находимъ въ мужичкѣ сосѣдней Литвы; нѣтъ также свойственного Литвину прямодушія и искренности. Здѣшній крестьянинъ вообще молчаливъ: онъ покоренъ и смиренъ, но предъ тѣми только, которыхъ боится, или которые необходимы для его выгодъ; въ лицѣ его вовсе нѣтъ выраженія, и потому очень трудно, почти невозможно догадаться, что у него на умѣ.

Женщины, одаренныя отъ природы болѣею смѣтливостью, составляютъ въ этомъ отношеніи замѣтную противоположность съ мужчинами. Здѣшняя женщина, кромѣ домашняго хозяйства, руководствуетъ всѣми почти дѣлами мужа: она является съ нимъ въ сельской расправѣ и городскомъ судѣ, даетъ ему совѣты, содержитъ на рукахъ деньги, принимаетъ гостей, стараясь по возможности угодить имъ и выказать свое гостепріимство. Живость и даже бойкость, соединенныя съ трудолюбіемъ, суть отличительныя черты здѣшнихъ крестьянокъ.

Вообще очень мало сохраняется здѣсь старинныхъ преданій. Въ народѣ не водится басней и сказокъ, въ коихъ рисуется минувшая жизнь предковъ. Обыкновенныя пѣсни относятся болѣею-частію до любовныхъ и житейскихъ сценъ; онѣ поются продолжительнымъ и грустнымъ напѣвомъ: или во время работъ, или на вечеринкахъ и свадьбахъ. Вечеринки бывають въ зимнее время попеременно: то у одного, то у другаго хозяина въ деревнѣ. Молодые батраки принимаютъ на себя издержки, сзываютъ женщинъ, и заводятъ съ ними пляску: но въ ней нѣтъ того восторженнаго разгуля, какое видимъ въ «качкѣ» Русскаго или въ «обертасѣ» Польскаго крестьянина. У здѣшнихъ крестьянъ народный танецъ называется «*ланиугялисъ*»; въ немъ пары, держась за руки, дѣлають разныя фигуры на бѣгу, подъ тактъ музыки, которая обыкновенно состоитъ изъ скрипки и кларнета.

Изъ старинныхъ преданій, которыя соблюлись донынѣ, есть одно, довольно замѣчательное: «*о Княжнѣ Бирутѣ*». Оно дошло до нашихъ временъ въ пѣсни, составленной на разговорномъ Жмудскомъ языкѣ. Пѣсня эта прилагается здѣсь въ подлинникѣ, съ переводомъ на Русскій языкъ. Подлинникъ можетъ служить образцомъ мѣстнаго народнаго языка, который сохраненъ въ немъ со всею правильностью. Правописаніе его сближено по-возможности съ обыкновеннымъ въ здѣшнемъ краю народнымъ произношеніемъ.

БИРУТЕ.

Антъ крашту марьсь, Палонгось мѣстелѣй, куръ гивень мусу броля Жѣмайтѣлей: ирь аукштась калнась, Бируте праминтась, жаліомсь пушѣлемсь вирмуй абсадинтась. Тынъ той лаймингой жѣмъ боцю мусу, арти сустду. Куржѣмъ, Парусу, вѣжлиба, скайти, кайнъ рожъ ирь рута, кунигаикштѣмъ гивѣна Бируте. Нѣ бува ана кокъ каралайтъ, бѣтъ ишъ Палонгось варгдиге мергаите; жемчюгашъ брунгѣйсъ ирь ауксо аускорайсь, нѣ гашавоѣсь, вайкиштинти памарьсь. Ишъ сава дарбу маргикшѣйсъ дѣвѣъ, трумпа райнота сѣюна турѣъ; антъ гѣмву касу руту вайникелись, антъ балта какла гинтара гиторѣйсъ.

Кадъ вица карта бролѣй сусинтари, ишай авкети жвѣюты ишъ маръ, сесу немдама питусъ лаукшинѣли, сутика гивѣси куригаикшти кялѣ; сай яугайляусъ дѣдъ Кѣйстутись буво, курій Жамайтѣсь волда ирь Литуво. Іоіе ту карту Крижайвю найкинти, куръ порѣъ мувисъ пуваргинти. Антъ бѣра жирга, по мѣшкосъ поботу, су гивсею гликлу, су рага сапдоку, аукштѣйсъ калнайсь супантикась спардѣ, ожирись падкавомсь шилусъ жемъ ардѣ.

Ишвидись тикронъ гражибъ пазъ маръ, яуней Бирутей токѣйсъ жодѣйсъ тарѣ: — «Касъ поргъ ту эси, дивъ аръ мѣргѣмъ: пріймкъ ту мона руика, антъ шіо кѣлѣ. Ашъ висадъ пону жамѣсь бувай юеу; опукъ тіо лайка виру тава буеу. Чѣ куръ тава гивау пирма картъ матити, либею тау мурусь пуйкюсь пастатити; а калнъ унтъ курю пожинай Кѣйстуту, поѣ тава варда бусъ водитись Бируте. Чи ту гивѣли но вира милѣто, ту кури радай ширди мона вѣта.» —

То гирдѣдама мѣргѣмъ гѣдинга, яуна Бируте, скайети ирь шминтилга, жѣминъ жидранейсь акелюсь вульиди, адейдуксѣй ирь полѣ унтъ веиди: — «Норсь, сако, севѣй пришъ дива Перуна пріелкау бути чистото антъ куня, бетъ кадъ ирь валя тока тава понѣ лай пейипилда ширдинга малонѣ.» — Бисъ тѣйпъ падорѣ, кайпъ сакѣ Кѣйстутись. Антъ калка бува ишетатитась мурась; Бируте паскуй нумилѣта пагимдѣ суну Витолда антъ свѣти.

БИРУТА.

На берегу моря, въ мѣстечкѣ Полангенѣ, гдѣ жили когда-то наши братія Самогиты, есть высокая гора, поросшая въверху зелеными сосенками, прославленная Бирутою. Въ этой заветной землѣ предковъ нашихъ, въблизи сосѣдей: Курляндцевъ и Пруссакѣвъ, жила Княгиня Бирута, прелестная и скромная, какъ розовый цвѣтъ. Она родилась не королевною, а горемычною Полангенскою дѣвушкою; не украшала себя жемчугомъ и золотыми сергами, прогуливаясь по берегу моря. Одежда ея была рубашка собственной работы, и короткая сѣрая юбка, на русыхъ волосахъ зеленый вѣнокъ, на снѣжной шеѣ шнурокъ янтара.

Когда, однажды, братья ея ушли рано ловить рыбу на морѣ, она, неся имъ обѣдъ въ посудинѣ, встрѣтила на дорогѣ Князя, великаго Кейстута, который въ то время былъ обладателемъ Жмуди и Литвы. Онъ ѣхалъ побѣждать Крестоносцевъ, хотѣвшихъ завладѣть нами. На гнѣдомъ конѣ, въ медвѣжьей буркѣ, съ блестящимъ оружіемъ и роговымъ колчаномъ, Князь торопилъ коня шпорами, а конь рвалъ подковами землю.

Увидѣвъ около моря красавицу, Кейстутъ такъ промолвилъ къ молодой Бирутѣ: — «Кто бы ты ни была, богиня или дѣвушка, прими руку мою на этой дорогѣ. Я обладатель всей земли вашей; съ сего времени хочу быть твоимъ мужемъ. Здѣсь, гдѣ впервые увидѣлъ я тебя, прикажу выстроить добрый замокъ; а гора, на коей узвала ты Кейстута, отъ твоего имени назовется Бирутою. Здѣсь ты будешь жить любимая мужемъ, ты, которая нашла мѣсто въ моемъ сердцѣ.» —

Услышавъ это скромная дѣвушка, прелестная и милая Бирута, опустила внизъ голубые глаза, вздохнула и упала ницъ: — «Хотя, сказала она, давно предъ богомъ Перуномъ я поклялась сохранять чистоту, но ежели такова воля твоя, да исполнится сердечная твоя просьба.» — И все сдѣлалось, какъ сказалъ Кейстутъ. На горѣ выстроено было замѣкъ; а возлюбленная Бирута родила на свѣтъ сына Витольда.

Географическое распространение нарѣчій по Тельшевскому уѣзду трудно опредѣлить: ибо всякой почти приходъ имѣеть нѣкоторыя особенности, которыя однакожь не составляютъ замѣтной разницы.

КРАТКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

— ПРИНОШЕНІЕ Г. ГОЛУБКОВА. — Д. Ч. Р. Г. О., Надворный Совѣтникъ *Платонъ Васильевичъ Голубковъ*, прислалъ на имя Его Императорскаго Высочества, Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, *пять тысячъ рублей сер.*, назначенные имъ на покрытіе издержекъ по составленію дополненій къ «Землевѣдѣнію Риттера», переводъ котораго на Русскій языкъ, равно какъ и изданіе съ имѣющими быть дополненіями, приняты имъ на собственное-же иждивеніе. (См. Г. И. стр. 35.)

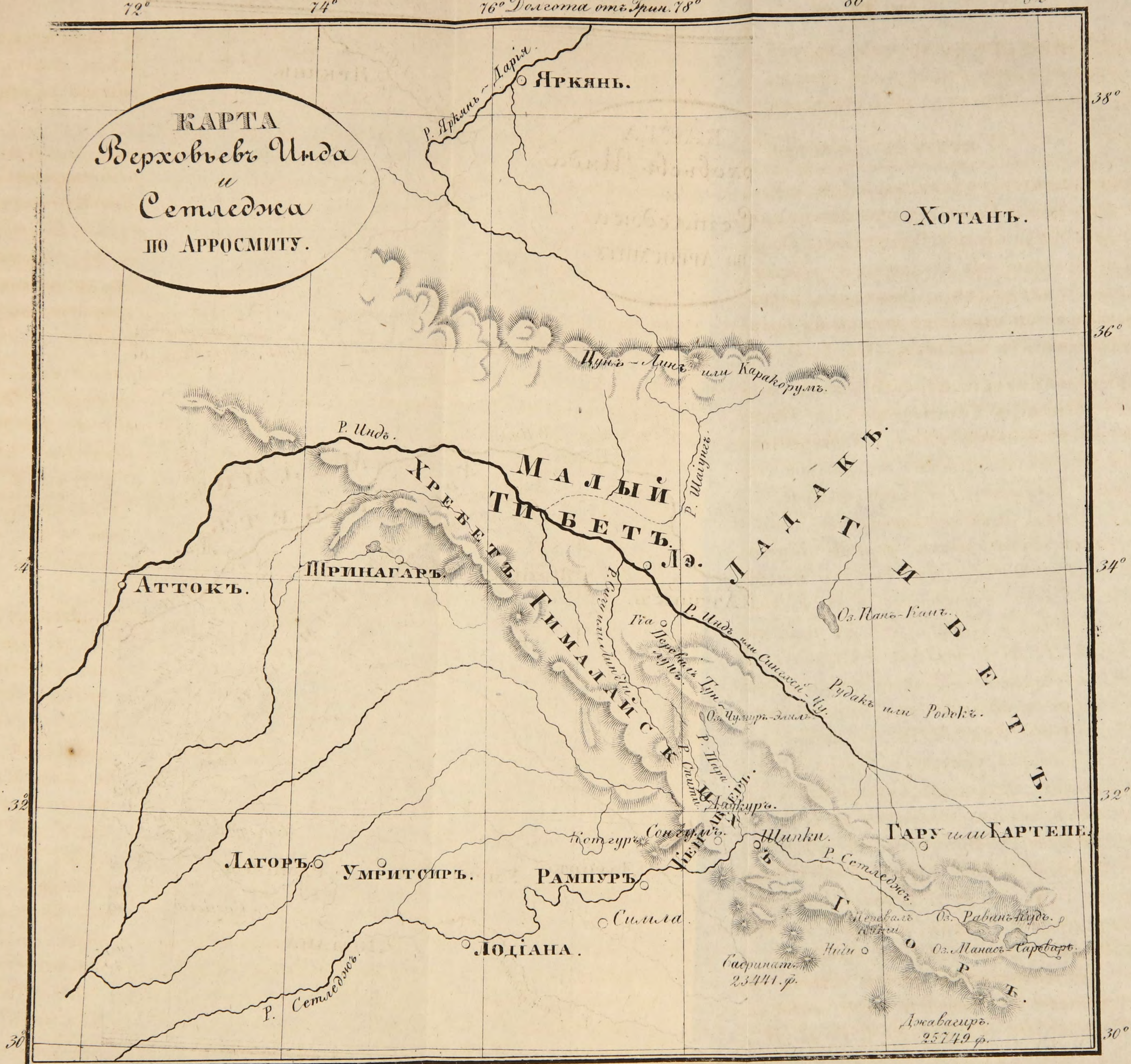
— ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СТРАНСТВОВАНІЯ ФИНЛЯНДЦЕВЪ. — Въ прошломъ году, Магистръ Гельсингфорскаго Университета *А. Вареліусъ*, съ двумя воспитанниками тогоже Университета: *А. Г. Ринделемъ* и *К. Паландеромъ*, совершилъ любопытное странствованіе по Финляндіи, съ цѣлью точнѣйшаго опредѣленія границъ главныхъ нарѣчій Финскаго языка, преимущественно-же чтобъ обследовать, какъ далеко на западъ простирается нарѣчіе *Карельское* и гдѣ оно уступаетъ мѣсто *Емскому* (коимъ говорятъ потомки Финскихъ племенъ, извѣстныхъ Русскимъ лѣтописцамъ подъ названіями: *Сумъ* и *Емъ*, по-Фински: *Suomalaiset* и *Hämälaiset*). Въ тоже время, тогожь Университета Магистръ *Н. А. Рейнгольмъ* и Студентъ *Д. Е. Д. Европеусъ*, съ тѣмиже видами, обходили С.-Петербургскую губернію; и послѣдній, одинъ изъ сотрудниковъ издаваемой въ Гельсингфорсѣ еженедѣльной газеты «*Suometar*» (Дочь Финляндіи), по возвращеніи изъ этого странствованія въ Гельсингфорсѣ, напечаталъ плоды своихъ розысканій въ небольшой книжечкѣ подъ заглавіемъ: «*Pieni Runon Serra*» (Малый Ковачъ Стиховъ), которая содержитъ въ себѣ не только простыя пѣсни, собранныя у Финновъ С.-Петербургской губерніи, но и два дополненія къ славной Финской эпопеѣ, извѣстной подъ названіемъ «*Калевалы*». Въ нынѣшнемъ году, онъ-же г. *Европеусъ* пустился вновь странствовать по деревнямъ здѣшней губерніи, и далѣе: а именно, 28 іюня, отправился изъ Павловска чрезъ *Лисино* (по-Фински *Lisilä*) до *Новгорода*, по странѣ, гдѣ сохраняются доселѣ остатки Финскаго старожитнаго племени, извѣстнаго въ древности подъ именемъ *Воти* (по-Фински и теперь — *Watialaiset*). (Сообщ. Д. Ч. О. П. И. *Кенпенемъ*.)

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Печатать позволяется. С.-П.-Б. сентлября 10 дня 1848 года.

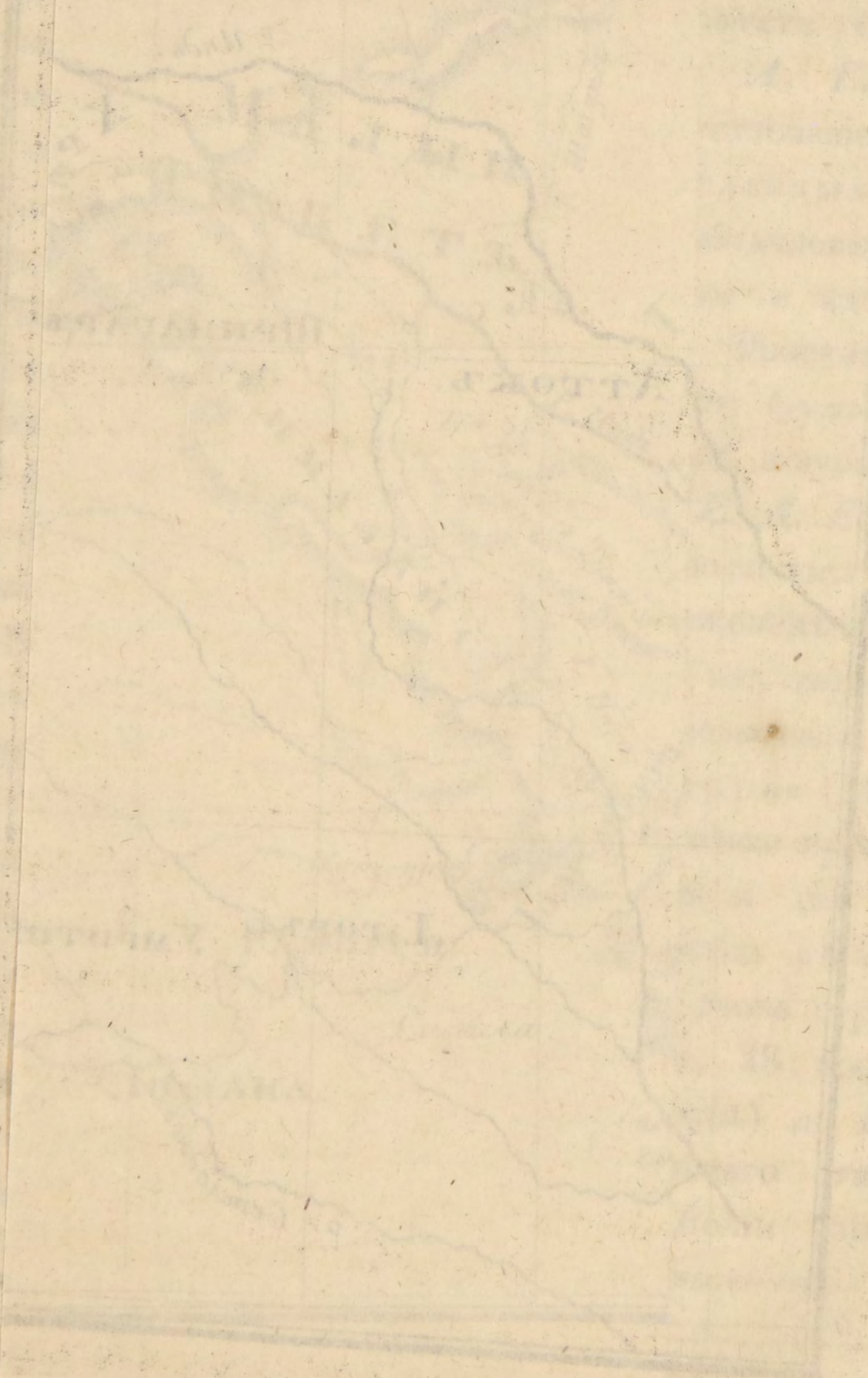
Ценсоръ *Измаилъ Срезневскій*.

КАРТА
Верховьевъ Инда
и
Сетледжа
по АРРОСМИТУ.

К. А. Т. А.
Историческая Палата

№ 100
1871

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Еще въ прошломъ 1847 году, по предложенію нѣкоторыхъ Членовъ своихъ, Р. Г. О. признало полезнымъ обратить особенное вниманіе на разработку и установленіе «географической терминологіи»; для чего и составила изъ среды его особая Коммиссія изъ ДД. ЧЧ.: *В. В. Григорьева, Д. А. Милютина, Н. А. Милютина, Н. И. Надеждина, В. С. Порошина, П. С. Савельева и Г. О. Стефана.*

Коммиссія эта, приступивъ къ дѣлу, сочла первою необходимостью составить и напечатать въ значительномъ числѣ экземпляровъ: «инструкцію касательно собиранія всѣхъ мѣстно-употребляемыхъ словъ по Русской географической терминологіи», для лицъ, отъ которыхъ можно надѣяться особеннаго содѣйствія предпріятію. Такой инструкціи болѣе трехъ тысячъ экземпляровъ уже и разослано Обществомъ: въ-слѣдствіе чего довольно значительный запасъ словъ поступилъ въ Коммиссію изъ различныхъ частей Россіи.

Общество, по мѣрѣ полученія этѣхъ присылокъ, изъявляло свою признательность благороднымъ ревнителямъ науки. Теперь-же, для общаго взгляда на состояніе, въ какомъ находится это дѣло, мы считаемъ нелишнимъ повторить здѣсь, въ полномъ спискѣ, имена всѣхъ лицъ, до сихъ-поръ доставившихъ Коммиссіи свѣдѣнія о мѣстныхъ географическихъ терминахъ, употребляемыхъ въ различныхъ концахъ земли Русской, присоединивъ къ тому и списокъ мѣстностей, къ которымъ относятся сообщенные термины:

I. Лица, доставившія въ Коммиссію собранія мѣстныхъ географическихъ терминовъ, по порядку доставленія:

С.-Петербургскій мѣщанинъ *Михайло Ивановъ*.

Помѣщикъ Скопинскаго уѣзда Рязанской губерніи *П. Л.*

Надворный Совѣтникъ *И. В. Копытовскій*, изъ Чернояра.

Корпуса Путей Сообщенія Маіоръ *А. И. Штукенбергъ*, изъ Вышняго-Волочка.

Служащій въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ *А. И. Пискаревъ*.

Коллежскій Совѣтникъ *В. Т. Плксинъ*.

Тюменскій мѣщанинъ *Михайло Переваловъ*, изъ Тюмени.

Титулярный Совѣтникъ *А. Леопольдовъ*, изъ Саратова.

Крестыанинъ *Лунанъ Старовпровъ*, изъ Павловской волости Ярославской губерніи.

Екатеринославскій помѣщикъ, Надворный Совѣтникъ *К. Буницкій*.

Г. Николай Паршинъ, изъ Верхнеудинска.

Г. Бобровъ, изъ Воронежской губерніи.

Г. Н. С. Шукинъ.

Членъ-Сотрудникъ Р. Г. О., Контръ-Адмиралъ *Кузмищевъ*.

Титулярный Совѣтникъ *Я. А. Соловьевъ*.

Учитель Соликамскаго Уѣзднаго Училища *Карнауховъ*.

Учитель Боровичскаго Уѣзднаго Училища *Ө. Пардолоцкій*.

Д. Ч. Р. Г. О. А. И. Шренкъ.

Д. Ч. Р. Г. О. Князь Н. М. Голицынъ.

II. Мѣстности, въ которыхъ употребляются географическіе термины доставленные въ Коммиссію, по губерніямъ:

Архангельской: на Бѣломъ-Морѣ и Сѣверномъ-Океанѣ.

Астраханской: при устьяхъ Волги и Каспійскомъ-Морѣ.

Воронежской.

Екатеринославской.

Иркутской: около Байкала и въ Камчаткѣ.

Новгородской: въ уѣздахъ Боровицкомъ и Череповскомъ.

Псковской: въ Холмскомъ уѣздѣ.

Рязанской: въ Скопинскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ.

Саратовской.

Тверской.

Ярославской: въ Ростовскомъ уѣздѣ.

Видно, что собранный по сіе время запасъ свѣдѣній, далеко еще не обнимаетъ всѣхъ частей нашего обширнаго Отечества, ни всѣхъ разнообразныхъ видовъ географическихъ и этнографическихъ предметовъ. Не смотря на то, и теперь уже можно видѣть неисчерпаемое богатство нашего языка въ географическихъ терминахъ: по нѣкоторымъ предметамъ можно найти нѣсколько десятковъ словъ, выражающихъ различные виды или оттѣнки одного и тогоже родоваго понятія, независимо отъ терминовъ совершенно однозначащихъ на разныхъ нарѣчіяхъ или въ разныхъ губерніяхъ.

Изъ всего, что доселѣ было по этому предмету говорено въ самомъ Обществѣ и объявляемо публикѣ, читателямъ нашимъ должно быть извѣстно, что собираемая нынѣ свѣдѣнія составляютъ собственно только матеріалъ для предстоящихъ дальнѣйшихъ трудовъ. Когда собранный запасъ терминовъ будетъ признанъ достаточнымъ, тогда Комиссія пригласитъ Членовъ Общества, спеціально занимающихся различными отдѣлами науки, къ принятію участія во второй половинѣ работы: въ систематической разработкѣ собраннаго матеріала. Для этого всѣ слова будутъ распределены по ихъ значенію на нѣсколько группъ, такъ-чтобы каждый родъ и видъ географическихъ понятій былъ систематически изслѣдованъ въ отдельной статьѣ.

Для перваго начала, судя по роду собранныхъ уже терминовъ, можно будетъ приступить къ разработкѣ слѣдующихъ статей: 1) различные виды соприкосновенія суши и воды, какъ-то: а) берега морскіе, б) острова, в) устья рѣкъ, и т. п.; 2) различные виды мѣстности болотистой; 3) рѣки и берега рѣчные; и т. д.

Весьма желательно для скорѣйшаго достиженія успѣха этого полезнаго предпріятія, чтобы всѣ лица, которые знакомы съ какою-бы то ни было мѣстностію, взяли на себя трудъ записать извѣстные имъ географическіе термины и сообщили ихъ Комиссіи *безотлагательно*. Въ подобномъ дѣлѣ каждый почти можетъ принести свою ленту.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭКСПЕДИЦІИ.

— РУССКАЯ УЧЕНО-ВРАЧЕБНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ, ОТПРАВЛЕННАЯ НА ВОСТОКЪ ОТЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ. — Вслѣдствіе возникшихъ въ медицинскомъ мірѣ ученій о незаразительности чумы и поднявшихся оттого всюду въ Европѣ вопросовъ объ измѣненіи карантиннаго устройства, отправлена была, весною 1846 года, для ближайшаго изученія чумы, въ мѣста наиболее ею посѣщаемыя, особая ученая Экспедиція отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Съ тѣхъ поръ Медицинскимъ Департаментомъ этого Министерства получались постоянно отъ Старшаго Члена Экспедиціи, Доктора Медицины и Акушера *А. А. Рафаловича*, подробные и въ высшей степени важные по содержанію и занимательные по изложенію отчеты о дѣйствіяхъ и изслѣдованіяхъ его относительно возложеннаго на Экспедицію порученія. Обладая разнообразнымъ и прочнымъ образованіемъ, умомъ наблюдательнымъ и сообразительнымъ, г. Рафаловичъ обращалъ вниманіе, въ путешествіи своемъ, и на такіе предметы, которые не имѣютъ большой связи съ чумою, но интересны для всякаго образованнаго человѣка; поэтому, хотя страны, имъ посѣщенныя, изъѣзжены вдоль и поперекъ сотнями другихъ путешественниковъ, онъ умѣлъ подсмотреть

и сообщить объ нихъ много новыхъ климатологическихъ, топографическихъ, статистическихъ и этнографическихъ подробностей, тѣмъ-болѣе цѣнныхъ, что все это излагается у него въ живой картинѣ и съ умѣньемъ владѣть перомъ, вообще довольно рѣдкимъ между учеными. Отчеты его, по мѣрѣ полученія ихъ, печатаются въ Журналъ М. В. Д., откуда немедленно переводятся и перепечатываются въ журналахъ заграничныхъ. Считаемою обязанностию познакомить здѣсь нашихъ читателей съ этими замѣчательными записками и ихъ авторомъ, хотя посредствомъ слѣдующихъ краткихъ извлеченій.

Первыя донесенія получены были отъ г. Рафаловича изъ *Константинополя*, куда прибылъ онъ изъ Одессы $\frac{22 \text{ марта}}{3 \text{ апрѣля}}$ 1846 года, и гдѣ оставался по $\frac{6}{18}$ августа. Эти четыре съ половиною мѣсяца посвящены были имъ изученію Оттоманской карантинной системы и тамошняго состоянія практической стороны врачебнаго искусства, равно-какъ собранію данныхъ относительно свойствъ господствующихъ тамъ недуговъ, вліянія климата на характеръ и образъ распространенія болѣзней, и т. п. Результатомъ этого въ двухъ первыхъ его отчетахъ были: отчетливыя и занимательныя описанія происхожденія и устройства карантинной системы въ Турціи, медико-хирургической школы въ Галата-Сераѣ, больницъ и богоугодныхъ заведеній Константинополя, какъ Мусульманскихъ, такъ и Христіанскихъ, очеркъ болѣзней господствующихъ въ Оттоманской столицѣ, и заключенія относительно мнѣнія о самопроизвольномъ зарожденіи тамъ чумы. Сверхъ-того г. Рафаловичъ занимался весьма важными наблюденіями надъ мѣстными дѣйствіями усиленной теплоты на коровью оспенную матерію.

Изъ Константинополя путешественникъ нашъ отправился въ *Смирну*, гдѣ пробылъ до $\frac{7}{19}$ сентября. Отчетъ его о пребываніи на этомъ пунктѣ Мало-Азіатскаго берега представляетъ весьма важныя данныя и наблюденія относительно мѣстоположенія и климата Смирны, господствующихъ тамъ болѣзней, мѣстныхъ врачебныхъ и благотворительныхъ заведеній, новаго Смирнскаго карантина и мнѣній тамошнихъ врачей касательно чумы.

На пути, изъ Смирны, въ царство Фараоновъ и Мехеммедъ-Али, г. Рафаловичъ, какъ и всѣ ѣдущіе этимъ путемъ, долженъ былъ посѣтить Архипелажскій островокъ *Сиру* и ознакомиться съ тамошнимъ карантинномъ, съ которымъ не оставилъ познакомить и своихъ читателей въ краткомъ очеркѣ.

Засимъ на землю древняго *Египта* вступилъ онъ $\frac{13}{26}$ сентября, въ *Александрію*. Мы расскажем впечатлѣнія его и замѣчанія при этомъ собственными его словами:

«Оставивъ», говоритъ онъ, «берега Анатоли и острова Архипелага, гдѣ на каждомъ шагу представляются мореплавателю удоб-

ныя бухты, пространные порты, защищаемые горами или громадами скаль, выдвинутыхъ изъ нѣдръ земли погасшими нынѣ волканами, путешественникъ поражается видомъ сѣверныхъ береговъ Африки, являющихся, на всемъ протяженіи отъ Газы до Туниса, плоскою песчаною полосою, едва поднимающеюся надъ уровнемъ моря, и представляющею только одинъ пунктъ, гдѣ большія суда могутъ находить защиту отъ бурь и волнъ. Въ этомъ мѣстѣ, длинный, узкій островъ простирается параллельно берегу, въ небольшомъ отъ него разстояніи, позволяя судамъ укрываться въ проливъ; насупротивъ, на твердой землѣ, возвышается холмъ, служившій въ древности мореходцамъ для направленія пути къ этому порту: у подошвы его раскинуты были хижины Египетскихъ рыбаковъ; деревня ихъ называлась Рако-тись. Въ этомъ пунктѣ, Александръ Македонскій за 320 лѣтъ до Р. Х. основалъ городъ, носящій понынѣ его имя, и вскорѣ превзошедшій великолѣпиемъ и богатствомъ, образованностью и торговлею, всѣхъ своихъ соперниковъ. Оставшіяся понынѣ развалины доказываютъ, что повѣствованія древнихъ писателей объ объемъ Александріи, заключавшей до 600,000 жителей, не были преувеличены: этѣ развалины покрываютъ огромнѣйшія пространства въ окрестностяхъ нынѣшняго города.»

«Нынѣшняя *Александрія* почти вся помѣщается на довольно-узкой земляной полосѣ, соединяющей материкъ съ упомянутымъ островомъ, славнымъ въ древности подъ названіемъ *Фароса*. Тутъ, при Птоломеяхъ и позже, находилось шоссе, раздѣлявшее проливъ между берегомъ и островомъ на два порта: *Старый* и *Новый*, и позволявшее судамъ переходить изъ одного въ другой черезъ арки, занимавшія средину шоссе. Нынѣ этѣ работы исчезли: соръ и развалины, накопившіяся въ-теченіи двѣнадцати столѣтій, обратили искусственную дорогу въ земляной перешеекъ, на которомъ выстроена большая-часть новаго города.»

«Съ-тѣхъ-поръ какъ многіе врачи и писатели стали увѣрять, что чуму можно искоренить въ Египтѣ чрезъ введеніе образованія и гигиеническихъ мѣръ, наблюдаемыхъ въ Европейскихъ городахъ, здѣшнее Правительство усердно принялось за перестройку Александріи. Такъ-называемой Коммиссіи *del Ornato* поручена была эдильность, подъ надзоромъ Магистрата-Здравія; и эта Коммиссія дѣйствительно, въ-продолженіе немногихъ лѣтъ, преобразовала городъ: разширила улицы, сломала дома, мѣшавшіе ея планамъ, сняла большую часть крышъ, находившихся поперекъ улицъ, занимаемыхъ базарами; уничтожила «*мастабіэ*», или переднія каменные пристройки къ лавкамъ, сужавшія и безъ того неширокіе базары, озаботилась вывозкой за городъ, изъ дворовъ при домахъ, сору, накоплявшагося въ-продолженіе десятковъ лѣтъ. Такимъ-образомъ Александрія приняла совершенно другой видъ, и теперь трудно ориентироваться въ пей по описаніямъ, составленнымъ на-примѣръ въ 1810 году.

То, что въ Европѣ требовало-бы огромныхъ издержекъ, безконечныхъ переписокъ, и породило-бы безчисленные тяжбы между казною и частными владѣльцами, здѣсь безмолвно поддавалось желѣзной рукѣ и неумолимому «*sic volo, sic jubeo!*» стараго Паши. Съ свойственнымъ ему упрямствомъ преслѣдуя мысль украшенія Александріи, онъ немилосердно отнималъ мѣста, выгонялъ домохозяевъ и жильцовъ, обыкновенно безъ всякаго возмездія, велѣлъ перенести кладбища за городъ, и этотъ-послѣдній, въ короткое время, принялъ физіономію, совершенно отличную отъ прочихъ восточныхъ городовъ. Новыя улицы широки, и поливаются по нѣскольку разъ въ день водою; всякой соръ тщательно сметается, особенно въ кварталахъ, занимаемыхъ Европейцами, и вдоль улицъ, идущихъ, съ-одной-стороны — отъ Консульской - Площади, къ сѣверо-западу, до дворца Паши у мыса Расъ-эль-Тинъ, съ-другой — отъ тойже площади, къ сѣверо-востоку, до Розетскихъ - Воротъ. Опрятность необыкновенная. Дома вообще въ городѣ каменные, двухъ и трехъ-этажные, съ террасами вмѣсто крышъ, а у хозяевъ-Арабовъ — съ выдающимся надъ улицами «*мушарабіѣ*» (крытыми балконами, позволяющими смотрѣть на проходящихъ, не подвергаясь нескромнымъ взорамъ ихъ). Въ нижнихъ ярусахъ рѣдко живутъ: они занимаются сѣнями или лавками. Щегольскіе Лондонскіе и Парижскіе экипажи рыскаютъ во всѣхъ направленіяхъ по улицамъ, и встрѣчаясь съ верблюдами, развозящими воду въ кожаныхъ мѣшкахъ, или съ сотнями осѣдланыхъ ословъ, служащихъ здѣсь всѣмъ, мужчинамъ и женщинамъ, богатымъ и бѣднымъ, вмѣсто нашихъ дрожекъ, производятъ эффектъ весьма странный и оригинальный.»

«Есть однакожъ нѣкоторые кварталы, особенно въ центральной части города, куда не достигли еще преобразованія Коммиссіи *del Ornato*. Тутъ улицы узки, сыры; воздухъ спертъ; дома неопрятны, хотя и не въ такой степени, какъ утверждаютъ врачи, ищущіе въ этѣхъ условіяхъ источника чумы: если отъ нихъ можетъ произойти вредъ для здоровья, то не больше, а скорѣе меньше того, какой я имѣлъ случай видѣть въ Константинополѣ, Смирнѣ, или Каирѣ. Но, зато, наблюдатель увидитъ соединеніе всѣхъ возможныхъ вредныхъ вліяній въ *деревняхъ*, встрѣчаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ *среди города* или *въ* стѣнъ его. Въ нихъ живутъ семейства «феллаговъ» осѣдлыхъ въ Александріи (*fellah* «земледѣлецъ», отъ слова *falah* «орать»), и жены и дѣти солдатъ, составляющихъ постоянный въ ней гарнизонъ, равно-какъ и работниковъ арсенала и матросовъ; семейства войскъ, употребляемыхъ для постройки укрѣпленій, живутъ въ подобныхъ же *деревняхъ* за городомъ. Всѣ онѣ, по неудобству, дурному устройству и неопрятности, превышаютъ всякое понятіе и описаніе. Землянки выстроены изъ камешковъ, соединенныхъ посредствомъ грязи, и прилѣплены одна къ другой, какъ

птичьи гнѣзда; подымаясь на 3 или на 4 фута надъ поверхностью земли, онѣ представляютъ, вмѣсто двери, небольшое отверстіе, чрезъ которое я могъ влѣзть не иначе, какъ стибаясь въ-крюкъ. Крыши плоскія, изъ камыша, покрытаго землею; оконъ, печей, очаговъ, въ избахъ нѣтъ: пищу готовятъ внѣ ихъ, передъ входомъ, въ небольшихъ чугунныхъ котлахъ. Въ каждой землянкѣ по двѣ комнаты: въ первой, длиною въ какихъ-нибудь 5 аршинъ, шириною въ 3, а вышиною въ $2\frac{1}{2}$, находится только старая рогожка на глинистомъ полу, и на ней спитъ все семейство; въ другой складывается топливо, состоящее въ тонкихъ лепешкахъ изъ помета верблюдовъ, ословъ, лошадей и т. п., которымъ Арабки даютъ величину тарелки, и которыя они сушатъ, прильпая снаружи къ стѣнамъ избы; тамъ также держатъ провизію, курьи клѣтки и глиняные ковши разной величины, отъ двухъ и трехъ-ведерныхъ, до небольшихъ «бардакъ» въ винную бутылку, въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ сохраняютъ воду въ Египтѣ. Деревня, населенная семействами солдатъ перваго гвардейскаго полка (въ ней женъ и дѣтей отъ 5 до 6,000 душъ), находится въ незначительномъ разстояніи отъ Консульской-Площади, окруженной великолѣпными зданіями европейской архитектуры, и расположена у подошвы холма, увѣнчаннаго укрѣпленіемъ (Fort Caffarelli), оставшимся здѣсь со времени Французской Экспедиціи. Въ этой деревнѣ узкость промежутковъ между параллельными рядами избъ, дурное устройство этѣхъ-последнихъ и неопрятность, доходятъ до нѣльзя. Цѣлыя стада дѣтей, покрытыхъ рубищами, нерѣдко совершенно голыхъ, рѣзвятся передъ землянками и на обширной площади Махмудіѣ, разстилающейся къ юго-западу отъ деревни. На этой площади, мужчины и женщины всехъ возрастовъ, среди дня и при всѣхъ, совершаютъ свои естественныя отправленія безъ всякаго стыда; отъ чего воздухъ, несмотря на огромный объемъ площади, зараженъ въ высшей степени. Насупротивъ этой деревни находится вторая, для солдатскихъ семействъ другаго полка: въ ней землянки нѣсколько выше и опрятнѣе; но и тутъ дворовъ и отхожихъ мѣстъ при избахъ нѣтъ; ихъ также замѣняетъ площадь Махмудіѣ, чрезъ которую ежедневно проходятъ и проѣзжаютъ тысячи людей. Третья деревня, для морскихъ войскъ, находится къ востоку отъ Консульской-Площади, у Клеопатрина-Обелиска. Многія другія, сверхъ-того, расположены внутри и внѣ города.»

Затѣмъ слѣдуютъ извѣстія объ одеждѣ, пищѣ и наружности жителей Александріи низшаго сословія, описываются окрестности города, больничныя его заведенія, наконецъ мѣстныя болѣзни, способы ихъ леченія, и личности знаменитѣйшихъ врачей - контагіонистовъ Александрійскихъ. Нечего и говорить, что относительно послѣднихъ статей, составляющихъ спеціальность г. Рафаловича, сообщаемые имъ факты, наблюденія и характеристики, отличаются особливою точностію и отчетливостію.

Изъ Александріи, ^{30 октября}_{11 ноября}, отправился нашъ путешественникъ въ Каиръ, куда и прибылъ на пароходъ по Нилу, послѣ тридцати-двухъ часового плаванія. Здѣсь, чрезъ, нѣсколько времени, представился ему удобный случай обозрѣть *Нижній-Египетъ*, совершивъ поѣздку, по обѣимъ вѣтвямъ Нила, до *Розетта* и *Дамьята*, въ сообществѣ съ извѣстнымъ путешественникомъ, Французскимъ Инженеромъ на службѣ Вице-Короля, г-мъ д'Арно.

«Поѣздка эта», говоритъ авторъ, «производилась такимъ образомъ. По отправленіи изъ Каира ночью 4 января, на другой день утромъ прибылъ я въ деревню *Шарлаганъ*, на правомъ берегу Нила, около 25 верстъ ниже столицы. Въ этомъ мѣстѣ называемомъ Арабами *Фумъ-эль-Бахръ* (=Устье *Рѣки*), производятся гигантскія работы, предпринятыя Французскимъ Инженеромъ Мужель-беемъ, для заслоненія (barrage) Нила, раздѣляющагося здѣсь на двѣ вѣтви свои: восточную—Дамьятскую, и западную—Ливійскую или Розеттскую: ширина первой равняется почти 1,125 футамъ (374 метрамъ), послѣдней—955 футамъ (318 метрамъ). Барражъ будетъ состоять въ двухъ каменныхъ мостахъ на аркахъ съ чугунными дверьми, которыя устроятся поперекъ обѣихъ вѣтвей, съ цѣлью получить возможность подымать воду Нила, весьма мелкую въ лѣтніе мѣсяцы, до уровня, при которомъ орошеніе полей совершается безъ содѣйствія такъ-называемыхъ «*сакіэ*» (водочерпательныхъ снарядовъ, для коихъ въ Дельтѣ потребны труды 100,000 человекъ и 300,000 быковъ). Если этѣ работы удадутся, то земледѣліе, судоходство и вообще состояніе Нижняго-Египта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и состояніе жителей-феллаговъ, совершенно измѣнятся: вотъ почему я съ величайшимъ любопытствомъ осмотрѣлъ этѣ работы, при которыхъ нынѣ находится до 20,000 человекъ войска и около 10,000 крестьянъ, составляющихъ, вмѣстѣ съ семействами ихъ, тутъже живущими, населеніе слишкомъ въ 60,000 душъ, расположенныхъ во временно-устроенныхъ деревняхъ, на вершинѣ Дельты.»

«Отъ Шарлагана мы спустились по западной вѣтви Нила. Останавливались для осмотра трехъ образцовыхъ деревень: *Гизеи*, *Негилле* и *Кафръ-Зіята*, по плану которыхъ, составленному Клотъ-беемъ и инженерами *Линанъ-беемъ* и д'Арно, Паша намѣренъ перестроить всѣ шесть тысячъ деревень, находящихся въ Египтѣ; ниже я опишу ихъ подробно. Потомъ провели нѣсколько дней у устья канала *Махмудіэ*, соединяющаго Александрію съ Ниломъ, и обозрѣли работы чищенія канала *Кататъ-бея*, снабжающаго *Махмудіэ* водою. Во время моего посѣщенія, на пространствѣ немногихъ верстъ соединено было 30,000 работниковъ, всѣхъ возрастовъ, отъ малолѣтнихъ дѣтей до дряхлыхъ стариковъ, стоявшихъ большую-часть дня въ водѣ или грязи по поясъ. Посвятивъ нѣсколько дней затѣмъ на посѣщеніе города *Розетта* (у Арабовъ—*Решидъ*) и устья Нила, мы возвратились вверхъ по Нилу къ барражу, куда, по причинѣ противнаго вѣтра, прибыли чрезъ двѣнадцать дней, тогда-какъ

при попутномъ вѣтрѣ достаточно для этого двухъ сутокъ. Я воспользо-
вался этимъ временемъ, чтобы съ большою подробностью осмотрѣть при-
брежныя селенія, и отправиться верхомъ внутрь Дельты: въ *Менуфъ*,
большой городъ, давшій свое имя области *Менуфійѣ*, плодороднѣйшей
въ цѣломъ Нижнемъ-Египтѣ. Отъ барража мы снова перемѣнили направ-
леніе и спустились по восточной вѣтви въ *Дамьятъ*, гдѣ пробыли не-
дѣлю, употребленную мною на изученіе города, окрестныхъ деревень,
устья рѣки, береговъ огромнаго озера *Мензала* и проч. Наконецъ, обо-
зрѣвъ примѣчательнѣйшія мѣста вдоль обоихъ береговъ Дамьятской вѣт-
ви до Каира, я возвратился въ эту столицу ^{20 февраля} _{3 марта}.

Результаты наблюденій г. Рафаловича въ эту поѣздку такъ зани-
мательны, что мы теряемся, не зная что выписать изъ отчета объ ней.
Тутъ тѣмъ любопытныхъ замѣтокъ о растительности и хлѣбопашествѣ въ
Дельтѣ, образъ постройки тамошнихъ деревень и городовъ, страшномъ ра-
зореніи страны вслѣдствіе корыстолюбія «Великаго-Паши», и настоящемъ
состояніи городовъ *Розетта*, *Дамьята* и *Мансуры*; а — въ-заключеніе — пе-
речисленіе вредныхъ вліяній, которымъ подвергается феллахъ въ *Нижнемъ-*
Египтѣ въ-теченіе цѣлыхъ столѣтій, и превосходный выводъ изъ того от-
носительности самопроизвольнаго зарожденія здѣсь чумы. Вотъ нѣ-
сколько словъ автора на-счетъ «образцовыхъ деревень», о которыхъ
упомянулъ онъ выше:

«Иностранныя газеты приписываютъ г. Гаэтани-бею внушеніе
Вице-Королю первой мысли о необходимости перестроить дерев-
ни въ Египтѣ, по плану болѣе соответствующему требованіямъ про-
свѣщенной гигіены. Мегметъ-Али, быстрый какъ всегда въ рѣшеніяхъ
своихъ и ненасытный охотникъ до похвалъ Европейскихъ журналовъ,
немедленно приказалъ перестроить *всѣ* селенія. Начали однакожъ только
съ трехъ, лежащихъ на Розеттской вѣтви Нила: *Гизеи* — съ 1,008
жителями обоего пола, *Негилле* — съ 702, и *Кафръ-Зіатъ* — съ 807 жите-
лями. Производство работъ поручили г-ну д'Арно, съ которымъ я сдѣлалъ
нынѣшнюю поѣздку свою: казна безмездно даетъ лѣсъ и прочій матері-
аль, нужный для фундаментовъ, дверей и крышъ; сами-же жители приго-
товляютъ сырой кирпичъ и строятъ избы подъ надзоромъ инженеровъ-
Арабовъ. Я посѣтилъ этѣ работы два раза, въ январѣ и февралѣ мѣся-
цахъ; онѣ подвигаются впередъ, но медленно; уже прошло два года, и
три деревни еще не кончены, а въ Египтѣ ихъ *шесть-тысячъ!*»

«Все, что сдѣлано до-сихъ-поръ, очень хорошо. Грунтъ земли подъ
каждою деревнею значительно возвышенъ и тщательно нивелированъ.
Домики расположены вдоль улицъ, шириною въ 12 и 18 футовъ, и пе-
рестѣкающихся подъ прямыми углами. Оставлены площади вокругъ ме-
чети, общественной бани и зданія присутственныхъ мѣстъ; этѣ площади
предположено обсадить деревьями. Каждая изба состоитъ изъ одной ко-

мнаты, длиною въ 12 футовъ, шириною въ $10\frac{1}{2}$, а вышиною въ 9: внутри ея находится длинная, плоская печь, на которой, по-прежнему, семейство будетъ спать зимою, но топится она снаружи: дымъ въ комнату нейдетъ; есть окна. Строевы избы изъ сыраго кирпича, на фундаментъ изъ турецкаго песчаника и краснаго кирпича; стѣны довольно толсты, такъ-что хозяинъ можетъ, если пожелаетъ, возвести еще верхній ярусъ; крыши плоскія, изъ тростника, положеннаго на тонкіе брусски. Одна такая изба, съ четырехугольнымъ дворикомъ передъ ней для помѣщенія домашней скотины, назначена для семейства бѣднаго, или состоящаго изъ малаго числа душъ; въ противномъ случаѣ, и для крестьянъ позажиточнѣе, можно соединить двѣ, три и четыре избы въ одну. Повторяю, всѣ оконченные домики очень хороши: это дворцы въ сравненіи съ прежними норами. Сами жители начинаютъ это понимать: они сначала приняла новою мѣру перестройки съ недовѣрчивостію, подозрѣвали въ ней фискальную цѣль, скрывали число зажиточныхъ семействъ; нынѣ опасенія ихъ исчезаютъ, и они радуются новымъ домамъ и новому виду деревень.»

Изъ Каира, $\frac{2}{14}$ апрѣля, г. Рафаловичъ отправился, черезъ *Пустыню Суэскаго-Перешейка*, на верблюдахъ, въ *Палестину*, и подвергшись на пути набѣгу хамсина, прибылъ однакоже благополучно въ *Эль-Аришъ*, о которомъ, равно-какъ о *Пустынѣ Суэскаго-Перешейка*, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчанія:

«Этотъ городъ выстроенъ на разстояніи $\frac{3}{4}$ часа ѣзды отъ моря, на пространной, но невысокой скалѣ, подымающейся среди песковъ, и содержитъ около 1,500 жителей обоего пола. Единственный промыселъ ихъ — извозъ людей и товаровъ на верблюдахъ, изъ Египта въ Сирію, и обратно. Есть хозяева, владѣющіе нѣсколькими сотнями верблюдовъ. Видъ *Эль-Ариша* самый печальный: сѣрыя избы среди совершенно голаго песка, безъ слѣда растительности, безъ куста, безъ травки; вода, добываемая изъ колодцевъ, солоноватаго, непріятнаго вкуса. На самомъ морскомъ берегу находится финиковая роща. Въ зимнее время вода нѣрѣдкихъ здѣсь дождей собирается въ плоскомъ оврагѣ, и вливается въ море близъ города: этотъ безымянный ручей на всѣхъ картахъ рисуется подъ названіемъ «*Torrent d'Egypte*»; но я едва могъ замѣтить слѣдъ совершенно высохшаго русла, хотя проѣхалъ чрезъ него въ началѣ апрѣля.»

«Отъ *Эль-Ариша* ѣдешь пустынею еще восемь часовъ, до мѣста называемаго *Шейхъ-Зуэйдъ*, на самой границѣ Сиріи, гдѣ степь, покрывающаяся болѣею растительностію, а именно тонкою, мелкою травою, теряетъ видъ свой, и мало-по-малу переходитъ въ удобную землю. Вообще однакожь не должно представлять себѣ подъ названіемъ «*Пустыни Суэскаго-Перешейка*», совершенно голыхъ, песчаныхъ равнинъ, безъ слѣда растительности, хотя конечно такихъ мѣстъ попадаетъ немало. По-большой-части песокъ здѣсь вообще весьма крупень, и покрытъ кочками, на коихъ

растетъ кустарникъ, нѣсколько прерывающій однообразный цвѣтъ степной поверхности. Подлѣ Каира, и въ-продолженіе первыхъ трехъ дней пути, являются на этой-последней весьма многочисленныя кварцовыя булыжники разныхъ цвѣтовъ; дальше, они исчезаютъ: но, по мѣрѣ приближенія къ морю, поверхность пустыни становится неровною, волнистою, и являются длинныя ряды песчаныхъ холмовъ (dunes) съ продолговатыми, острыми кряжами, коихъ цѣпи, параллельныя между-собою, идутъ всѣ въ направленіи къ В.-С.-В., и дѣйствіемъ вѣтровъ медленно, но постоянно подвигаются отъ берега во внутренность перешейка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пустыни, среди песку и безводія, встрѣчаются рощи финиковыхъ пальмъ, вѣроятно на пунктахъ нѣкогда заселенныхъ; такова, на-примѣръ, роща, называемая *Нахлѣ-Месайдѣ* (и также — *Хурѣ-у-Хрирѣ*), на разстояніи пяти дней отъ Каира, гдѣ находится около 200 пальмъ, принадлежащихъ кочующимъ Бедуинамъ *Бени-Месайдѣ*, которые переносятъ сюда лѣтомъ, для собиранія зрѣлыхъ финиковъ. Гораздо больше другая плантація, лежащая отъ этой на разстояніи какихъ-нибудь осьми часовъ, около развалинъ *Гатии*. Деревья тамъ расположены полукругомъ, и образуютъ дугу, длиною въ нѣсколько верстъ. Попадаются, сверхъ-того, въ степи колодцы, впрочемъ довольно далеко одни-отъ-другихъ; вода въ нихъ солоновата и едва можетъ быть употребляема людьми: но верблюды, коихъ вообще поятъ только чрезъ каждыя четыре или пять дней, пьютъ ее охотно.»

Затѣмъ путешественникъ поспѣтилъ и описалъ *Ханѣ-Юнисъ, Газу, Яффѣ* и *Рамлѣ*.

«Отсюда», продолжаетъ онъ, «дорога идетъ къ В.-С.-В., приближаясь къ цѣпи горъ Іудей, рисовавшихся фіолетовою завѣсою на горизонтѣ моемъ отъ самой *Газы*. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ неровнѣе, волнистѣе становится поверхность земли; качество ея измѣняется; черноземъ перемѣшанъ съ многочисленными обломками стараго известняка, отторгнутаго зимними потоками съ сосѣднихъ горъ; хлѣбъ встрѣчается рѣже, колосья его тоще, стебли ниже; деревьевъ вовсе нѣтъ, даже въ сосѣдствѣ деревень, мимо которыхъ ѣдешь и въ коихъ избы малы, бѣдны. Поперекъ дороги идутъ невысокіе холмы, параллельные между-собою, и направляющіеся къ Ю. и С.; отъ *Латруна* и *Эмоса* (последній есть *Эммаусъ* Евангелія) — она уже рѣшительно въ самыхъ горахъ: вьется — то направо, то налево — вверхъ и внизъ — по крутымъ спускамъ и вдоль глубокихъ овраговъ. Со всѣхъ сторонъ окружаютъ васъ высокіе, коническіе холмы, составленные изъ стараго известняка, коего слои, то горизонтальныя, то легко наклоненныя въ ту или другую сторону съ сохраненіемъ параллелизма, расположены въ видѣ уступовъ съ подошвы до вершины горъ, и образуютъ узкія террасы, изъ коихъ нѣкоторыя покрыты тонкимъ слоемъ наносной земли и застѣяны ячменемъ, полосами не шире 10 или 12 футовъ; на другихъ, посажено по нѣсколь-

ку тощихъ, оливковыхъ деревьевъ. Но вообще поверхность и скаты горъ здѣсь совершенно безплодны, и рѣдко гдѣ попадаются клочки сѣроватаго кустарника, между которыхъ торчатъ выступающіе наружу голые края громадныхъ скалъ, придающіе этому печальному пейзажу видъ исполинскихъ кладбищъ: вся природа носить печать какой-то холодной безнадежности и улетѣвшей жизни. Деревни попадаютъ весьма рѣдко, и выстроены на едва доступныхъ крутыхъ вершинахъ; въ соседствѣ ихъ, пастухи, часто съ ружьемъ за спиною, пасутъ небольшія стада черныхъ козъ, примѣчательныхъ по широкимъ плоскимъ ушамъ, длиною въ футъ и болѣе. Подлѣ деревни *Калони*, на днѣ глубокой долины, есть нѣсколько садовъ, въ коихъ между прочимъ нашель я яблони; но это малая точка среди нагроможденныхъ скалъ. Шесть часовъ сряду ѣдешь шагомъ по этимъ опаснымъ тропинкамъ, по коимъ лошади и мулы, несмотря на привычку и вѣрный шагъ, ступаютъ съ трудомъ и удивительною осторожностью; наконецъ, взбираешься на высокую плоскость, легко наклоненную съ З. къ В., и представляющую на поверхности своей разные виды известковыхъ формаций: отъ мягкаго мола до желто-розоваго мрамора и туфа звонкаго какъ кремль. На краю этой плоскости вдругъ является почти четвероугольная масса домовъ, окруженныхъ высокими, зубчатыми стѣнами и башнями; подъѣзжаете къ воротамъ — сердце ваше забивается сильнѣе и быстрѣе: вы — въ *Иерусалимъ*!»

«Въ *Иерусалимъ* находится нынѣ отъ 13 до 14,000 жителей обою пола; въ томъ числѣ: около 5,000 Мусульманъ; до 6,000 Евреевъ съ разныхъ краевъ свѣта, плачущихъ надъ развалинами своего Храма, коего мѣсто занимаетъ, состоящій изъ двухъ мечетей *Херамъ - Шерифъ*; Православныхъ Сирійцевъ — около 1,000; Латиновъ — не болѣе 4 или 500; Армянъ-Григоріанцевъ — до 150; наконецъ Абиссинцевъ и Коптовъ, имѣющихъ свои монастырьки и особые престолы въ церкви Св. Гроба — не болѣе какъ 15 или 20 душъ. Улицы чрезвычайно круты, кривы, съ утомительною, скользкою мостовою, и въ верхней части города, на *Сіонской-Горѣ*, пусты и тихи; въ нижней-же части, гдѣ находятся базары и Еврейскій кварталъ, узки, шумны и весьма неопрятны. Очень часто улицы проходятъ подъ домами, держащимися надъ ними верхомъ, посредствомъ низкихъ сводовъ. Тутъ — среди лавочекъ съ съѣстными припасами, вespѣлыми или гнилыми фруктами, огурцами и битыми баранами, и около кожевенныхъ заводовъ, находящихся въ центрѣ города, близъ самой церкви Св. Гроба — толпится населеніе тощее, блѣдное, оборванное, состоящее, подумаешь, только изъ нищихъ, если судить по жадности, съ которою они просятъ «*бакиши*» и требуютъ милостыни. Бѣдность жителей дѣйствительно крайняя: торговой и промышленной дѣятельности вовсе нѣтъ; большая-часть Христіанъ живетъ подавнiями монастырей; Евреи содержатся все суммами, жертвуемыми ежегодно

ихъ единовѣрцами въ разныхъ частяхъ свѣта; Мусульманское населеніе не богаче.»

Изучивъ въ-подробности мѣстоположеніе *Св. Града* и его окрестностей въ-теченіе осьмнадцати-дневнаго въ немъ пребыванія, г. Рафаловичъ $\frac{18}{6}$ мая отправился отсюда — черезъ *Наплузъ*, *Назаретъ*, *Табаріе* (древнюю *Тиверіаду*) *С. Жанъ-д'Акръ*, *Суръ* (древній *Тиръ*) и *Саиду* (древній *Сидонъ*) — въ *Бейрутъ*, куда прибылъ $\frac{17}{29}$ мая. Обо всѣхъ этихъ мѣстахъ, равно-какъ и о пути между ними, встрѣчаются у него нерѣдко весьма свѣжія статистическія, медицинскія и геогностическія замѣтки; статья-же о карантинахъ Сирійскихъ — совершенная новость.

Изъ *Бейрута*, $\frac{10}{22}$ іюня, путешественникъ поѣхалъ въ *Триполи*, а отсюда, черезъ *Ливанъ* и *Анти-Ливанъ*, въ *Дамаскъ*. Вотъ нѣсколько словъ изъ описанія этого послѣдняго города:

«Жителей въ *Дамаскъ* отъ 125 до 130,000; въ томъ числѣ: 4,000 Христіанъ - Православныхъ (въ 700 домахъ); около 4,500 Христіанъ всѣхъ прочихъ исповѣданій; 5,000 Евреевъ; 4,000 Друзовъ; остальные всѣ Мусульмане. Улицы очень узки, дурно вымощены, и въ-особенности чрезвычайно неопрятны; на нихъ бросаютъ не только всякой соръ изъ домовъ и фруктовыхъ лавокъ, но мясники, неимѣющіе особыхъ рядовъ и встрѣчаемые во всѣхъ базарахъ, рѣжутъ тутъже барановъ и кровь пускаютъ на мостовую; сверхъ-того, ее поливаютъ безпрестанно изъ кофеенъ мутною водою, насыщенною табачнымъ сокомъ изъ наргилъ, замѣняющихъ здѣсь чубуки и трубки. Публичные фонтаны, встрѣчаемые на каждомъ шагу, умножаютъ съ своей стороны сырость и грязь. Но отвратительнѣе всего образъ чищенія необходимыхъ мѣстъ: передъ домомъ устраиваютъ изъ досокъ или земли родъ бассейна на мостовой, и въ него ведрами вливаютъ полужидкія матеріи, которыя остаются здѣсь незакрытыми въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, пока чрезъ испареніе жидкихъ частицъ нечистоты становятся гуще; тогда ихъ перевозятъ въ корзинахъ, коими навьючиваютъ ословъ, за городъ. *Дамаскъ* поэтому можно назвать однимъ изъ неопрятнѣйшихъ городовъ Сиріи. Это невыгодное впечатлѣніе, производимое дурнымъ содержаніемъ улицъ, еще болѣе усиливается наружнымъ видомъ домовъ, которые всѣ, даже принадлежащіе богатѣйшимъ жителямъ, выстроены изъ сыраго кирпича, извнѣ вымазаны желтоватою глиною, смѣшанною съ сѣченою соломой, и оконъ на улицу не имѣютъ, такъ-что нельзя себѣ представить ничего однообразнѣе, скучнѣе и бѣднѣе этого наружнаго вида улицъ.»

«Гдѣ-же, спросятъ, хвалимое великолѣпіе *Дамаска*? — А вотъ гдѣ: перешагните чрезъ порогъ, войдите во дворъ этихъ самихъ домовъ, и вдругъ, какъ-будто волшебнымъ жезломъ, вы перенесетесь въ жилище, осуществляющее смѣлѣйшія мечты юношескаго воображенія о роскоши Востока. Описывать подробно внутреннее устройство домовъ въ *Дамаскъ* здѣсь не мѣсто.

Скажу только, что изобиліе порфира, мрамора, позолоты, живописи, рѣзбы на деревѣ, мозаики изъ перламута и зеркальцевъ, соединенныхъ въ особомъ, весьма оригинальномъ вкусѣ, прекрасные фонтаны, которые неутомимо плещутъ и шепчутъ въ парадныхъ покояхъ, душистые цвѣты, апельсиныя и лимонныя деревья, остняющія мраморныя бассейны, которые находятся въ срединѣ cadaго двора: все это ослѣпляетъ глаза и является въ видѣ фантастической, театральной декораціи, коей существованіе въ дѣйствительности казалось невозможнымъ. Въ иныхъ домахъ, украшеніе стѣнъ и потолковъ одной пріемной залы стоить — на наши деньги отъ 25 до 30,000 рублей! — Впрочемъ нынѣшнее населеніе Дамаска обѣднѣло; торговые обороты съ Багдадомъ и Персією прекратились вслѣдствіе безсилія Турецкаго Правительства, не сумѣвшаго сохранить безопасность дорогъ для каравановъ и обуздать хищныхъ Бедуиновъ, какъ это дѣлала желѣзная рука Ибрагимъ-Паши. Вся коммерція этѣхъ странъ, равно — какъ Арменій, Діарбекира, Месопотаміи и пр., обратилась къ Алепу; и прекрасныя дома *Шамъ-Шерифа*, для поддержанія коихъ, при плохомъ матеріалѣ, каковъ сырой кирпичъ, ежегодно требуются значительныя издержки — опустѣли, приходятъ въ упадокъ: «невѣрные» Франки нанимаютъ ихъ за безцѣнокъ; Англійскій Консулъ платитъ за одинъ изъ большихъ и богатѣйшихъ домовъ, настоящій дворецъ — не болѣе 3,500 піастровъ (700 р. ассигн.) въ годъ! — Шелковыя фабрики, прежде составлявшія главную промышленность города, нынѣ почти всѣ закрыты, благодаря убійственному состязанію англійскихъ и швейцарскихъ бумажныхъ набоекъ, коихъ краски живѣе, узоры красивѣе, а цѣны несравненно ниже здѣшнихъ лучшихъ, но дорогихъ шелковыхъ матерій. Европейскіе фабриканты совершенно вытѣснили ихъ съ рынковъ Востока, до того что и полудикіе Анези и Бедуины Хаурана замѣнили свои классическія, красно-желтыя шелковыя «кефіе», обвязываемыя веревкою вокругъ головы, тріестскими бумажными платками.»

Путь изъ Дамаска обратно въ Бейрутъ путешественникъ нашъ взялъ черезъ *Дейръ-эль-Камаръ*, и $\frac{3}{16}$ іюля былъ уже на мѣстѣ, откуда $\frac{10}{22}$ іюля отплылъ моремъ въ *Латакіэ* (древнюю *Лаодикію-Сирійскую*), а изъ *Латакіэ*, моремъ же, поѣхалъ въ *Александретту*, самый сѣверный пунктъ Сиріи: этимъ мало посѣщаемымъ, по важнымъ въ торговомъ отношеніи мѣстечкомъ, занялся онъ въ-особенности. Отсюда, черезъ горы *Бейланскія*, переправился онъ въ долину *Антіохійскую*, и посѣтивъ *Антакіэ* (древнюю знаменитую *Антіохію*), пріѣхалъ $\frac{24 \text{ іюля}}{6 \text{ августа}}$ въ *Алепъ*, о которомъ, между прочимъ, находимъ въ отчетѣ его слѣдующее:

«Въ *Алепѣ*, по самымъ достовѣрнымъ, собраннымъ мною справкамъ, около 77,500 жителей обоего пола; изъ нихъ: Мусульманъ 56,000, Христіанъ 17,000 (въ томъ числѣ однихъ Греко-Католиковъ 6,500) и 4,700 Евреевъ. Городъ прежде былъ гораздо, почти вдвое населеннѣе; но зем-

летрясеніе 1822 года, оставшееся въ страшной памяти у жителей, чума въ 1827 и холера въ 1832 году, вмѣстѣ съ эмиграціею бѣльшей-части населенія, произвели ущербъ, который едва-ли когда вознаградится. Изъ существовавшихъ прежде въ Алепѣ двѣнадцати-тысячъ станковъ для тканья шелковыхъ матерій, нынѣ едва осталась тысяча! Съ нѣкотораго времени впрочемъ торговля стала оживляться, по мѣрѣ того какъ въ Дамаскѣ она приходитъ въ упадокъ.»

«По архитектурѣ домовъ, ширинѣ, и болѣе всего по опрятности улицъ, Алепъ — лучшій и красивѣйшій изъ всѣхъ посѣщенныхъ мною до сихъ-поръ городовъ Востока, хотя число ихъ немало, и даже въ Европѣ съ честью занялъ-бы мѣсто. Дома каменные, двухъ и трехъ-ярусные, съ плоскими крышами, на коихъ спятъ лѣтомъ. Въ бѣльшей-части улицъ, какъ Мусульманскихъ, такъ Христіанскаго и даже Еврейскаго кварталовъ (последній здѣсь, по исключенію, столь же красивъ и чистъ, какъ и прочіе), можно-бы ѣхать въ экипажахъ, коихъ однакожъ нѣтъ здѣсь; особенно превосходна мостовая, состоящая, во всѣхъ улицахъ, изъ небольшихъ, четверугольных, тщательно обтесанныхъ и пригнанныхъ плитъ изъ твердаго известняка; подобно ей содержимой я еще не встрѣчалъ. Базары — обширные, длинные, крытые корридоры, по обѣ стороны коихъ находятся лавки; содержатся тоже весьма хорошо и опрятно. Одно гадкое пятно на этомъ блестящемъ грунтѣ, составляетъ способъ чищенія необходимыхъ мѣстъ, совершаемый здѣсь, какъ и въ Дамаскѣ, днемъ, съ оставленіемъ матеріи на солнцѣ для просушки, передъ самими домами. Впрочемъ Алепинцы издревле славятся въ Сиріи по пріятнымъ манерамъ и опрятности одежды и домовъ ихъ; отъ того народная пословица: «Халеби — челеби!» (Алепинецъ — щеголь!)

«Климатъ Алепа, въ-слѣдствіе болѣе открытаго его положенія, ближе къ Востоку и дальше отъ моря, представляетъ довольно рѣзкія крайности между температурою воздуха лѣтомъ и зимою. Въ-продолженіе перваго жаръ нерѣдко доходитъ (какъ я это самъ испыталъ) до $+32^{\circ}$ Р. въ тѣни; впрочемъ средняя температура іюля и августа $+23^{\circ}$. Зимою ртуть иногда опускается до $-3\frac{1}{2}^{\circ}$, хотя средняя температура января $+2\frac{1}{2}^{\circ}$ Р. Снѣгъ бываетъ почти всякую зиму, но лежитъ не долго, рѣдко больше сутокъ. Необыкновенно часты здѣсь и дожди, позднею осенью въ ноябрѣ, и потѣмъ въ мартѣ; они продолжаются иногда 15 и 20 дней непрерывно. Лѣтній жаръ, къ-счастью, умѣряется западными вѣтрами, дующими здѣсь въ-продолженіе всей теплой погоды, то-есть какихъ-нибудь осьми мѣсяцевъ въ году. Въ 1844 году прямо-западный вѣтеръ дулъ 178 дней, а прочіе вѣтры этого румба, особенно юго-западный — 19 дней; сѣверный и сѣверо-западный, свойственные зимѣ, дули 44 дня; южные и юго-восточные — 16 дней: послѣдніе, проходя чрезъ голыя, пространныя степи, необыкновенно сухи и палящи, и въ дѣйствіи своемъ на организмъ

сходствуютъ съ юго-западнымъ Египетскимъ (*хамсиномъ*); наконецъ восточные—77 дней, и сѣверо-восточные—32 дня. Эти періоды, равно-какъ и температурныя измѣненія, возобновляются въ томъже порядкѣ и довольно правильно каждый годъ.»

Но что всего любопытнѣе, по мнѣнію нашему, изъ свѣдѣній собранныхъ авторомъ объ *Алеппѣ*, это подробности о тамошней мѣстной болѣзни, извѣстной подъ именемъ «*алеппскаго прыща*» (*bouton d'Alep*).

Отсюда, черезъ *Хаму* (*Эпифанію*) и *Хемсѣ* (*Эмессу*), г. Рафаловичъ возвратился опять въ Бейрутъ ¹⁸/₃₀ августа, и черезъ недѣлю послѣ того снова отплылъ въ Александрію.

Все это путешествіе по *Сири*, отличающееся тоюже наблюдательностію и тѣмъже обиліемъ метеорологическихъ, геогностическихъ и медико-статистическихъ данныхъ, собранныхъ г. Рафаловичемъ, какъ и предшествовавшія статьи его отчетовъ, заключается общимъ обзорѣніемъ страны въ-отношеніи къ чумѣ, въ которомъ онъ неопровержимо доказываетъ что эта болѣзнь не есть и не можетъ быть здѣсь эндемическою.

Изъ Александріи, по выдержаніи здѣсь карантиннаго срока и пятнадцатидневномъ пребываніи для обзора производящихся здѣсь работъ, путешественникъ отправился ²/₁₆ октября опять въ *Каиръ*, а оттуда по Нилу въ *Верхній-Египетъ* и *Нижнюю-Нубію*. Здѣсь, *Вади-Хальфа*, у втораго Нильскаго-Порога, была предѣломъ, откуда онъ возвратился обратно въ *Каиръ*. Поѣздку эту, туда и обратно, совершилъ онъ ровно въ 80 дней. Въ отчетѣ объ ней, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о *Нижнемъ-Египтѣ* до *Каира*, представилъ онъ полную картину страны простирающейся отсюда вверхъ до *Вади-Хальфы*, въ топографическомъ, административномъ и медико-полицейскомъ отношеніи, давъ предварительно общій очеркъ климата ея геогностическаго построенія, растительности, мѣстнаго хозяйства, и различныхъ населяющихъ ее племенъ: очеркъ отличающійся сжатостію, но тѣмъ не менѣе заключающій многія любопытныя замѣтки. Вотъ, на-примѣръ, какъ характеризуетъ г. Рафаловичъ обитателей *Нильской-Долины* на означенномъ пространствѣ:

«Отъ *Каира* до *Ассуана*, Долину-Нильскую населяютъ *Арабы*, сходствующие въ образѣ жизни и обычаяхъ, но раздѣляющіеся на два главные племена, которыя, при нѣкоторомъ навыкѣ, нетрудно различить. Одна часть населенія состоитъ изъ потомковъ самыхъ древнихъ, первоначальныхъ обитателей края—*Египтянъ*; и между ними нерѣдко встрѣчаешь фizioноміи, совершенно напоминающія древніе типы, сохранившіеся въ живописи подземельевъ въ *Гурнѣ* (*Оивахѣ*), *Эл-Кабѣ*, *Бени-Хассанѣ*, и т. п. Другая часть, и это нынѣ чуть-ли не бѣльшая, происходитъ отъ настоящихъ *Арабовъ-Бедуиновъ*, сдѣлавшихся, изъ кочующихъ пастуховъ обширныхъ пустынь *Ливійскихъ* и *Чермнаго-Моря*, осѣдлыми земледѣльцами. Во многихъ мѣстахъ, оба племена, въ-теченіе столѣтій, смѣшались

такъ-что трудно узнать свойственный каждому характеристическій типъ; но въ другихъ мѣстахъ потомки Бедуиновъ считаютъ себя происхожденія болѣе благороднаго, чѣмъ феллаги-Египтяне, и въ бракъ съ ними не вступаютъ. Это я нашелъ между-прочимъ въ *Оивахъ*, на двухъ противоположныхъ берегахъ Нила: на правомъ, въ *Луксоръ* и *Карнакъ*, живутъ Египтяне; на лѣвомъ, въ *Гурнэ* — чистые Арабы, которые съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отзываются о первыхъ. Тутъ племенные физическія различія живо сохранились. Красивыя, стройныя формы, особенное и весьма характеристическое устройство глазъ, и чрезвычайный размѣръ полового органа у мужчинъ, составляютъ наружныя отличія, при первомъ взглядѣ обозначающія Египтянина. Хотя татуировка чрезвычайно распространена между всѣми жителями Египта, Мусульманами и Христіанами; но тамъ, гдѣ въ деревняхъ встрѣчается у женщинъ ужасный обычай татуировать губы, дѣлающіяся отъ того темно-синими, онъ обозначаетъ потомковъ Бедуиновъ, сохранившихъ этотъ обычай вездѣ въ Египтѣ, Палестинѣ и Сиріи; напротивъ-того онъ несвойственъ женщинамъ-Египтянкамъ, которыя татуируютъ себѣ подбородокъ и руки, иногда также щеки, лобъ, голени и нижнюю часть брюха, но никогда губы.»

«*Копты* (по-арабски—*Кыбты*), довольно многочисленныя до самаго Ассуана, и составляющія въ иныхъ деревняхъ преобладающую часть жителей, являются отдельной стихіей въ массѣ туземнаго населенія. Многіе наблюдатели видятъ въ Коптахъ собственное и чистое потомство древнихъ Египтянъ, сохранившее даже языкъ Фараоновъ въ священныхъ книгахъ и въ богослуженіи своемъ; но я долженъ рѣшительно и съ глубокимъ убѣжденіемъ возстать противъ такого мнѣнія, хотя оно по теоріи кажется совершенно логическимъ и правдоподобнымъ. Во все время пребыванія въ Египтѣ я постоянно обращалъ вниманіе на этотъ предметъ, и тщательно изучалъ фizioномію Коптовъ въ Нижнемъ и Верхнемъ-Египтѣ: въ *Розеттѣ*, *Дамьятѣ*, *Манфалутѣ*, *Гирге*, *Сіутѣ* и *Ассуанѣ*; вездѣ посѣщалъ школы ихъ, для повѣрки своихъ наблюденій на юныхъ лицахъ дѣтей: но нигдѣ не нашелъ у Коптовъ типа Египетскаго, сохранившагося столь чисто у иныхъ феллаговъ-Мусульманъ. Густыя брови, большіе глаза и общее у всѣхъ Коптовъ выраженіе «таинственно-суровое» (*sinistre*, какъ говорятъ Французы), между прочими равносильными отличительными признаками, болѣе всего поражаютъ наблюдателя. Кто-же они такіе, и отъ кого происходятъ, спросятъ меня? Признаюсь, что не нахожу отвѣта. Копты татуируютъ себѣ разныя мѣста тѣла подобно феллагамъ-Мусульманамъ, соблюдаютъ подобно имъ обрѣзаніе мальчиковъ и вырѣзываніе нимфъ и части клиториса у дѣвочекъ на пятомъ или шестомъ году, и равномерно совершаютъ бракъ посредствомъ указательнаго пальца правой руки. Они, хотя приняли Христіанство въ первыя столѣтія нашей эры, но слѣдуютъ заблужденіямъ Моноелитизма, и Церковь наша, также

какъ и Западная, считаетъ ихъ еретиками. Копты въ деревняхъ занимаются хлѣбопашествомъ, въ городахъ — разными ремеслами, особенно красивымъ; но главное ихъ занятіе — нынѣ, какъ и тысяча лѣтъ тому назадъ — служить писцами и управлять счетною частью всѣхъ вѣтвей администраціи. Регистры кадастра хранятся у нихъ искони вѣковъ, и никакое межеваніе, никакой платежъ денегъ въ казну, никакой сборъ повинностей, не можетъ совершиться безъ содѣйствія «*Маалема*»-Копта. Въ этомъ отношеніи они составляютъ здѣсь корпорацію сильную и вредную, которой не сломила и желѣзная рука Мехмедъ-Али!»

«Отъ Ассуана до Второго Нильскаго-Порога, живетъ другое племя, совершенно различное отъ описанныхъ нами: это *Нубійцы*, или, какъ они сами себя называютъ — *Барабра* (множественное число, въ единственномъ — *Барбэри*). Физіономія, цвѣтъ кожи, языкъ, характеръ и образъ жизни ихъ, совершенно различны отъ того, что находимъ у Египтянъ. Они цвѣта красновато-бураго, похожаго на цвѣтъ «шоколада въ палочкахъ». Одинъ Французскій ученый Коммиссіи 1799 года, издавшій Барабра въ содѣйствіе Ассуана, пишетъ, что они считаютъ себя «бѣлыми»; это несправедливо: они называютъ цвѣтъ свой «дэссэ» — словомъ значащимъ «бурый», или «зеленый» — и съ наивною откровенностью признавались мнѣ, что этотъ цвѣтъ имъ гораздо лучше нравится нашего «бѣлаго», или «чернаго» у Негровъ. Черты лица у Нубійцевъ пріятны и выражаютъ кротость; лобъ высокій и прямой, глаза большіе, подбородокъ маленькій, ротъ обыкновенно большой, лице узкопродолговатое; ростъ выше средняго или средній, рѣдко ниже; сложеніе сухощавое, соразмѣрность частей и красивость остеологическихъ контуровъ необыкновенныя, икры весьма мало развиты; волосы длинныя, черныя и хотя курчавы, но не похожи на шерсть, какъ у Негровъ: два раза я видѣлъ мальчиковъ-Нубійцевъ съ бѣлокурыми волосами. Языкъ, которымъ я занимался во время пребыванія своего въ Нижней-Нубіи и которому намѣренъ посвятить особый трудъ по возвращеніи въ С.-Петербургъ, не представляетъ никакого сходства ни въ звукахъ, ни въ словосочиненіи съ Арабскимъ, и для уха гораздо пріятнѣе. Женщины ходятъ съ открытыми лицами, участвуютъ въ увеселеніяхъ вмѣстѣ съ мужчинами, при встрѣчѣ съ ними жмутъ правую руку другъ-другу; заплетаютъ волосы во множество мелкихъ косъ, висящихъ вокругъ шеи, и мажутъ ихъ рициновымъ масломъ, которое потомъ стекаетъ на грудь и спину, и распространяетъ весьма противный запахъ: этотъ головной уборъ ихъ остался неизмѣннымъ съ самой глубокой древности, какъ можно убѣдиться изъ картинъ Гурнэйскихъ ипогеевъ, изображающихъ шествія Негровъ и Барабра обоего пола. Въ Нижней-Нубіи мальчики и нынѣ ходятъ совершенно голые до десяти и двѣнадцати лѣтъ, а дѣвицы до замужства, въ которое впрочемъ вступаютъ весьма рано; послѣднія окружаютъ себя поясомъ, состоящимъ изъ тоненькихъ кожаныхъ ремешковъ (*рахатъ*),

украшенных бусами и раковинами, и образующих покрывало довольно прозрачное, которым однакожь довольствуется ихъ стыдливость. Барабра, по-справедливости, славятся своею честностью; ихъ вездѣ въ Египтѣ берутъ въ сторожа магазиновъ, базаровъ и купеческихъ конторъ, и въ привратники большихъ домовъ. Другая, гораздо значительнѣйшая часть ихъ, служить матросами на баркахъ, плавающихъ въ большомъ количествѣ по Нилу; собравъ нѣсколько денегъ, они возвращаются на родину и женятся: недостатокъ земли въ Нижней-Нубіи принуждаетъ ихъ оставлять такимъ-образомъ свою родину. Умѣренность ихъ въ пищу неизмѣнна: экипажъ моей барки, состоявшій преимущественно изъ Нубійцевъ, въ-продолженіе всего путешествія питался хлѣбомъ и чечевицею, отваренною въ водѣ съ солью, безъ всякой другой приправы, а между-тѣмъ ему часто приходилось грести по 12 или 14 часовъ безъ отдыха, и это подъ тропическимъ солнцемъ, и нѣсколько дней сряду.»

Изъ послѣдне-полученнаго и покуда нигдѣ еще не напечатаннаго отчета г. Рафаловича, отъ $\frac{26 \text{ марта}}{7 \text{ апрѣля}}$ настоящаго года, узнаемъ, что онъ, по возвращеніи изъ Нижней-Нубіи, пробывъ въ Каирѣ, конецъ 1847 и два первые, мѣсяца 1848 года, $\frac{29 \text{ февраля}}{11 \text{ марта}}$, отправился оттуда въ сухопутную поездку для изслѣдованія внутренности *Дельты*, по окончаніи которой, $\frac{16}{27}$ марта прибылъ въ Александрію, гдѣ участвовалъ въ консультаціи, имѣвшей мѣсто по поводу совершеннаго разстройства умственныхъ способностей знаменитаго Владыки и «Преобразователя» Египта, слѣдствіемъ чего было то, что бразды правленія этою страной перешли въ руки сына его Ибрагимъ-Паши. Отчетъ этотъ заключается слѣдующими словами: «Пробывъ въ Александрію до нѣльзя утомленный и измученный, я долженъ былъ лечь въ постелью на нѣсколько дней, прежде-чѣмъ могъ заняться нынѣшнимъ трудомъ, вѣроятно послѣднимъ, который буду имѣть честь представить изъ Египта, но навѣрное не послѣднимъ объ Египтѣ, о коемъ еще много и много остается мнѣ сообщить по возвращеніи въ Отечество.»

Нѣтъ сомнѣнія, что путешественникъ нашъ, исполнивъ послѣднее обѣщаніе свое, подаритъ Русскую литературу, а черезъ то и Европейскій ученый міръ, сочиненіемъ капитальнымъ, которое, обогативъ новыми данными географію важной части Азіи и Африки, въ отношеніи медицинскомъ сдѣлаетъ быть-можетъ эпоху въ наукѣ.

— русскій путешественникъ въ малой-азіи. — Мы уже сообщали нашимъ читателямъ краткое увѣдомленіе о прошлогоднемъ путешествіи по Мало-Азіатскому Полуострову соотечественника и сочлена нашего *П. А. Чихачева* (Г. И. стр. 14). Въ нынѣшнемъ году стали появляться весьма занимательные очерки этого продолжавшагося восемь мѣсяцевъ странствованія, изложенные самимъ путешественникомъ въ письмахъ къ Профессору *Леонгарду* въ *Гейдельбергъ*, которыя

этотъ-послѣдній, время отъ времени, сообщаетъ для печатанія въ Нѣмецкой газетѣ «Ausland». Чтобы не лишить и Русскихъ удовольствія любоваться учеными подвигами и пріобрѣтеніями своего единосемца, считаемъ обязанностью представить здѣсь хотя вкратцѣ содержаніе этихъ любопытныхъ писемъ, число которыхъ простирается до десяти:

Письмо I. (Время и мѣсто, гдѣ писано, не означено). Городъ *Айдынъ*. Фанатизмъ *Сейбековъ*. Переходъ Христіанокъ въ Исламизмъ. Остатки древняго *Траллеса*. Памятникъ Лидійскій. Древніе Финикійскіе памятники въ Малой-Азіи. Рѣка *Меандръ*. Жертвоприношеніе Греческихъ дѣвъ *Меандру*.

Письмо II. (Тоже безъ означенія времени и мѣста). Долина *Меандра*. Городъ *Денизлы*. Плоская возвышенность, занимаемая развалинами древняго *Іераполя*. Водопады и мосты, образованные изъ сталактитовъ. Теплые ключи. Древніе памятники, покрытые известковымъ туфомъ. Величіе естественныхъ явленій въ окрестностяхъ *Іераполя*, сравнительно съ окрестностями *Клермона* (во-Франціи) и *Тиволи* (въ Италіи).

Письмо III. (Изъ *Кайсаріа*, отъ 10 іюня 1847). Путешествіе черезъ древнюю *Писидію*. Обширныя равнины древней *Ликаоніи*. Изображеніе горы *Аргея* на древнихъ монетахъ. Замѣчательное мѣсто у Плинія относительно волканическихъ явленій этого края. Воздѣлываніе растенія «джехри» (*Rhamnus infectorius*, по-французски — *grains d'Avignon*), получаемый отъ того годовой доходъ и необходимость улучшеній въ нынѣшнихъ способахъ его производства.

Письмо IV. (Изъ *Самсуна*, отъ 20 августа 1847). Возвращеніе въ Константинополь и отправленіе въ *Самсунъ*. Австрійскія и Англійскія линіи пароходовъ между Константинополемъ и *Требизондомъ*. Важность ихъ. Угрожающее развитіе Англійской торговли на сѣверномъ побережьи Малой-Азіи, и вообще на материкѣ Азіатскомъ. Подчиненная роль, которую въ этомъ отношеніи играетъ Франція. Обзоръ торговыхъ дѣйствій *Самсуна*. Воздѣлываніе табаку въ провинціи *Джаныкъ*. Недостатки финансовой системы Турецкаго Правительства.

Письмо V. (Изъ *Сиваса*, отъ 6 сентября 1847). Мѣдный заводъ *Токатскій*. Австрійскій Бергратъ *фон-Паулини*. Настоящее состояніе мѣднозаводскаго производства въ *Токатъ*. Годовое количество мѣди въ грубомъ видѣ, доставляемой въ *Токатъ* изъ мѣстечка *Аргаманаденъ*. Годовое количество мѣди, выдѣлываемой въ *Токатъ*. Выгоды отъ того Правительства, и возможность ихъ увеличенія. Дурное пользованіе богатствомъ рудниковъ *Аргаманадена*, и происходящія отъ того потери для Правительства.

Письмо VI. (Изъ *Кайсаріа*, отъ 20 сентября 1847). Изслѣдованіе волканической области на пути изъ *Сиваса* (древней *Севастіи*) въ *Кайсаріа* (древнюю *Кесарію-Каппадокійскую*). Различныя опасности и при-

ключенія, коимъ подвергается здѣсь естествоиспытатель. Воинственные иноки монастыря *Томарге*. Примѣчательный настоятель этого монастыря.

Письмо VII. (Изъ Смирны, отъ 30 сентября 1847). Путешествіе изъ *Конии* (древняго *Иконія*) въ *Селефкэ* (древнюю *Селевкию-Исаврійскую*), чрезъ *Караманъ* и *Эрменекъ*. Грязевые волканы въ *Эрегли*. Третичное напластованіе *Киликіи*. Побережье между *Селефкэ* и *Адаліею* (древнею *Атталіею*). *Макри*. Умерщвленіе Англійскихъ путешественниковъ. Пріиски «корунда» и «наждаку» (по-туземному — «эмёри») въ Малой-Азій. Важность этого открытія.

Письмо VIII. (Изъ Константинополя, отъ 10 февраля 1848). Трудность обозначаться въ новомъ Европейскомъ порядкѣ вещей, послѣ долговременнаго отсутствія изъ Константинополя. Приготовленія къ приему Папскаго Посланника. Разныя мнѣнія и толки въ Константинополѣ объ этомъ событіи, и его важность. Блистательный приемъ Посланника. Резкая противоположность между нынѣшнимъ и недавно еще господствовавшимъ образомъ мыслей Турецкаго Правительства. Быстрота и важность этой перемѣны.

Письмо IX. (Изъ Константинополя, отъ 4 марта 1848). Донесеніе Пертевь-Паши Султану Махмуду, въ слѣдствіе котораго были выгнаны изъ Константинополя Римско-Католическіе Армяне. Замѣчанія по этому предмету. Пертевь-Паша и Али-Паша. Полька, танцованная въ Константинополѣ въ честь Папскаго Посланника.

Письмо X. (Изъ Константинополя, отъ 15 марта 1848). Балы и празднества, даваемые въ честь Папскаго Посланника. Иль-Папа. Портреты Султана и Папы. Примѣчательныя стеченія обстоятельствъ. Планы для будущаго путешествія. Учрежденіе метеорологическихъ станцій. Предназначаемое путешествіе въ *Грецію*.

Заметимъ, что письма эти, какъ замѣчаетъ и Нѣмецкая газета, ихъ помѣщавшая, вовсе не назначались для публики; почему въ нихъ не должно видѣть полнаго отчета о плодахъ странствованія нашего путешественника, а только изліянія общихъ впечатлѣній, сопровождавшихъ и заключившихъ это странствованіе.

ВЫПИСКИ И ЗАМѢТКИ.

— АСТРОНОМИЧЕСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ РАБОТЫ ВЪ НОРВЕГІИ, состоящія въ связи съ нашими. — Извлеченіе изъ письма Члена-Корреспондента Р. Г. О., Профессора *Ганстеена* въ Христіаніи, къ г-ву Помощнику Предсѣдателя Р. Г. О.

— — — «Со времени возвращенія моего изъ Россіи, въ 1830 году, описанъ у насъ весь берегъ Норвегіи къ С. и В. отъ Трондгейма до самой Русской границы. Изъ десяти спеціальныхъ картъ и двухъ сводныхъ

листовъ, на которыя опись эта раздѣлится, девять первыхъ и одна послѣдняя уже опубликованы; а остальные гравировуются. Внутри земли сдѣлана подробная съемка всего *Агерхусскаго-Округа* (*Agerhus Stift*), которой семь листовъ въ большомъ масштабѣ опубликованы, а два гравировуются. Всѣ эти карты доставлю я въ Р. Г. О., чрезъ здѣшняго Русскаго Генеральнаго Консула.

«Поездкою моею въ Копенгагенъ на Конгрессъ Скандинавскихъ Естественныхъ Испытателей, въ июль и августъ прошлаго года, воспользовался я для опредѣленія, посредствомъ хронометровъ, разности долготы между Обсерваторіями *Христіаніи* и *Копенгагена*. Для этой экспедиціи имѣлъ я всего 21 хронометръ: 5 принадлежащихъ Альтонской Обсерваторіи, 1 принадлежащій находящемуся въ Альтонѣ Венгерскому астроному Нейману, 3 отъ Кессельса въ Альтонѣ, 4 отъ Дента въ Лондонѣ, 1 отъ Юргенса въ Копенгагенѣ; остальные 7 привезъ я съ собою. Хронометры эти, съ 1 июля по 23 августа, еженедѣльно перевозились изъ Копенгагена въ Христіанію и обратно. Не совершенно еще оконченное вычисленіе даетъ разность долготъ: *Христіанія—Копенгагенъ* $= 7^{\circ}25'12''$; употребля же субъективное уравненіе * обоихъ наблюдателей почти $= 7^{\circ}25''$. По многимъ моимъ наблюденіямъ закрытій звѣздъ луною и солнечныхъ затмѣній, разность временъ Берлина и *Христіаніи* $= 10^{\circ}41'6''$; по Берлинскому календарю, Берлинъ и *Копенгагенъ* $= 3^{\circ}15'7''$; слѣдовательно *Копенгагенъ* отъ *Христіаніи* $= 7^{\circ}25'9''$. Стало-быть *Христіанія* лежитъ около $0^{\circ}9''$ во времени восточнѣе, чѣмъ до-сихъ-поръ полагали. Такъ-какъ средняя продолжительность переездовъ была не болѣе 52 часовъ, погоды стояли по большей части тихія, а хронометры почти всѣ шли отлично, то результатъ этотъ можно почитать весьма достовернымъ, и вѣроятная въ немъ погрѣшность не превзойдетъ $0^{\circ}02''$ или $0^{\circ}03''$. Видя такую точность, г. Шумахеръ намѣревается повторить опредѣленіе разности долготы между *Альтонскою* Обсерваторіей и такъ-называемою Круглою-Башнею въ *Копенгагенѣ* посредствомъ новой хронометрической экспедиціи, для кото-

* Для читателей не-астрономовъ считаемъ нелишнимъ объяснить значеніе этого выраженія. Когда въ последнюю четверть столѣтія астрономическіе инструменты и методы наблюденій доведены были до такой степени совершенства, что $\frac{1}{20}$ секунды времени ($3''$) сдѣлалась величиною ощутительною, замѣчена была между наблюденіями различныхъ астрономовъ постоянная разность, которой сначала не знали чѣмъ объяснить. Стали доискиваться, и открыли, что каждый наблюдатель имѣетъ нѣкоторую особенность, зависящую вѣроятно отъ психической связи между чувствами зрѣнія и слуха, которая въ каждомъ индивидуумѣ можетъ быть своя особенная, такъ-что онъ тоже явленіе и по тѣмъ-же часамъ замѣчаетъ всегда позже или всегда ранѣе другаго. При такой разности между двумя астрономами, наблюденія ихъ не могутъ быть между собою сравниваемы, если не привести ихъ къ нѣкоторой условной единицѣ, приложеніемъ поправки глазъ каждому. Въ-слѣдствіе того, глаза наблюдателей всѣхъ главнѣйшихъ Обсерваторій въ Европѣ сравнены между собою, и каждый имѣетъ свою поправку, которая называется «личнымъ» или «субъективнымъ уравненіемъ» (*persönliche Gleichung, équation personnelle*). *Ред.*

рой желѣзная дорога между Альтоной и Килемъ и пароходное сообще-
ніе между Килемъ и Копенгагеномъ представляютъ всѣ удобства. Та-
кимъ - образомъ *Христіанія* соединится по долготѣ съ *Копенгагеномъ*,
Альтоной, *Берлиномъ*, *Гриничемъ* и *Пулковымъ*. Въ будущемъ году
попытаюсь я, можетъ-быть, связать тѣмъже способомъ *Трондгеймъ* съ
Гаммерфестомъ. Дентъ обѣщалъ мнѣ для этого 20 хронометровъ. *

«По приглашенію Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ,
измѣрили мы, въ 1846 и 1847 годахъ, рядъ треугольниковъ, соединяющихъ
посредствомъ 15 сигналовъ сѣвернѣйшій пунктъ *Фугленесъ* (близъ Гам-
мерфеста) съ южнѣйшимъ *Аттикъ* (въ Норвежскомъ Лаппмаркѣ), откуда
Профессоръ Зеландеръ продолжалъ триангуляцію эту по Шведской землѣ
до *Торнео*. Наши 15 пунктовъ образуютъ 32 треугольника, въ которыхъ,
по предварительному вычисленію, вѣроятная погрѣшность суммы 3 измѣ-
ренныхъ угловъ не превышаетъ $+ 5''$. При крайней трудности измѣрять
углы въ полярномъ климатѣ, на вершинахъ горъ въ 3,000 и 4,000 фф. вы-
шиною, на льдистыхъ и снѣжныхъ равнинахъ, въ бурю и холодъ, озна-
ченная погрѣшность вѣроятно не будетъ признана значительною. Не знаю,
кто исполнитъ деликатнѣйшую часть градуснаго измѣренія—опредѣленіе
широтъ на обѣихъ оконечностяхъ и азимутовъ: возьметъ-ли это дѣло на
себя Императорская Академія Наукъ, или будетъ оно предоставлено
Профессору Зеланду?—Для точности выводовъ, кажется, необходимо, чтобы
опредѣленія широтъ на всѣхъ пунктахъ были произведены тѣмъже на-
блюдателемъ, тѣмъже инструментами, и по тѣмъже методамъ. Норвеж-
ское Правительство готово взять на себя издержки, съ этимъ сопря-
женные.» — — —

— примѣчательная рѣдкость въ городѣ Березовѣ. — Сооб-
щено Членомъ-Сотрудникомъ Р. Г. О., *Н. А. Абрамовымъ*.

Отдаленный на Сѣверѣ, уѣздный городъ Тобольской губерніи
Березовъ, имѣетъ немало примѣчательностей, достойныхъ вниманія.
Здѣсь провели послѣдніе годы жизни и скончались нѣкоторые лица,
стоявшія на высокой ступени въ Государствѣ и павшія по сте-
ченію несчастныхъ обстоятельствъ; здѣсь, послѣ превратной жизни,
мирно покоится прахъ ихъ. Современные имъ Березовскіе жители

* Нельзя не упомянуть при этомъ случаѣ объ услугахъ, оказанныхъ нашимъ сочленомъ,
г-мъ Дентомъ, мореходству и географіи. Самое важнѣйшее для той и для другаго орудіе—
лучшіе столовые хронометры (*Vox chronometers*), которые двадцать лѣтъ тому назадъ
стоили 80 гиней—онъ сталъ продавать по 40 только гиней, то-есть на цѣлую половину
дешевле, чѣмъ принудилъ и другихъ часовыхъ мастеровъ дѣлать тоже. Кромѣ того,
всякому географическому предпріятію онъ готовъ служить одолженіемъ какого-угодно
числа хронометровъ, не требуя никакого за то возмездія. Какъ ученый художникъ, Дентъ
можетъ имѣть соперниковъ; какъ безкорыстный поборникъ науки, онъ между художни-
ками есть явленіе единственное. *Ред.*

робкимъ шопотомъ передали своему потомству нѣсколько свѣдѣній о жизни ихъ, и указали мѣста, гдѣ они похоронены. Потомки, подражая урокамъ предковъ, продолжаютъ быть доселѣ весьма молчаливыми въ этомъ отношеніи для постороннихъ, такъ-что только временемъ и пріобрѣтенною довѣренностію можно развязать ихъ боязливые языки. Въ Березовѣ почти не было и нѣтъ официально поставленныхъ памятниковъ на гробахъ изгнанниковъ, а потому мѣста ихъ погребенія начинаютъ теряться изъ памяти народной: зато открываются другаго рода памятники — созданные сердечными чувствами, привязанностью и любовью. Къ этому отдѣлу принадлежитъ «медальонъ», который Святая Церковь, благосердая мать злополучныхъ, въ утѣшеніе ихъ приняла, и около ста двадцати лѣтъ сохраняетъ въ Березовскомъ Воскресенскомъ соборѣ.

Этотъ золотой медальонъ, превосходной отѣлки, имѣетъ эллиптическую фигуру, въ окружности $2\frac{1}{4}$ вершка. На лицевой сторонѣ его: въ самой срединѣ, подъ выпуклымъ стекломъ, на бѣломъ атласѣ, прядь тонкихъ свѣтло-русыхъ волосъ, свитая въ кольцо; вокругъ этого вмѣстилища, золотое, сквозистое поле съ пирамидальными фигурами, мельчайшей отѣлки, и съ шестью жемчужинами въ серебрѣ, расположенными въ разныхъ мѣстахъ; наконецъ, возлѣ поля, золотая гладкая кайма, съ наведенною по-срединѣ ея голубою эмалью и съ обѣихъ краевъ золотыми кручеными ободками. На другой сторонѣ: параллельно стеклу, другое такоеже, въ золотомъ ободочкѣ, на шарнерчикѣ для отпиранія. Въ верху медальона: золотое ушко, съ продѣтою бѣлою атласною лентою, длиною въ 5 вершковъ.

Долго втайнѣ хранился этотъ памятникъ, среди дорогихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей Воскресенскаго собора. Съ дозволенія Тобольскаго Епархіальнаго Преосвященнаго и Гражданскаго Губернатора, разыскивая рукописныя и вещественныя рѣдкости Березова въ 1842 году, я увидѣлъ его, и какъ о рѣдкомъ явленіи въ здѣшнемъ городѣ, собралъ, не безъ затрудненія, уцѣлѣвшія еще на-счетъ его преданія. Церковные старосты Спасской церкви (нынѣ Воскресенскій соборъ), при перемѣнѣ одинъ другому сдававшіе церковное имущество, и нѣкоторые изъ любознательныхъ коренныхъ и престарѣлыхъ жителей, знавшіе о медальонѣ, передали въ потомство: а) что онъ поступилъ въ Спасскую церковь по смерти находившагося здѣсь Князя Федора Долгорукова, вмѣстѣ съ иконою, у которой висѣлъ на вѣнчикѣ изображеннаго Святаго; б) что волосы, хранящіеся въ медальонѣ, взяты Долгорукимъ отъ умершей будто-бы супруги его Марьи Александровны, дочери Князя Меншикова, съ которою тайно вѣнчанъ онъ нѣкоторымъ престарѣлымъ Священникомъ; в) что за вѣнчаніе этому служителю церкви, между-прочимъ, былъ подаренъ дорогой барсовый плащъ, долго хранившійся въ его потомствѣ; г) что Федоръ и Марья въ лѣтнее время вмѣстѣ прогуливались по городу,

причемъ на ней было всегда черное платье, чаще бархатное, съ окладкою изъ серебрянаго позумента; д) что Марья Александровна, а потомъ вскоре и супругъ ея, скончавшись были похоронены близъ деревянной Спасской церкви, на южной сторонѣ (на востокъ отъ нынѣшней каменной), и на могилахъ ихъ были деревянные памятники, не больше какъ простые срубы въ два толстые бруса, покрытые въ двѣ доски (эти памятники еще теперь многіе старики помнятъ); наконецъ 6) что медальонъ, особенно съ 1739 года, когда постигла казнь нѣкоторыхъ изъ Долгорукихъ, былъ скрывается въ церкви, какъ секретный Долгоруковскій прикладъ, о которомъ духовныя лица не смѣли никому говорить.

НЕКРОЛОГЪ.

— в. ф. диттель, д. ч. о. — 22 іюля, скончался въ Казани, отъ холеры, исправлявшій должность Экстраординарнаго Профессора Арабскаго и Турецкаго Языковъ и Исторіи Востока при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, *Вилліамъ Францовичъ Диттель*, совершившій трехлѣтнее ученое путешествіе по Востоку съ іюля 1842 по августъ 1845 года, а потомъ находившійся въ числѣ нашихъ Сочленовъ съ 12 ноября 1847 года.

В. Ф. Диттель родился въ 1816 году, въ Казани. Несмотря на свою иностранную фамилію, онъ былъ чистый Русскій, думалъ и писалъ по-Русски. Увидѣвъ свѣтъ на рубежѣ Европы и Азіи, въ бывшей столицѣ Казанскаго Царства, гдѣ такъ распространено употребленіе и изученіе Восточныхъ Языковъ, Диттель, будучи еще воспитанникомъ Казанской Гимназіи, сталъ заниматься языками Арабскимъ и Персидскимъ. Онъ продолжалъ изучать ихъ при поступленіи своемъ въ Университетъ, и чрезъ годъ по окончаніи курса выдержалъ экзаменъ на ученую степень Магистра, защитивъ диссертацию: «о древней исторіи и поэзіи Арабовъ»; это было въ 1841 году. Успѣхи въ Восточныхъ Языкахъ Диттеля и его товарища г. Березина (нынѣ Профессора Казанскаго Университета, и также нашего Сочлена), обратили на нихъ вниманіе Университетскаго Начальства. Тайный Совѣтникъ М. Н. Мусинъ-Пушкинъ (Д. Ч. О.), бывшій тогда Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа и оказавшій незабвенныя услуги Университету въ-особенности учрежденіемъ новыхъ кафедръ Восточныхъ Языковъ, радѣя объ успѣхахъ двухъ молодыхъ оріенталистовъ, такимъ блестящимъ образомъ окончившихъ академическій курсъ, возымѣлъ прекрасную мысль отправить ихъ на казенномъ издѣніи въ путешествіе по Востоку, съ тѣмъ чтобы, по возвращеніи, они поступили преподавателями Восточныхъ Языковъ въ Университеты. Планъ путешествія начертанъ былъ ученымъ перомъ извѣстнаго оріенталиста

Мирзы А. К. Казембека, рассмотрѣнь и одобренъ Академіею Наукъ и утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ ноябрѣ 1841 года. Въ іюлѣ слѣдующаго года, молодые оріенталисты были уже въ дорогѣ, счастливые надеждами и ожиданіями; но они скоро разошлись, и каждый избралъ себѣ особый путь.

Кавказъ, съ сотнею его народцевъ и нарѣчій, съ древностями различныхъ эпохъ и альпійскою природою, не могъ не поразить юнаго воображенія, знакомаго съ Азіею только по книгамъ. Дербентская стѣна, памятники Сассанидовъ, капища огнепоклонниковъ близъ Баку, отѣнки Персидскаго и Тюркскаго нарѣчій и этнографическія наблюденія, занимали Диттеля во время пребыванія его на Кавказѣ. Продолжая путь по западному берегу Каспія, черезъ Кубу, Баку, Ленкорань и Сальяны, онъ вступилъ наконецъ въ предѣлы Персіи. Азербиджанъ, открывающій входъ въ Персію изъ Россіи, особенно любопытенъ для филолога, и нашъ путешественникъ обратилъ здѣсь должное вниманіе на туземные діалекты. Черезъ Ардебиль, Тебризъ, Туркманчай, Міанэ, Султанію и Казвинъ, прибылъ онъ потомъ въ Тегеранъ, гдѣ стеченіе всѣхъ племенъ, населяющихъ Персію, дало ему средства еще ближе ознакомиться съ ихъ нарѣчіями. Здѣсь же онъ впервые занялся языкомъ Курдовъ, у которыхъ нашелъ много литературныхъ произведеній, и въ томъ числѣ весьма примѣчательную оду «о Богѣ», подъ заглавіемъ: «Откровеніе Муллы Неджефи».

На пути отсюда въ Ширазъ, Русскій ученый остановился на время у развалинъ Персеполиса, гдѣ, вмѣстѣ съ Датскимъ путешественникомъ г. Вестергаардомъ, занялся списываніемъ клинообразныхъ надписей, покрывающихъ эти великолѣпные остатки древности, и открылъ одинъ камень съ неизданною еще надписью. Прибывъ за тѣмъ въ Ширазъ, родину Саадія и чистѣйшаго Персидскаго нарѣчія, онъ посвятилъ все свое время на изученіе тонкостей Фарсизма, и собралъ довольно много народныхъ пѣсней, извѣстныхъ подъ названіемъ «ширадскихъ» (*ширази*). Отсюда предстоялъ ему путь въ Багдадъ черезъ Басру (Бассору); но какъ въ лѣтніе мѣсяцы прекращается всякое сообщеніе сухимъ путемъ съ Бассорою и жаръ въ пустынѣ дѣлается невыносимымъ, то нашъ путешественникъ долженъ былъ оставить эту дорогу и избрать дальнѣйшій путь въ Турцію. Зато, обходя этотъ, обратно черезъ Испаганъ, доставилъ ему случай посѣтить Хамаданъ и развалины древней Экбатаны, до Керманшаха: полосу мало извѣстную въ географическомъ отношеніи, гдѣ кочуютъ Курды и возвышаются памятники древняго Ирана, покрытаго клинообразными письменами, въ томъ числѣ и знаменитый Бисютунъ, съ «манифестомъ Царя Дарія». За Керманшахомъ и Керидомъ, начинается уже Турція.

Вообще, въ теченіе своего годичнаго пребыванія въ Персіи, съ октября 1842 по октябрь 1843, Диттель обозрѣвалъ главнѣйшіе города и историческіе памятники страны; списывалъ клинообразныя надписи, еще не-

изданныя, или изданныя по худымъ спискамъ; собиралъ простонародныя пѣсни и сборники словъ и реченій разныхъ діалектовъ: Персидскихъ (Гилеки, Мазендерани, Талыш'и, Гебри, Татъ) и Курдскихъ (Курди, Лаки, Лури, Бахтиари); также составилъ карту пути своего отъ Испагани до Керманшаха.

По берегамъ Тигра и Евфрата, путешественникъ нашъ спустился въ Багдадскій пашалыкъ, часть древней Месопотаміи; здѣсь селенія Курдовъ смѣняются шатрами Арабовъ, и ихъ звучный языкъ провожаетъ странника до самыхъ стѣнъ Багдада. Нашъ оріенталистъ прожилъ нѣсколько времени въ этой столицѣ Аббасидовъ для изученія разговорнаго Арабскаго языка, а отсюда совершилъ поѣздки въ мѣста, любопытныя по ихъ древностямъ и историческому значенію: Вавилонъ, Ктезифонъ и Селевкию; посѣтилъ также и Кербелѣ, священный городъ Шитовъ, до послѣднихъ временъ недоступный для Европейскихъ путешественниковъ.

На пути изъ Багдада въ Мосуль, Диттель видѣлъ Эрбилъ (Арбеллы), а потомъ спѣшилъ обозрѣть окрестности Ниневіи и открытія, только-что сдѣланныя Боттою въ Хорсабадѣ. Въ Нимрудѣ, въ пяти часахъ пути отъ Мосуля, нашъ ученый сталъ разрывать одинъ изъ холмовъ, въ надеждѣ найти чтò-нибудь, и труды его увѣнчались открытіемъ камня съ клинообразными письменами, который привелъ въ послѣдствіи къ открытію великолѣпнѣйшихъ развалинъ *. Дальнѣйшее путешествіе черезъ Мардинъ, Діарбекръ, Нисибисъ и Орфу, до предѣловъ Сиріи, представило не менѣе обильную жатву для наблюденій: эта полоса составляетъ часть Курдистана, доселѣ еще мало описанную. Кромѣ филологическихъ замѣтокъ, Диттель собралъ здѣсь любопытныя свѣдѣнія о географіи и этнографіи края; причемъ не утратилъ проникнуть въ глубь горъ Курдистана, къ страшному поколѣнію Езыдовъ.

Добравшись затѣмъ до Алеппо, Диттель обозрѣлъ всю Сирію по побережью Средиземнаго-Моря и высямъ Ливана, и посѣтилъ Баальбекъ. Въ Сиріи болѣе всего занимали его многочисленныя секты, раздѣляющія эту страну: Друзы, Мутевали, Ансары, и другія. Въ Палестинѣ онъ поклонился мѣстамъ, освященныхъ стопами Искупителя; а по возвращеніи оттуда, направился изъ Бейрута моремъ въ Египетъ. Александрія, Каиръ, Ниль и Пирамиды, такъ уже извѣстны, что трудно было, въ кратковременное пребываніе, найти въ нихъ чтò-либо новое; притомъ же Диттель спѣшилъ въ Европейскую Турцію.

Русскій военный бригъ, на который принятъ былъ путешественникъ, отправлялся въ Сиру, и зашелъ для выдержанія карантина въ Пирей (перекрещенный нашими Русскими матросами въ *Пырей*): это подало случай Диттелю посѣтить Аѣины. Отсюда онъ переправился въ Малую Азію, видѣлъ Смирну, Магнезію, Пергамъ и *loca, ubi Troja fuit*. Въ

* См. Мém. de la Société d'Archéol. et de Numism. de St.-PB., vol. II, p. 139—142.

Константинополь, оканчивая свою одиссею, нашъ странствователь имѣлъ счастье представляться Августѣйшему Предсѣдателю нашего Общества, и удостоясь чести сопровождать Его Высочество при обзорѣ достопримѣчательностей Стамбула, постилъ по этому случаю нѣкоторыя мѣста, недоступныя Европейскимъ туристамъ, какъ на-примѣръ: Эюбскую Мечеть, въ которой «препоясываются на царство» Султаны.

Во время путешествія, Диттель многократно представлялъ своему Университетскому Начальству отчеты о своихъ занятіяхъ, наблюденіяхъ и открытіяхъ въ Азіи, которые, къ-сожалѣнію, не были напечатаны. По возвращеніи въ Отечество, послѣ трехъ лѣтъ отсутствія, онъ, прежде занятія каѳедры, долженъ былъ представить на разсмотрѣніе Академіи Наукъ *specimen eruditionis*. Срочность работы не позволила ему придать своему труду строго ученаго характера; но новостъ матеріаловъ и наблюденій обратили на себя вниманіе рецензентовъ: предметомъ диссертациі его было «обзорѣніе нарѣчій Персидскихъ». Допущенный, въ слѣдствіе этой диссертациі, къ занятію каѳедры Турецкаго Языка въ здѣшнемъ Университетѣ, Диттель раздѣлялъ все свое время между приготовленіями къ лекціямъ и обработываніемъ собранныхъ въ путешествіи матеріаловъ. Вскорѣ ему поручены были еще двѣ каѳедры: Арабскаго Языка и Исторіи и Географіи Востока. Все его время поглощено было тогда этими официальными занятіями. Между тѣмъ, избранный въ Д. Ч. Р. Г. О., онъ счелъ долгомъ оправдать оказанное ему довѣріе, и началъ-было составлять довольно обширный трудъ «объ этнографіи Курдистана», обѣщавшій пролить много свѣта на эту малоизвѣстную еще часть Азіи; трудъ этотъ, къ-сожалѣнію, остался не оконченнымъ. Статья «о нравахъ Курдовъ и о ихъ бывшемъ Ханѣ, грозномъ Бедеръ-Бегъ», съ которымъ Диттель былъ лично знакомъ, доставлена была имъ въ редакцію одного журнала, и едва-ли не пропала, подобно самому Бедеръ-Бегъ-Хану! Для диссертациі на степень Доктора, Диттель избралъ темою также Курдовъ, именно ихъ языкъ и письменность. Такое спеціальное занятіе предметомъ мало извѣстнымъ не могло не принести пользы наукъ. Но всему этому суждено кажется погибнуть; потому-что матеріалы, собранные Диттелемъ, писаны имъ неразборчиво, болѣею-частію карандашомъ, на клочкахъ бумаги, и только имъ самимъ и могли-бы быть собраны и приведены въ порядокъ. Впрочемъ, еслибы въ послѣдствіи нашлось въ нихъ что нибудь оконченное, мы представимъ это въ Р. Г. О., для напечатанія въ его «Запискахъ» или «Географическихъ Извѣстіяхъ».

(Сообщено Д. Ч. О. П. С. Савельевымъ.)

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Печатать дозволяется. С. П. Б. декабря 31 дня 1848 года.

Цензоръ Измаилъ Срезневскій.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ-продолженіе сентября и октября мѣсяцовъ, Р. Г. О. имѣло, подъ предсѣдательствомъ г. Помощника Предсѣдателя, слѣдующія два Общія Собранія:

22 сентября.—Присутствовало 92 Члена. Кромѣ-того, было 2 постороннихъ посѣтителя.

— Исправляющій временно должность Секретаря сообщилъ о поступившихъ въ Общество со времени послѣдняго Собранія книгахъ, статьяхъ, вещахъ и проч.

Въ числѣ подарковъ, полученныхъ отъ разныхъ лицъ, наиболее замѣчательны: 1) копія съ рукописи: *Consignacya miast i wsi Korony Polskiej*, составленной въ 1678 году — отъ г. Намѣстника Царства Польскаго; 2) Морскія Карты береговъ Норвегіи — отъ Ч.-К. О. Профессора *Ганстена* въ Христіаніи; 3) *The physical Atlas of natural phenomena* — отъ г. *Джонстона* изъ Эдимбурга; 4) полный Мордовской женскій нарядъ — отъ Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго Преосвященнаго *Іакова*; 5) полный праздничный нарядъ крестьянки Провскаго уѣзда Рязанской губерніи — отъ Д. Ч. О. *А. В. Головина*. Изъ доставленныхъ статей, особеннаго вниманія заслуживаютъ «Замѣтки о Югрѣ и о Сибири конца XVI столѣтія», доставленные отъ Д. Ч. О. *П. И. Небольсина*: трудъ этотъ сопровождается, между прочимъ, Картою Сибири въ эпоху завоеванія ея Ермакомъ, составленною г. Небольсинымъ на основаніи показаній книги «Большаго-Чертежа», современныхъ грамотъ и другихъ источниковъ.

— Читаны извлеченія изъ журналовъ Совѣта Общества, заключающія въ себѣ слѣдующія увѣдомленія:

1. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года Общество разослало къ Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Предводителямъ Дворянства, Директорамъ Училищъ и другимъ лицамъ, въ большомъ количествѣ экземпляровъ: а) краткое наставленіе о собираніи свѣдѣній къ опредѣленію климата, б) наставленіе къ собиранію этнографическихъ данныхъ, и с) объявленіе о доставленіи свѣдѣній по-части географической терминологіи. Собираніе означенныхъ свѣдѣній, въ-особенности по первымъ двумъ наставленіямъ, требуетъ продолжительныхъ занятій: посему сообщенія по двумъ послѣднимъ циркулярамъ Общество получило досель въ небольшомъ числѣ; данныя къ опредѣленію климата — только изъ губерніи Рязанской (отъ г. *Лихарева*) и Тульской (отъ г. *Мясоедова*); но зато отъ значительнаго числа лицъ (до 70) — получены, по всемъ циркулярамъ, увѣдомленія съ изъясненіемъ готовности трудиться. Къ такого рода присылкамъ и вообще къ распространенію внутри Россіи извѣстности и трудовъ Общества самымъ ревностнымъ образомъ содѣйствовалъ бывшій Секретарь его, *Д. Ч. А. В. Головинъ*, который путешествуетъ въ настоящее время по внутреннимъ и Волжскимъ губерніямъ Россіи, съ единственною цѣлю знакомиться ближе съ Отечествомъ. Онъ находится въ постоянной перепискѣ съ Обществомъ, которое, чрезъ посредство его, вошло въ сношенія со многими лицами, обладающими богатыми запасами мѣстныхъ свѣдѣній.

2. Съ наступленіемъ августа мѣсяца (по новому стилю), кончился срокъ контракту Общества съ агентомъ его въ Лондонѣ, г. *Шилинглау*; по этому случаю, сей-послѣдній увѣдомлялъ, что онъ снова готовъ принять на себя званіе агента, но не иначе какъ съ нѣкоторою прибавкою къ получаемой имъ зато отъ Общества платѣ. Совѣтъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить этому предложенію, и посему положилъ: не возобновлять контракта съ г. *Шилинглау*.

3. Въ-слѣдствіе сношеній Общества съ г. Надворнымъ Совѣтникомъ *Голубковымъ*, относительно пользы составленія дополненій къ издаваемому имъ въ Москвѣ Русскому переводу Риттерова *Erdkunde*, присланы имъ, на имя Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, 5,000 р. сер., назначенные на покрытіе издержекъ по составленію означенныхъ дополненій. Его Высочество изволилъ приказать передать эту сумму въ распоряженіе Совѣта, предоставивъ его усмотрѣнію принять мѣры для употребленія этихъ денегъ согласно назначенію жертвователя, и въ тоже время изволилъ счесть приличнымъ, чтобы, на основаніи § 23 Временнаго Устава, г. *Голубковъ* удостоенъ былъ званія Члена-Соревнователя Общества. Согласно съ симъ желаніемъ Его Императорскаго Высочества, и на точномъ основаніи § 23 Временнаго Устава, Совѣтъ призналъ г. *Голубкова* Членомъ - Соревнователемъ Русскаго Географическаго Общества.

5. Д. Ч. О. Генераль-Маіоръ *Мендѣ* прислалъ къ г. Помощнику Предсѣдателя два рисунка, изображающіе костюмы разныхъ народовъ Киргизской-Степи, и письмо Землемѣра *Бабикова*, который проситъ, рисунки эти писанные имъ съ натуры, представить Его Императорскому Высочеству Предсѣдателю Общества, увѣдомляя приэтомъ, что онъ могъ-бы доставить еще нѣсколько подобныхъ работъ и съ описаніемъ, если-бы зналъ, что они могутъ пригодиться для Общества. Г. Помощникъ Предсѣдателя исполнилъ это, и Его Высочество, принявъ съ удовольствіемъ рисунки г. Бабикова, изволилъ приказать передать ихъ въ Библіотеку Общества. Совѣтъ, съ-своей-стороны, находя, что рисунки г. Бабикова изображаютъ весьма отчетливо не только костюмы, но и самыя фізіономіи обитателей Киргизской-Степи, и что предлагаемые г. Бабиковымъ рисунки, особенно если къ нимъ приложатся подробныя описанія, будутъ не бесполезны для этнографическихъ изслѣдованій, положилъ признать г. Бабикова Членомъ Сотрудникомъ Общества. Наконецъ,

5. По предложенію Помощника Предсѣдателя, Совѣтъ избралъ въ Члены-Сотрудники Русскаго Географическаго Общества штатнаго Смотрителя Березовскихъ Училищъ г. *Абрамова*, присылавшаго Обществу неоднократно полезныя свѣдѣнія и этнографическіе предметы.

— Сообщено краткое извѣстіе о ходѣ Уральской Экспедиціи.

— Прочтены «Замѣчанія о Киргизской-Степи между Орскою Крѣпостью и Аральскимъ-Моремъ», сообщенныя отъ г. *Нѣшеля*, Гражданскаго Инженера въ Оренбургѣ, сопровождавшаго въ 1847 году Оренбургскаго Военнаго Губернатора во время похода его къ Аральскому-Морю. Не входя сначала въ частности описанія, г. Нѣшель сообщаетъ слѣдующее общее изображеніе Киргизской Степи:

«Степь является наблюдателю въ видѣ безлѣсной, бѣдной горами равнины, которая имѣетъ горизонтъ подобный морскому и сливается съ голубымъ, часто безоблачнымъ небеснымъ сводомъ. Но равнина эта не представляетъ совершенно ровной мѣстности; при ближайшемъ изслѣдованіи, она является волнообразною, такъ-что лошадь со всадникомъ, и даже большіе верблюды, на этой кажущейся равнинѣ часто скрываются отъ глаза на небольшихъ разстояніяхъ. Не рѣзко выдающіяся возвышенности перемежаются плоскими углубленіями, подобно волнамъ морскимъ, такъ-что кругъ зрѣнія то необыкновенно быстро расширяется, то весьма скоро суживается. Совершенное отсутствіе большихъ предметовъ, какъ-то: деревьевъ, строеній и тому подобнаго, затрудняетъ неопытнаго въ измѣреніи разстояній на глазъ, до такой степени, что онъ впадаетъ въ самыя грубыя ошибки. Холмы въ нѣсколько сотъ футовъ высокою становятся видными на довольно-дальнемъ разстояніи; но гораздо удивительнѣе глубокія рывины, промытыя водою, и долины съ крутыми боками, къ которымъ путешественникъ часто при-

ближается вдругъ, не замѣчая ихъ прежде. Здѣсь нѣтъ никакихъ преградъ свѣту, вѣтру и звуку; распространенію ихъ ничто не препятствуетъ. Путешественникъ нигдѣ не найдетъ тѣни, нигдѣ не укроется отъ вѣтра, нигдѣ не услышитъ эха. Почва земли вездѣ накалена, вездѣ дуетъ вѣтеръ, и вся природа кажется здѣсь мертвою. Подъ мрачными громовыми тучами иногда взвивается пыль и несется по степи въ видѣ огромныхъ кружащихся столбовъ, готовыхъ засыпать все встрѣчающееся имъ на пути. И только въ нижнихъ, сильно нагрѣтыхъ слояхъ воздуха, преломленіе лучей свѣта производитъ многократно описанныя картины марева (*fata morgana*). Жизнь и движеніе проявляются только на берегахъ водъ и на отдѣльных холмахъ и горахъ, которые лежатъ подобно оазисамъ и островамъ среди огромнаго степнаго пространства.

«Къ характеристическимъ свойствамъ Степи принадлежатъ также чрезвычайно рѣзкіе переходы изъ одного рода почвы въ другую. Здѣсь встрѣчаются разнообразнѣйшія почвы: отъ чернозема, представляющаго различныя степени плодородія, до рыхлаго сыпучаго песка и безплодной солончаковой почвы. Къ характеристическимъ же свойствамъ Степи принадлежитъ и рѣзкое различіе явленій въ различныя времена года. Поэтому, флора, фауна и гидрографическія отношенія, нигдѣ не находятся въ такой тѣсной зависимости отъ почвы и времени года, какъ здѣсь. Каждый родъ почвы представляетъ особенныя явленія, каждое время года имѣетъ особенный характеръ.

«Такимъ образомъ, глазамъ путешественника является, въ одномъ мѣстѣ, лугъ покрытый пестро-растущими роскошными кормовыми травами, цвѣтами, кустарниками, или представляющій однообразную зелень. Въ другомъ мѣстѣ, дорога проходитъ по невысокимъ волнообразнымъ горамъ, вершины которыхъ украшены могильными памятниками, а находящіяся между ними долины и овраги наполнены прѣсною водою и представляютъ мѣстами живописные скалистые виды: здѣсь медленно перекочевываютъ Киргизы, пасущіе свои огромныя стада; здѣсь рѣзнется быстроногая сайга, является сурокъ и почти все семейство грызуновъ живущихъ въ степи; здѣсь гнѣздятся стаи птицъ и ползаютъ змѣи и зеленныя ящерицы, жужжитъ безчисленное множество жуковъ и мухъ, кричитъ сверчокъ и обжорливая саранча, и здѣсь же летаютъ пестрыя бабочки. Въ другихъ мѣстахъ, глазъ утомляется видомъ необозримыхъ, сѣрозеленыхъ и желтыхъ площадей, покрытыхъ полыною и другими растеніями: на этихъ площадяхъ мѣстами являются зеленныя оазисы, поросшіе соляными растеніями, и мѣста, покрытыя бѣлоснѣжными соляными вывѣтрелостями, или зловонныя, черныя, бездонныя солончаки, или наконецъ, отдѣльныя крутыя сопки; въ трещинахъ и разсѣлинахъ соляной почвы живутъ скорпіоны, тарантулы, фаланги и другіе роды пауковъ, а на поверхности пресмыкаются неповоротливыя жабы и ящерицы; но

въ общемъ видѣ вся мѣстность имѣетъ колоритъ сѣрый, желтый и мертвенный, даже бѣольшая часть водъ мутна и солонa: несмотря на то, эти невеселыя мѣста служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ такъ-называемой дикой лошади, или осла, верблюдовъ и овецъ, содержатъ въ себѣ обильные источники поваренной соли и не лишены горючаго матеріала (въ последнемъ видѣ особенно употребляется растение *Atriplex canna*, по-Киргизски «кыюкъ-покъ»).

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ путешественникъ видитъ только безконечную, бѣдную водою, песчаную пустыню. Все вокругъ него имѣетъ ослѣпительно-желтый цвѣтъ; воздухъ сухъ и наполненъ пылью; песокъ раскаленъ и, какъ-бы отъ дѣйствія урагановъ, скопленъ въ холмы и горы, между которыми находятся котлообразныя углубленія, содержащія годную для употребленія воду. Но эти песчаныя пустыни не вовсе лишены жизни. Нѣжная зелень свойственныхъ той почвѣ растений часто одѣваетъ отклоны возвышенностей, а въ углубленіяхъ растутъ тростникообразныя растения и часто даже густые кустарники саксаула. Въ этихъ маленькихъ садахъ обитаютъ особенные роды насекомыхъ и птицъ, и почва кишитъ ящерицами.

«Въ другомъ видѣ представится Степь путешественнику, который будетъ ѣхать по ней вдоль береговъ водовмѣстилищъ. И здѣсь, подобно тому какъ въ срединѣ Степи, почва измѣняется и представляетъ различныя степени плодородія, съ тою только разницею, что измѣненіе это здѣсь быстрѣе; различные роды почвы занимаютъ меньшія пространства и разбросаны клочками. Отъ этого происходитъ, что одно и тоже водовмѣстилище почти никогда не бываетъ наполнено водою одного и того же качества. Гдѣ дно рѣки или озера песчаное, тамъ вода бываетъ свѣтла и прѣсна или только солоновата; гдѣ-же почва глинистая или соледержащая, тамъ и протекающая или стоячая на ней вода мутна, солонa и горька. Плодородная почва обыкновенно бываетъ разсѣяна вблизи водовмѣстилищъ небольшими частями; принимая въ соображеніе это обстоятельство, становится невѣроятнымъ, чтобы здѣсь въ степи можно было основать большія поселенія. Сверхъ-того замѣчено, что гдѣ хорошая почва занимаетъ большое пространство, тамъ обыкновенно бываетъ значительный недостатокъ въ водѣ; и, наоборотъ, гдѣ довольно воды, тамъ часто недостаетъ пашенной и луговой земли. Но во всякомъ случаѣ, берега водовмѣстилищъ принадлежатъ къ самымъ оживленнымъ и веселымъ частямъ Степи. Въ близкихъ къ водѣ мѣстахъ, растительность бываетъ значительнѣе и продолжительнѣе, нежели въ другихъ. Здѣсь часто можно видѣть цѣлыя площади, покрытыя цвѣтущими растениями, и даже небольшія поля, засѣянные просомъ, ячменемъ, коноплею, арбузами и дынями; эти поля обрабатываются съ большимъ трудомъ неимѣющими своихъ стадъ Киргизами, посредствомъ искусствен-

наго орошенія. Густые высокіе тростники, занимающіе окраины водовмѣстилищъ, скрываютъ множество болотныхъ и водяныхъ птицъ, черепахъ и другихъ пресмыкающихся, большія стада дикихъ свиней, выдръ, и иногда даже тигровъ. Безчисленные рои комаровъ и мухъ довершаютъ неудовольствія пребыванія въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ.

«Избравъ мѣсто для своихъ маленькихъ пашень, Киргизъ производитъ орошеніе ихъ слѣдующимъ образомъ. Посредствомъ небольшихъ земляныхъ валовъ, онъ раздѣляетъ поверхность участка на квадраты различной величины, смотря по большому-или-меньшему склоненію почвы; самые большіе изъ нихъ имѣютъ 8 футовъ въ одну сторону. Чрезъ всѣ эти квадраты онъ проводитъ одну или нѣсколько канавъ, которыя съ одной стороны сообщаются съ рѣкою или озеромъ, а съ другой — съ самымъ отдаленнымъ или возвышеннымъ квадратомъ. Если почва возвышается отъ рѣки внутрь земли, тогда канавы пересѣкаютъ еще поперечными насыпями, для-того-чтобы поднятая съ большимъ трудомъ вода не стекала обратно. Если-же почва отъ рѣки понижается, тогда не роютъ канавъ, а орошеніе пашни производятъ непосредственно изъ рѣки. Изъ искусственнаго или естественнаго бассейна трудолюбивые Киргизы черпаютъ воду и наливаютъ ее сначала въ самые возвышенные квадраты; это продолжается до совершеннаго ихъ наполненія. Тогда они прорываютъ земляные валы между верхнимъ и ближайшимъ къ нему квадратомъ и вновь наливаютъ въ нихъ воды. Этотъ способъ орошенія, употребляемый и въ другихъ странахъ, кажется здѣсь совершенно соответственъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, потому-что тутъ должно быть болѣе бережливымъ съ землею, нежели съ водою. Собранные хлѣба, за неимѣніемъ строеній, Киргизы сохраняютъ въ выкапываемыхъ въ землѣ ямахъ, глубиною въ аршинъ.

«Выше замѣчено уже, что съ измѣненіемъ времени года, сильно измѣняется и видъ Степи. Лишь-только снѣгъ начнетъ таять и исчезнетъ съ вершинъ холмовъ, тотчасъ обнаруживается дѣятельность совершенно особеннаго рода. Двѣ главныя стихіи: вода и огонь, вступаютъ въ борьбу между собою, и кажется будто для этого безконечнаго пространства настало послѣднее время. Рѣки выступаютъ изъ береговъ; каждый ручей становится рѣкою, каждая рѣка превращается въ сильный потокъ, и каждое болото въ безбрежное почти озеро. На обсохшихъ уже мѣстахъ Киргизы зажигаютъ траву и кустарникъ, оставшіеся отъ прошлаго года; отъ этого воздухъ наполняется дымомъ, а горизонтъ кажется окруженъ огненнымъ моремъ. Весенняя вода, накопляясь въ низменностяхъ, затопляетъ почву, а на мѣстахъ возвышенныхъ огонь уничтожаетъ старую сухую траву. Огонь и вода возобновляютъ и укрѣпляютъ ослабѣвшія силы земли; и дѣйствительно, когда огонь потухнетъ, а вода постепенно удалится въ свои предѣлы, всегда

бываютъ весьма ощутительны благотѣльные слѣдствія этого величественнаго возобновленія. На черной, обгорѣвшей почвѣ возвышенностей въ скоромъ времени появляется роскошная, темнозеленаго цвѣта растительность, а на мѣстахъ, съ которыхъ только-что сошла вода, показываются пестрые цвѣты, отличающіеся яркостію красокъ; вокругъ цвѣтовъ вьются наѣкомыя и летаетъ безчисленное множество различныхъ птицъ. Но такая картина Степи продолжается недолго. Ирисы, тюльпаны и кусты миндальнаго дерева скоро исчезаютъ, и, какъ-будто волшебствомъ, мѣстность теряетъ все свое очарованіе: наѣкомыя пропадаютъ, птицы разлетаются. Остается только ослѣпительный свѣтъ, который разливаютъ раскаленные, иссушающіе лучи солнца по обширной зеленѣющей степи; появляется фата-моргана, въ черныхъ тучахъ гремитъ громъ, и пыль взвивается въ видѣ огромныхъ столбовъ. Но бури разгоняютъ облака, и путешественникъ напрасно ожидаетъ освѣжающаго дождя. Зеленъ яснѣе-и-яснѣе раздѣляется на разноцвѣтныя поля; сухіе солончаки и песчаныя равнины обрисовываются опредѣлительнѣе; рѣки, ручьи и озера постепенно возвращаются въ свои берега и высыхаютъ. Вода начинаетъ густѣть, мутиться и наполняется инфузоріями; песокъ раскаляется; укушеніе змѣй, скорпіоновъ и тарантуловъ становится опаснѣе, а тучи комаровъ и мухъ дѣлаютъ положеніе путешественника невыносимымъ. Трава желтѣетъ и засыхаетъ, и только по берегамъ водовмѣстилищъ и между песчаными холмами не исчезаетъ зеленъ въ-продолженіе цѣлаго лѣта. Наступаетъ осень; лучи солнца теряютъ свою жгучесть; воздухъ свѣжѣетъ, облака сгущаются, дожди освѣжаютъ почву, и вновь является зеленъ изъ-подъ травы, спаленной солнцемъ. Даже цвѣты распускаются вновь на берегахъ водовмѣстилищъ, и кажется будто возобновляется весна. Но въ это время настаетъ зима съ своими морозами и буранами, покрываетъ зеленѣющую почву бѣлымъ саваномъ и погребаетъ вновь ожившую природу въ глубокій сонъ.»

Что касается до абсолютной высоты страны, по которой проѣхалъ г. Нѣшель, то онъ полагаетъ, что самые возвышенные пункты ея имѣютъ отъ 600 до 700 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Къ-сожалѣнію, при г. Нѣшелѣ не было инструментовъ, которыми онъ могъ-бы производить подобныя измѣренія съ надлежащею точностію. Вообще, по наблюденіямъ его, страна склоняется отъ З., С. и В. къ Ю. Самые высокіе пункты составляютъ: съ одной стороны—мѣстность, на которой находятся озера: *Джитта-Куль*, *Айке*, *Чалкаръ*, а съ другой — источники рѣкъ *Ора*, *Илека* и *Эмбы*; самое-же низменное мѣсто составляетъ горизонтъ Аральскаго-Моря. За исключеніемъ гористой и скалистой мѣстности, лежащей между Орскою-Крѣпостію и озеромъ *Баткакъ-Куль*, также пространства, находящагося между рѣками *Оромъ* и *Иргизомъ*, въ остальной части Степи г. Нѣшель не встрѣчалъ настоящихъ цѣпей горъ или

холмовъ; но ему часто попадались отдѣльные уединенныя сопки, выдающіяся въ видѣ острововъ изъ существовавшаго здѣсь нѣкогда морскаго дна. Онѣ поднимаются до высоты 200 футовъ, и самыя большія изъ нихъ находятся на правомъ берегу *Иргиза* и на рѣчкѣ *Улкаякъ*; эти сопки отстоятъ недалеко отъ береговъ. Къ особенностямъ Степи относятся также глубокіе, воронкообразные овраги, дно которыхъ по большей-части бываетъ покрыто солью. Эти странныя, величественныя углубленія, при разсматриваніи ихъ снизу, кажутся горными ущеліями, потому-что бока ихъ весьма круты и трещиноваты: они поражаютъ путешественника въ-особенности тѣмъ, что представляются глазамъ его внезапно, оставаясь незамѣчаемыми въ плоской и ровной степи до самаго приближенія къ нимъ; иногда путешественникъ вдругъ видитъ себя совершенно неожиданно на крутомъ, высокомъ краю глубокой пропасти, никакъ не умѣя объяснить себѣ откуда взялась она. Одно изъ подобныхъ углубленій, или одна изъ этого-рода долинъ, которая весьма замѣчательна какъ по своей величинѣ, такъ и въ геологическомъ отношеніи, называется *Кара-Сай*, и простирается на 60 верстъ отъ С. къ Ю., между песчаной равниной *Кашелàка* и песками *Туссума*, къ Западу отъ верховьевъ *Тургая*. Эта долина глубока и состоитъ изъ рядовъ большихъ, воронкообразныхъ проваловъ, имѣющихъ большую-или-меньшую связь между собою, бока которыхъ размыты водою, округлены и часто имѣютъ до 100 футовъ высоты. Большею-частью безлѣсные, но всегда влажные отклоны ея, состоятъ изъ желтоватой или красноватой, тѣстообразной, вспученной соленосной глины, глинистаго мергеля и плитъ твердаго песчаника. На днѣ тянется длинный рядъ соляныхъ озеръ и солончаковъ, а въ мягкой почвѣ повсюду лежатъ обломки и иногда довольно хорошо сохранившіеся экземпляры морскихъ раковинъ, принадлежащихъ преимущественно къ родамъ *Turritella* и *Cardium*, и также весьма правильные кристаллы гипса.

— Д. Ч. О. Полковникъ *Болотовъ* представилъ новый нивелирный инструментъ, изобрѣтенный въ Вѣнѣ механикомъ Штамферомъ, и объяснилъ важныя преимущества его предъ другими такоже рода инструментами, употребляющимися при геодезическихъ съемкахъ. Записка объ этомъ г. Болотова помѣщена въ отдѣлѣ Смѣси настоящаго выпуска Г. И.

— Избраны въ Дѣйствительные Члены Р. Г. О.: *В. В. Адеркасъ*, *В. В. Апраксинъ* и *А. Д. Философовъ*.

13 октября. — Присутствовало 62 Члена.

— Д. Ч. О. Капитанъ *Максимовъ* прочелъ составленный имъ «Полный обзоръ тригонометрическихъ работъ въ Россіи, произведенныхъ разными Вѣдомствами». Изъ статьи этой Общество

усмотрѣло съ живымъ участіемъ, что произведенныя въ нашемъ Отечествѣ тригонометрическія работы, по огромности снятаго пространства, числу опредѣленныхъ мѣстъ и точности выводовъ, не только стоятъ на одной степени съ лучшими такоже-рода работами въ Западной Европѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и превосходятъ ихъ. Статья будетъ напечатана въ Запискахъ Общества.

Советъ Р. Г. О., послѣ Общаго Собранія въ маѣ мѣсяцѣ, имѣлъ четыре засѣданія: 28 іюня, 23 августа, 29 сентября и 28 октября.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭКСПЕДИЦІИ.

— ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ Г. КАСТРЕНА ПО ЗАПАДНОЙ-СИБИРИ. — Огромное пространство Сѣверо-Восточной Азіи, составляющее наши За-Уральскія владѣнія, было, какъ извѣстно, еще съ прошлаго столѣтія, поприщемъ многихъ ученыхъ путешествій и цѣлыхъ экспедицій, предпринятыхъ съ цѣлю изслѣдованія и описанія этого края какъ въ-отношеніи къ географіи и естествознанію, такъ и по-части исторіи и этнографіи. Большой запасъ свѣдѣній, сверхъ-того, сообщенъ былъ о немъ, преимущественно въ настоящемъ столѣтіи, самими образованными Сибиряками, или проживавшими долго въ Сибири, по обязанностямъ службы, разнаго рода чиновниками. При всемъ этомъ, Сибирь, главнымъ образомъ по обширности своей, продолжаетъ оставаться доселѣ страной сравнительно малоизслѣдованною и малоизвѣстною. Съ-другой-стороны, наука постоянно движется впередъ, обнаруживаетъ новыя требованія, совершенствуетъ методы и средства своихъ наблюденій: является потребность переслѣдовать произведенныя прежде изслѣдованія, провѣрить полученные результаты, дополнить пропуски, произвести новыя розысканія съ неизвѣстными прежде цѣлями. Вполнѣ убѣжденная въ этомъ, С.-Петербургская Императорская Академія Наукъ, заботливости которой одолжены мы бѣльшею-частію ученыхъ путешествій и экспедицій совершенныхъ по Сибири, не упускаетъ никакого случая къ расширенію нашихъ свѣдѣній объ этой части Русскаго міра: не успѣвъ еще возвратиться изъ путешествія своего отправленный ею къ берегамъ Ледовитаго и Охотскаго морей, для изслѣдованій по части естественныхъ наукъ, г. *Миддендорфъ* (Д. Ч. О.), какъ, въ началѣ 1844 года, опредѣлила она послать въ Западную-Сибирь, для изысканій и наблюденій этнографическихъ, другаго путешественника, г. *Кастрена*.

Выборъ Академіи палъ въ этомъ случаѣ на человѣка вполнѣ способнаго исполнить возложенное на него дѣло и приготовленнаго къ тому какъ нельзя лучше. Уроженецъ Сѣверной-Финляндіи, г. *Кастренъ* получилъ окончательное образованіе въ Александровскомъ-Университетѣ въ

Гельсингфорсъ, гдѣ занимался наиболѣе древними Классическими и отчасти Восточными Языками; окончивъ курсъ въ 1836 году, со степенью Магистра Философіи, онъ продолжалъ-было сначала изученіе послѣднихъ; но потомъ предметомъ любознательности его сдѣлались преимущественно нарѣчія, древности и миѳологія народовъ Финскаго племени, для изученія чего и предпринималъ онъ въ 1838 году ученое путешествіе по Финляндіи и Лапландіи. Защитивъ въ слѣдующемъ 1839 году диссертацию: «*De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Laponica*» (О сродствѣ склоненій въ языкахъ Финскомъ, Эстонскомъ и Лапландскомъ), назначенъ онъ былъ при означенномъ Университетѣ Доцентомъ Сѣверныхъ Языковъ. Послѣ нѣсколькихъ ученыхъ статей, помѣщенныхъ затѣмъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Финляндіи, въ 1841 году издалъ онъ прекрасный метрическій переводъ на Шведскій языкъ извѣстнаго подъ именемъ «Калевалы» цикла древнѣйшихъ миѳическихъ пѣсень Финновъ, и въ томъ же году опять оставилъ Университетъ, чтобы вмѣстѣ съ собирателемъ и издателемъ «Калевалы», знаменитымъ Докторомъ Ленротомъ, отправиться въ новое странствованіе по Лапландіи. Исходивши принадлежащую къ Финляндіи часть Лапландіи, оба путешественника отправились потомъ въ Лапландію Русскую, и вдоль береговъ Бѣлаго-Моря прибыли въ Архангельскъ. Отсюда, Ленротъ, лѣтомъ 1842 года, вернулся, черезъ Олонецкую губернію, назадъ въ Финляндію, а Кастренъ, получивши отъ Александровскаго-Университета, во вниманіи къ литературнымъ трудамъ его и доказаннымъ на дѣлѣ способностямъ, денежное пособіе для продолженія изысканій своихъ въ-теченіе двухъ лѣтъ, отправился моремъ къ Поною, чтобы посѣтить въ-теченіе лѣта неосмотрѣнный еще имъ дотолѣ восточный берегъ Бѣлаго-Моря. Но, прежде-чѣмъ могъ онъ высадиться у Поноя, буря загнала судно его опять на Архангельскіе берега, гдѣ протрадавъ сильною лихорадкою въ одной изъ Русскихъ деревень, онъ долженъ былъ отказаться отъ прежняго плана, и возвратиться въ Архангельскъ. Здѣсь, и въ окрестностяхъ этого города, прожилъ онъ до зимы, занимаясь преимущественно изученіемъ Самоѣдскаго языка; а тамъ пробрался чрезъ земли, обитаемыя Самоѣдами, до Пустозерска, и въ мартѣ 1843 отправился въ Усть-Цылемскъ и Ижемскъ для изученія тамошняго Зырянскаго нарѣчія. Въ-продолженіе пребыванія своего тутъ, обработалъ онъ свою «Зырянскую Граматику» (*Elementa Grammatices Zyrgaense*), напечатанную въ слѣдующемъ году въ Гельсингфорсѣ, и трактатъ «*Vom Einflusse des Accents in der lappländischen Sprachen*» (О вліяніи ударенія въ Лапландскихъ Языкахъ), который послалъ въ С.-Петербургскую Академію Наукъ (напечатавшую его въ «*Mémoires présentés à l'Académie Imp. des Sciences de St.-Petersbourg, par divers savants*», t. VI). Достоинство этого-послѣдняго труда указало въ

немъ Академіи именно такого человѣка, какой нуженъ былъ для давно предположенныхъ ею этнографическихъ изслѣдованій въ Сибири. Въ-слѣдствіе этого, и такъ-какъ срокъ обязательствъ г. Кастрена съ Александровскимъ Университетомъ уже истекъ, то, по предположенію г. Академика Шёгрена, въ засѣданіи 12 января 1844 года, избранъ онъ былъ для означенной цѣли, съ опредѣленіемъ ему на содержаніе, въ-теченіе трехъ лѣтъ, 3,000 р. сер. назначенныхъ на сей предметъ отъ Правительства еще въ 1842 году. Въ-стѣ-съ-тѣмъ начертана была для г. Кастрена общая инструкція, составленная г. Шёгренемъ, и сообщены дополненія къ ней отъ г. Академика Кеппена (то и другое напечатано въ Академическомъ «Bulletin de la classe historico-philologique», t. I.).

Главною задачею путешествія, въ связи съ прежними занятіями г. Кастрена, поставлялось основательное лингвистическо-этнографическое изученіе Самоѣдскаго и потомъ Остяцкаго племени на пространствѣ отъ Урала до Енисея, и изслѣдованіе остатковъ того и другаго даже въ южной части Восточной-Сибири. Для этого путешественнику поручалось ознакомиться какъ-можно ближе съ многочисленными языками и нарѣчіями обоихъ племенъ, проникая въ тоже время въ ихъ природу, нравы и бытъ, и стараясь собрать у нихъ все, что можетъ служить къ объясненію круга свѣдѣній, религіозныхъ понятій и преданій, а также и историческаго прошлаго этихъ разорванныхъ звеньевъ одного великаго цѣлаго. Въ-стѣ-съ-тѣмъ г. Кастренъ не долженъ былъ оставлять безъ вниманія и важнѣйшихъ физическихъ особенностей тѣхъ малоизвѣстныхъ краевъ, которые надлежало ему посѣтить. Но едва эти инструкціи успѣли дойти до нашего путешественника, какъ получены были отъ него изъ Обдорска весьма печальныя вѣсти: онъ писалъ, что, въ-слѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, по которымъ, прежде чѣмъ удалось ему перебраться черезъ Уралъ въ Обдорскъ, пришлось провести цѣлый мѣсяцъ, сопровождаемый всевозможными лишеніями бивачной жизни, у подошвы Урала при истокахъ рѣки Усы, подвергся онъ сильной хронической болѣзни, и что не только для поправленія здоровья, но даже для спасенія самой жизни, единственнымъ средствомъ остается ему возвратиться на нѣкоторое время на родину. Это было причиною, что Академія, въ ожиданіи возвращенія его здоровья, нашла необходимымъ порученное ему путешествіе отложить на годъ. Въ-теченіе этого года, г. Кастренъ, хотя еще и несовершенно оправившійся, успѣлъ защитити въ Гельсингфорсѣ диссертацию на степень Доктора Философіи, напечатать свою «Зырянскую Грамматику» и обработать изданныя въ слѣдующемъ году въ Куопіо, уже въ отсутствіе его, «*Elementa Grammatices Tcheremissae*» (Основанія Черемисской Грамматики). Послѣ-того, съ наступленіемъ зимы отправился онъ въ Петербургъ, а въ началѣ марта 1845 былъ уже на пути въ Сибирь.

Первыя извѣстія получены были отъ него изъ **Тобольска**. Отсюда отправился онъ внизъ по Иртышу до впаденія его въ Обь, а потѣмъ вверхъ по Оби, поднялся до **Томска**, откуда перебрался на бассейнъ **Енисея**, и проплылъ имъ отъ **Енисейска** до **Толстаго-Носа**, между 71 и 72° С. Ш. Отсюда поднялся онъ снова по тойже рѣкѣ до **Минусинска** и послѣ экскурсіи въ **Саянскія-Горы**, опять вернулся въ **Красноярскъ**, откуда, черезъ **Иркутскъ**, поѣхалъ въ **Кяхту**, а изъ **Кяхты** продолжалъ путь до **Нерчинска**. Послѣднія письма, отъ 18 мая и 3 іюля 1848 года, получены были отъ него изъ **Нерчинска** и **Читы**, деревни на дорогѣ отъ туда къ **Иркутску**. Такимъ-образомъ, до-сихъ-поръ путешественникъ нашъ не только вполне изслѣдовалъ бассейны **Енисея** и **Верхней-Оби**, но и южную часть **Восточной-Сибири**. Вездѣ, гдѣ нужно было, останавливался онъ на долгое время, и жилъ посреди туземцевъ, преслѣдуя различныя цѣли своего путешествія съ ревностію, которой не могли охладить, ни усталость, ни лишенія, ни физическія страданія, которымъ онъ безпрестанно подвергался. Донесенія его Академіи и письма къ г. Академику **Шёгрёну** (писанныя на Нѣмецкомъ языкѣ и печатаемыя, по-мѣртвѣ полученія, въ Академическомъ «Бюллетенѣ») даютъ высокую идею о результатахъ, какихъ можно ожидать отъ его изслѣдованій и наблюдений. Замѣчательныя подробности о климатѣ, направленіи рѣкъ и другихъ естественныхъ особенностяхъ странъ, посѣщаемыхъ путешественникомъ, смѣняются безпрестанно то живыми картинами нравовъ и быта ихъ населенія, то цѣнными замѣтками чисто лингвистическими. Предѣлы нашего изданія не позволяютъ намъ сдѣлать даже краткаго извлеченія изъ писемъ и донесеній г. **Кастрена**, полученныхъ въ-теченіе трехъ-лѣтняго его путешествія; потому, чтобы познакомить нашихъ читателей съ этимъ важнымъ подвигомъ, совершаемымъ на пользу **Науки**, мы можемъ дать мѣсто въ нашихъ листкахъ только какимъ-либо изъ послѣднихъ сообщеній г. **Кастрена**. Избираемъ: предпоследній отчетъ его Академіи и два послѣднія письма къ г. **Шёгрёну**.

I.

«Среди песчаной степи, обставленной вокругъ голыми холмами, на одномъ изъ рукавовъ **Енисея**, въ который вливается небольшая рѣчка **Минуса**, лежитъ городъ **Минусинскъ**. Городъ этотъ имѣетъ тотъже самый сельскій видъ, какой имѣлъ во время **Степанова** (автора извѣстнаго «Описанія **Енисейской Губерніи**»). Лучшимъ украшеніемъ ему служитъ множество цвѣтовъ, которые видишь всюду: на рынкѣ, по улицамъ, и наконецъ на крышахъ многихъ домовъ. Публичныхъ строеній почти вовсе нѣтъ, и городъ состоитъ болѣею-частію изъ жалкихъ домишковъ, построенныхъ въ полу-татарскомъ вкусѣ: съ

низкими стѣнами и высокими кровлями; въ этѣхъ хижинахъ, за исключеніемъ небольшого числа чиновниковъ и купцовъ, живутъ лишь небогатые мѣщане, которые, и по промысламъ, и по образованію, ничѣмъ не рознятся отъ крестьянъ. Самое лучшее въ *Минусинскѣ* то, что въ хорошій и ясный день, отсюда, даже невооруженнымъ глазомъ, можно видѣть покрытыя снѣгомъ вершины *Саянскихъ-Горъ*. *

«Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже города вливается слѣва въ *Енисей* значительная рѣка *Абаканъ*. По обѣимъ сторонамъ ея кочуютъ многочисленные Татарскія семьи, а при самомъ устьѣ находится улусъ, гдѣ, между значительнаго числа берестяныхъ палатокъ, красуется пристойный домикъ — «дума» Качинскаго Татарскаго Начальника. Любитель красотъ природы охотно согласился - бы со мной промѣнять городъ *Минусинскъ* на этотъ улусъ, тѣмъ-болѣе что въ помянутой «думѣ» можно найти тихій и мирный пріютъ, какъ-бы нарочно приспособленный для ученыхъ занятій. Весною прошлаго года, цѣлыя три недѣли провелъ я здѣсь, занимаясь изслѣдованіями языка, обычаевъ и вѣрованій мѣстныхъ Татаръ, что также входитъ въ число цѣлей моего ученаго путешествія. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ старался я въ это время возстановить подѣ вліаніемъ весенняго солнца и силы мои, ослабленныя болѣзнію и усиленными занятіями.

«Укрѣпившись нѣсколько въ здоровьѣ, въ Духовъ-День выѣхалъ я изъ означеннаго улуса, и направилъ путь по лѣвому берегу *Абакана*, къ степи *Качинскихъ* и *Сагайскихъ* Татаръ. Тотчасъ по выѣздѣ, на противуположномъ берегу *Абакана* представилась мнѣ многочисленная толпа Татаръ, двигавшаяся у огня, разложеннаго при подошвѣ высокаго холма. Татары эти, по словамъ моего ямщика, были *Койбалы*, собравшіеся праздновать тризну по какомъ-то родственникѣ: это извѣстіе побудило меня пріостановиться поѣздкой, и переправясь чрезъ рѣку вмѣстѣ съ другими Татарами, посмотрѣть на Койбальское пиршество. Пока переезжали, я заставилъ моихъ спутниковъ рассказать мнѣ о погребальныхъ обрядахъ какъ *Койбаловъ*, такъ и прочихъ Татаръ, и вотъ что сообщили они.

«Въ случаѣ смерти кого-либо изъ собратій, Татары отправляются обыкновенно многочисленною толпою копать могилу для усопшаго: каждый изъ нихъ считаетъ священнѣйшею обязанностію оказать покойному эту услугу; одни только родные его не принимаютъ въ ней никакого участія. Нынѣшніе Татары погребаютъ умершихъ своихъ на возвышенныхъ мѣстахъ, наблюдая, чтобы на общихъ кладбищахъ

* Вотъ какое сохранилось между Татарами преданіе о происхожденіи названія «*Минуса*». Между двумя братьями древняго народа (*Чуди*) произошелъ споръ: кому изъ нихъ должны достаться нѣкоторыя земли, прилегающія къ этой рѣкѣ? Оба они, споря, произнесли: «*минъ-уса, минъ-уса!*» слова, означающія, какъ думаютъ, на Чудскомъ языкѣ: «*мой участокъ!*» и которыя, въ такомъ случаѣ, были-бы тождественны съ Финскими: «*минунъ оса!*»

всѣ могильныя насыпи были располагаемы по одному направленію съ Востока на Западъ. Могилы роются въ длину отъ 2 до 4 аршинъ, и рѣдко болѣе 1 аршина въ глубину. Для пожилыхъ покойниковъ устраиваютъ въ могилѣ родъ деревяннаго гроба; шамановъ-же кладутъ обыкновенно прямо въ голую землю; а дѣтей обвертываютъ берестою *. Вообще покойниковъ завертываютъ въ шелковыя или другія хорошія матеріи, и одѣваютъ въ лучшія ихъ платья. По нынѣшнему обыкновенію, умершихъ опускаютъ въ землю въ лежачемъ положеніи, наблюдая, чтобъ лицо было обращено вверхъ, а глаза на Востокъ. Каждого покойника, за немногими исключеніями, погребаютъ въ особой могилѣ. Въ ноги усопшему кладется сѣдло и ставится запасъ водки, сыру, говядины, масла и т. п., какъ будто-бы покойный снаряжался въ дорогу. Могила обыкновенно наполняется землей, а надъ нею насыпается холмъ, вышиною отъ 1 до 2 футовъ; послѣдній покрывается камнемъ, и имѣетъ такуюже продолговатую форму, какъ и самая могила. Когда покойника описаннымъ образомъ предадутъ землѣ, то присутствовавшими на погребеніи, состоящими бѣльшею-частью изъ родныхъ, устраивается потѣмъ на самой могилѣ его пиршество, на которомъ не жалѣютъ ни айрана, ни другихъ припасовъ: оно совершается обыкновенно чрезъ три дня по кончинѣ усопшаго. Тоже самое, въ воспоминаіе покойнаго, повторяется со-стороны родственниковъ и въ двадцатый день. Въ сороковой-же день убиваютъ при такомъ пиршествѣ, на могилѣ покойнаго, его любимую лошадь, которой съ самаго дня смерти владѣльца дается свобода; мясо ея приэтомъ съѣдаютъ, а голову втыкаютъ на колъ, который утверждаютъ въ одной изъ оконечностей могильной насыпи. Наконецъ, по истеченіи ста дней, совершается еще разъ подобное же празднество въ память усопшаго. То, на которое собрались *Койбалы*, къ коимъ я отправился, относилось къ числу послѣднихъ.

«Гостей было человекъ до сорока; они привезли съ собою айранъ, вареное и жареное мясо, сыръ, молоко, масло и другое съѣдобное. Бѣльшая-часть этихъ запасовъ была истреблена еще до моего прибытія, и многіе изъ гостей, успѣвъ охмѣлѣть, валялись уже по полю. Тѣ, которые были еще въ состояніи держаться на ногахъ, курили изъ своихъ трубокъ, мрачно потряхивая по-временамъ пустыя чашки изъ-подъ айрана. У одной изъ могилъ, послѣдней въ ряду, сидѣло, съ правой стороны могильной насыпи, нѣсколько женщинъ, которыя попеременно ѣли, пили, курили, плакали и пѣли заупокойныя пѣсни. Одна изъ нихъ, явно вдова покойнаго, припоминая свои прежнія обязанности, положила на могиль-

* Многіе Татарскіе, Самоѣдскіе и Финскіе народы, привѣшиваютъ своихъ покойниковъ, въ-особенности дѣтей, къ вѣтвямъ деревьевъ: для этого употребляется преимущественно лиственница, которой бѣльшая-часть этихъ народовъ приносить жертвы и вообще оказываетъ всякое поклоненіе.

ную насыпь нѣсколько ломтей жиру, и потѣмъ полила ихъ айраномъ изъ большой чаши. Противу ней, съ лѣвой стороны могилы, сидѣла отдѣльно согбенная лѣтами женщина, съ палкою въ рукахъ; лицо у нея было впалое, руки изсохшія, глаза мутные и всѣ члены тряслись; на ней надѣтъ былъ родъ плаща, сшитый изъ довольно толстой поношенной ткани, чернаго цвѣта. Это была мать покойнаго, семидесятилѣтняя старуха, лишившаяся въ покойникѣ тридцатилѣтняго сына, единственной своей опоры. Неудивительно, что она сидѣла поодаль отъ другихъ, и отъ печали не могла ни ѣсть, ни пить съ ними. Съ воплями била она клюкой своей по могильной насыпи, взывая къ усопшему: какъ не жаль было ему оставить на свѣтѣ престарѣлую и беззащитную мать свою? Время-отъ-времени простирала она руки, и обнимая ими пустой воздухъ, дико завывала; потомъ вдругъ безчувственно рухнула на землю. Признаюсь, я подумалъ, что бѣдняжка испустила послѣдній вздохъ горести, и даже радъ былъ тому отчасти — какъ вдругъ она поднялась, опять начала обнимать насыпь, хвататься за могильный камень, и казалось силою хотѣла вырвать сына изъ объятій земли. Въ одномъ только дикомъ состояніи отчаянія успокоивалась на-время покинутая мать, пока наконецъ одинъ молодой Татаринъ не сжался надъ нею и, посадивъ въ свою тѣлегу, не увезъ прочь. Долго еще послѣ того степное эхо вторило рыданіямъ безутѣшной матери.

« Когда гости одинъ-за-другимъ начали оставлять похоронное празднество, и я отправился къ моему экипажу. Это было дрянная Татарская тѣлега, устроенная такъ дурно, что нельзя было смотрѣть по сторонамъ, а оставалось только глядѣть себѣ подъ-нось. Сидя въ такомъ положеніи, на обширномъ пространствѣ ровной, зеленѣющей поверхности степи, не замѣтилъ я никакихъ возвышенностей; не было видно ни холма, ни куста, ни камня; самые травяные стебельки казалось боялись выставиться одинъ выше другаго. Все пространство степи похоже было на чистый, тщательно выровненный дворъ, на гладкой поверхности котораго никакой, даже малѣйшій предметъ не могъ укрыться отъ глаза. На горизонтѣ рисовались только: то группа старинныхъ могильныхъ насыпей, обложенныхъ камнями, то освѣщенная въ отдаленіи лучами солнца Татарская деревня, или улусъ, изъ нѣсколькихъ берестяныхъ палатокъ, вокругъ которыхъ паслись многочисленные табуны дикихъ и домашнихъ коней, рогатый скотъ, овцы и козы. Особую движущуюся группу составляла каждая порода животныхъ; лошади, сверхъ-того, раздѣлялись еще на табуны (изъ коихъ въ каждомъ заключается обыкновенно отъ 30 до 70 кобылицъ, при одномъ жеребцѣ). Пастухи и пастушки разъѣзжали по степи, наблюдая каждый за порядкомъ въ своемъ отдѣлѣ стада.

« Небольшаго труда стоило мнѣ подмѣтить все это изъ глубокаго кузова моего экипажа. Каждый разъ какъ я выѣзалъ изъ него, по правую и по лѣвую сторону степной дороги представлялось глазамъ моимъ

множество возвышенностей и кургановъ. Они, какъ и самая степь, были голы и безлѣсны. Но на лѣвомъ, плоскомъ берегу *Абакана* и на многочисленныхъ островахъ, образуемыхъ его теченіемъ, кое-гдѣ возвышаются рощицы изъ проскурняка, березы, ивы, лиственницы и тому подобныхъ деревьевъ. Обработанныхъ полей не было нигдѣ, потому-что Русскіе, въ-слѣдствіе безплодія почвы, не хотятъ селиться по *Абакану*, а *Качинскіе* Татары всѣ безъ-изъятія ведутъ жизнь пастушескую. Они самые богатые изъ всѣхъ *Минусинскихъ* Татаръ. «У нихъ» — говорилъ мнѣ одинъ бѣдный *Койбалъ* — «круглый годъ не выводится ни айранъ, ни кумысъ, и скоть, какъ муравьи, кишитъ вокругъ ихъ палатокъ.» Справедливость сказаннаго была замѣчена мною еще въ первый день моего путешествія, когда я, случайно заѣхавъ къ одному Татарину, услышалъ отъ него, что онъ былъ владѣлецъ 6,000 лошадей, 2,000 головъ рогатаго скота и 1,000 козъ и овецъ; да сверхъ-того имѣлъ наличный денежный капиталъ въ нѣсколько сотъ-тысячъ рублей.

«Несмотря на то, что Татаринъ этотъ былъ миллионеръ, образомъ жизни своей онъ нисколько не отличался отъ своихъ собратій; даже самое сѣдло его, по принятому между Татарами обыкновенію, не имѣло никакихъ блестящихъ украшеній. Будучи христіаниномъ, онъ не ѣлъ лошадиного мяса, не пилъ кумыса, и одинъ только айранъ былъ для него вмѣстѣ и любимымъ напиткомъ и универсальнымъ лекарствомъ противу всѣхъ болѣзней. Когда посѣтилъ я его, онъ тотчасъ же надѣлъ шелковую рубашку и бархатный кафтанъ на соболемъ мѣху; но послѣ того, какъ мы познакомились поближе, дорогой кафтанъ былъ замѣненъ старымъ тулупомъ изъ козлиныхъ кожъ. Кибитка его была особеннаго рода, отличавшаяся отъ другихъ своею круглою формою и похожею на куполь кровлею. Минусинскіе Татары строятъ также кибитки свои въ видѣ кеглей: такія кибитки совершенно похожи на вежи горныхъ Лопарей, и на чумы Самоѣдовъ; въ нихъ, впрочемъ, живутъ только бѣдныя семьи. Шалаши этого рода, по всему вѣроятію, перешли къ Татарамъ отъ древнѣйшихъ обитателей страны. Устройство тѣхъ и другихъ впрочемъ совершенно одинаково. Полонъ служить голая земля; дымъ пропущается отверстіемъ въ кровль, замѣняющимъ трубу; очагъ дѣлается изъ нѣсколькихъ камней, сложенныхъ крестообразно и всегда по-среди нѣ палатки. Дверь устраивается на Востокъ, а противъ нея непременно ставится диванъ изъ войлочныхъ ковровъ, служащій постелью для хозяина и хозяйки. При входѣ въ кибитку, на правой сторонѣ видишь отдѣленіе для женщинъ, а на лѣвой — для мужчинъ. Вокругъ стѣнъ тянутся полки, на мужской половинѣ занятыя ящиками, а на женской — котлами, сковородами, самоварами и разнаго рода домашнимъ скарбомъ.

«Обращаясь опять къ нашему миллионеру-Татарину, мы должны сказать, что онъ былъ необыкновенно счастливъ въ выборѣ жены: она,

кромѣ-того что молода, хороша и совершенно предана своему мужу, еще и великая мастерица готовить айранъ. Когда я спросилъ Татарина, гдѣ онъ нашелъ такой идеалъ всѣхъ совершенствъ, онъ отвѣчалъ мнѣ Татарскою пословицей: «Увидишь вкусную дичь — бей сейчасъ; повстрѣчаешься съ хорошенькой дѣвушкой — бери заразъ!» Эта пословица, по всему вѣроятію, произошла въ то время, когда Татары руководствовались однимъ и тѣмъ же правиломъ и на охотѣ, и при выборѣ невѣсты, то-есть когда не признавали никакого права, кромѣ права сильного. Обыкновенія эти и нынѣ еще свято соблюдаются бѣдными Татарами, хотя пріобрѣтеніе жены такимъ-образомъ, въ настоящее время, почитается кражей. Само-собой разумѣется, что миллионеръ-Татаринъ, не слѣдовалъ буквально своей пословицѣ, которая, по-видимому, такъ ему нравилась. Напротивъ-того, по рассказамъ его, онъ цѣлые два года ухаживалъ за своею молодою женою, трижды въ годъ посѣщая ея родственниковъ, и даря ихъ айраномъ, масломъ, мясомъ, сыромъ, хорошими лошадьми, дорогими тканями, словомъ всѣмъ, что составляетъ «утренній подарокъ». Подарокъ этотъ, по существующимъ нынѣ понятіямъ Татаръ, составляетъ важную статью въ ихъ законахъ о бракѣ. Его не требуется въ такомъ только случаѣ, когда въ замужство выходитъ вдова или женщина сбѣжавшая отъ мужа, или прогнанная имъ. При вступленіи въ бракъ, Татары наблюдаютъ также правило, чтобы мужчина не женился на женщинѣ изъ одного съ нимъ поколѣнія, какъ-бы далека ни была между ними родственная связь. Напротивъ-того бракъ допускается даже между близкими родственниками, лишь-бы только брачащіеся принадлежали къ разнымъ поколѣніямъ. Такимъ-образомъ и нашъ хозяинъ взялъ въ замужество родную племянницу, дочь сестры своей, поступивъ въ этомъ случаѣ по татарской своей совѣсти.

«Нарушеніе въ настоящемъ случаѣ закона Моисеева имѣло слѣдствіемъ, что избранный недавно въ Старшины потребовалъ у нашего хозяина сотни быковъ, какъ пѣни за его преступленіе. Такое требованіе заставило моего Татарина стать во главѣ интриги, имѣвшей цѣлію лишить новаго Начальника его должности. Въ надеждѣ, что я могу дать ему въ этомъ совѣтъ и оказать помощь, онъ пригласилъ къ себѣ изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ всѣхъ Князьковъ и извѣстныхъ своимъ вліяніемъ людей. Устроено было это безъ моего согласія, ночью, когда я спалъ глубокимъ сномъ. Утромъ, при пробужденіи, я тотчасъ замѣтилъ, что готовится пиршество: кололи барановъ, варили яйца, пекли хлѣбы, готовили сыръ и наполняли молокомъ большіе горшки. Огромной величины желѣзный котелъ налили кислымъ молокомъ и поставили на огонь, закрывъ деревянною крышкою. Последняя состояла изъ двухъ частей и имѣла на краю отверстіе. Черезъ это отверстіе была проведена въ котелъ дугообразная деревянная труба, упи-

равшаяся другимъ концомъ въ желѣзную бочку, вставленную въ ушатъ, наполненный теплою водою. Всѣ щели на крышкѣ котла и на трубахъ были тщательно замазаны глиной. Какъ-скоро влитое въ котелъ молоко начало кипѣть, чрезъ деревянную трубу въ желѣзную бочку побѣжалъ нектаро-подобный айранъ. Осадокъ отъ кислаго молока, оставшійся въ котлѣ, превратился въ сыръ *.

«Затѣи этѣ не были еще окончены, какъ собрались приглашенные гости, всего человѣкъ двадцать. Вошедши въ кибитку, усѣлись они вокругъ очага, сложили крестообразно руки и ноги, и въ таинственномъ молчаніи закурили трубки. На человѣка непривычнаго могли-бы навести страхъ взгляды этихъ Татаръ, столь же мрачные, какъ цвѣтъ ихъ лица, волосъ и одежды; что касается до меня, я только съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что предприметъ этотъ совѣтъ. Между-тѣмъ солнце возшло уже высоко надъ горизонтомъ, такъ-что лучи его стали проникать сквозь дымъ внутрь кибитки, и угрюмыя лица Татаръ просвѣтлѣли. Вскорѣ затѣмъ былъ снятъ съ огня котелъ съ айраномъ, который разлили въ бутылки, а хозяинъ вынулъ изъ шкафа старомодный, весьма вмѣстительный серебряный бокалъ. Приэтомъ, въ молчаливомъ доселѣ собраніи, обнаружилось движеніе: стали высыпать пепелъ изъ трубокъ, кашлять, поправлять огонь; каждый желалъ обратить на себя вниманіе и быть замѣченнымъ. Серебряный кубокъ началъ постепенно описывать круговую, а съ-тѣмъ-вмѣстѣ и бутылки опоражнивались одна-за-другою. Непосредственно за виномъ поданы были жирныя части баранины, крѣпкій сыръ и яйца уваренныя до твердости камня. Тутъ только можно было убѣдиться, что молчаливые гости обладаютъ человѣческимъ голосомъ; со-всѣмъ-тѣмъ, какъ бѣольшая часть ихъ была княжескаго рода, то они хранили свое достоинство и наслаждались айраномъ съ умѣренностію; то-есть пили не болѣе той пропорціи, какую кто по своей натурѣ могъ перенести.

«Когда обѣдъ, постоянно составляющій первый актъ во всякомъ Татарскомъ предпріятіи, былъ потребленъ со всею подобающею чинностію, гости, для предварительнаго совѣщанія, вышли вонъ изъ кибитки. Меня, между-тѣмъ, оставили въ ней за столомъ, обремененнымъ сыромъ, яйцами и другими кушаньями. Чрезъ нѣсколько времени, нѣкоторые изъ совѣщавшихся возвратились въ палатку и начали жаловаться на разныя несправедливости и притѣсненія, которыя дѣлаются какъ имъ самимъ, такъ и многимъ другимъ изъ ихъ поколѣнія. Затѣмъ начали они приискивать средства, какъ-бы сбыть съ рукъ своего Старшину. Они хотѣли выбрать меня ходатаемъ за нихъ въ этомъ дѣлѣ, давая мнѣ даже подъ рукою замѣтить, что старанія мои не будутъ съ ихъ стороны

* *Айранъ и кумысъ* приготовляются совершенно одинаковымъ образомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что первый выдѣлывается изъ кобыльаго, а послѣдній изъ коровьяго молока.

оставлены безъ возмездія: за адвокатство мое, если только я хорошо понялъ сдѣланный намекъ, предлагали мнѣ пару лошадей. Съ-своей стороны, Старшина, противъ котораго составлялась кабала, за нѣсколь-ко дней передъ тѣмъ также просилъ моей помощи въ этомъ дѣлѣ, объ-щая въ вознагражденіе снабдить меня казанскою кибиткой. Такимъ-обра-зомъ мнѣ представлялся самый легкій способъ пріобрѣсти и лошадей и экипажъ. Я однакоже отказался отъ всѣхъ предложеній, какъ незнающій тамошнихъ обычаевъ, и отправился въ дальнѣйшій путь на наемныхъ ло-шадяхъ и въ чужой телѣгѣ.

«Былъ уже полдень, когда я простился съ Татарскими аристократа-ми, и направилъ путь мой опять въ степь. Солнце пекло какъ въ кани-кулы, и термометръ показывалъ $+27^{\circ}$, несмотря на то, что на Саян-скихъ вершинахъ лежали еще огромныя глыбы снѣгу. Въ атмосферѣ плавалъ густой туманъ, происходившій вѣроятно отъ лежавшаго на го-рахъ снѣга; Татары-же увѣряли меня, что удушливость въ воздухѣ про-исходитъ не отъ чего инаго какъ отъ клича кукушки. Родъ пикульника (Iris) покрывалъ мѣстами ровную поверхность степи, и густые кусты его производили при ѣздѣ по нимъ пренепріятную тряску. Часто также встрѣчалъ я Татаръ, которые, напившись айрана, потѣли подъ своими тяжелыми бараньими тулупами, и молодыхъ дѣвушекъ, которыя, сидя на травѣ, занимались шитьемъ.

«Погруженнаго въ созерцаніе такого рода картинъ, меня вскорѣ до-гнали четыре Татарскіе Князька, несшіеся верхомъ на бѣгунахъ своихъ съ быстротою пущенной изъ лука стрѣлы. Эти всадники проѣхали ми-мо меня, не сказавъ ни слова; ямщикъ мой держался ихъ слѣда, и какъ тряска теперь беспокоила меня менѣе, то я и заключилъ, что они, видя изъ своихъ кибитокъ, что ямщикъ мой не умѣетъ выбирать дорогу чрезъ пикульникъ, выѣхали чтобы показать мнѣ путь. Во время проѣзда этихъ Князьковъ, я имѣлъ случай убѣдиться вновь въ справедливости сдѣланнаго мною прежде замѣчанія: что Татаринъ гораздо свободнѣе чувствуетъ себя когда сидитъ въ сѣдлѣ, нежели когда держится на собственныхъ но-гахъ. Походка его всегда тяжела и валка; но въ сѣдлѣ держится онъ такъ красиво, какъ будто для того собственно и родился. Трезвый и пьяный, въ бодрственномъ и дремотномъ состояніи, онъ внѣ всякой опасности, коль скоро ноги его въ стремяхъ. Это происходитъ частію отъ при-вычки, а частію и отъ дружескихъ отношеній, существующихъ между всадникомъ и его лошадыю. Почти каждый зажиточный Татаринъ имѣ-етъ любимую лошадь, которая для него дороже жены, и которую, вмѣ-сто-того-чтобы обходиться съ нею по-тирански, каждый день ласкаетъ онъ, холить и бережетъ какъ зеницу ока. Зато и лошадь бережетъ своего господина, когда впадаетъ онъ подчасъ въ какую слабость. Та-таре увѣряли меня единогласно, что хорошая верховая лошадь никогда не

оставить своего всадника; ежели-же это случается, то развѣ только тогда, когда всадникъ, слишкомъ пьяный, или заснувшій, свалится съ сѣдла. Многіе изъ Татаръ убѣждены даже, что верховая лошадь понимаетъ мысли, предположенія и намѣренія своего всадника, раздѣляетъ съ нимъ радость, заботы и горести. Въ старинныхъ героическихъ пѣсняхъ, лошадь представляется всегда вѣрною своему всаднику въ минуты опасности, и тогда когда всадникъ гибнетъ, гибнетъ съ нимъ и конь, вѣрный ему и при жизни и по смерти. Поэтому, Татары никогда не употребляютъ лошадей въ тяжелыя работы, и каждый всадникъ считаетъ коня своего лучшимъ своимъ другомъ и товарищемъ во всѣхъ трудахъ.

«Всадники, наведшіе мнѣ на эти замѣчанія, провожали меня верстъ десять, до небольшой рѣчки *Уйбата*. вмѣсто-того-чтобы переправиться черезъ эту рѣчку и продолжать путь обычною дорогою, повернуль я здѣсь направо и пустился отыскивать древнія надписи, которыя, по показанію Спасскаго (издателя бывшихъ «Сибирскаго» и «Азіатскаго» Вѣстниковъ), должны находиться на нѣкоторыхъ могильныхъ камняхъ, лежащихъ верстахъ въ 15 вверхъ отъ устья Уйбата. Я странствовалъ изъ улуса въ улусъ, спрашивалъ о нихъ стараго и малаго, но мнѣ никто не могъ указать ихъ. Въ-продолженіе этой археографической угонки солнце начало закатываться за горы, и я нашелся въ необходимости искать ночлега въ одномъ улусѣ, гдѣ проживали трое братьевъ, довольно богатыхъ, и множество бѣдныхъ семействъ. Означенные братья всѣ были женаты, и потому жили въ отдѣльныхъ кибиткахъ. По принятому между Татарами обычаю, всякая семья должна имѣть свое особенное жилище: женившійся сынъ тотчасъ-же оставляетъ родительскую кибитку; не было примѣра, чтобъ когда-нибудь женатые братья жили вмѣстѣ, а во времена многоженства, каждая жена имѣла особенную кибитку. Тѣмъ-не-менѣе, члены семейства живутъ въ большомъ согласіи, оставляютъ общее имущество нераздѣльнымъ, ѣдятъ всегда за однимъ столомъ, и держатъ одно хозяйство. Главное попеченіе о семействѣ обыкновенно имѣетъ отецъ; въ случаѣ-же смерти, мѣсто его заступаетъ старѣйшій изъ сыновей. Такъ и въ улусѣ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, старшій изъ братьевъ заступалъ мѣсто отца, и хотя онъ былъ всего 22 лѣтъ отъ роду, пользовался однакоже полнымъ уваженіемъ, подобающимъ патріарху, отъ всего семейства, въ-особенности-же со стороны женскаго пола. Въ присутствіи его, жены обоихъ братьевъ не смѣли показать носа изъ своего кухоннаго отдѣленія, и по одному мановенію его, всѣ женщины немедленно оставили кибитку. Свободнѣе чѣмъ другихъ было обращеніе хозяйки, шестнадцатилѣтняго ребенка, которая лежала на диванѣ за занавѣсомъ, дѣлала дѣтскія гримасы и бросала на меня лукавые взгляды. Лежа въ растяжку у очага, смотрѣлъ

я на эту мимику, пока не сгорѣло послѣднее полѣно и молодая дикарка не заснула близъ давно уже храпѣвшаго своего мужа.

«Вскорѣ затѣмъ и мои глаза началъ-было смыкать сонъ, какъ внезапный барабанный бой разогналъ мою дремоту. Въ тоже мгновеніе открылась дверь палатки и какой-то голосъ возвѣстилъ, что въ улусѣ есть умирающее дитя, которое помощію Шамана желаютъ возвратить къ жизни. Я изъявилъ-было желаніе присутствовать при колдовствѣ, но не былъ къ тому допущенъ; отъ вѣстника узналъ я однакожъ, что Шаманъ, въ обычномъ своемъ заклинательномъ нарядѣ *, уже бѣснуетъ вокругъ колыбели ребенка, бьетъ въ барабанъ и сзываетъ такимъ-образомъ подвластныхъ ему духовъ. Слышно было какъ онъ нѣсколько разъ выходилъ изъ кибитки, кружилъ по степи, и въ темнотѣ ночи (магическіе обряды такого рода у Татаръ никогда не совершаются днемъ) барабанилъ, свисталъ, кричалъ и вылъ какъ сумасшедшій. Испуганныя этимъ непріятнымъ крикомъ собаки тоже подняли сильный лай, скотъ принялся рычать, а табуны дикихъ коней бѣгать по степи съ такою силой, что отъ топота ихъ земля издавала звуки, похожіе на громъ. Эта отвратительная серенада началась въ сумерки, и длилась до самой полуночи.

«Въ намѣреніи продолжать отыскиванье помянутыхъ выше надписей, съ наступленіемъ разсвѣта я снова отправился въ степь, и на этотъ разъ, на нѣкоторыхъ надгробныхъ камняхъ дѣйствительно открылъ многія вырѣзанныя фигуры, но не тѣ, что изображены у Спасскаго. Послѣднихъ не могъ я отыскать: вѣроятно, насыпи, на которыхъ находились камни съ этими изображеніями, были разрыты, а вмѣстѣ-съ-тѣмъ и самые камни засыпаны землей. Чтобы снова вызвать ихъ на свѣтъ, надо было и времени и денегъ потратить болѣе, чѣмъ я имѣлъ на то охоты и возможности. Итакъ, я вернулся на протѣзжую дорогу и продолжалъ путь къ *Уибату*.

«Переправясь въ бродъ чрезъ эту небольшую рѣчку, я замѣтилъ, что степь начинаетъ возвышаться надъ уровнемъ *Абакана*, и чрезъ нѣсколько времени въѣхалъ на небольшую гору *Ю-Тагъ*, съ которой опять открылось обширное пространство степи. Изъ многихъ предметовъ, представившихся здѣсь моимъ глазамъ, стоить упомянуть объ одномъ улусѣ, отличавшемся отъ всѣхъ другихъ дотолѣ мною видѣнныхъ. Вмѣсто обычныхъ берестяныхъ шалашей были тамъ войлочные, и даже нѣсколько избушекъ, построенныхъ на Русскій ладъ, а также не мало загородей для скота, небольшіе анбары, значительные запасы скошеннаго сѣна, и т. д. Удивленный такою роскошью, сталъ я распахивать моего ямщика, и узналъ отъ него, что улусъ этотъ есть Татарское зимовище. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ

* Нарядъ этотъ состоитъ изъ остроконечной шапки, закрывающей глаза и большую часть лица, и длинной, широкой мантии съ висячими суковными, или выбойчатыми доскутьями, знаменующими духовъ *Айна*, всегда готовыхъ служить Шаманамъ.

разсказалъ онъ мнѣ, что *Качинскіе* Татары, обыкновенно, трижды въ годъ перемѣняютъ мѣста кочевки: весною, лѣтомъ и осенью. Богатѣйшіе изъ нихъ, владея огромными стадами, вынуждены бываютъ перемѣнять свои кочевья даже и лѣтомъ по нѣскольку разъ; бѣдныя же семейства, напротивъ, цѣлое лѣто проводятъ на одномъ мѣстѣ. Многіе не имѣютъ даже и особыхъ весеннихъ кочевьевъ, которыя впрочемъ мѣстностію своею ничѣмъ не отличаются отъ лѣтнихъ. Вообще, какъ для весеннихъ, такъ и для лѣтнихъ кочевьевъ избираются мѣста луговья, удобныя для пастбы скота; зимою-же Татары ищутъ помѣщенія болѣею-частію въ мѣстахъ обилующихъ лѣсомъ, по близости рѣкъ, или озеръ. Зимнее кочевье Татарина есть, такъ-сказать, родина его: здѣсь живетъ онъ въ избѣ или, по-крайней-мѣрѣ, въ войлочной кибиткѣ, здѣсь и луга его, а иногда и пашни; здѣсь строить онъ, какъ сказано выше, и анбары для запасовъ, и загороди для помѣщенія скота своего. Въ сихъ послѣднихъ скотъ кормится не цѣлую зиму, а лишь въ неблагопріятную погоду, когда степь покрыта черезъ-чуръ глубокимъ снѣгомъ. Держать въ нихъ коровъ, овецъ, козъ и ручныхъ лошадей; дикихъ-же лошадей никогда туда не загоняютъ; по ночамъ рогатый скотъ всегда запирается въ загороди для охраненія отъ хищныхъ звѣрей.

«Въ упомянутое зимнее кочевье прибылъ я вечеромъ, когда пастухи начали ужъ загонять скотъ въ загороди. Ночевалъ я у одного пожилаго Татарина; но заснуть не было никакой возможности, потому-что тамъ, гдѣ нѣсколько сотенъ коровъ, овецъ и козъ соберутся вмѣстѣ, подымается такая музыка, отъ которой, какъ говоритъ Вейнемойненъ, «лопаетъ въ ухѣ барабанная кожа, и сонъ на цѣлую недѣлю убѣгаетъ отъ глазъ». Къ-счастію, хозяинъ мой былъ изъ числа пѣсенниковъ и почти цѣлую ночь занималъ меня старинными сказаніями о богатыряхъ. Сказки эти поются собственно съ аккомпаниментомъ «кобызы» (извѣстный двухъ-струнный инструментъ, находящійся въ общемъ употребленіи у Татаръ); но какъ пѣвецъ при этомъ не покончилъ-бы и съ одною сказкою въ цѣлую ночь, то я упросилъ его, и онъ охотно согласился, передавать мнѣ содержаніе лучшихъ изъ его пѣсенъ въ краткихъ словахъ.

«Въ героическихъ пѣсняхъ Татарскихъ изображаются подвиги какого-либо славнаго витязя, который представляется побѣдителемъ людей и боговъ, и заключаются онѣ обыкновенно тѣмъ, что непобѣдимый герой завоевываетъ себѣ жену, съ которою и доживаетъ въ покоѣ до глубокой старости. Изъ сравненія Татарскихъ пѣсенъ съ Финскими и Самоѣдскими, открывается разительное сходство между ними, какъ въ составѣ цѣлаго, такъ и въ частностяхъ. Главною характеристическою чертою ихъ представляется колоссальность образовъ. Въ Финскихъ пѣсняхъ говорится о чудномъ богатствѣ природы въ серебрѣ и золотѣ; о деревьяхъ вершинами своими упирающихся въ небеса; о животныхъ исполинъ

скаго размѣра, для помѣщенія которыхъ нужна цѣлая страна или морская пучина; о мужахъ и герояхъ однимъ звукомъ голоса движущихъ моря, потрясающихъ землю и разрушающихъ горы. Все это, и многое другое въ такомъ же родѣ, встрѣчается почти слово-въ-слово и въ Татарскихъ пѣсняхъ, а въ нѣсколько болѣе грубой формѣ — и въ Самоѣдскихъ. Такое же сильное сродство обнаруживается и во внутренней жизни, которою поэтическія произведенія всѣхъ этихъ народовъ надѣляютъ безжизненные предметы, существующіе въ природѣ: всякая рыба и птица, каждый кустарникъ, камень, даже огородный столбъ, имѣетъ въ нихъ сердце и способенъ чувствовать радость и горе, удачу и потерю. Даже волшебные вымыслы у всѣхъ трехъ народовъ, представляютъ многія точки соприкосновенія. Въ этомъ отношеніи замѣтимъ, что сила магіи, то-есть «мудрость», и у Татаръ предпочитается силѣ меча. Чтобы воспользо-ваться совѣтомъ мудраго, Татарскія пѣсни часто заставляютъ героя странствовать въ отдаленныя земли, и непобѣдимые витязи ихъ часто побѣждаются, единственно силою «мудрости», даже отъ слабыхъ женщинъ. Можемъ прибавить, что и по понятіямъ Татаръ, «пѣсня есть высшее выраженіе мудрости»: нѣтъ, говорятъ они, ни одного предмета въ природѣ, который-бы могъ противиться силѣ пѣсни. Я слышалъ, какъ Татары съ благоговѣніемъ рассказывали о семи *Кудаяхъ*, которые, сидя на облакахъ, услаждаются слушаніемъ пѣсень, сопровождаемыхъ звуками кобыза: сами *Айна*, говорятъ они, до грудей поднимаются изъ земли, для того только, чтобы послушать звуковъ музыки и пѣсень, которыми плѣняются также и птицы воздушныя, и рыбы морскія, и звѣри земные, даже самыя скалы и горы. Нельзя не вспомнить приэтомъ о пѣвнѣ Вейнемойнена, когда онъ впервые коснулся струнъ новой арфы своей, выдѣланной изъ щучьихъ костей.

«Татарскія героическія пѣсни заключаютъ въ себѣ также данныя и для историческихъ выводовъ: можно замѣтить мимоходомъ, что почти во всѣхъ нихъ упоминается, что люди, то-есть *Татары*, сначала жили «на краю земли, у бѣлаго моря, подъ высокой горой». Но главнѣйше достойны онѣ вниманія по міеологической ихъ сторонѣ. Между прочимъ усматривается изъ нихъ, что Татары съ самыхъ древнихъ временъ поклонялись Высшему Богу, котораго называютъ *Кудай*, *Джіите-Кудай* (семь Кудаяевъ), *Тоогосъ-Кудай* (девять Кудаяевъ) и *Тоогосъ-Тъезнъ* (девять Тъезновъ). Тронъ *Кудая*, по понятіямъ ихъ, находится надъ облаками. Въ одной сказкѣ изображается онъ сидящимъ въ кибиткѣ за занавѣсомъ, и записывающимъ въ огромную книгу всѣхъ рождающихся и умирающихъ. *Кудая* много заботы о нашей планетѣ, управленіе которою предоставилъ онъ мужественнымъ Героямъ-Ханамъ, подчинивъ ихъ начальству *Улу-Кана* («Великаго-Хана»: такъ называютъ Татары Китайскаго Императора), непосредственнаго на землѣ исполнителя воли *Кудая*,

начертанной въ книгѣ огромнаго размѣра. Въ одномъ сказаніи объ этомъ Улу-Канъ говорится, что онъ рожденъ вмѣстѣ со свѣтомъ, и что на него не дѣйствуютъ ни болѣзни, ни смерть; возрасты-же его измѣняются сообразно съ лунными фазисами. По тому же сказанію, *Кудай* многимъ изъ Героевъ даровалъ безсмертіе, но они возгордились противъ него, и въ наказаніе зато всѣ превращены были имъ въ камни: каменные изображенія, которыхъ такое множество встрѣчается въ степяхъ *Саянскихъ*, были всѣ нѣкогда знаменитыми Героями или Героинями. Татарская мифологія признаетъ *Кудая* добрымъ началомъ; враждебные-же ему злые духи носятъ всѣ наименованіе *Айна*. Последніе обитаютъ подъ землей и состоятъ подъ властію главы своего, по имени *Ирле-Кана*; какъ Герои пользуются покровительствомъ *Кудая*, такъ Шаманы находятся въ хорошихъ отношеніяхъ съ *Ирле-Каномъ*, и имѣютъ на службѣ у себя множество *Айна*, которые являются къ нимъ во время заклинаній. *Айна*, по существу своему суть духи невидимые, но принимаютъ иногда образъ людей, змѣй, собакъ, птицъ, лисицъ, и т. д. Всѣ нашитые на шаманскомъ костюмѣ суковные лоскутки, колокольчики, бубенчики и погремушки, служатъ символами различныхъ *Айна*.

Въ древнія времена предметомъ поклоненія служили также высокія скалы, могильныя насыпи и вышеупомянутыя каменные изображенія. Первыя, въ ознаменованіе ихъ святости, были украшаемы извѣстными живописными, или изсѣченными фигурами. Рассказываютъ, что и нынѣ еще многія Татарскія поколѣнія собираются у подошвы «рописанной скалы», или вокругъ идола, изсѣченнаго изъ камня, торжествовать свои празднества. Изъ деревьевъ, Татары почитаютъ священной «лиственницу», которой и воздаютъ почести, подобно тому какъ Финны обожаютъ «рябину» (*Sorbus aucuparia*). Обще также этимъ и многимъ другимъ племенамъ обожаніе змѣй и медвѣдей. Изъ птицъ, между Татарами нѣкоторыя также почитаются священными, наибольшимъ-же уваженіемъ пользуется «лебедь.» Благоговѣніе къ этой птицѣ выражается у нихъ тѣмъ повсемѣстнымъ обычаемъ, что когда Татаринъ застрѣлитъ лебедя, то сейчасъ же отправляется съ своей добычей къ сосѣду, угощаетъ его айраномъ, и даритъ ему лебедя, за что сосѣдъ обязанъ отдарить лучшею своею лошадью: новый владѣлецъ лебедя, тотчасъ же, вслѣдъ-за-тѣмъ, отправляется къ своему ближайшему сосѣду, и производитъ съ нимъ такую же выгодную мѣну; и мѣна эта продолжается до тѣхъ поръ, пока лебедь, почти уже сгнившій, дойдетъ до послѣдней кибитки улуса, владѣлецъ которой, также пожертвовавъ за него лучшую изъ лошадей своихъ, вывѣшиваетъ священную птицу у себя.

«Не входя затѣмъ въ дальнѣйшія религіозныя мистеріи Татаръ, скажу, что, на утреннемъ холодкѣ, я снова отправился въ дальнѣйшій путь по степи. Татары впрягли въ тарантасъ мой четверню дикихъ лошадей,

которыя вихремъ помчались по степи. Два вершника, сидѣвшихъ на нихъ въ сѣдлахъ, какъ усиленно ни натягивали недоузки, не могли однакоже укротить ихъ дикости, и экипажъ мчался съ быстротою вихря. Хотя степь была ровная и гладкая, но при такой отчаянной скачкѣ легко могло сломаться колесо или ось, а на крутыхъ поворотахъ дороги ничего не стоило опрокинуться и подвергнуться гибели. Попадись на пути нашемъ курганъ, и для бранныхъ остатковъ моихъ не нужно было бы иной могилы. При этой мысли закрылъ я глаза, крѣпко ухватился за тарантасъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ чѣмъ окончится мое странствованіе. Какъ бѣшенныя пронеслись лошади съ одинаковою быстротою всю станцію, не слушаясь ни усилій своихъ вершниковъ, ни воинственныхъ криковъ и крупныхъ словъ ѣхавшихъ со мною казаковъ. Наконецъ остановились они сами-собою, и я, открывъ глаза, увидѣлъ себя на рѣкѣ *Аскысѣ*, составляющей границу между степей *Качинской* и *Сагайской*.

Близъ устья *Аскыса* торчало нѣсколько развалившихся домовъ, въ одномъ изъ коихъ помѣщалась канцелярія *Сагайской* Думы. Подобныхъ канцелярій, въ *Минусинскомъ* округѣ находится три: *Качинская*, *Койбалъская* и *Сагайская*. Каждую управляетъ особый Старшина, которому ввѣряется надзоръ за порядкомъ и предоставляется власть судить и наказывать за маловажные проступки: это тоже, что Голова въ Русской волости. При Старшинѣ находятся двое Засѣдатель и Писарь, или Письмоводитель, обязанный быть безотлучно при Канцеляріи. Кроме того, къ Татарскимъ чиновническимъ властямъ принадлежать: а) Князья, соответствующіе Русскимъ Старшинамъ, обязанные взыскивать подати и имѣть наблюденіе за порядкомъ въ своихъ улусахъ; б) Казначей, в) Оспопрививатель и г) неопредѣленное число Писарей по улусамъ. Лица избранныя въ эти должности, всѣ безъ изъятія должны быть природные Татары, кромѣ Писаря и Оспопрививателя, которые бываютъ изъ Русскихъ и одни только пользуются жалованьемъ. Всѣ эти чиновники избираются народомъ на неопредѣленное время. Наслѣдственна одна только должность Старшины; въ случаѣ же отрѣшенія его отъ должности, Татарамъ предоставляется самимъ избирать себѣ новаго. Каждая Дума имѣетъ въ вѣдѣніи своемъ по нѣскольку деревень, населенныхъ частію родственными, частію чуждыми другъ-другу родами.

«Важнѣйшіе роды, состоящіе въ подчиненіи *Сагайской* Думы, суть: *Сагай* и *Бельтиръ*; они почитаютъ себя коренными жителями этой страны, и говорятъ, что въ прежнія времена обитали близъ рѣкѣ *Абакана* и *Юса*. Затѣмъ остальные роды: *Томъ*, *Соръ*, *Кей*, *Кизиль-Кая*, *Карга*, *Коби* и *Таясъ* —прикочевали сюда въ позднѣйшее время изъ *Кузнецкаго* округа *Томской* губерніи. *Сагайскіе* Татары всѣ вообще полагаютъ себя чистыми Турками; но это, по многимъ основаніямъ, весьма можетъ быть подвержено сомнѣнію.

«Татаре, подвѣдомственные *Качинской* Думѣ, обитали прежде по рѣкѣ *Качь*, въ окрестностяхъ *Красноярска*, гдѣ и нынѣ еще находятся небольшіе остатки этого рода. Во время покоренія Сибири, *Качинскіе* Татаре (въ одномъ изъ старинныхъ официальныхъ актовъ они названы *Кайташинскими Татарами*) стояли за-одно съ Казаками, и помогши имъ изгнать одноплеменниковъ своихъ *Киргизовъ*, сдѣлались владѣльцами степи, называющейся теперь по ихъ имени. Эти Татаре, еще во время обитанія своего на *Качь*, присоединили и поглотили въ себѣ *Аринцовъ* *, племя родственное *Енисейскимъ Остякамъ*, и само-себя именующее *Ары*, а въ официальныхъ актахъ называющееся *Татищевскимъ - Улусомъ*. По переселеніи въ предѣлы *Минусинскаго* округа, *Качинцы* умножились еще чрезъ прикочеваніе къ нимъ многихъ *Киргизскихъ* семействъ и различнаго происхожденія родовъ, каковы *Тинъ*, *Джастекъ*, *Джаренъ*, *Джилтагъ*, *Сукарларъ* и *Тубаларъ*, или *Тубинцы*. Роды эти утверждаютъ о себѣ, что они древнѣйшіе жители страны; изъ нихъ *Тинъ*, *Джаренъ* и *Джилтагъ*, находились до послѣдняго времени въ вѣдѣніи *Койбальской* Думы. **

* До переселенія въ *Минусинскій* Округъ, *Аринцы* имѣли обыкновение разбивать свои палатки на одномъ изъ острововъ *Енисея* (*Татищевскомъ-Островѣ*); зимою-же жили, вмѣстѣ съ *Качинскими* Татарами, около горы *Кумтигей* у рѣки *Качи*. Ихъ поколѣніе, говорятъ, было прежде весьма многочисленно, но въ одной битвѣ съ завоевателями почти вовсе истреблено. О битвѣ этой сохранилось слѣдующее преданіе. Одинъ молодой *Аринецъ* увидавъ въ полѣ змѣю, разрубилъ ее на двѣ части, но убить не убилъ. Змѣя отправилась къ своему Змѣиному - Царю и принесла жалобу на *Аринца*. Змѣиный Царь разгнѣвался, созвалъ всѣхъ подвластныхъ себѣ малыхъ змѣй, и двинулся отмстить за нанесенное имъ оскорбленіе. Время было лѣтнее, и *Аринцы* по обыкновенію жили на своемъ островѣ. Достигши берега рѣки, напротивъ этого острова, змѣи стали кликать лодку. Одинъ престарѣлый *Аринецъ*, услышавъ крикъ, подумалъ, что его зовутъ люди и поспѣшилъ съ своей лодкой къ берегу. Каково-же было его удивленіе, когда переѣхавъ черезъ рѣку, онъ увидѣлъ что весь берегъ устланъ змѣями! Всѣ они были чрезвычайно разъярены, въ-особенности самыя меньшіе изъ нихъ. Каждая змѣя хотѣла-было повести рѣчь, но Царь-Змѣй заставилъ всѣхъ ихъ молчать, насажалъ ихъ въ лодку сколько можно было перевести за-разъ, приказалъ старику доставить на островъ, и потомъ вернуться за остальными. Когда всѣ змѣи были переправлены, забрался въ лодку самъ царь, и поѣхалъ тудаже. Во время переправы чрезъ рѣку вотъ что сказалъ онъ старику: «когда ты вернешься домой, не забудь кругомъ кибитки твоей насыпать пеплу, а самую кибитку перевязать пестрымъ снуркомъ изъ черныхъ и бѣлыхъ конскихъ волосъ!» Старикъ запомнилъ эти слова, и по прибытіи домой, исполнивъ по приказанію, отправился на покой. При пробужденіи своемъ на слѣдующее утро увидалъ онъ весь улусъ разореннымъ и всѣхъ его жителей умерщвленными. Одно только семейство старика было пощажено, и отъ него-то нынѣшніе *Аринцы* ведутъ свое начало.

** Что касается до происхожденія этихъ родовъ, то *Тинъ* и *Джастекъ* (*Остякъ*?) утверждаютъ, что они съ родни *Аринцамъ* и *Койбаламъ*, которые, несомнѣнно происходятъ отъ *Остяковъ*. Всѣ-же прочіе суть, безъ всякаго сомнѣнія, *Самодѣскаго* происхожденія. Въ отношеніи такъ-называемыхъ *Тубаларъ*, должно замѣтить, что они не составля-

«Поколеніе *Койбаловъ* составляютъ слѣдующіе роды: *Байгадо* или *Бай* (*Большой* и *Малой*), *Кангъ*, *Тараджакъ*, *Тіода*, *Мадоръ*, *Коль*, *Ингара*, *Бөгөджи*, *Иргенъ*, *Артжи*, *Көякъ* и *Кайденгъ*. Сами они считаютъ себя наистарѣйшими обитателями края, послѣ облеченной миѣическимъ мракомъ *Чуди*. Впрочемъ, всѣ исчисленные роды ихъ, въ настоящее время вполне отатарившіеся, принадлежатъ либо къ *Самопдамъ*, либо къ *Енисейскимъ Остякамъ*. *Остякаго* происхожденія суть *Большой* и *Малый Байгадо*, да *Кайденгъ*; всѣ остальные *Самопдскаго* происхожденія. *Степановъ*, съ большою увѣренностію и видомъ большаго знатока дѣла, все поколеніе *Койбаловъ* цѣликомъ выдаетъ за *Татаръ*; между-тѣмъ любой *Койбалъ* скажетъ вамъ, что предки его были совсѣмъ другаго племени и говорили своимъ особымъ языкомъ. Еще и нынѣ есть старики *Койбалы*, которые помнятъ нѣкоторыя слова изъ своего прежняго языка: на этихъ-то словахъ и основываю я сказанное мною о происхожденіи *Койбаловъ*.»

II.

18 мая 1848. Центральный Нерчинскій Рудникъ.

«При отбытіи моемъ изъ *Иркутска*, въ началѣ марта, я вовсе не предполагалъ пробыть въ пограничныхъ странахъ *Забайкалья* до самаго наступленія лѣта, а рассчитывалъ возвратиться оттуда къ *Байкалу* еще зимнимъ путемъ. Въ разныхъ мѣстахъ говорили мнѣ, что въ *Селенгинской-Степи*, не далеко отъ крѣпости *Харачайска*, проживаютъ десять *Соіотскихъ* родовъ: стало-быть мнѣ нужно было только удостовѣриться въ ихъ существованіи. По прибытіи моемъ въ *Селенгинскъ*, открылось, что роды эти, называемые у *Бурятовъ* общимъ именемъ *Сой*, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ и происходятъ быть-можетъ отъ *Соіотовъ*, но въ настоящее время суть *Буряты* отъ головы до пятокъ. Этимъ-бы, казалось, задача моя въ *Забайкальѣ* и оканчивалась; но во время этой поѣздки увидѣлъ я, что *Забайкалье* чрезвычайно богато курганами и

ютъ нынѣ особаго рода, а наименованіемъ этимъ означаются всѣ поколенія, которыя кочевали прежде по рѣкѣ *Тубѣ* и принадлежали частью къ *Самопдскому*, частью къ *Остяцкому* племени. При такомъ обширномъ значеніи этого наименованія, не трудно убѣдиться, что и *Качинскіе Тубинцы* происходятъ отъ *Остяковъ* или *Самоѣдовъ*. *Тубаларъ* есть общее названіе *Самоѣдовъ*, въ языкѣ которыхъ *Туба* или, обыкновеннѣе, *Тубе* означаетъ, во-первыхъ — «мужчину», а во-вторыхъ — «Самоѣда». Ежели принять притомъ въ соображеніе, что *Маторы*, обитающіе въ Китаѣ, до-сихъ-поръ называютъ себя *Тубаларами*, и обитали издревле по бассейну рѣки *Тубы*, то можно уже принять за вѣрное, что *Качинскіе Тубинцы* составляютъ вѣтвь *Маторовъ*. Къ такому заключенію можетъ вести еще и то обстоятельство, что изъ числа 400 *Маторовъ*, кочевавшихъ прежде на правой сторонѣ *Енисея*, въ настоящее время остается всего восемь ревизскихъ душъ. До 200 человекъ изъ нихъ, какъ говоритъ преданіе, перешли въ Китаѣ, гдѣ и донынѣ еще обитаютъ подъ именемъ *Маттаръ*.

другими остатками древности, которые, по силе данной мне инструкции, я обязывался изслѣдовать. Въ продолженіе пребыванія моего въ *Селенгинской - Степи*, имѣлъ я также рѣдкое счастье быть свидѣтелемъ находки весьма цѣннаго клада, обладатель котораго готовъ уступить его Академіи за самое умеренное вознагражденіе. Такимъ-образомъ, обнадеженный и самъ сдѣлать какое-либо археологическое открытіе и съ-тѣмъ-вмѣстѣ расширить этнографическія и лингвистическія познанія мои, я рѣшился продолжать путь мой далѣе къ Востоку, и извѣздить Забайкалье въ разныхъ направленіяхъ.

«Съ такимъ намѣреніемъ въ половинѣ марта оставилъ я *Селенгинскъ*, и сначала направилъ путь въ *Кяхту*. Дружественный и гостепріимный пріемъ со-стороны Китайцевъ заставилъ меня провести здѣсь нѣсколько дней; а тамъ продолжалъ я путешествіе въ *Кударейскую-Степь*, извѣстную по множеству каменныхъ кургановъ на ней находящихся. Чтобы разрыть одинъ изъ нихъ, я собралъ толпу Бурятовъ; къ работѣ однакожъ невозможно было приступить, потому - что земля была мерзлая, да и у Бурятъ недоставало самыхъ необходимѣйшихъ къ тому орудій. Сверхъ-того, курганы внушаютъ имъ тамъ какой-то суевѣрный страхъ; а какъ во время самыхъ работъ случилось разразиться вдругъ сильной грозѣ, то большая-часть ихъ разомъ покинула курганъ и бросилась бѣжать съ такой поспѣшностію, какъ будто - бы духи погребенныхъ возстали изъ могилъ своихъ и гнались за ними по-пятамъ.

«Послѣ такой неудачи, встрѣтившейся при первомъ моемъ опытѣ, я рѣшился пріостановиться такого рода разрытіями до - тѣхъ - поръ, пока земля не оттаетъ нѣсколько. И дѣйствительно, ни разу не впадалъ я въ искушеніе произвести подобный опытъ во второй разъ, потому-что съ отъѣзда изъ *Кударейской-Степи*, мне хотя и попадались курганы, но не въ большомъ числѣ, и притомъ весьма незначительные. Эти и другіе остатки древности находятся здѣсь обыкновенно въ самыхъ живописныхъ мѣстностяхъ; а такихъ мѣстностей попадалось мнѣ на пути очень не много. Чтобы пробраться въ *Нерчинскую* сторону, мнѣ пришлось ѣхать отъ *Кударея* на сѣверо-востокъ къ *Петровскому-Руднику*, а оттуда слѣдовать далѣе по *Хоринской-Степи*. Этотъ край состоитъ болѣею-частію изъ горъ, дикихъ лѣсовъ, топкихъ лощинъ и болотъ. Для архелогическихъ да и для этнографическихъ изысканій, оказалось здѣсь мало пищи, потому-что народонаселеніе края состоитъ болѣею-частію изъ Русскихъ раскольниковъ. На всемъ длинномъ пути отъ *Кударея* до *Хоринска*, только разъ нашелъ я поводъ остановиться на нѣсколько времени: это въ знаменитомъ Бурятскомъ капищѣ въ *Ара-Киретю*. Здѣсь сто Ламъ встрѣтили меня съ почетомъ, который, по Монгольскимъ религіознымъ обычаямъ, подобаетъ собственно только Шакьямуни и другимъ бурханамъ. При извѣстіи о моемъ прибытіи, Ламы выстроились въ рядъ у плетня, окружающаго

капище. Они были одѣты въ богатое богослужебное платье, и имѣли въ рукахъ разные инструменты, употребительные при богослуженіи Буддистовъ. Въ такомъ порядкѣ стояли они, ожидая моего прибытія, до тѣхъ поръ, пока я не въѣхалъ въ ворота храма. Въ эту минуту раздались оглушающіе звуки сотни литавръ и трубъ, которые привели въ такой страхъ моихъ полудикихъ Бурятскихъ коней, что они, въ самыхъ воротахъ, опрокинули мою повозку, причемъ, нѣтъ сомнѣнія, досталось-бы и мнѣ самому, если-бы я не успѣлъ заблаговременно выпрыгнуть.

«По прибытіи въ *Хоринскую - Степь*, я остановился въ бѣдной стогодовой избѣ, гдѣ помѣщается тамошняя Дума, и едва не лишился жизни отъ желѣзнаго болта, въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ, который, выпавъ изъ потолка, однимъ концомъ своимъ оцарапалъ мнѣ високъ. После такого рода «*memento mori*», уложилъ я бумаги мои и тотчасъ же отправился по рѣкѣ *Ада* въ сосѣдственную степь, гдѣ во время пребыванія Англійскихъ миссіонеровъ выстроенъ былъ ими домикъ, въ которомъ, по-крайней-мѣрѣ, нельзя было страшиться за жизнь, хотя, съ другой-стороны, со времени отъѣзда миссіонеровъ, нельзя найти тутъ ни крошки хлѣба. Не подалеку отъ этого жилища есть скала съ довольно стершими-ся надписями, изъ коихъ миссіонеры, при помощи разныхъ предположеній и соображеній, вывели заключеніе, что по южную сторону скалы зарыто семь котловъ, наполненныхъ червонцами. Не ожидая открыть именно эти котлы съ червонцами, я приказалъ однакоже разрыть одинъ изъ кургановъ, находящихся подъ скалою, и хоть не семь котловъ, а дѣйствительно нашелъ кусочикъ самаго чистаго золота вѣсомъ около четверти лота.

«Пробывъ затѣмъ нѣсколько дней въ *Ачинской-Степи*, я продолжалъ мою поѣздку по большой дорогѣ, ведущей къ *Нерчинскимъ* рудникамъ. Конечно, никто не удивится, какая на ней ужасная тряска, и что дорога пролегаетъ глухими лѣсами, по горамъ и болотамъ. При самомъ истоки *Уды*, вы переноситесь вдругъ изъ степнаго пространства въ дикую, гористую мѣстность. Это *Яблонный-Хребетъ*, объемлющій своими гигантскими отраслями большую - часть *Нерчинскаго* округа. Обстоятельство самое неблагопріятное предшествовало моему вступленію въ эту гористую страну. Въ-теченіе нѣсколькихъ дней передъ тѣмъ находился я все въ чистомъ полѣ, подъ яснымъ небомъ, любуясь попадавшимися иногда цвѣтами и другими вѣстниками весны; а тутъ густыя тучи обложили вдругъ небо, страшная буря начала выть въ лѣсу и чрезъ нѣсколько часовъ, снѣжный слой, глубиною въ полъ - локтя, покрылъ землю. Бѣдучи въ открытомъ экипажѣ, я только о томъ и заботился, гдѣ-бы въ такую непогоду найти себѣ пріютъ; но, къ-несчастью, ни вдали, ни въ окрестностяхъ, не было не только никакой деревни, но даже и улуса *Бурятскаго*. Станціонные-же дома здѣсь все страшно ветхи, и состоятъ по-большей-части изъ одной только избы, вмѣщающей

въ стѣнахъ своихъ полупьяное населеніе ямщиковъ. Хотя сообщество это и не было очень назидательно, однакожь провести въ немъ ночь все-таки показалось мнѣ гораздо пріятнѣе, нежели подъ открытымъ небомъ.

Слѣдующее утро встрѣтилъ я въ деревнѣ *Читъ*, бывшей прежде крѣпостью и извѣстнымъ мѣстомъ ссылки. Невдалекѣ оттуда течетъ рѣка *Ингадъ*, которая грядою прекрасныхъ острововъ своихъ, шкеръ и скалъ напоминаетъ *Енисей* со впадающими въ него рѣками *Абаканомъ*, *Губой*, *Сыдой* и другими. Пустясь отсюда въ лодкѣ, по теченію этой рѣки, можно очень скоро достигнуть *Шилки*, и потомъ по *Амуру* достигъ *Восточнаго-Океана*. До самой Китайской границы ѣхалъ я сухими борами, полями и возвышенностями, то обнаженными, то покрытыми лѣсомъ, странствуя въ разныхъ перестѣкающихся направленіяхъ, потому-что слѣдовалъ то почтовою, то проселочными дорогами. Мнѣ крайне было желательно во время путешествія этого изслѣдовать и изучить *Нерчинскихъ Тунгусовъ*, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніяхъ, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ собрать какія можно живыя преданія, осмотрѣть надписи и другія остатки древности, и т. д. Проводя время въ занятіяхъ такого рода, въ *Нерчинскій* Центральный Рудникъ, гдѣ нахожусь теперь, не могъ я прибыть ранѣе половины мая.»

$\frac{3}{15}$ іюля 1848. Чита.

«Изъ Центрального *Нерчинскаго* Рудника безчисленное множество большихъ и малыхъ дорогъ ведетъ въ *Верхне-Удинскій* округъ. Чтобы изучить съ возможною подробностію *Нерчинскій* край, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, въ концѣ мая я много перетѣзилъ по всѣмъ этимъ дорогамъ. То былъ у границы Китая, то на Московской почтовой дорогѣ; большею-же частію блуждалъ между обѣими этими линіями, то посѣщая Русскіе пограничные караулы, то останавливаясь на рудникахъ и заводахъ, то проживая по Русскимъ деревнямъ и Тунгусскимъ улусамъ.

«Въ *Кондуевскѣ*, Русской-Казацкой деревнѣ, заболѣлъ я простудной лихорадкой и пролежалъ цѣлыя три недѣли. Поправясь нѣсколько, 20 іюня отправился я въ дальнѣйшій путь на *Агинскую Бурятскую* Степь, широко раскидывающуюся по обѣимъ сторонамъ рѣки *Онона*. Въ этой степи снова схватила меня лихорадка и даже сильнѣе, нежели въ *Кондуевскѣ*. Въ продолженіе лихорадочныхъ припадковъ, возобновлявшихся чрезъ день, а иногда и ежедневно, приходилось мнѣ лежать въ бездѣйствіи, то подъ открытымъ небомъ, то гдѣ-нибудь въ Бурятскомъ улусѣ, или въ бѣдной Русской избѣ. Лишь только лихорадка прекратилась, я немедленно пустился въ дорогу, въ надеждѣ добраться до какого-нибудь мѣста, гдѣ-бы могъ найти, если не врачебную помощь, то по-крайней-мѣрѣ спокойное и удобное жилище. Протѣздивъ такимъ-образомъ шесть сутокъ, изнуренный до изнеможенія, въ концѣ іюня прибылъ я въ де-

ревню *Читу*, лежащую на дорогѣ въ *Иркутскъ*. Прележавъ здѣсь нѣсколько дней въ постели, я опять избавился на-время отъ лихорадки; но силы мои дотога ослабли, что я не въ состояніи выѣхать отсюда въ скоромъ времени.

« Несмотря на болѣзненное состояніе, я продолжалъ заниматься учеными наблюденіями и изслѣдованіями филологическими, этнографическими, статистическими и топографическими — какъ въ *Кундуевскѣ*, такъ и на пути въ *Читу*. Кромѣ-того, обращалъ я вниманіе и на все, что казалось мнѣ замѣчательнымъ въ археологическомъ отношеніи. Потому рѣшился я осмотрѣть и древнія развалины, лежащія близъ *Кундуевска*, которыя, какъ Буряты думаютъ, были нѣкогда замкомъ Чингисъ-Хана; но по всему вѣроятію, это остатки Бурятскаго капища, съ принадлежавшими къ нему придѣлами. На *Агинской-Степи* разрылъ я нѣсколько древнихъ кургановъ, которые, подобно другимъ, оказались не заключавшими въ себѣ ничего достойнаго вниманія. Относительно происхожденія этихъ памятниковъ древности, какъ здѣсь такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, существуетъ преданіе, что они насыпаны *Монголами*; тогда-какъ другое преданіе приписываетъ ихъ *Киргизамъ*, на томъ основаніи, что они доселѣ носятъ названіе *Киргизи-Юрѣ*. Необращая вниманія на противорѣчіе этихъ преданій, съ совершенною достовѣрностью можно думать, что бѣольшая-часть встрѣчающихся здѣсь кургановъ, суть могилы скрывающія прахъ тѣхъ Бурятовъ, которые слѣдовали еще Шаманству и не знали Буддаизма. Это доказывается, между прочимъ, тройною обкладкою изъ камня вокругъ этихъ кургановъ, какую Буряты и нынѣ еще дѣлаютъ вокругъ могилъ своихъ Шамановъ. Затѣмъ, въ подтвержденіе Бурятскаго происхожденія этихъ кургановъ, можетъ служить видѣнное мною золотое украшеніе, которое найдено въ одномъ изъ нихъ: на лицевой сторонѣ его есть фигуры явно изображающія Монгольскихъ бурхановъ.

« Хотя такимъ-образомъ становится не подверженнымъ сомнѣнію, что Буряты въ свое время насыпали курганы, тѣмъ-не-менѣе недавно случилось мнѣ напасть на факты, ясно доказывающіе, что поколѣнія Турецкаго происхожденія, обыкновенно называемыя здѣсь *Киргизами*, въ-древности обитали осѣдло и по Забайкалью, и что, слѣдовательно, курганы эти, согласно съ мѣстнымъ преданіемъ, могутъ принадлежать отчасти и народамъ Турецкаго племени. Доказательства этому долженъ я отложить до другаго времени, какъ по случаю физической моей слабости въ настоящее время, такъ и потому, что изслѣдованія мои о предметѣ не приведены еще къ совершенному окончанію.

« Настоящее мое положеніе не позволяетъ мнѣ замышлять обширныхъ плановъ на будущее; вѣрно, однакоже, что по возстановленіи здоровья, я немедленно оставлю *Восточную-Сибирь*, и пушусь въ *Омскій*

край, гдѣ пробуду можетъ-быть довольно долго; но когда доберусь я туда — рѣшительно не знаю» . . .

— ИЗВѢСТІЯ ОТЪ Г. ЦЕНКОВСКАГО, ИЗЪ ВОСТОЧНАГО СУДАНА. —
Въ концѣ прошлаго 1847 года, Р. Г. О., совокупно съ Императорскою Академіею Наукъ, доставило г. Магистру *Ценковскому* средства отправиться въ Египетъ и далѣе вверхъ по Нилу, для ученыхъ изслѣдованій по-части Географіи и Естественныхъ Наукъ. Главнѣйшимъ образомъ возложено на него составить географическое описаніе Нила отъ истоковъ его до устья, и этнографическое описаніе прибрежныхъ жителей. До *Россероса*, или *Рессереса*, на *Голубомъ-Нилѣ*, тхаль нашъ молодой ученый съ Экспедиціею, подъ начальствомъ Д. Ч. О. Полковника *Ковалевскаго*, отправленною Мегметомъ-Али къ верховьямъ Нила, для отысканія золотосыпныхъ розсыпей *. Послѣ того, получены были отъ него извѣстія изъ *Хартума*, отъ 10 августа. «Отдѣлившись отъ Экспедиціи» — пишетъ г. *Ценковскій* къ г. Помощнику Предсѣдателя Общества — «я поселился въ главномъ мѣстѣ провинціи *Фазогла*, деревнѣ *Рессересъ*. Частыя экскурсіи въ горы и къ устьямъ *Тумата* наполнили мои ботаническія и зоологическія собранія; но, увѣ, страшная лихорадка не позволила мнѣ остаться тамъ болѣе двухъ недѣль. Я принужденъ былъ проститься съ чудными лѣсами дальбергій, амирисовъ, баобабовъ и т. п., и промѣнять ихъ на пустынный *Хартумъ*. Тоска по родинѣ тянетъ уже меня къ любезному Сѣверу; но тропическія лѣса и саванны здѣшнія не пускаютъ меня изъ своихъ объятій: три мѣсяца еще останусь я въ *Суданѣ*. Слѣдуя совѣтамъ предшественниковъ моихъ, *Рюппеля* и *Кочи* (*Kotschi*), направляю путь къ *Южному Кордофану*. Дожди теперь во всемъ разгарѣ, саванны покрылись чудною растительностію, животныя роятся; жатва будетъ обильна. По окончаніи періода дождей (октября), что совпадаетъ съ нулемъ моего кармана, намѣренъ я возвратиться въ *Каиръ*, и ожидать тамъ какъ отъ Академіи Наукъ, такъ и отъ Русскаго Географическаго Общества, рѣшенія о направленіи дальнѣйшаго моего путешествія. Теперь только, когда я ознакомился съ краемъ, съ страшно-труднымъ Арабскимъ языкомъ, и сравнилъ видѣнное мною съ описаніями — только теперь и могу я надѣяться на успѣшныя и новыя результаты. Поэтому осмѣливаюсь предложить слѣдующій планъ дальнѣйшаго путешествія — отправиться вмѣстѣ съ купеческимъ караваномъ, который, съ наступленіемъ сѣверныхъ вѣтровъ (октября и ноября), ежегодно ходитъ изъ *Хартума* на *Бѣлый-Нилъ*, вверхъ до 4° С. Ш., то-есть до мѣста, до котораго доходили Французскіе Инженеры *Дарно* (*d'Arnot*) и *Сабатье*. Что *Нилъ*, начиная со столицы *Шулюковъ*, представляетъ еще *terra incognita*

* Объ этой Экспедиціи сообщимъ мы со-временемъ болѣе-или-менѣе подробныя извѣстія.

gnitam; что изслѣдованія помянутыхъ ученыхъ далеко не удовлетворяютъ требованіямъ Науки; что сдѣланныя ими опредѣленія широтъ и долготъ, какъ замѣчаетъ Суссегеръ, не могли быть точны, по недостатку необходимыхъ для того инструментовъ: все это слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы не вызвать новой экспедиціи въ эти мѣста. Но, можетъ-быть, для этого предпріятія требуются огромныя средства, уничтожающія возможность его въ зародышѣ? — Возвратиться въ Каиръ, пріобрѣсти тамъ, подъ руководствомъ знаменитаго Ламбера, навыкъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ, получить отъ Вице-Короля фирманъ на безденежное путешествіе (что, при содѣйствіи нашего Генеральнаго Консула, весьма возможно), а изъ Петербурга — небольшую прибавку къ получаемой мною суммѣ: вотъ все, что нужно мнѣ для предполагаемой Экспедиціи. Во всякомъ случаѣ, примется или нѣтъ мое предложеніе, я думаю, что необходимо продлить мое путешествіе еще на годъ, будетъ-ли оно направлено къ источникамъ Нила, или къ его устьямъ.»

ЗАМѢТКИ И ВЫПИСКИ.

— ПОЛНЫЙ НАРЯДЪ КРЕСТЬЯНКИ ВЪ ПРОНСКОМЪ УѢЗДѢ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ. — Въ-слѣдствіе намѣренія Р. Г. О. составить при себѣ Этнографическое Собраніе (см. Г. И. стр. 35—43), Д. Ч. О. *А. В. Головинъ*, доставилъ немедленно въ Общество полный нарядъ, какой носятъ крестьянскія женщины Рязанской губерніи въ Пронскомъ уѣздѣ, при слѣдующемъ объясненіи:

«Препровождаемый въ Общество нарядъ состоитъ изъ слѣдующихъ вещей: 1) головного убора: а) кички, б) сороки, в) подзатыльника, г) другой сороки съ подзатыльникомъ, д) покрывала; 2) рубахи; 3) паневы; 4) занавѣски; 5) шущпана; 6) чулокъ; 7) лаптей съ оборами. Весь нарядъ этотъ праздничный; въ будни носятъ тѣже вещи, но безъ особенныхъ украшеній, а гораздо проще.

«*Кичку* носятъ только замужнія крестьянки: сваха надѣваетъ ее на молодую въ церкви послѣ обряда вѣнчанія; дѣвки повязываютъ голову платкомъ. На *кичку* надѣвается *сорока*, у которой перёдъ вышивается шелками и золотомъ. Сзади подвязываютъ къ *кичкѣ*, подъ *сороку* — *подзатыльникъ*, который украшается бисеромъ, шелками, позументами и т. п. Иногда онъ пришивается къ *сорокѣ*; шитый конецъ *подзатыльника* спускается на спину. На все это надѣвается бѣлое *покрывало* съ шитымъ концомъ, который прилаживается напередъ такъ, чтобы, спускаясь сверху *кички*, доходило до шитья на *сорокѣ*. Впрочемъ, *покрывало* надѣвается только въ церковь. Оно обвязывается около шеи тесьмой.»

«*Кички* встрѣчаются весьма различнаго вида, не только по разнымъ уѣздамъ Рязанской губерніи, но даже въ разныхъ селеніяхъ одного уѣзда: въ одномъ мѣстѣ онѣ бывають ниже, а въ другомъ выше; шире кверху или уже; круглѣе или угловатѣе, и т. д.; посылаемая мною принадлежитъ къ наиболее употребительнымъ. Нынѣ съ-году на-годъ, выходятъ онѣ изъ употребленія и теперь уже почти не встрѣчаются въ селеніяхъ, расположенныхъ по большимъ дорогамъ или по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, гдѣ есть пристани, а также и тамъ, гдѣ бывають ярманки и частые базары. Ихъ замѣняютъ платками, которые прежде были головнымъ уборомъ только незамужнихъ. Впрочемъ и теперь, въ мѣстахъ глухихъ, отдаленныхъ отъ большихъ дорогъ, крестьянки почитаютъ грѣхомъ снять *кичку*, потому-что она была надѣта на нихъ въ первый разъ въ церкви. Въ послѣднее время, этому народному убору не посчастливилось понравиться нѣкоторымъ господамъ, имѣющимъ претензіи на очищенный вкусъ, и они запретили употреблять его въ своихъ имѣніяхъ; такъ, на-примѣръ, въ одномъ селѣ, гдѣ живутъ вмѣстѣ и крестьяне вѣдомства Государственныхъ Имуществъ и крестьяне помѣщичьи, жены первыхъ ходятъ въ кичкахъ, а послѣднихъ въ платкахъ.»

«*Панёва* надѣвается на рубаху и подвязывается довольно низко; по талию покрываетъ *занавѣска*, которая надѣвается поверхъ *панёвы* и подвязывается: верхними тесьмами—къ шеѣ, а нижними—подъ мышки. Затѣмъ надѣвается *шущанъ*, и нарядъ дополняется *чулками* и *лаптями* съ *оборами*, то-есть веревками, которыми лапти привязываются. *Лапти* также выходятъ изъ употребленія и замѣняются у крестьянъ, сколько-нибудь достаточныхъ, *котами*—особаго рода кожаной обувью, которая отчасти походить на альпійскіе башмаки Швейцарцевъ и Тирольтцевъ.»

— *рѣки сура, барышъ и свѣгъ.*—Сообщено Инспекторомъ Симбирской Врачебной Управы, г. *Пузановымъ*.

1. *Сура* беретъ начало, Симбирской губерніи въ *Сызранскомъ* (а не въ *Канадейскомъ*, какъ сказано въ «Гидрографическомъ Обзорѣ Россіи», помѣщенномъ въ Журналѣ М. В. Д. за 1836 годъ *) уѣздѣ, отъ *Сурской-Поляны*, принадлежащей селу *Бекшанкѣ*, и идетъ на Югъ къ Саратовской губерніи, почти по теченію Волги, мимо деревни *Борисовки* или *Сурской-Вершины*, гдѣ присоединяется къ ней рѣчка *Змѣйка*; потѣмъ поворачиваетъ на Западъ и, принявъ въ себя рѣчки *Разнину*, *Явлейку*, *Камышлейку* и *Часъ*, выходитъ въ Пензенскую губернію; здѣсь, миновавъ самую *Пензу*, поворачиваетъ она на Сѣверо-Востокъ, и опять возвращается въ Симбирскую губернію, но уже въ *Корсунскомъ* уѣздѣ; затѣмъ

* *Канадей* былъ когда-то уѣзднымъ городомъ Симбирской губерніи, но давно уже упраздненъ.

отъ *Промзина-Городища* въ *Алатырскомъ* уѣздѣ тойже губерніи, принимаетъ направленіе на Сѣверъ и, миновавъ городъ *Алатырь*, при которомъ впадаетъ въ нее рѣка того же имени, и городъ *Курмышъ*, идетъ между *Казанскою* и *Нижегородскою* губерніями, гдѣ при городѣ *Василь-Сурскѣ* впадаетъ въ *Волгу*. Она дѣлается спавною недалеко отъ своего начала, а потомъ и судоходною. Главнѣйшія пристани при ней, кромѣ *Промзинской*, суть: *Сурская*, *Коржевская*, *Чернинская*, *Яелейская*, *Пензинская*, *Никитинская*, *Чирковская*, *Пригородъ-Сурская*, *Гульшеская*, *Барышская*, *Корсунская*, *Языковская*, *Ивановская*, *Алатырская*, *Курмышская* и *Васильская*. Главные товары, провозимые по Сурѣ: мука ржаная, пшеница, ячмень, овесъ, крупа гречневая, пшено, горохъ, солодъ, льняное семя, сало, поташъ, дубъ и хлѣбное вино.

2. *Барышъ*, начавшись также въ *Сызранскомъ* уѣздѣ *Симбирской* губерніи, въ 7 или 8 верстахъ отъ истока *Суры*, двумя истоками (однимъ — отъ села *Красной-Поляны*, другимъ — отъ села *Тимошкина*), течетъ въ противномъ принятому сначала *Сурою* направленіи, на Сѣверъ, и нѣсколько къ Востоку; проходя потомъ къ селу *Головцову*, беретъ въ себя рѣчку *Комаровку*, а прошедши *Головцово* принимаетъ рѣчку *Чуксъ* и удаляется изъ *Сызранскаго* въ *Корсунскій* уѣздъ, который протекая, входитъ въ *Алатырскій*, гдѣ ниже *Промзина-Городища* впадаетъ въ *Суру*, составляя одинъ изъ главныхъ ея притоковъ. Рѣка эта обильна водою и мельницами, на которыхъ приготовляются ржаная и крупчатая мука, пшено и крупа для *Сурскихъ* пристаней.

3. *Свіяга* (по словамъ помянутаго выше «Гидрографическаго Обозрѣнія», вытекающая изъ *Буинскаго* уѣзда *Симбирской* губерніи) въ-самомъ-дѣлѣ начинается тремя истоками: однимъ, называемымъ *Меньшою-Свіягою*, отъ села *Акиувата* — въ *Корсунскомъ*; другимъ, подъ именемъ *Большой-Свіяги*, отъ села *Кузоватова* — въ *Сенгилеевскомъ*; наконецъ третьимъ, который къ второму приливаетъ въ селѣ *Коромысло-екѣ* — въ *Буинскомъ* уѣздѣ губерніи *Симбирской*. Эти два послѣдніе протекаютъ потомъ селеніями *Дворянскимъ* и *Уваровкою*, и тутъ сливаются съ первымъ, который до-тѣхъ-поръ проходитъ мимо селеній *Тимошкина*, *Безштановки* и *Смольновки*. Такимъ образомъ составляется одна рѣка *Свіяга*, которая, поворотивъ на Сѣверо-Востокъ, течетъ мимо селеній *Чирикова* и *Хвостихи* въ *Симбирскій* уѣздъ и къ самому городу *Симбирску*. Отсюдаже она идетъ противъ теченія *Волги*, на Сѣверъ, чрезъ *Буинскій* уѣздъ, и подъ городомъ *Свіяжскомъ*, *Казанской* губерніи, впадаетъ въ *Волгу*. Итакъ, эта рѣка, прежде *Буинскаго*, протекаетъ черезъ уѣзды *Сенгилеевскій* и *Симбирскій*. Отъ *Соболевской-Пристани* по *Свіягѣ* сплавливается корабельный лѣсъ въ *Волгу*, а въ полую воду ходятъ по ней и суда въ *Казанской* губерніи. На ней много мельницъ.

Три эти рѣки: *Сура*, *Барышъ* и *Свѣяга*, замѣчательны въ геодезическомъ и гидравлическомъ отношеніяхъ. Начавшись всѣ почти въ одномъ мѣстѣ близъ Волги, онѣ отбрасываются отъ ней назадъ, текутъ въ разныхъ направленіяхъ, и двѣ изъ нихъ не прежде изливаются въ нее, какъ протекши нѣсколько сотъ верстъ противъ ея теченія. *Свѣяга* въ этомъ отношеніи несравненно замѣчательнѣе обѣихъ прочихъ. *Сура* и *Барышъ* при самомъ своемъ началѣ отдаляются отъ Волги, первая на Западъ, а вторая на Сѣверъ; тогда-какъ *Свѣяга*, начавшись въ Корсунскомъ и Сентилеевскомъ уѣздахъ, идетъ сперва косвенно къ Волгѣ, и подъ Симбирскомъ приближается къ ней такъ, что разстоянія между ними остается не болѣе-какъ на одну версту; потѣмъ, отклонившись нѣсколько къ Западу, она беретъ прямо на Сѣверъ, почти параллельно съ Волгою, но противъ ея теченія, и пройдя такимъ образомъ 250 верстъ, впадаетъ въ нее наконецъ. Причиною тому значительная возвышенность праваго берега Волги въ Симбирской губерніи.

— о названіи рѣки «семь». — Сообщено тѣмъже г. *Пузановымъ*.

Рѣка *Семь*, начинающаяся и протекающая въ Курской, а впадающая въ рѣку Десну въ Черниговской губерніи, отъ многихъ называется *Сеймомъ*. Но это названіе невѣрно. *Семь* беретъ начало въ одномъ селеніи Тимскаго уѣзда изъ семи источниковъ, и самое это селеніе называется *Верхосемье*, а не *Верхосеймье*, равно-какъ и два другія, лежащія при ней нѣсколько ниже, называются: *Засемье* и *Донецкая-Семица*, а не *Засеймье* или *Донецкая-Сеймица*. Расположенные по ней и близъ ея жители всѣ зовутъ ее *Семью*, а не *Сеймомъ*. Значитъ, рѣка эта получила названіе отъ числа источниковъ, давшихъ ей начало—отъ слова *семь* (*septem*); а помянутыя селенія—отъ своего положенія въ-отношеніи къ рѣкѣ: въ *верховьяхъ* Семи, и за *Семью*.

С М Ъ С Ъ .

—новый нивеллирный инструментъ штамфера.— (Сообщено Д. Ч. О. Полковникомъ *Болотовымъ*).

Къ числу замѣчательнѣйшихъ услугъ, оказанныхъ топографіи въ-теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ, безспорно можно причислить изобрѣтеніе, года за четыре тому назадъ, Вѣвскимъ Профессоромъ *Штамферомъ*, новаго нивеллирнаго инструмента. Этотъ инструментъ, наружнымъ своимъ видомъ, сходствуетъ со всѣми доселѣ употреблявшимися нивеллирными снарядами: онъ, подобно имъ, состоитъ изъ уровня и зрительной трубы, вкладывающейся въ полукруглые вырѣзы двухъ подпорокъ, одна изъ коихъ устроивается неподвижною, а

другую можно поднимать или опускать по произволу, посредствомъ особаго винта, называемаго «подъемнымъ». Главнѣйшее отличіе Штамферава инструмента ото всѣхъ доселѣ употреблявшихся нивелирныхъ снарядовъ, состоитъ въ томъ, что на той подпorkѣ, подъ кою находится подъемный винтъ, такъ-равно и на шляпкѣ сего-послѣдняго, означены особаго рода дѣленія, и что, съ помощію двухъ придѣланныхъ индексовъ, можно узнавать на нихъ не только число полныхъ оборотовъ этого винта, когда при дѣйствіи имъ труба наклоняется вверхъ или внизъ, но также десятые, сотые и даже тысячныя доли одного оборота. Рейка, употребляемая при нивелированіи инструментомъ Штамфера, есть не иное что какъ брусъ, длиною футовъ въ десять, съ привинченными къ нему наглухо двумя кружками, такъ-чтобы разстояніе между ихъ центрами равнялось съ строгою точностію линейной единицѣ, на-примѣръ, тоазу, клафтеру, сажени и проч.

Употребленіе нивелира Штамфера состоитъ въ слѣдующемъ. Поставя трубу въ вертикальной плоскости, проходящей чрезъ ту точку, гдѣ стоитъ рейка, приводятъ ее, обращеніемъ подъемнаго винта, съ строгою точностію въ горизонтальное положеніе, и записываютъ на какихъ дѣленіяхъ находятся индексы подпорки и шляпки; потѣмъ, дѣйствуя подъемнымъ винтомъ, наводятъ трубу сперва на центръ верхняго, а потѣмъ на центръ нижняго кружка рейки, и послѣ всякаго наведенія записываютъ опять показанія индексовъ. Изобразимъ отсчитыванія, которыя сдѣланы были въ то время, когда труба приведена была въ горизонтальное положеніе, и когда наведена была сперва на верхній, а потѣмъ на нижній кружокъ, буквами h , o и u . Этихъ отсчитываній достаточно для опредѣленія какъ вертикальнаго, такъ и горизонтальнаго разстоянія между станціею и рейкою, ибо если вычтемъ u изъ h , и u изъ o , и разности $h - u$ и $o - u$ раздѣлимъ одну на другую, то частное $\frac{h - u}{o - u}$ выразитъ на сколько именно инструментъ стоитъ выше или ниже центра нижняго кружка въ доляхъ сажени (предполагая, что на рейкѣ разстояніе между обоими кружками равно одной сажени); если-же число 324 (это число постоянно и зависитъ отъ длины снаряда и величины нартѣзки подъемнаго винта) раздѣлимъ на $o - u$, то частное $\frac{324}{o - u}$ выразитъ въ саженяхъ длину горизонтальнаго разстоянія. На-примѣръ, если $h = 20,600$, $o = 12,467$, а $u = 40,426$, то $h - u = 10,074$, а $o - u = 2,141$; слѣдовательно вертикальное разстояніе будетъ равно $\frac{10,074}{2,141} = 5,045$ саж. или 5 саж. 0 фут. 3,78 дюймамъ; а для длины горизонтальнаго разстоянія получимъ $\frac{324}{2,141} = 158,7$ саж. Результаты такимъ образомъ найденные, выразить, впрочемъ, искомыя величины приближенно до нѣсколькихъ дюймовъ; для опредѣленія-же ихъ съ строжайшею точностію Штамферъ предложилъ особыя формулы, которыя представлены имъ въ таблицѣ, напечатанной въ *Anleitung zum Nivelliren, u. s. w. Wien. 1845.*

Въ-теченіе лѣта нынѣшняго 1848 года сдѣланы были въ окрестностяхъ Ораніенбаума многія испытанія Штамфорова инструмента. Для повѣрки точности опредѣленія имъ горизонтальныхъ разстояній, взяты были на шоссе въ Ораніенбаумѣ двѣ точки. Измѣреніе со тщаніемъ повѣренною цѣпью дало для длины этой линіи 355 саж. 6 фут.; тогда-какъ инструментомъ Штамфера опредѣлена была она въ 355,9 саж.: слѣдовательно, разность не превосходила 4 дюймовъ. Для удостовѣренія, не случайно-ли произошло такое согласіе въ результатахъ, дѣйствіе было повторено нѣсколько разъ, и, несмотря на то, разность между измѣреніями цѣпью и инструментомъ Штамфера никогда не оказывалась превышающею нѣсколько дюймовъ. Для испытанія-же этого инструмента какъ нивеллира, избраны были двѣ точки: одна — на вершинѣ Бронной-Горы (въ 8 верстахъ за Ораніенбаумомъ), а другая — при ея подошвѣ. Двукратное нивелированіе по прежнему способу, то-есть съ рейкою имѣющею передвижную цѣль, потребовало 16 станцій и дало для искомой разности уровней 20 саж. 3 ф. 66; по методъ-же Штамфера потребовались только двѣ станціи и для разности уровней получилось 20 саж. 3 ф. 47; слѣдовательно, разность оказалась равною 0,19 фута или 2,3 дюймамъ.

Если примемъ во вниманіе, съ-одной-стороны, такую точность результатовъ доставляемыхъ инструментомъ Штамфера, а съ-другой — скорость съ какою производится имъ нивелировка, то легко заключимъ, что метода Штамфера имѣетъ неоспоримыя преимущества предъ прежнею въ бо́льшей-части случаевъ, а особенно, когда линіи пролегаютъ по крутымъ скатамъ горъ: ибо, при употребленіи прежнихъ снарядовъ, встрѣчается надобность брать точки, на которыхъ должна становиться рейка, въ весьма близкомъ разстояніи однѣ-отъ-другихъ, и тратить много времени при отыскиваніи мѣста удобнаго для станціи. Если-же скатъ горы весьма крутъ, то употребленіе прежнихъ инструментовъ даже вовсе невозможно, и нивелированіе можно было исполнять не иначе какъ посредствомъ простаго ватерпаса — инструмента весьма неточнаго, и который, при значительной высотѣ горы, можетъ приводить лишь къ приблизительнымъ результатамъ.

— новая этнографическая карта германіи. — У Нѣмцовъ, было до сихъ поръ два хорошихъ труда этого рода: «*Sprachkarte von Deutschland*» Бергарди, изданная въ 1844 въ Кассель, и «*Sprach-und Dialektkarte von Deutschland*» Берггауза, появившаяся въ его «*Physikalisches Atlas*» (Gotha, 1848, Heft 7). Обѣ этѣ карты основывали свои дѣленія и подраздѣленія на началѣ лингвистическомъ, то-есть въ основаніе дѣленія племени Германскаго на группы и подгруппы брали отличія существую-

щія въ живомъ языкѣ Нѣмецкомъ. Иначе и быть не должно: физиологическія отличія различныхъ вѣтвей одного племени вездѣ слишкомъ слабы, чтобы ихъ можно было принять даже въ помощь при составленіи этнографической карты какого-либо племени, тѣмъ-болѣе въ основу такого труда. А кромѣ лингвистическихъ и физиологическихъ признаковъ, мы не знаемъ никакихъ другихъ, на которыхъ-бы могла быть основана этнографическая карта какого-либо племени или страны. Но нынѣшнимъ Нѣмцамъ карты Бернгарди и Берггауза показались не-удовлетворительны: въ нихъ недовольно точно обозначены политическіе предѣлы Германскаго племени! Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, къ осени настоящаго года явилась въ Веймарѣ, стараніемъ г. Киперта, новая этнографическая карта Германіи, уже подъ названіемъ «*Nationalitäts-Karte von Deutschland, mit historischen Erleuterungen*». Мы не видали еще самой карты, а читали только «историческія объясненія» къ ней, перепечатанныя въ послѣдней книжкѣ (къ-сожалѣнію прекратившагося) Фрорипова изданія: «*Fortschritte der Geographie und Naturgeschichte*». Изъ этихъ «объясненій» можно вывести только то заключеніе, что цѣль карты болѣе политическая, чѣмъ ученая: съ-одной-стороны, тутъ идетъ дѣло объ «естественныхъ границахъ» Германіи, а съ-другой— объ «историческомъ движеніи» Германскаго племени. Впрочемъ, въ томъ и въ другомъ отношеніи, мы не замѣтили въ «объясненіяхъ» никакихъ натяжекъ въ пользу Германской, или— что тоже—въ ущербъ другимъ сосѣднимъ народностямъ.

— О продолженіи трудовъ Вивьена де Сень-Мартена по предмету исторіи географическихъ открытій.— Извѣстный Французскій ученый, Секретарь Парижскаго Географическаго Общества и Членъ-Корреспондентъ нашего, *Вивьенъ де Сень-Мартенъ* (*Vivien de Saint-Martin*), предпринялъ въ послѣднее время подвигъ гигантскій: написать «полную исторію географическихъ открытій», которая, по плану автора, должна затмить всѣ существующіе труды подобнаго рода. Дѣло шло не о томъ, чтобы издать выборъ замѣчательнѣйшихъ путешествій, и не о томъ даже, чтобы представить въ болѣе-или-менѣе подробныхъ извлеченіяхъ всѣ совершенныя доселѣ странствованія по разнымъ частямъ земнаго шара: такого рода сборники, какъ извѣстно, довольно многочисленны, и французскій ученый не хотѣлъ увеличивать числа ихъ новою компиляціею, хотя-бы и лучшею прежнихъ; нѣтъ, онъ задумалъ всѣ эти. разнородные матеріалы переплавить и слить въ одно органическое цѣлое! . . . «Исторія географическихъ открытій, въ томъ видѣ, какой она должна имѣть сообразно съ существомъ предмета»— говоритъ г. Вивьенъ де Сень-Мартенъ въ предисловіи къ своему труду—

«есть, въ обширнѣйшемъ значеніи своемъ, исторія человѣка и вмѣстѣ исторія природы. Посреди разнообразія тоновъ и картинъ, которое допускаетъ это величественное цѣлое, оно имѣетъ тѣмъ-не-менѣе и свое единство, которымъ руководится и на которомъ отдыхаетъ умъ: это — результатъ тѣхъ многочисленныхъ стремленій, частности которыхъ составляютъ матеріалъ такого труда; это — познаніе земнаго шара. Въ этомъ единствѣ и заключается общій узелъ стягивающій къ одному центру и соединяющій въ немъ безчисленные радіусы этой безмѣрной окружности. Слѣдить вмѣстѣ и во времени и въ пространствѣ, то медленный и замирающій, то быстрый и порывистый, ходъ всякаго рода событій, путешествій, розысканій, развѣдокъ и открытій, которыя возвели постепенно географическія познанія на ту степень, до которой достигли онѣ нынѣ у образованныхъ народовъ; показать безпристрастно въ какой мѣрѣ каждый народъ содѣйствовалъ къ достиженію этого окончательнаго результата; выяснить вліяніе великихъ географическихъ открытій на успѣхи гражданственности и воздѣйствіе этихъ успѣховъ на усиленіе открытій, стараясь дознать какое дѣйствіе объ этихъ причины производятъ на благосостояніе отдѣльныхъ народовъ и на судьбы человѣчества вообще; изучать съ этой точки зрѣнія и географическую исторію земли въ цѣломъ ея объемѣ, и такую же исторію каждого изъ большихъ отдѣловъ ея въ-особенности; изложить, наконецъ, въ видѣ окончательнаго вывода, полную картину всякаго рода свѣдѣній, которыми обладаетъ теперь Европа о странахъ и народахъ другихъ частей Свѣта, изслѣдованныхъ ею или открытыхъ: таковъ планъ, соотвѣтствующій, по мнѣнію нашему, труду этого рода; таковъ тотъ, который предначертали мы себѣ» . . .

Всю эту громаду наблюденій и розысканій о землѣ и челѣвкѣ, накопленныхъ вѣками, которая должна составить матеріалъ исторіи географическихъ открытій, какъ понимаетъ эту исторію французскій географъ, располагалъ онъ втиснуть въ рамку 44 томовъ въ 8 д. л., страницъ около 500 каждый, и въ большаго размѣра атласъ изъ 90 картъ. Изданіе началось выпускомъ въ-теченіе 1845 года втораго и третьяго тома (въ пяти полу-томахъ) этого труда, подъ заглавіемъ: «*Histoire des découvertes géographiques des nations européennes dans les diverses parties du monde; présentant, d'après les sources originales pour chaque nation, le précis des voyages exécutés par terre et par mer depuis la plus haute antiquité jusqu'à nos jours, et plus spécialement depuis le quinzième siècle, et offrant le tableau complet de nos connaissances actuelles sur les pays et les peuples de l'Asie, de l'Afrique, de l'Amerique et de l'Océanie. Avec un grand nombre de cartes géographiques, dressés sur les relations mêmes des voyageurs et sur les autres documens les plus certains, et une bibliographie complète des voyages.*» Первый томъ, назначен-

ный для Общаго Введенія ко всему труду и заключающій въ себѣ исторію Географіи въ Древности и въ Средніе-Вѣка, долженъ былъ вытти послѣ; изданіе открылось Азіею; именно, вышедшіе второй и третій томъ заключаютъ въ себѣ географическую исторію Малой-Азіи. Не имѣя въ виду распространяться здѣсь о достоинствахъ этого образчика великаго предпріятія, скажемъ только, что Малая-Азія обработана авторомъ вполне сообразно съ предначертанными имъ себѣ планомъ и условіями, и представляетъ въ географической литтературѣ ученое твореніе совершенно новое, самобытное, и въ высшей степени занимательное. Если-бы авторъ успѣлъ обработать такимъ же образомъ, не говоримъ весь трудъ, а хотя Азію съ Америкою или Африкою, онъ воздвигъ-бы себѣ въ лѣтописяхъ науки такой памятникъ, какимъ она доселѣ не можетъ еще похвалиться: Чудное Риттерово *Erdkunde* блѣднѣетъ въ сравненіи, если не съ размѣрами, то съ расположеніемъ и обработкою матеріаловъ у Французскаго ученаго.

Къ-сожалѣнію, всѣ такого рода огромные труды едва-ли не выше силъ одного человѣка: авторы ихъ обыкновенно не доживаютъ до окончанія своихъ предпріятій. И чѣмъ-больше ожиданій возбуждаютъ такіе могучіе порывы духа, тѣмъ-горестнѣе видѣть какъ враждебныя обстоятельства останавливаютъ приведеніе ихъ въ исполненіе. Подобное случилось и съ трудомъ Вивьена де Сенъ-Мартена. Послѣ выхода въ 1845 году втораго и третьяго тома «Исторіи Географическихъ Открытій», изданіе остановилось, и мы потеряли-было всякую надежду увидѣть продолженіе ея. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ можемъ сообщить теперь любителямъ и жрецамъ географіи въ нашемъ Отечествѣ, что отчаяваться въ этомъ отношеніи не должно. Присылая въ даръ нашему Обществу свою «Малую-Азію», черезъ Д. Ч. Князя Э. М. Голицына, авторъ ея, въ письмѣ отъ 4 августа (н. с.) настоящаго года, увѣдомляетъ, что онъ окончилъ уже «Географическую Исторію Кавказа и Закавказья», которая займетъ три толстыхъ тома въ 8 д. л. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ выхода въ свѣтъ этой въ-особенности для насъ любопытной части колоссальнаго труда Французскаго ученаго, тѣмъ-болѣе, что судя по отдѣльнымъ напечатаннымъ ея статьямъ (мы говорили объ нихъ въ первомъ выпускѣ Г. И., стр. 25), Кавказъ и За-Кавказье обработаны имъ съ такою же отчетливостію какъ Малая-Азія, и доставятъ наукѣ столь же обильную жатву новыхъ изслѣдованій и блистательныхъ выводовъ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изданное, по Высочайшему соизволенію, Кіевскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ. 1848. (VII и 124 стр. въ большую четвертку, съ 17 рисунками).

— Почти все пространство Южной и Средней полосы Европейской Россіи устлано въ болышій-или-меньшей мѣрѣ куполообразными земляными насыпями различной величины, извѣстными подъ названіемъ «могилъ» и «кургановъ». Въ предѣлахъ Европейской Россіи, такіяже насыпи встрѣчаются по южному побережью Балтійскаго-Моря и далѣе на Западъ и Сѣверъ Европы, а съ другой стороны— по нѣкоторымъ мѣстамъ Южной-Сибири, въ Малой-Азіи и т. д. Но нигдѣ, сколько извѣстно, не попадаются онѣ въ такомъ обиліи, какъ въ степныхъ и сосѣднихъ съ ними губерніяхъ Южной-Россіи: Херсонской, Екатеринославской, Кіевской, и области Бессарабской. Тутъ бороздятъ онѣ мѣстность различными ломаными линиями во всѣхъ направленіяхъ и попадаютъ часто цѣлыми многочисленными купами.

Что насыпи этѣ суть дѣло рукъ человѣческихъ, а не природы — въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: это доказано разрытіями ихъ вездѣ, гдѣ только произведены были сіи-последнія. Но какой или какіе народы насыпали ихъ, въ-теченіе какого періода исторіи человѣчества производились такія работы, и съ какою цѣлю: на это нѣтъ доселѣ у Науки удовлетворительнаго отвѣта, хотя и нѣтъ недостатка въ произвольныхъ или мало-основательныхъ предположеніяхъ, возникшихъ въ ученомъ мірѣ по поводу этихъ вопросовъ. Да и не можетъ быть дано такого удовлетворительнаго отвѣта, пока не будетъ приведено въ ясность самое дѣло, то-есть описаны и изслѣдованы этѣ насыпи всюду, гдѣ онѣ находятся, а потомъ этѣ описанія и изслѣдованія сведены и сравнены между-собою. За грани-

цею, лучшія описанія и изслѣдованія этого-рода произведены были Обществомъ Исторіи и Древностей Балтійскаго-Поморья (Помераніи, Pommeren). У насъ первымъ возвысившимъ голосъ за это дѣло былъ Академикъ П. И. Кенненъ. После того, покойный В. В. Пассекъ предпринималъ, на счетъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, изслѣдованіе кургановъ Слободско-Украинскихъ; гг. Глинка и Ушаковъ разрывали и описывали курганы Тверской губерніи; Дерптскій Профессоръ Крузе издалъ описаніе этого рода памятниковъ въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи; Графы Тьшкевичъ и Платеръ трудятся по этой части въ Литвѣ и Бѣлоруссіи; по Московской губерніи разрыты были и описаны нѣкоторые курганы въ Звенигородскомъ уѣздѣ; по распоряженію Министерства В. Д. производились разрытія кургановъ по Абакану и другимъ мѣстамъ Южной-Сибири; тамъже подвергаетъ ихъ нынѣ изслѣдованію, по порученію Академіи Наукъ, г. Кастренъ. Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденная при Кіевскомъ Военномъ Губернаторѣ, приступила къ раскапыванію кургановъ въ губерніяхъ Волинской, Подольской и Кіевской; Одесское Общество Исторіи и Древностей собираетъ свѣдѣнія о курганахъ Новороссійскаго Края; наконецъ, вышло въ свѣтъ изданное г. Кіевскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ «Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи», на которое обращаемъ теперь вниманіе нашихъ читателей.

Этотъ трудъ затмилъ собою всю существующую курганную литтературу, какъ отечественную, такъ и заграничную. До-

сихъ-портъ всѣ занимавшіеся изслѣдованіемъ или описаніемъ кургановъ, ограничивались, по средствамъ своимъ, мѣстностями весьма малаго объема, а если охватывали пространства большія, то сообщали свѣдѣнія отрывочныя и далеко не полныя. Г. Фундуклей первый предпринялъ перечислить *всѣ* курганы, разсѣянные на такомъ обширномъ пространствѣ, какое занимаетъ Кіевская губернія (913 кв. геогр. миль), и собрать всѣ, какія только возможно, свѣдѣнія объ относящихся къ нимъ преданіяхъ и произведенныхъ въ нихъ раскопкахъ. Такимъ образомъ, уже по самымъ размѣрамъ своимъ, предпріятіе г. Фундуклея далеко оставило за собою всѣ предшествовавшіе труды этого рода. Затѣмъ, какъ широко было оно задумано, столь же удовлетворительно и исполнено. Когда желаемыя свѣдѣнія о курганахъ были собраны, нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ мѣстныхъ ученыхъ, между коими преимущественно должно назвать *М. А. Грабовскаго*, занялись, по приглашенію г. Фундуклея, систематическимъ изложеніемъ и критическою обработкою ихъ, соотвѣтственно требованіямъ современной Науки; а обиліе пояснительныхъ рисунковъ при изданіи труда въ свѣтъ, придало еще болышую цѣну его внутреннимъ достоинствамъ, такъ-что книга г. Фундуклея вышла не только вполне удовлетворительнымъ, но и образцовымъ въ своемъ родѣ ученымъ трудомъ, которымъ справедливо можетъ гордиться наша литература.

«Описаніе» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ излагаются поуздно результаты розысканій, дѣланныхъ въ губерніи относительно числа кургановъ, ихъ вида, названій (если они ихъ имѣютъ), связанныхъ съ ними народныхъ преданій, вещей въ нихъ найденныхъ, и т. п. Это важнѣйшая часть труда. Всѣхъ кургановъ различнаго вида въ 12 уѣздахъ Кіевской губерніи насчитано 6,239; но на томъ основаніи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не всѣ курганы можно было осмотрѣть и сосчитать, что другіе разрушены дѣйствіемъ плуга и сравнены съ землею, должно полагать общее число ихъ въ гу-

берніи по-крайней-мѣрѣ *вдвое* болѣе, что составило-бы 12,478 кургановъ! И это въ одной губерніи, и притомъ далеко не самой обильной такого рода памятниками! «Описаніе» высчитываетъ, что полагая на каждый курганъ по 6,000 кв. футовъ земли, эти 12,478 кургановъ заключаютъ въ себѣ 74.868,000 кв. футовъ, то-есть такую массу земли, которая въ одномъ направленіи составила-бы стѣну въ 50 аршинъ высоты, и въ 40 слишкомъ верстъ длины: чему, послѣ этого, удивляться въ знаменитой Китайской Стѣнѣ!

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ общіе выводы изъ данныхъ, представленныхъ въ первомъ, относительно высоты, формъ, положенія и названій кургановъ; затѣмъ, классифируются найденныя въ нихъ вещи; рассматриваются разныя существующія объ этихъ памятникахъ мнѣнія, и наконецъ предлагаются о томъ же новыя гипотезы и соображенія. Такъ, на примѣръ, относительно кургановъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «раскопанныхъ» или «майданныхъ», доказывается, что это не селитряные майданы, не шанцы, и не обвалившіяся могилы гробовыя—какъ полагали тѣ-или-другіе изъ мѣстныхъ изслѣдователей—а *обрядныя мѣста для торжественнаго закланія человеческихъ жертвъ*. Относительно-же происхожденія кургановъ вообще, «Описаніе» старается опровергнуть мнѣнія тѣхъ, которые думали или думаютъ, что это путеводные знаки, насыпанные Татарами, или укрѣпленія, воздвигнутыя противъ нихъ туземцами, или даже и могилы, но получившія существованіе во времена не слишкомъ отдаленныя; вмѣсто этихъ гипотезъ предлагаетъ и защищаетъ оно слѣдующія положенія: *курганы суть мѣста погребенія; памятники въковъ давно минувшихъ; дѣло народа многія столѣтія жившаго на одномъ мѣстѣ и находившагося въ состояніи патріархальномъ или подѣ правленіемъ родовымъ; памятники эти доказываютъ великое народонаселеніе страны въ-древности, и принадлежатъ Скиѣамъ, оказывающимся стоявшими на горахъ высшей степи*.

пени гражданственности, члмъ кака
была предполагаема у нихъ досель.

Гипотезы въ дѣлѣ науки — суть необходи-
мые слѣдствія самостоятельности чело-
вѣческаго ума; безъ нихъ нельзя обой-
тись; но не должно и приписывать имъ
значенія больше того, какое онѣ имѣютъ.
Положенія, защищаемыя «Описаніемъ»,
тоже гипотезы, которыя, думаемъ, уступятъ
мѣсто другимъ, когда курганы подверг-
нутся повсемѣстно въ Россіи такому же
изслѣдованію, какое произведено въ гу-
берніи Кіевской, тѣмъ-болѣе что нѣко-
рыя изъ этѣхъ гипотезъ и построены не
съ совершенно-выдержанною логиче-
скою строгостью. Такъ, на-примѣръ,
на основаніи того, что въ одной могилѣ
Каневского уѣзда найденъ сосудъ грече-
ской работы, «Описаніе» строитъ слѣ-
дующія предположенія: «Открытіе это
высокой важности; оно ясно показываетъ
до какихъ мѣстъ простирались Грече-
скія колоніи; показываетъ то, что прежде
было только предполагаемо, то-есть, что
колоніи Греческія весьма далеко про-
стирались вверхъ по Днѣпру. Кажется,
что эта ваза съ изображеніями, служитъ
первымъ свидѣтелемъ, являющимся на
защиту такого мнѣнія; имъ устанавли-
вается отношеніе нашихъ могилъ къ
тѣмъ, которыя находятся надъ Эвкси-
номъ; открывається существованіе на
этихъ берегахъ Днѣпра народовъ обра-
зованныхъ уже въ такія времена, кото-

рыя обыкновенно считаются чисто варвар-
скими» (стр. 71). Всѣ эти выводы могутъ
быть истинны сами-по-себѣ, но нисколько
не вытекаютъ изъ открытія греческаго
сосуда въ Каневскомъ уѣздѣ. Сосудъ
этотъ могъ попасть къ грубымъ Скиѣамъ
изъ Греческихъ Черноморскихъ поселе-
ній и быть погребенъ вмѣстѣ съ тѣмъ
лицомъ, которому принадлежалъ, нисколько
не доказывая тѣмъ ни образованности
Скиѣовъ, ни предѣловъ Греческихъ по-
селеній въ землѣ Скиѣской. Если черезъ
тысячу лѣтъ найдутся въ могилахъ ны-
нѣшнихъ Сѣверо-Американскихъ дикарей
около Каменныхъ-Горъ, гдѣ нибудь стѣ-
вернѣе 60° широты, произведенія Ан-
глійскихъ или Русскихъ фабрикъ — кака
нибудь фаянсовая кружка или стальная
пряжка — то заключенія изъ такихъ нахо-
докъ о предметахъ Русскихъ или Англій-
скихъ владѣній въ тѣхъ мѣстахъ, и о
степени образованности ихъ обитателей
въ XIX вѣкѣ по Р. Х., будутъ столь же
мало основательны, какъ и выводы «Опи-
санія» изъ упомянутого открытія грече-
ской вазы.

Кромѣ кургановъ, книга г. Фундукля
заключаетъ въ себѣ также описаніе и дру-
гихъ земляныхъ сооруженій въ Кіев-
ской губерніи, именно валовъ и городищъ,
произведенное съ равною отчетливостію
и тоже весьма драгоценное для древней
исторіи и географіи края. (Сообщено
Д. Ч. О. В. В. Григорьевымъ.)

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Печатать позволяется. С.-П.-Б. марта 10 дня 1849 года.

Ценсоръ Измаилъ Срезневскій

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ-теченіе ноября и декабря мѣсяцовъ Р. Г. О. имѣло два Общихъ Собранія, оба подъ предсѣдательствомъ г. Помощника Предсѣдателя, 3 ноября и 1 декабря.

3 ноября. — Присутствовавшихъ Членовъ было 71.

— Д. Ч. О. П. И. Небольсинъ сообщил собранныя имъ въ-продолженіе пребыванія въ Сибири «Замѣчанія о казачьихъ сословіяхъ этого края, ихъ историческомъ образованіи и настоящемъ состояніи».

Предметъ этотъ совершенно-дѣйствиель въ нашей историко-статистической литературѣ и, какъ кажется, никѣмъ еще не былъ не только разработанъ, но даже и затронутъ. Опредѣливъ сначала значеніе *Сибирскихъ Казаковъ* въ XVII вѣкѣ, въ первую эпоху покоренія Сибири, г. Небольсинъ замѣтилъ при этомъ, что тогдашніе «Воеводы сосредоточивали въ своемъ лицѣ власть и военную, и административную, и судебную, и были полными оберегателями порядка внутренняго и внѣшняго. За ними, по ступенямъ служебной іерархіи, послѣ Головъ и Дьяковъ, слѣдовали *Сибирскіе-Дворяне* (они, впрочемъ, были гораздо позже), *Боярскіе - Дѣти*, *Московскіе-Стрѣльцы* (въ смыслѣ отборнаго войска, гвардіи), простые стрѣльцы и наконецъ разноплеменный сбродъ ратнаго народа, подраздѣленнаго на категоріи *Литвы*, *Польскихъ-Казаковъ*, *Черкасовъ*, *Нѣмцовъ*, *Русскихъ охотниковъ* (въ числѣ которыхъ были и *Ермаковы Казаки*) и служилыхъ *Татаръ юртовскихъ* и *волостныхъ*, безъ различія племенъ

Башкирскаго, Остяцкаго или другихъ. Всѣ эти разнородные характеры, сближаясь постоянно между собой болѣе-и-болѣе, образовали, наконецъ, отдѣльную корпорацію промышленниковъ-воиновъ, а по временамъ — своего рода ландверовъ, усвоившихъ себѣ одно общее названіе — *Казаковъ*».

Показавъ различіе Казаковъ отъ Стрѣльцовъ въ военно-политическомъ отношеніи и объяснивъ средства и способъ формированія и комплектованія ратныхъ силъ въ Сибири, авторъ представилъ затѣмъ любопытную картину общественнаго быта Сибирскихъ Казаковъ XVII столѣтія, на основаніи современныхъ официальныхъ документовъ. Коснувшись тогдашнихъ обязанностей Казаковъ, поручныхъ ихъ записей, ихъ окладовъ и раздѣленія Казаковъ на *конныхъ*, *пѣшихъ*, *бѣломѣстныхъ* и *черномѣстныхъ*, упомянувъ о мѣрахъ Правительства къ уничтоженію званія *Сибирскихъ-Дворянъ* и *Дѣтей-Боярскихъ*, о вводѣ и выводѣ регулярныхъ войскъ въ Сибирь и изъ Сибири, о ландмилицкихъ полкахъ и о проэктѣ Соймонова, г. Небольсинъ сдѣлалъ историческій обзоръ обстоятельствъ, которыя служили поводомъ къ образованію въ Сибири *четырехъ* (совершенно-отдѣльныхъ и во всемъ разнящихся между собою) *Казачьихъ Сословій*, изъ которыхъ только одно есть въ буквальномъ смыслѣ военное сословіе особаго рода, подчиненное Министерству Военному, а изъ остальныхъ трехъ — одно подлежитъ завѣдыванію Министерства Финансовъ, а два — Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Затѣмъ обратилъ онъ вниманіе на права, обязанности, выгоды, раздѣленіе и настоящее положеніе сословія *Сибирскихъ Городовыхъ Казаковъ* и на прекрасную цѣль учрежденія и чрезвычайную важность значенія сословія *Пограничныхъ Казаковъ*. Оба эти сословія не состоятъ въ зависимости отъ воинской власти и подчинены гражданскому управленію. Городовые Казаки раскинуты по цѣлой Сибири отъ Тюмени, въ Тобольской губерніи, до Петропавловска въ Камчаткѣ; Пограничные-же Казаки существуютъ только въ юго-восточной части Иркутской губерніи. Численность обѣихъ этихъ *ополченныхъ* силъ простирается, по свѣдѣніямъ собраннымъ авторомъ, до 25,000 душъ мужескаго пола; изъ нихъ тысячь четырнадцать — *городовыхъ*, а тысячь одиннадцать — *пограничныхъ*; на дѣйствительной-же службѣ состоятъ: первыхъ — около 8,000, а послѣднихъ — около 4,000 душъ. Городовые Казаки, съ своими офицерами, находятся въ непосредственномъ завѣдываніи Исправниковъ и Гражданскихъ Губернаторовъ; они носятъ чекмени военнаго покроя, сабли, ружья и усы, но не имѣютъ эполетъ; офицеры ихъ не носятъ кокарды на картузахъ и не имѣютъ военныхъ чиновъ, а производятся въ чины гражданскіе; прежніе Атаманы переименованы въ *Сотенныхъ Начальниковъ*, состоящихъ за урядъ въ XIV классъ; теперь-же «Атаманъ» есть званіе положенное за урядъ въ чинъ Титулярнаго Совѣтника и принадлежащее Главному, Полковому, Командиру. Полковъ этихъ считается семь. *Пограничные Казаки* также раздѣляются на шесть

полковъ, изъ коихъ: одинъ — Русскій, одинъ — Тунгузскій, и четыре — Бурятскихъ.

Сословіе *Сибирскаго Линейнаго Казачьяго Войска* составляетъ исключительную принадлежность Западной-Сибири. Оно расположено по рѣкѣ Иртышу, отъ редута Сибирскаго въ Тобольской губерніи до редута Малонарымскаго на самомъ югѣ Томской губерніи и до города Кузнецка на востокъ, занимая такимъ образомъ 93 редута, 21 форпостъ, 13 крѣпостей, 42 деревни, 7 большихъ селъ и 6 городов — Петропавловскъ, Омскъ, Семипалатинскъ, Усть-Каменогорскъ, Бійскъ и Кузнецкъ. Сословіе это замѣчательно слѣдующими особенностями, узаконенными новымъ о немъ Положеніемъ: 1) Частной поземельной собственности не существуетъ: вся земля общественная; 2) Между членами сословія она дѣлится по-ровну; но такъ-какъ человекъ вездѣ человекъ и различіе между высшими и низшими будетъ существовать вѣчно, то и здѣсь земля раздается Штабъ-Офицерамъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ Оберъ-Офицеру, а этому дается преимущество передъ простымъ Казакомъ; 3) У сословія существуетъ только поземельное пользованіе; полная собственность распространяется только на движимое имущество; все прочее принадлежитъ общинѣ, угоды-ли, фабрики-ли, или рудный промыселъ; 4) Сословіе имѣетъ свою артиллерію (три легкія батареи по 8 орудій); 5) Оно дѣлится на девять полковъ, въ каждомъ по 6 сотенъ; 6) Сословіе обязано имѣть училища при каждой сотнѣ, для образованія юношества; 7) Дальнѣйшее образованіе продолжается въ бригадной школѣ; для не-простыхъ казаковъ существуетъ Сибирскій Кадетскій Корпусъ въ Омскѣ; 8) Сословіе должно быть совершенно готово къ бою по первому призыву; 9) Число Казаковъ этого сословія доходить до 30,000 душъ; полный комплектъ служилыхъ — 44,500 человекъ.

Чтеніе свое г. Небольсинъ заключилъ краткими свѣдѣніями о *Горныхъ Казакахъ* и объ Алтайской Горной-Стражѣ, тоже совершенно отдѣльномъ сословіи, существующемъ въ предѣлахъ Государевой Колыванской-Области.

— Избраны въ Дѣйствительные Члены Р. Г. О.: *В. Н. Воиновъ*, Князь *Н. П. Голицынъ*, *А. А. Лоджеръ*, *В. А. Правдинъ*, *М. А. Посыпкинъ*, *П. Н. Стремоуховъ*, *М. О. Строповскій*, *П. И. Сабатье* и *П. А. Языковъ*.

4 Декабря. — Присутствовало 93 Члена.

— Возвратившійся въ С.-Петербургъ Начальникъ Уральской Экспедиціи Д. Ч. О. Полковникъ *Гофманъ* сообщилъ краткій отчетъ объ успешныхъ дѣйствіяхъ и важнѣйшихъ результатахъ сей экспедиціи въ 1848 году (См. ниже, въ отдѣлѣ «Экспедиціи и Путешествія»). При этомъ, Общество, признавая, что удовлетворительнымъ окончаніемъ перваго большаго предпріятія своего обязано оно главнѣйше неутомимости

и стараніямъ Начальника Экспедиціи, а затѣмъ, по собственному его засвидѣтельствуванію, усердію всѣхъ прочихъ участниковъ ея, единогласно изъявило г. Гофману и сподвижникамъ его полную признательность за труды подъятыя ими на пользу Науки.

— Г. Помощникъ Предсѣдателя довелъ до свѣдѣнія Общества, что Д. Ч. О. Коллежскій Совѣтникъ *П. В. Голубковъ* увѣдомилъ его въ концѣ ноября, что не признавая удобнымъ продолжать въ Москвѣ переводъ и изданіе Риттерова «Землевѣдѣнія» (См. Г. И. стр. 35), онъ предлагаетъ Обществу принять это дѣло на себя, и въ слѣдъ затѣмъ доставилъ на сей предметъ 15,000 р. сер.; Его Императорскому Высочеству, Предсѣдателю Общества, благоугодно было принять, отъ имени Общества, это предложеніе г. Голубкова.

— Избраны: въ Дѣйствительные Члены Р. Г. О.: Баронъ *И. А. Вревскій*, *К. Д. Кавелинъ* и *А. А. Оленинъ*; въ Члены-Сотрудники: Рыбинскій Купецъ *О. И. Тюменевъ*, Коллежскій Ассесоръ *И. О. Дьячковъ* и Профессоръ *Абихъ*.

Совѣтъ Общества имѣлъ три засѣданія: 11 и 26 ноября и 8 декабря.

ЭКСПЕДИЦИИ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

— ОТЧЕТЪ ОБЪ ОКОНЧАТЕЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ОДНОГО ИЗЪ ОТРЯДОВЪ УРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ВЪ 1848 ГОДУ. — Краткая инструкция, данная Совѣтомъ Р. Г. О. для дѣйствій Экспедиціи на 1848 годъ, сообщена была нами прежде (см. Г. И. стр. 34). Здѣсь представляется отчетъ въ какой мѣрѣ одинъ изъ отрядовъ Экспедиціи выполнилъ свою задачу въ этомъ году, читанный Начальникомъ ея Полковникомъ *Гофманомъ*, въ декабрьскомъ Собраніи Р. Г. О.

«Въ прошедшемъ (1847) году постоянно-прекрасная лѣтняя погода дала намъ возможность дойти 15 сентября до горы *Квоэмъ-Ніэръ*, лежащей подъ $64\frac{1}{2}^{\circ}$ С. Ш., такъ что мы въ три съ половиною мѣсяца, считая отъ Чердыни, откуда началась Экспедиція, подвинулись впередъ на четыре градуса широты. Для окончательнаго рѣшенія нашей задачи, намъ должно было въ нынешнее лѣто (1848) пройти остальную часть Уральскаго-Хребта, который, какъ полагали, подъ 69° отъ сѣверо-восточнаго своего направленія уклоняется почти подъ прямымъ угломъ на С.-З., до Вайгацкаго-Пролива; слѣдовательно — болѣе пяти параллельныхъ и пяти меридіональныхъ градусовъ. При стеченіи самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, часть Хребта, лежащая въ этихъ широтахъ, доступна для изслѣдованій только въ-продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Эта самая причина заставила меня сомнѣваться въ успѣхѣ на-

шего предпріятія, въ томъ случаѣ, когда-бы всѣ участвующіе въ Экспедиціи остались вмѣстѣ для изслѣдованія всего пространства. Въ-слѣдствіе этого, я рѣшился спуститься вмѣстѣ съ Экспедиціею внизъ по Оби, и вмѣстѣ съ нею же подняться, подъ 67°, на Хребетъ, а тамъ уже раздѣлить ее на цѣлое лѣто: Маіору Стражевскому поручено было, въ сопровожденіи топографа Юрѣва и горныхъ рабочихъ, пройти Хребетъ до горы *Квосмъ-Ніэръ*, обращая преимущественно вниманіе на восточный склонъ его къ Ю., и осенью встрѣтиться со мною въ какой-нибудь деревнѣ, лежащей на Печорѣ; самъ-же я, съ прочими членами Экспедиціи, предполагалъ изслѣдовать сѣверную часть Хребта.

« Для избѣжанія затрудненій, происшедшихъ въ прошломъ (1847) году отъ перевозки жизненныхъ припасовъ, я еще зимою поручилъ приготовить для Экспедиціи запасъ сухарей, крупы, гороху и соли, и размѣстить оный въ шести пунктахъ, нанявъ, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, для каждаго отряда стадо оленей съ принадлежащимъ къ нему чумомъ и работниками. Все это исполнено было Березовскимъ Исправникомъ. Обдорскіе Самоѣды не брались доставить провіантъ къ мѣстамъ, лежащимъ въ Архангельской губерніи; не было также охотника и на поставку оленей для этого отряда, потому-что дорога пролегаетъ чрезъ страны, избѣгаемыя кочующими народами, по причинѣ безчисленнаго множества комаровъ. Но, на что не соглашались Самоѣды и Остяки за деньги, то Обдорскій купецъ *Трофимовъ* взялся исполнить изъ одной любви къ родной сторонѣ, и желая съ давняго времени, чтобы она была болѣе изслѣдована. Для облегченія Экспедиціи, онъ предложилъ ей, безъ всякихъ выгодъ для себя, цѣлое стадо оленей и 120 быковъ, съ достаточнымъ количествомъ другаго скота на убой (всего 300 штукъ), и нанялъ Самоѣда, который долженъ былъ доставить провіантъ къ *Каръ* и *Оію*.

« Въ Троицынъ-День, 30 мая, прибыли мы въ *Березовъ*. Рѣки только-что освободились ото льда. Воздухъ и земля напоминали еще о зимѣ. Чтобы узнать до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ различныхъ почвахъ, я велѣлъ бить шурфы. Приэтомъ, когда взрывали песчаную гору, находящуюся близъ церкви Рождества Богородицы, и проникли до глубины 10 футовъ, то уперлись въ истлѣвшій гробъ, въ которомъ находились остатки другаго гроба съ уцѣлѣвшими золотыми позументами и лоскутьями шелковой матеріи, и черепомъ покрытымъ прахомъ и землею. Я тотчасъ же приказалъ засыпать этотъ гробъ; а затѣмъ, заключивъ по золотому позументу, что тутъ была вѣроятно могила какого-нибудь знатнаго человѣка, обратился за справками объ этомъ къ Члену-Корреспонденту Р. Г. О., Смотрителю здѣшнихъ Училищъ, г. Абрамову; онъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, рѣшилъ, что тутъ покоится прахъ знаменитаго графа Андрея Ивановича Остермана. Тогда я приказалъ покрыть могилу свѣжимъ дерномъ и поставить надъ нею чер-

ный колоссальной величины деревянный крестъ, къ которому прибита была мѣдная дощечка съ изображеніемъ графской короны и латинскихъ буквъ А. О.; могилу обвели простою оградой, и отслужили надъ нею панихиду.

«Іюня 7 всѣ распоряженія, относящіяся къ нашей лѣтней поѣздкѣ, были окончены. Мы выѣхали изъ Березова и прибыли 9 числа къ истокамъ *Войкара*. Отсюда можно уже было видѣть горы; онѣ повсюду были покрыты снѣгомъ; но краткость времени заставила насъ немедленно поспѣшить къ нимъ. Послѣ двухдневнаго пути вверхъ по *Войкару*, прибыли мы къ мѣсту, гдѣ насъ ожидали олени, и затѣмъ продолжали путь далѣе. Прекрасный здоровый лѣсъ, растущій по берегамъ этой рѣки, исчезаетъ въ небольшомъ разстояніи отъ нея, а тамъ, на пространствѣ сорока верстъ, тянется болотистая тундра, изъ которой непосредственно возвышается *Хребетъ*. Отсюда до самаго *Хребта* видны были деревья только по берегамъ ручьевъ: сначала сибирская ель, а потомъ исключительно лиственница. *Хребетъ* состоитъ изъ неочень высокой, но крутой, голой, изрытой скалы. Съ перваго взгляда я убѣдился, что намъ невозможно было, какъ въ прошломъ году, путешествовать по вершинамъ *Хребта*. Если-бы и удалось преодолѣть всѣ затрудненія, въ чемъ однакоже я сомнѣваюсь, то препятствіе состояло въ томъ, что неровность каменистой почвы истерла-бы слишкомъ скоро полозья нартъ; а замѣнить ихъ новыми не было-бы возможности, за недостаткомъ лѣса. Вотъ причины, побудившія меня продолжать путь вдоль подошвы *Хребта*. Западный склонъ его назначилъ я предметомъ нашихъ изслѣдованій, потому что съемка *Березовскаго уѣзда* поручена была въ нынѣшнемъ году Омскимъ топографамъ. Еще до прибытія нашего къ горамъ пошли теплые дожди: снѣгъ исчезъ съ необыкновенною быстротою и наводнилъ ручьи до того, что не было возможности къ переправѣ. *Ли́ра*, одинъ изъ источниковъ *Войкара*, въ-особенности причинила намъ много заботъ. Чтобы отыскать мѣсто, удобное для переправы, намъ надо было обратиться къ Ю. въ горы и дойти почти до ея истока. Дорога была чрезвычайно утомительна. Мы ѣхали ночью, потому что днемъ напоръ водъ былъ слишкомъ силенъ, а ночи были почти не темнѣе дня. Въ пятую ночь мы нашли переправу, но и здѣсь быстрота водъ умчала нарту мою въ пучину: одинъ олень утонулъ, а другихъ едва могли спасти. Окончивъ переправу, мы не встрѣтили болѣе препятствій и, по снѣжной дорогѣ, быстро переѣхали *Хребетъ* чрезъ *Кольво́льскій-Проходъ*, такъ-что въ то же утро, 26 іюня въ 8 часовъ, разбили палатки уже у подошвы его на западной сторонѣ.

«И здѣсь *Хребетъ* поднимается непосредственно изъ самой тундры, на холмообразной болотистой поверхности которой совершенно нѣтъ деревьевъ. Кустарники малорослой березы и ивы — единственный родъ ихъ,

находящийся здѣсь; ихъ-то исключительно и употребляли мы въ нынѣшнемъ году на топку. При опредѣленіи пункта, гдѣ намъ надлежало раздѣлиться на отдѣльные отряды, назначилъ я на свою долю двѣ трети пространства, которое положено было изслѣдовать; южному-же отряду — одну только треть, а гору *Паришенго*, лежащую на картѣ Регули почти подъ $66\frac{1}{2}^{\circ}$ С. Ш. — мѣстомъ раздѣленія Экспедиціи. На дѣлѣ оказалось, что гора эта лежитъ болѣе къ Ю. Кромѣ-того, углубляясь вверхъ по *Лирп* въ горы, мы шли уже на Ю., и астрономическія наблюденія показали, что на мою часть пришлось болѣе трехъ-четвертей пространства, которое предположено было изслѣдовать. Итакъ, надо было съ величайшею поспѣшностію приступить къ дѣлу, тѣмъ-болѣе что мы до 29 июня задержаны были густыми туманами и безпрестаннымъ дождемъ. Въ означенный день сквозь туманъ начали проглядывать горы. Оба отряда двинулись. Снѣгъ быстро исчезалъ, но съ равною быстротою возрастало число комаровъ. Они явились въ такомъ множествѣ, что мученье, которое мы понесли отъ нихъ въ прошломъ году, казалось-бы намъ теперь отдохновеніемъ. Люди имѣли еще кой-какія средства защититься отъ нихъ, по-крайней-мѣрѣ ночью, посредствомъ занавѣсокъ; но бѣдные олени вѣчно подвержены были ихъ ярости, и проводили цѣлыя ночи безъ отдыха и пищи.

«Мы подвигались очень медленно, проѣзжая едва по 15 верстѣ въ сутки; на третьи сутки была всегда дневка. Олени день-ото-дня становились слабѣе; по нѣскольку изъ нихъ падало ежедневно. Затѣмъ, мокрая погода произвела болѣзнь въ копытахъ, которая усилилась до такой степени, что мы стали терять по семи, осьми оленей въ день; а разъ пало ихъ до 20 штукъ. Я приказалъ выбросить все, что только было не совершенно необходимо: сперва — желѣзные орудія, которыя за неимѣніемъ лѣса и такъ ни къ чему не служили; потомъ — нашу теплую одежду; наконецъ — съѣстные припасы, которые я надѣялся возобновить на Карѣ. Мы шли безпрестанно пѣшкомъ; я посягнулъ даже на рыцарскія чувства моихъ спутниковъ: отдалъ жестокой приказъ — оставить чумъ съ обѣими самоѣдскими дамами, при насъ находившимися; но, въ извиненіе моего жестокосердія, могу прибавить, что снабдилъ ихъ значительнымъ количествомъ муки, крупы, соли; далъ имъ хромыхъ оленей на убой, и тотчасъ по отысканіи туземцевъ, отпустилъ къ нимъ мужей, которые и избавили ихъ отъ одиночества. Всѣ мѣры, принятыя мною, помогли только на-время; скоро почувствовали мы недостатокъ въ быкахъ и привуждены были употреблять въ упряжь коровъ; коровы-же не везутъ, если при нихъ есть телята, которыхъ онѣ кормятъ: это вынудило меня приказать убить около дюжины телятъ. Одна надежда подкрѣпляла меня: я полагалъ скоро встрѣтить кочующихъ туземцевъ и у нихъ достать свѣжихъ оленей. Въ-самомъ-дѣлѣ, признаки бли-

зости ихъ умножались. 27 іюля мы находились недалеко отъ Уссы, следовательно въ цѣлый мѣсяцъ прошли не болѣе $4\frac{1}{2}^{\circ}$ широты, то-есть около двухъ-сотъ верстъ; у насъ оставалось только мѣсяцъ времени, а въ этотъ мѣсяцъ надлежало пройти до моря и Югорскаго-Пролива: пространство вдвое болѣе пройденнаго, да еще совершить обратный путь. 28 іюля погода была необыкновенно-теплая; олени падали отъ усталости; мы принуждены были оставить двѣ нарты въ тундрѣ, чтобы имѣть какую-нибудь возможность добраться до рѣки, на берегу которой я твердо надѣялся найти чумъ. Наконецъ, рѣка представилась намъ, но чума не было видно. Я взобрался на гору, чтобы обозрѣть оттуда окрестность. Тундра представляла видъ пустыни; Хребетъ лежалъ въ безжизненномъ безмолвіи: надежда продолжать путь исчезала болѣе-и-болѣе, и страшная истина, что намъ не удастся достигнуть желанной цѣли, истина эта, въ которой давно уже убѣждены были мои спутники, сильно потрясла и мое мужество. Я созвалъ Самоѣдовъ и освѣдомясь о числѣ здоровыхъ быковъ, получилъ въ отвѣтъ, что около пятнадцати въ состояніи идти далѣе, и что одинъ изъ нихъ «молодецъ». — «Пустьже они отдохнутъ до завтрашняго дня», сказалъ я, «а тамъ въ полдень запрягите трое саней и ступайте отыскивать чумъ; кто приведетъ свѣжихъ оленей, тотъ получитъ 10 р. и осьмушку водки». — Тогоже 28 числа трое саней отправились на поискъ, а на слѣдующій день Самоѣдъ *Педре* пригналъ уже 45 здоровыхъ оленей. Бѣдствія наши кончились. Я отпустилъ работниковъ и съ радостнымъ чувствомъ растаялъ съ несчастными измученными оленями, изъ которыхъ едва-ли одинъ проживетъ зиму. Потеря быковъ простиралась до 100 штукъ. Выходить, что готовность купца Трофимова способствовать успѣхамъ Экспедиціи, стоила этому, очень не богатому человѣку — около 2,000 р. сер. Въ письмѣ, отосланномъ къ нему, изъявляя сожалѣніе о понесенномъ имъ убыткѣ, я предлагалъ ему 300 р. сер., сумму, которая заплачена была подрядчику Южнаго Остряда. Но онъ не хотѣлъ и слышать о деньгахъ, говоря: «Что дѣлать? Божья воля! А услужить Великому Государю мнѣ, дѣти, не жаль!»

«Быстро ѣхали мы на свѣжихъ оленяхъ отъ чума до чума, и дня черезъ два прибыли къ Ижемскому Зырянину *Андрею Терентьеву*, который въ-послѣдствіи сдѣлался истиннымъ нашимъ благодѣтелемъ, ибо ему и землякамъ его одолжены мы счастливымъ достиженіемъ цѣли нашей Экспедиціи и благополучнымъ выходомъ изъ тундры къ Печорѣ. Самоѣдъ, нанятый Трофимовымъ для доставленія провизіи къ Карѣ и Оію, не прибылъ къ условленному мѣсту, такъ-что мы принуждены-бы были питаться однимъ только мясомъ, если-бы Терентьевъ и другіе Зыряне не снабдили насъ сухарями, крупю и солью, причемъ только двое изъ нихъ, и то самые бѣдные, согласились на принятіе незначительной платы. Для облегченія переезда, мы оставили три нарты съ коллекціями

у Терентьева, который обещал доставить ихъ къ Уссѣ, съ-тѣмъ-чтобы на возвратномъ пути передать намъ.

«Августа 6 взошли мы на самую сѣверную возвышенность Уральскаго Хребта, которая круто нисходитъ въ тундру и тамъ оканчивается; а 9 августа достигли морскаго берега у истока рѣки *Осовея*. Тутъ настала постоянно-дурная погода: дождь, снѣгъ и туманъ задерживали насъ по цѣлымъ днямъ. Кочевыя племена тянулись уже къ Ю., и въ скоромъ времени весь этотъ край долженъ былъ обратиться, какъ говорили, въ безмолвную пустыню. До 15 августа блуждали мы между *Ураломъ*, *Карою* и моремъ. Отчаяваясь въ появленіи свѣтлой погоды и опасаясь, что г. Ковальскій по дорогѣ въ Обдорскъ не найдетъ болѣе оленей, рѣшился я разстаться съ нимъ у Кары. Ему предстояло еще опредѣлить мысъ *Толстой*, а потомъ обогнувъ Хребетъ на С., отправиться въ Обдорскъ для занятій, которыя предположено было окончить въ-продолженіе зимы. Я-же переправился черезъ Кару, въ намѣреніи проникнуть сколь-можно ближе къ *Вайгацу*. Г. Бранта оставилъ я больнаго, съ слугою, у одного Самоѣда недалеко отъ Кары, и съ однимъ только топографомъ Брагинымъ продолжалъ итти впередъ, давъ себѣ слово, до 23 августа не думать о возвращеніи, какія-бы препятствія не встрѣтилъ на пути. Августа 19 мы удалились отъ Кары. Передовые должны были пригонять къ дорогѣ оленей, которыхъ не всегда находили по-близости. Два дня продолжался морозъ и попеременно сопровождали насъ мятель или ясное небо; потомъ стало теплѣе. Самоѣды ѣздить вообще медленно; но на этотъ разъ счастье послужило намъ. Ижемскій Зырянинъ, который везъ насъ, съѣздилъ ночью, когда мы отдыхали у его чума, къ кочующимъ вблизи землякамъ своимъ, и условился съ ними, чтобы они по всей дорогѣ на каждыхъ 25 верстахъ разставили оленей. Такимъ образомъ проѣхалъ я слишкомъ сто верстъ въ двое сутокъ и имѣлъ довольно времени на изслѣдованіе хребта *Пай-Хой*; топографъ Брагинъ сдѣлалъ съемку этого хребта съ ловкостію, которая выше всякой похвалы. Августа 23 прибылъ я къ *Вайгацкому*-Проливу и устью *Парединэ-Яга*. Это было въ прекрасный ясный день; съ вершины *Сивни-Пай* я могъ обозрѣть большое пространство поверхности плоскаго Вайгача, который разстилался у меня передъ глазами; но время не позволило мнѣ посвятить его; я предпочелъ окончить съемку *Пай-Хоя*. Возвратившись затѣмъ, по другой дорогѣ, къ Карѣ, я взялъ съ собою г. Бранта, и съ Самоѣдомъ, котораго уже прежде нанялъ, по пустынной тундрѣ прибылъ къ горѣ *Паембою* и продолжалъ путь къ Уссѣ. Последнія двѣ недѣли пища наша состояла только изъ оленьяго мяса и чая, а наконецъ и чаю у насъ не стало.

«Сентября 15 прибыли мы къ Самоѣдамъ, кочующимъ на Уссѣ, и какъ обрадовались, когда увидѣли на противоположномъ берегу бѣлѣющійся

Зырянскій чумъ. Кочевые народы находятся въ удивительной связи между собою. Терентьеву извѣстно уже было, что мы прѣхали, и все что претерпѣли въ пути, прежде-чѣмъ мы узнали, гдѣ стоялъ его чумъ. На другое утро пришелъ онъ къ намъ самъ, неся на спинѣ мѣшокъ съ сухарями, а изъ-за пазухи вытащилъ чай, сахаръ, крендели, муку, крупу, соль, масло, оленьи языки, пряники и кедровые орѣхи. Мы, слава Богу, не могли жаловаться на размѣръ нашихъ кармановъ; но я-бы, право, не повѣрилъ никогда—если-бы не видѣлъ собственными глазами—чтобы въ платьѣ какого-либо смертнаго могло вмѣститься такое множество всякой-всячины, какое выгрузилъ Терентьевъ изъ своего. Послѣ этого, я не удивился-бы, если-бы онъ вытащилъ еще изъ-за пазухи лодку или даже пару работниковъ—предметы, въ коихъ мы именно нуждались. Но хотя ихъ и не было у Терентьева за пазухой, зато были они у него на умѣ. Онъ досталъ двѣ небольшія лодки, уступилъ намъ одного изъ двухъ своихъ работниковъ, не теряя лишнихъ словъ взялъ другаго у своего земляка, и спустился въ тотъ-же день внизъ по рѣкѣ, чтобы изготовить для насъ плотъ. На слѣдующій день, когда одни въ лодкахъ, а другіе въ нартахъ, прѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ онъ находился, то узнали, что къ прежнимъ услугамъ прибавилъ онъ еще новыя, болѣе важныя: ночью пришла изъ Ижмы большая крытая лодка съ разными припасами и товарами; онъ нанялъ ее для насъ, и сверхъ-того трехъ работниковъ. У хозяина лодки купили мы чаю, сахару и кой-какую теплую одежду, такъ-что могли спокойно продолжать путь; если-бы, какъ намъ предвѣщали, и задержалъ насъ морозъ, то и въ такомъ случаѣ намъ нечего было бояться ни голода, ни непогоды.

«Сначала противные вѣтры, а потомъ ледъ, весьма замедлили ходъ нашъ. За 15 верстъ отъ деревни *Усть-Усса* насъ затерло льдомъ; на слѣдующій день мы доѣхали однакоже до этого мѣста; это было 2 октября, въ семнадцатый день нашего плаванія. Черезъ двѣ недѣли послѣ того ледъ на Печорѣ сталъ и выпалъ небольшой снѣгъ. Было 25° мороза, когда мы выѣхали изъ Усть-Уссы; но уже на третій день начало таять, снѣгъ совершенно исчезъ, и мы во второй разъ принуждены были въ *Ижмѣ* ожидать зимы, которая возвратилась не прежде начала ноября. Несмотря на большой морозъ, *Тай-больское-Болото*, лежащее между *Цыльмою* и *Мезенью*, еще не замерзло, и мы должны были, по замерзшимъ рѣкамъ *Цыльмѣ* и *Мылѣ*, вхаты къ *Яишъ-Озеру*, а оттуда по *Южной-Пижемѣ* къ Мезени, куда и прибыли 13 ноября. Здѣсь въ-продолженіе двухъ дней насладились мы комфортомъ городской жизни; а отсюда отправились по почтовой дорогѣ въ С.-Петербургъ.

«Направленіе Уральскаго-Хребта, по показанію магнитной стрѣлки, за однимъ только исключеніемъ, идетъ, почти совершенно прямо, съ С.

на Ю. Но какъ магнитная стрѣлка отклоняется болѣе чѣмъ на 15° къ З., то настоящее направленіе Хребта есть С.С.В., какъ это и подтверждается приближеніемъ Урала къ рѣкѣ Оби при устьѣ Войкара. Единственное - же помянутое выше исключеніе состоитъ въ томъ, что Хребетъ около 67° образуетъ весьма значительный поворотъ къ В.; но вскорѣ затѣмъ возвращается онъ опять къ прежнему своему сѣверному направленію, которое и продолжается до $68^{\circ} 28'$. На этой широтѣ, по прежде изданнымъ географическимъ картамъ, Хребетъ склоняется, почти подъ прямымъ угломъ, къ С. З. и по тому же направленію идетъ до Вайгацкаго - Пролива и далѣе. Въ самой природѣ не существуетъ такого продолженія Урала: въ упомянутой широтѣ онъ вдругъ прекращается, оканчиваясь съ В. и С. тундрами. Къ С. тундра идетъ около 50 верстъ до самаго моря, и только малые холмы и незначительная цѣпь оныхъ, находящаяся предъ Ураломъ, въ направленіи съ З. на В., возвышаются сначала на этой тундрѣ, пока совершенно не переходятъ въ болото; къ Востоку-же отъ Урала, на разстояніи 45 верстъ, нѣтъ даже и такихъ холмовъ, и тундра совершенно плоска. На означенномъ разстояніи, къ Ю. З. отъ источниковъ Кары, возвышается *Поембой*, который, по своему параллельному направленію къ Уралу, имѣетъ большое сходство съ *Пармами*, найденными нами въ прошломъ (1847) году на западной сторонѣ Уральскаго-Хребта. Прямо на З. отъ послѣдней его горы, слѣдовательно на 15° къ Югу, возвышается *Большой-Едыней*, а отъ сего-послѣдняго тянется рядъ каменистыхъ горъ и холмовъ чрезъ рѣку *Силуву*, З. С. З., до самаго Вайгацкаго - Пролива, внутри острова того же имени. Этотъ горный хребетъ различествуетъ отъ Урала и направленіемъ и видомъ. Уралъ состоитъ повсемѣстно изъ отлогихъ, зубчатыхъ, голыхъ и относительно высокихъ скалъ, тогда-какъ второй Хребетъ образуется изъ округленныхъ, болѣею - частію покрытыхъ мхомъ и травою и мало-по-малу возвышающихся горъ, изъ коихъ притомъ самыя высшія, *Пай-Дая* и *Море-Пай*, не достигаютъ и 1,000 футовъ высоты. Самоѣды называютъ этотъ Хребетъ—*Пай-Хой*, а Зыряне (въ буквальномъ переводѣ на Русскій языкъ) «*Каменнымъ-Хребтомъ*». *Пай-Хой* вовсе не составляетъ продолженія Урала; но говоря это, я нисколько не утверждаю тѣмъ будто первый образовался въ другую геологическую эпоху: *Пай-Хой*, вѣроятно, возникъ въ-слѣдствіе поперечной трещины, точно такъ же какъ и *Тиманскій* - Хребетъ, съ которымъ онъ имѣетъ почти одинаковое направленіе. По виду и различію въ направленіи, Уралъ и *Пай-Хой* можно сравнить съ Юрою и Савойскими-Альпами, которыхъ никто не считаетъ за одинъ хребетъ, хотя сіи-послѣднія еще ближе другъ-къ-другу, чѣмъ наши Уралъ и *Пай-Хой*.

«Если *Пай-Хой* имѣетъ у Самоѣдовъ общее названіе, то Уралъ такового вовсе не имѣетъ. Зыряне, Остяки и Самоѣды обыкновенно на-

зываютъ его: «*Изъ*», «*Пай*» и «*Кеу*», что въ ихъ нарѣчіяхъ означаетъ одно и тоже — «*Камень*»; такъ «*Камнемъ*» же просто называютъ его и Русскіе поселяне, живущіе на С. отъ Богословскихъ - Заводовъ; только послѣдніе прибавляютъ иногда къ слову «*Камень*» еще прозваніе: «*Поясовой*». Какъ Уралъ исключительно Русскій хребетъ, то предѣлами своими на Ю. и на С. имѣетъ онъ два вида земной поверхности изъ всѣхъ Европейскихъ Государствъ свойственные единственно Россіи: именно — начинается степью и оканчивается тундрою.

«Уралъ, обозрѣнный и изслѣдованный нами въ нынѣшнее лѣто, отличается отъ той части его, которая находится между истоками Печоры и Щугура. Изслѣдованная нами въ настоящее лѣто часть его имѣетъ большое сходство съ цѣпью *Тельпосъ*; только первый хребетъ ниже и уже Тельпосскаго. Уралъ, какъ-бы распадшаяся стѣна, возвышается на равнинѣ зубчатыми, острыми скалами, лишенными всякой растительности: оттого онъ и кажется выше чѣмъ есть на-самомъ-дѣлѣ (ибо мы привыкли такія голыя, крутыя скалы видѣть на плоскихъ возвышенностяхъ, которыя сами уже лежатъ выше границъ древеснаго роста).

«Самая высшая гора на Сѣверномъ - Уралѣ, называемая *Пай-Яръ* (по буквальному переводу — «*хозяинъ камней*»), не много выше 3,500 футовъ. Весь Хребетъ почти вездѣ одинакой высоты, и только къ С. отъ самаго *Пай-Яра* становится ниже; но вскорѣ возвышается опять и достигнувъ при вершинѣ Кары, въ горахъ называемыхъ *Нетью*, высоты не много уступающей *Пай-Яру*, вдругъ оканчивается на тундрѣ крутообразно-отлогимъ скатомъ. Настоящихъ снѣжныхъ горъ мы ни въ сѣверной, ни въ средней, ни въ южной частяхъ Урала, не видали. Многія его горы имѣютъ снѣжныя пятна, а по ущельямъ — огромныя массы нерастаявшаго снѣга; при сѣверной оконечности Хребта еще въ августъ мѣсяцъ оставались обширныя снѣжныя поля по долинамъ Тундры; но собственно снѣжнаго вѣнца ни одна изъ этихъ отраслей не имѣетъ. Самый прерывистый видъ Хребта показываетъ что онъ прорѣзанъ многочисленными долинами, которыя, какъ само-собою разумѣется, по бокамъ его сливаются, доставляя горныя воды, на Западѣ, двумъ большимъ отводнымъ каналамъ: *Уссъ* и *Каръ*, которыхъ истоки находятся вблизи другъ-отъ-друга. Отъ этихъ долинъ, которыя значительно вдаются внутрь Хребта, получаетъ онъ особенный видъ: кажется какъ-бы состоящимъ изъ однихъ скалъ, которыхъ продольныя оси наклоняются подъ прямымъ угломъ къ оси цѣлаго Хребта. Когда подобныя углубленія вдаются съ обѣихъ сторонъ на одинакой широтѣ, то возникаютъ Проходы, посредствомъ которыхъ сообщаются между собою жители Европы и Азіи, перегоняя свои стада оленей, и доставляя другъ-другу свои товары.

«Обыкновенные Проходы съ С. на Ю. пролегаютъ чрезъ *Колволу*, *Хоилу*, *Лорто*, *Пай-Яръ*, *Уссу* и *Кару*. Какъ ни узокъ и ни стѣ-

нообразенъ Хребетъ, тамъ, однакоже, гдѣ мы проходили чрезъ него, онъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ рѣзко отдѣленныхъ одна-отъ-другой цѣпей. Сколько могъ я здѣсь, съ одной высокой горы, обозрѣть протяженіе Хребта, раздѣленію этому не было видно предѣла; но не могу положительно сказать продолжается-ли оно до конца Хребта, ибо по томъ обстоятельства не дозволили мнѣ вторично совершить поперечнаго перехода по Хребту, сколь желательно это ни было.

«На западномъ склонѣ, отъ Большаго Уральскаго Хребта только разъ отдѣляется особая цѣпь — именно *Енгане-Пай*, отдѣляющаяся узкою тундрою. Эта долина между обоими Хребтами кажется издали огромными, отворенными воротами, и мы называли ее «Воротами Рая», на томъ основаніи, что къ С. отъ Еягане-Пая, менѣе терпѣли мы отъ комаровъ.

«Видъ *Пай-Хоя* разнообразенъ; въ нѣкоторомъ отдаленіи онъ представляется горнымъ хребтомъ Тундры; но приблизившись къ нему, съ удивленіемъ спрашиваешь, куда исчезъ хребетъ? вмѣсто хребта, видишь систему невысокихъ горъ, которыя, возвышаясь мало-по-малу, отдѣляются другъ-отъ-друга тундрою. Это цѣпь горъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ особое направленіе; но всѣ онѣ вмѣстѣ простираются къ З. С. З. На вершинахъ ихъ виднѣнъ только камень; ниже покрыты онѣ мхомъ и травою. *Пай-Хой* мало-по-малу спускается до *Югорскаго-Шара*, такъ что скалы, вдающіяся въ море, едва-ли достигаютъ высоты 100 футовъ. Въ августѣ мѣсяцѣ, снѣгъ уже рѣдокъ въ этихъ горахъ.

«За исключеніемъ большихъ рѣкъ: *Силowy*, *Каратаи* и *Оія*, *Пай-Хой* имѣетъ еще много отводныхъ каналовъ, доставляющихъ массу водъ его прямо въ море. Тундра между хребтами Урала и *Пай-Хоя* составляетъ болото покрытое мхомъ, съ поверхностію волнистою, которой однообразіе нарушается лишь многочисленными озерами. Тоже самое непрерывное однообразіе, представляющееся въ направленіи всего Уральскаго Хребта, сохраняется и въ его скалистыхъ породахъ; именно, на восточномъ склонѣ находятся порфиры и діориты, а на западномъ — метаморфическіе сланцы, которые образовались изъ песчаниковъ и глиняныхъ сланцевъ силурской формаціи. Только разъ нашелъ я, на западной сторонѣ, плутоническую породу — змѣвикъ; это случилось на томъ мѣстѣ, гдѣ Уралъ круто уклоняется къ В. Тамъ, гдѣ *Пай-Хой* состоитъ изъ метаморфическихъ породъ, онѣ не отличаются ничѣмъ отъ тѣхъ, которыя находятся въ Уралѣ; ибо образовались изъ тѣхъже самыхъ силурическихъ слоевъ. Впрочемъ, въ *Пай-Хой* преобразовательная сила не обнаруживалась въ высокой степени; ибо многія горы доселѣ еще состоятъ изъ неизмѣнившейся вовсе строй ваки и глинянаго сланца. Изъ плутоническихъ породъ, я находилъ одни гранитные валуны — въ долинахъ на восточномъ концѣ Хребта. Въ глубокихъ долинахъ по тундрѣ видны

только одни силурическіе слои, конгломераты, песчаники и известковые камни. Изъ тѣхъже самыхъ породъ состоитъ и гора *Паембой*.

«Флора въ сѣверной части Урала бѣдна. Деревья находятся въ тундрѣ и на западной сторонѣ этого хребта лишь по берегамъ нѣкоторыхъ рѣкъ до 67° С. Ш., и то бѣльшею-частію лиственница. Рѣдко попадаются кривыя березки, и только разъ удалось намъ видѣть по берегамъ рѣки *Нызыма-Яумалъ* маленькую рошу сибирскихъ елей (*picca obovata*). Далѣе на С. встрѣчаются въ ущельяхъ Уральскаго - Хребта, какъ на примѣръ около вершины Кары, маленькія лиственницы. Не холодъ препятствуетъ здѣсь растительности деревьевъ, а господствующій сѣверо-западный вѣтеръ; ибо на восточномъ склонѣ Хребта деревья находятся гораздо далѣе къ С. Березы, извѣстныя подъ названіемъ «ерниковъ» (*betula nana*), и низкія ивы, доставляютъ единственный матеріалъ для топлива. Но въ Пай-Хотѣ и ихъ не достаетъ на большихъ разстояніяхъ, такъ-что мы были принуждены возить съ собою дрова, чтобы имѣть кипятокъ. Сухія мѣста въ тундрѣ украшаются цвѣтами, которыхъ разнообразныя краски въ этихъ уединенныхъ мѣстахъ являются вдвое очаровательнѣе. Последнюю розу я нашелъ на берегахъ *Назыма-Яумалъ*, а незабудки попадались намъ еще и на берегахъ Ледовитаго-Моря. Изъ растений, годныхъ въ пищу, находятся дикая луковица и морошка; последняя въ бѣльшомъ количествѣ и высшей доброты. Цвѣты княженики попадались весьма часто, но зрѣлыхъ ягодъ я нигдѣ тамъ не находилъ.

«Въ такой безлюдной сторонѣ породы царства животныхъ должны быть весьма не многочисленны. Къ Ю. отъ горы Пай-Яръ медвѣди гуляютъ по тундрѣ, питаются только одними кореньями и мышами. Раза два попадались они мнѣ на встрѣчу, но замѣтивъ насъ, тотчасъ бѣжали. Гораздо страшнѣе ихъ для оленьихъ стадъ — волки, которые особенно многочисленны въ Пай-Хотѣ; въ хитрости превосходятъ они лисицъ, и рѣдкому удастся убить ихъ. Обыкновенная - же порода лисицъ встрѣчается здѣсь во всѣхъ оттѣнкахъ цвѣта, начиная отъ свѣтло-краснаго до темно-чернаго; ихъ ловятъ посредствомъ западни, или зимою, на саняхъ, стараются догнать оленями и убить, или берутъ щенятъ изъ гнѣзда и выкармливаютъ ихъ. Самая обыкновенная порода лисицъ, здѣсь встрѣчающаяся, это песецъ, или, какъ ее зовутъ въ первомъ возрастѣ, «крестоватикъ»; она составляетъ главнѣйшій предметъ звѣриной ловли у Самоѣдовъ. Въ скалахъ живутъ горностаи и ласточки: общую пищу всѣхъ ихъ составляютъ разныя мыши, которыми изобилуетъ тундра. Дикіе олени сдѣлались теперь рѣдки и находятся только на гребнѣ Урала: Самоѣды отправляются на охоту за этими звѣрями моремъ, въ Новую-Землю; я говорилъ съ однимъ изъ нихъ, который въ нынѣшнее лѣто убилъ болѣе тридцати оленей. Бѣлые медвѣди попадаютъ только зимою; но зато въ это время года встрѣчаются они часто, проникая ино-

гда на Ю. до самыхъ лѣсовъ; Зыряне рассказывали, что тому лѣтъ восемь или десять назадъ, бѣлый медвѣдь былъ убитъ близъ устья рѣки *Цыльмы*. Мнѣ казалось страннымъ слышать, что они находятъ охоту на бѣлыхъ медвѣдей менѣе опасной чѣмъ охота на обыкновенныхъ медвѣдей. Изъ птицъ, часто можно видѣть бѣлую куропатку и подорожника. Единственный голосъ, прерывающій тишину въ тундрѣ, это свистъ сѣмённого, или крикъ орла, когда человѣкъ приближается къ тому мѣсту, гдѣ онъ гнѣздится. Эти орлы также являются тамъ только для ловли мышей, равно-какъ и бѣлыя совы, встрѣчающіяся часто въ *Пай-Хоѣ*; послѣднія цѣлые часы сидятъ передъ норками мышей, вознаграждая терпѣніемъ недостатокъ свой въ ловкости. Озёра оживлены гусями, чайками и разными породами утокъ: всѣ эти птицы прилетаютъ только лѣтомъ, чтобы высидѣть здѣсь спокойно своихъ молодыхъ; на дальнемъ Сѣверѣ видѣлъ я даже пару журавлей. Рѣки и озёра изобилуютъ рыбою, преимущественно изъ породы лососей; но изумительно то, что здѣсь нѣтъ ни одной породы осетровъ, которые столь обильны въ за-Уральскихъ рѣкахъ. Насѣкомыя, дикія и домашнія, летающія и ползающія, жужжащія и нѣмыя, мучили насъ такъ, что одно ихъ имя мнѣ страшно; поэтому и названій ихъ не упоминаю.

«Коренными жителями тундры слѣдуетъ считать однихъ только *Самоѣдовъ*; но съ давнихъ временъ съ береговъ *Оби* приселились къ нимъ *Остяки*, именующіеся на собственномъ своемъ языкѣ «*Обскими-Людьми*». Хотя пастбища этихъ двухъ различныхъ племенъ перемежаются, можно однакоже границею между ними считать вершину *Кары*. Лѣтомъ, къ С. отъ этой рѣки кочуютъ *Самоѣды*, а къ Ю. — *Остяки*.

Самоѣды болѣею-частію крѣпкаго тѣлосложенія: ибо попеченіе о дѣтяхъ у нихъ ультра-спартанское, въ-слѣдствіе чего только самыя крѣпкія доживаютъ до перваго года возраста. Отъ постоянного пребыванія на воздухѣ, зрѣніе, слухъ и обоняніе *Самоѣдовъ* упражняются непрерывно, и достигаютъ чрезъ то высокой степени развитія. Они не лишены и умственныхъ способностей, которыя только, какъ само-собою разумѣется, развились сообразно съ ихъ физическими потребностями: но по безпредѣльной лѣности, они заботятся лишь о настоящемъ; эта лѣность причиною ихъ бѣдности, которой неминуемыя слѣдствія: совершенное погруженіе въ грязь физическую и нравственную, и зависимость отъ каждаго, удовлетворяющаго ихъ необходимымъ потребностямъ. Болѣею-частію они идолопоклонники и не знаютъ вовсе настоящихъ браковъ: жена оставляетъ мужа; мужъ въ свою очередь выгоняетъ изъ своего чума жену и дѣтей, не заботясь объ ихъ участи. *Самоѣды* не считаютъ этого за грѣхъ; и вотъ главная причина, по которой они боятся принять Христіанскую Вѣру, налагающую на нихъ въ этомъ отношеніи болѣе тѣсныя связи. Единственное ихъ занятіе, которому предаются они съ чрезвычайнымъ

усердіемъ — это ѣда. Когда между ними выдается какой-либо дѣятельный человѣкъ, онъ весьма скоро увеличиваетъ свои стада; но тогда собирается къ нему бѣдная толпа голодныхъ соплеменниковъ, которыхъ онъ долженъ кормить, если не хочетъ лишиться того уваженія, которое пріобрѣлъ у нихъ своими богатствами: если онъ не заставляетъ этихъ лѣнтыевъ работать, то они, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, пожираютъ стада его, такъ-что едва-ли можно найти примѣръ сохраненія имущества въ одномъ семействѣ въ-продолженіе двухъ генераций. Въ дурную погоду, Самоѣды остаются въ своемъ чумѣ, не заботясь вовсе о своихъ стадахъ, оставшихся безъ всякаго присмотра; поэтому, весьма часто волки нападаютъ на стада оленей, и разгоняютъ ихъ: многіе олени пропадаютъ, или, разбѣжавшись, уходятъ къ другимъ хозяевамъ, гдѣ ихъ захватываютъ и рѣжутъ; это производитъ непрерывные споры между Самоѣдами о правѣ собственности, и въ каждомъ чумѣ являются жалобы, основанныя не на какихъ-либо доказательствахъ, а на однихъ лишь голыхъ увѣреніяхъ. Между ними находятся и такіе, которые избрали себѣ ремесломъ воровство, особенно кражу оленей: болѣе всѣхъ извѣстны въ этомъ отношеніи крещеные Самоѣды села *Колвы*, изъ которыхъ въ нынѣшнемъ году шесть человѣкъ, послѣ многихъ удачныхъ съ-ихъ-стороны подвиговъ, были пойманы и доставлены въ Мезень, для производства надъ ними слѣдствія. Неопрятность и распутство производятъ страшныя, опустошительныя между ними болѣзни, послѣдствія которыхъ нерѣдко бываютъ видимы у нихъ и на лицѣ. Кромѣ этой заразы, свирѣпствуетъ оспа, уменьшающая годъ-отъ-году число народонаселенія: считаютъ, что отъ этой болѣзни умерло въ прошломъ году около ста человѣкъ по берегамъ одной Кары. И здѣсь, какъ и вездѣ, господствуетъ неизмѣнный законъ природы, что при столкновеніи варварскихъ племенъ (какъ-бы сильны и многочисленны они ни были) съ образованными, первыя должны исчезнуть или слиться съ послѣдними; и что всякое противоборство этому вѣчному закону есть судорога, оканчивающаяся обыкновенно смертію.

«*Остяки* отличаются отъ Самоѣдовъ языкомъ и одеждою, но сходны съ ними и тѣлосложеніемъ и способностями. У *Остяковъ* однакожъ болѣе энергіи, болѣе расположенія къ пріобрѣтенію, да и пріобрѣтенное они лучше умѣютъ сохранять. Потому, находимъ между ними имѣющихъ отъ 5,000 до 8,000 головъ оленей. Всѣ они крещены, но втайнѣ продолжаютъ еще чествовать своихъ прежнихъ идоловъ, которымъ на высотахъ горъ приносятъ въ жертву оленей и серебряныя деньги.

«Самые замѣчательные изъ кочующихъ, это *Зыряне* изъ *Ижмы*. Они атлетическаго тѣлосложенія, и живя въ тундрѣ, пріобрѣтаютъ остроту зрѣнія и слуха, не хуже туземцевъ. Отважностію, дѣятельностію, предприимчивостію, прозорливостію въ распоряженіяхъ, рѣшительностію въ

исполненіи, они заставляют даже упрямую полярную природу покоряться имъ и приносить плоды, которые она скрываетъ отъ другихъ подъ вѣчными снѣгами своими. Прошло не болѣе 70 или 80 лѣтъ, какъ они стали заниматься содержаніемъ оленей, и уже довели эту часть скотоводства до высочайшей степени совершенства. Стада, состоящія изъ нѣсколькихъ сотенъ оленей, Ижмецъ увеличиваетъ въ восемь, въ девять лѣтъ, до столько же тысячъ. Отъ марта до августа мѣсяца онъ питается одною рыбою, доставляемою въ изобиліи озерами и рѣками, и ни за что не согласится убить оленя прежде, чѣмъ шкуры не достигнутъ самой лучшей доброты; а съ августа до ноября готовъ убить сколько угодно. Въ тихую и ясную погоду онъ поручаетъ свои стада присмотру работника изъ Самоѣдовъ; но въ туманное время, день и ночь самъ неотлучно при нихъ находится: на запряженной нарѣтъ отражаетъ волковъ, и какъ-бы далеко олени ни ушли отъ чума, всегда слѣдуетъ за ними и загоняетъ назадъ. Съ особенною заботливостію печется онъ о своихъ приплодахъ, почему и стада его весьма скоро увеличиваются. Около Покрова онъ убиваетъ, смотря по величинѣ стада, до 1,500 головъ оленей, солить мясо на лѣто, или везетъ ихъ замерзшими за Уралъ къ рѣкѣ Оби, гдѣ за мясо каждого убитого оленя выручаетъ отъ 6 до 7 р. асс., и на вырученные такимъ образомъ деньги покупаетъ осетровъ, которыхъ привозитъ въ Архангельскъ и С.-Петербургъ, а мѣхъ и другія произведенія края, отъ сбыта которыхъ ожидаетъ вѣрной прибыли, доставляетъ въ Нижній-Новгородъ и Ирбитъ. Изъ шкуръ зарѣзанныхъ имъ оленей шьетъ онъ платье или выдѣлываетъ замшу, которая также доставляетъ въ Нижній-Новгородъ, и такимъ образомъ за каждую шкуру получаетъ отъ 5 до 8 р. асс. Каждый во-время убитый олень приносить ему чистаго барыша до 45 р. асс., не считая того, что получаетъ онъ отъ оборота этихъ денегъ въ торговлѣ. Если у него есть стадо, изъ котораго можетъ онъ зарѣзать 1,500 головъ въ годъ, то оно приносить ему ежегоднаго дохода болѣе 20,000 р. асс., безъ всякихъ издержекъ съ его стороны, кромѣ одного прилагаемаго труда. Въ годъ проживаетъ онъ около 4,000 р. асс.; поэтому, не удивительно, что между Ижемскими Зырянами находимъ крестьянъ, имѣющихъ въ торговомъ оборотѣ болѣе 100,000 р. асс.

«Ижемца не устрашаетъ никакое новое предпріятіе; его расчетливый умъ скоро постигаетъ, выгодно-ли оно для него или нѣтъ. Таковы они въ торговлѣ; въ Тундрѣ-же это настоящіе богатыри и владельцы. Добровольно, безъ всякаго насилія, покоряются Самоѣды и Остяки болѣе энергіи и высшему уму Зырянъ. Морозъ, дождь, буря и мятель имъ ни-по-чемъ. Сквозь туманъ и мракъ ночи, различаютъ они дорогу, какъ днемъ. Когда я кого-нибудь изъ нихъ хвалилъ за то, что онъ привезъ меня прямо къ мѣсту несмотря на густой туманъ, то вездѣ слы-

шалъ одинъ отвѣтъ: «Это что за диво? Перминъ Вакуевъ, вотъ такъ молодецъ! Будь ночь черна, что не различить запряженныхъ оленей; пусть себѣ бушуетъ буря, что Божьяго свѣта не видать; ему нужны нѣтъ: онъ прямо ѣдетъ на чумъ, хотъ и никогда не былъ тамъ, и ошупью узнаетъ, по травѣ или снѣгу, въ какую сторону должно править». Эти неоцѣненные для жителей Тундры качества доставили Бакуеву имя *Тундра-Коинъ* (то-есть — «тундрскій волкъ»), подъ которымъ онъ извѣстенъ во всей сторонѣ. Неустрашимость Зырянъ прекрасно выражается въ молитвѣ нашего пріятеля Андрея Терентьева, которую сообщилъ мнѣ братъ его Иванъ. Однажды зимою вдвоемъ переезжали они Уралъ; олени убожали ночью и съ нартою; надо было бѣднякамъ пройти по льду и скаламъ болѣе 200 верстъ, пока добрались они до людей, и на этомъ пути нерѣдко находились они въ опасности упасть въ пропасть; въ такой бѣдѣ однажды у Андрея вырвалась молитва: «Господи помилуй и сохрани только кости мои, а о мясѣ я не забочусь!» Мнѣ знакома большая часть Россіи, но признаюсь, что за исключеніемъ Уральскихъ Казаковъ нигдѣ не встрѣчалъ я такого стройнаго народа. Зыряне, обитающіе въ другихъ мѣстахъ, не отличаются ни такимъ мужествомъ, ни такою прекрасною наружностію; и, можетъ-быть, не безъ основанія живетъ между ними преданіе, что они потомки Новгородцевъ, бѣжавшихъ въ пустыню, когда Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный завоевалъ родной ихъ городъ.»

Вотъ, что сообщилъ покуда, относительно дѣйствій Уральской Экспедиціи въ настоящемъ году, начальствовавшій Сѣвернымъ Отрядомъ ея г. *Гофманъ*. Теперь, чтобы составить себѣ полное понятіе о работахъ Экспедиціи, остается еще получить такого же рода общіе отчеты: отъ г. *Стражевскаго* — начальствовавшаго Южнымъ Отрядомъ, и отъ г. *Ковальскаго* — разставшагося съ г. Гофманомъ у Кары. По доставленіи таковыхъ въ Общество, мы немедленно передадимъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе.

— ПУТЕШЕСТВІЕ ГУКЕРА ПО ВИНДІЙСКИМЪ И ГИМАЛАЙСКИМЪ ГОРАМЪ. — Извѣстный ботанистъ, Докторъ *Джозефъ-Дальтонъ Гукеръ*, получилъ отъ Великобританскаго Правительства порученіе изслѣдовать растительныя произведенія въ нѣкоторыхъ частяхъ Британско-Азіатскихъ владѣній, и вотъ уже болѣе года какъ оставилъ Англію, отправившись въ Калькутту вмѣстѣ съ новымъ Генераль-Губернаторомъ Индіи, Лордомъ Дальгузи. По возвращеніи въ отечество, Докторъ намѣревается издать описаніе своихъ доселѣ отчасти лишь совершенныхъ путешествій; а между-тѣмъ пишетъ къ друзьямъ и собратіи своей по наукѣ письма. Одинъ изъ этихъ друзей не вытерпѣлъ и слѣпилъ изъ такихъ писемъ книгу, въ октябрѣ мѣсяцѣ вышедшую въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: «Notes of a tour in the plains of India, the Himala and Borneo; being extracts from the private

letters of Dr. Hooker. Part. I. England to Calcutta.» (*Замѣтки во время путешествія по равнинамъ Индіи, по Гималаю и по Борнео; извлечены изъ частныхъ писемъ Д-ра Гукера. Томъ I: Путь отъ Англіи до Калькутты*). Въ этой первой части нѣтъ ничего новаго, кромѣ описанія Адена. Въ тоже время А. Гумбольдтъ напечаталъ въ Берггаузовомъ «Zeitschrift für Erdkunde» письмо къ нему Гукера о путешествіи сего-последняго къ горнымъ хребтамъ Виндійскому и Гималайскому: письмо весьма интересное, которое, потому, и передаемъ мы нашимъ читателямъ почти цѣликомъ, тѣмъ-болѣе что оно сообщаетъ окончательныя извѣстія и объ Англо-Индійской Экспедиціи въ Тибетъ, о которой говорили мы прежде (Г. И. стр. 76—85).

Дорджилингъ, въ Сикимѣ на Гималаѣ, 25 іюля 1848.

... «По прибытіи въ Калькутту съ Лордомъ Дальгузи, я нашелъ, что Тибетская Миссія уже распущена, потому-что Китайцы не выслали своихъ Коммисаровъ для встрѣчи посланныхъ нашимъ Правительствомъ, и уперлись, болѣе-чѣмъ когда-либо, въ томъ, чтобы Европейцы не переступали за ихъ предѣлы. Въ-слѣдствіе этого я рѣшился ограничиться изслѣдованіемъ странъ по-сю-сторону Гималая, и какъ время года было еще раннее, то сдѣлалъ поѣздку по равнинамъ, которая не осталась совершенно безплодною.

«Пробираясь въ направленіи къ З. отъ Калькутты, посѣтилъ я въ округѣ *Бердванскомъ* тамошнія угольные пространства. По протяженію и положенію, ихъ можно сравнить только съ принадлежащими къ каменно-угольному періоду Европы; по встрѣчающимся-же въ нихъ окаменѣlostямъ, взятые въ цѣломъ, отличны они равномерно и отъ принадлежащихъ къ оолитовому или каменно-угольному періоду, а находятся въ связи съ тѣмъ, къ которому относятся видѣнныя мною въ Австраліи угольные пространства: что, быть-можетъ, служить указаніемъ на то, что они принадлежатъ къ эпохѣ, не имѣющей (хронологически) соотвѣтственной себѣ въ болѣе сѣверныхъ широтахъ.

«Съ этихъ угольныхъ пространствъ поднялся я на высокую гранитную плоскость, часть той, которая прорѣзываетъ всю Индію отъ *Камбайскаго-Залива* до мѣсторазвѣтвленія *Югли* и *Ганга*. Вообще плоскость эту считаютъ за составную часть *Виндійскаго-Хребта*; но я почитаю ее отдѣльною цѣпью, тянущеюся параллельно съ послѣднею, примыкающею къ ней во Внутренней-Индіи у *Омеръ-Кентека* (составляющаго водораздѣлъ между *Соной* и *Нербеддой*), а потомъ, отдѣлившись снова, принимающею опять прежнее параллельное направленіе, въ-слѣдствіе чего *Нербедда* и *Танти* текутъ въ отдѣльныхъ бассейнахъ. *Виндійскія-Горы* — горы песчаниковыя, начиная отъ *Хунара*, ихъ сѣверо-восточной оконечности у *Ганга*, до *Омеръ-Кентека*, лежащаго на высотѣ 1,500 футовъ;

цѣпь-же, на которую я взобрался, состоитъ, напротивъ, отъ Югли до Омеръ-Кентека, изъ гнейса и гранита. Далѣе, отъ *Омеръ-Кентека* къ З. до *Камбайскаго-Залива*, обѣ цѣпи покрыты траппомъ, причемъ однако же Южная все продолжаетъ оставаться гранитною, въ сердцевинѣ (at heart) и примыкаетъ къ большой цѣпи *Гатовъ*, направляющейся на Ю. къ мысу *Коморину*; *Виндійская*-же цѣпь, съ-своей-стороны, продолжается въ песчаникѣ горъ *Раджпутаны*, горы *Абоэ* и всѣхъ Внутреннихъ и Западныхъ округовъ. На протяженіи около 120 миль, что я прошелъ этою гранитною цѣпью, средняя высота ея надъ общимъ уровнемъ страны была 1,200 футовъ, съ гранитными горами въ 3,000 футовъ. На одну изъ этихъ горъ я взобрался; вершина ея имѣетъ 4,050 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ Восточной части Индіи гора эта служитъ такимъ же главнымъ мѣстопробываніемъ секты *Джайновъ*, какъ въ западной гора *Абоэ*. *Джайны*, поклоняющіеся *Паресъ-Нату*, составляютъ несомнѣнно переходную секту между Буддистами и Брахманистами.

«По горамъ этимъ разсѣяны поколѣнія весьма-различнаго происхожденія: *Коли* (Kols) и *Били* (Bhells) Внутренней-Индіи; племена страшныя, удаляющіяся какъ другъ-отъ-друга, такъ и ото всѣхъ прочихъ людей. Они (какъ и многочисленныя поколѣнія разсѣянныя вдоль подошвы Гималая, отдаленныхъ частей горъ Виндійскихъ, *Гатовъ* Западнаго-Полуострова и т. д.) суть безъ сомнѣнія, остатки первоначальнаго Тамульскаго населенія Индіи, водворившіеся со времени Арійскаго вторженія въ глуши горъ и мѣзматическихъ джунгляхъ * у ихъ подошвъ. Такого мнѣнія другъ мой Годжсонъ — безъ сомнѣнія лучший авторитетъ въ этого рода дѣлахъ — занимающійся въ настоящее время составленіемъ собранія словъ всѣхъ этихъ разсѣянныхъ по Индіи поколѣній.

«Продолжая путь далѣе на З., видишь, что гранитное плоскогорье (plateau) обрывается къ равнинѣ, по которой течетъ *Сона*, круто и быстро — съ 1,300 на 600 футовъ. Эта равнина, шириною отъ 80 до 100 миль, находится на одномъ уровнѣ съ ложемъ Ганга и отдѣляетъ песчаниковую Виндійскую-Цѣпь отъ *Паресъ-Ната* (высочайшей вершины гранитнаго плоскогорья). Затѣмъ, когда перейдешь черезъ *Сону* миляхъ въ 50 выше ея устья, то почти упрешься въ Виндійскую-Цѣпь, которая подымается крутымъ обрывомъ на высоту 1,200 футовъ надъ равниною.

«Лѣсистый гребень этой цѣпи также образуетъ плоскогорье, которое имѣетъ одинаковую высоту съ гранитнымъ и такую же раститель-

* Англійское слово *jungle*, означающее мѣстность поросшую мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, и при этомъ иногда болотистую — взято изъ Персидскаго языка, на которомъ произносится *дженгль*. Покуда для означенія такого рода мѣстности не найдется или не создастся у насъ своего слова, лучше ужъ писать и произносить его по Персидски, чѣмъ по Англійски: поэтому и пишемъ мы «въ *дженгеляхъ*», а не «въ *дженгляхъ*». *Ред.*

ность, но горь не представляет нигдѣ. Обитаютъ здѣсь, въ большомъ отдаленіи другъ-отъ-друга, такіеже какъ и тамъ, поколѣнія *Колей* и *Билей*, занимающіяся обработкою желѣза, находимаго по разнымъ мѣстамъ на плоскости гребня. Песчаникъ Виндійскій нигдѣ не обнаруживаетъ присутствія въ себѣ угля, и принадлежитъ, какъ я полагаю, къ періоду древнѣйшаго образованія, нежели Индійскій каменный уголь.

«Отъ восточной оконечности Виндійской-Цѣпи подымался я по долину *Соны* вверхъ на 100 или 200 миль, терпя не мало отъ совершеннаго отсутствія дорогъ и дикости страны. Въ-продолженіе этого пути, я не разъ взбирался на Виндійскія-Горы, ботанизируя, геологизируя и дѣлая метеорологическія наблюденія; наконецъ, оставивъ долину выше *Биджегура*, перерѣзалъ хребетъ, и спустился къ *Гангу* у *Мирзанура*. Весь этотъ путь пронивелировалъ я барометромъ. Четыре раза въ день аккуратно производились наблюденія этимъ инструментомъ, равно-какъ двумя термометрами (одинъ изъ нихъ съ темнымъ шарикомъ), фотометромъ и гигрометромъ. По ночамъ занимался я опредѣленіемъ степени лучистаго распространенія теплоты, я былъ разъ свидѣтелемъ великолѣпнаго сѣвернаго сіянія, лучшаго изъ метеоровъ, какіе-только видѣлъ въ жизни: описаніе его напечатано и въ Индійскихъ и въ Европейскихъ газетахъ. Солнечную лучистость нашелъ я гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагали въ этихъ широтахъ, и больше, чѣмъ какая замѣчена мною въ тропическихъ моряхъ. Даже въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я результаты, совершенно противоположныя тѣмъ заключеніямъ, которыя извѣстны доселѣ объ этомъ предметѣ. Весьма замѣчательна также необыкновенная сухость воздуха на возвышенныхъ плоскостяхъ: 0,387 было среднимъ выводомъ влажности атмосферы въ-теченіе десяти дней февраля, а разъ, около 9 часовъ вечера, была она только 0,140. Въ-продолженіе всего этого времени я ниразу не видалъ росы, хотя ночи были свѣтлы и ясны; напротивъ, на равнинахъ 1,000 футами ниже, была постоянная роса, хотя средняя влажность оказывалась только 0,516. Ночная лучистость была одинаково велика, какъ на высотахъ, такъ и на равнинѣ.

«Въ *Мирзанурѣ* взялъ я боть и поплылъ внизъ по *Гангу* къ *Бангельпору*. На пути этомъ заѣзжалъ во многія замѣчательныя мѣста, между прочимъ и въ *Бенаресъ*, гдѣ посѣтилъ разваливающуюся обсерваторію (одну изъ пяти, построенныхъ Джайнъ-Сингомъ). Бѣдняга «Королевскій-Астрономъ» былъ грязное оборванное созданіе, которое при отъѣздѣ моемъ стало просить бахшиша (на-водку), жалуюсь, что тѣтъ нечего и что настоящій Раджа даетъ ему не болѣе того, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду.

«*Дорджилингъ* находится въ наипменѣе посѣщенныхъ частяхъ Гималая; изъ Бангельнора отправился я сюда сухимъ путемъ. Здѣсь пробуду до окончанія періода дождей.

«Китайцы и слышать не хотятъ, чтобы пустить въ предѣлы свои какого-либо путешественника; а Раджа Сикимскій, въ-свою-очередь, противится намѣренію моему осмотрѣть его владѣнія. Однакоже мнѣ удалось посѣтить какъ Непальскую, такъ и Бутанскую границу; а какъ прекратится дождливое время, надѣюсь успѣть еще сдѣлать поѣздку къ снѣжнымъ горамъ. Дорджилингъ лежитъ въ самомъ сердцѣ нижней цѣпи Гималая, которая лѣсистыми горами своими подымается кругомъ на высоту отъ 10,000 до 14,000 футовъ, образуя, между снѣжнымъ хребтомъ и равниною, рядъ короткихъ, отдѣльныхъ цѣпей. Въ этомъ Нижнемъ Гималаѣ (Sub-Himalayah) *нѣтъ никакой системы*: онъ состоитъ весь изъ короткихъ хребтовъ, тянущихся въ различныхъ направленіяхъ и отдѣляющихся одинъ-отъ-другаго глубокими и крутыми долинами, по которымъ прокладываютъ себѣ дорогу горные потоки, стекающіе со снѣжныхъ горъ на равнину. Тамъ-и-сямъ поднимаются горы изъ конгломерата и песчаника, опирающіяся на внѣшнюю основу Нижняго-Гималая, постоянно представляющую широкія пространства колчедана, покоющагося на отвердѣвшей глины; иногда пространства эти занимаютъ до 10 миль въ ширину. Вода многихъ горныхъ потоковъ просасывается сквозь эту почву, насыщается ею и производитъ потомъ тѣ убійственныя мѣзматическія болота, которыя извѣстны подъ мѣстнымъ именемъ *тераи*. Эта полоса земли передъ Дорджилингомъ необыкновенно узка, въ другихъ-же мѣстахъ вообще широка: покрываетъ ее длинная *Sacchara* и другія травы, съ разсыянными тамъ-и-сямъ *Dalbergia Seroo* и другими небольшими деревьями; *Shorea robusta* растетъ сплошь по внутренней окраинѣ этой полосы, и подымается на горы до высоты 2,000 футовъ, или покрываетъ сухіе отроги ихъ выдающіеся въ равнину; на высотѣ 4,000 футовъ, тропическія формы замѣняются соответствующими климату; рододендры подъ этой долготою (около 86° В. Д. отъ Парижа) не встрѣчаются ниже 7,000 футовъ; восточнѣе и западнѣе спускаются они на высоту 4,500 * футовъ и даже еще ниже. Каменные породы у внѣшней основы горъ — слюдистый сланецъ съ гранатами; выше до 7,000 и до 11,000 футовъ — искривленные и косые слои гнейса; нѣсколько далѣе къ С. видѣлъ я въ долинахъ хлоритъ и кварцовый сланецъ, даже самый кварцъ. Я расположенъ думать, что всѣ эти роды скалъ переходятъ здѣсь взаимно одинъ-въ-другой; но, по-причинѣ густаго лѣса, который всѣ ихъ покрываетъ, доказать это предположеніе трудно; а долины, хотя и круты, но обрывовъ почти не представляютъ. Въ Бутанѣ, къ В. отъ здѣшнихъ горъ, первозданный известнякъ весьма обыкновененъ. Вулканическихъ породъ камней я не встрѣчалъ, а

* Число это въ оригиналѣ письма Гукерова написано неясно, такъ-что его можно читать и 4,600 и 5,500.

въ глубокихъ горныхъ потокахъ находилъ только валуны траппа и роговоблендоваго сланца. Въ Кеманъ волканическіе камни встрѣчаются въ полномъ развитіи, а сверхъ-того — въ Непалъ, Сикимъ и Бутанъ.

«Дорджилингъ лежитъ на высотѣ 7,200 футовъ, на строгъ изъ гнейса, простирающемся на С. среди ряда господствующихъ надъ нимъ многочисленныхъ горъ отъ 8,000 до 10,000 футовъ высоты, которыя, отдѣляясь одна - отъ - другой стольже многочисленными, глубокими и крутыми долинами, лежатъ между этимъ мѣстомъ и снѣжною цѣпью. Последняя воздымается огромною массою покрытыхъ снѣгомъ пиковъ, куполовъ и столообразныхъ приплюснутыхъ горъ, до высоты 28,178 футовъ. Прошлою ночью доставилъ намъ эти результаты своихъ измѣреній главный Землемѣръ Компаніи, самъ недавно здѣсь бывшій. Гора, достигающая означенной высоты, есть высочайшая на землѣ послѣ Давала-Гири (которая, по новымъ измѣреніямъ, оказалась еще выше, чѣмъ считали ее): она называется *Кинхингъ-Джинга* (Kinchin-Jinha), и отсюда отстоитъ всего на 62' * къ С. Другая гора, *Хамалари* (Chamalagi), находящаяся также по сосѣдству отсюда, и въ разстояніи около 4' отъ снѣжной цѣпи къ С., достигаетъ высоты 24,000 футовъ. Измѣренія, о которыхъ говорю, производились не жалѣя времени и съ удивительною аккуратностію.

«Ваша «*Asie Centrale*» заключаетъ въ себѣ единственную удовлетворительную карту Тибетской Горной Системы. Я съ Годжсономъ изучали и прекрасныя карты Риттера и д'Анвиля, и безсмертный трудъ Клапрота; но ничто не можетъ соперничать съ вашею книгою. Ваши Гималай, Белуръ, Кіенъ - Лунъ и — на Востокъ — цѣпь Пелинь, суть дѣйствительно границы Тибета; разнимся мы съ вами въ томъ только, что горнымъ хребтомъ, разграничивающимъ Азію все-таки считаемъ Гималай, а не Кіенъ-Лунъ. Всѣ взгляды ваши на климатологію Внутренней-Азіи, какъ нельзя болѣе вѣрны. Снѣговая линія безспорно находится *гораздо* выше по сѣверную сторону великаго хребта, чѣмъ по южную, и точно по тѣмъ причинамъ, которыя вы приводите: по сильному испаренію, и въ тоже время по незначительной осадкѣ. Это дѣйствительно два явленія, господствующія вдоль всего хребта; и ихъ-то вліянію и должно приписать удивительный фактъ, что снѣговая линія съ 20,000 футовъ на за-Сетледжскихъ горахъ подъ 36° С. Ш. (на С. З.)

* Знакъ ' означаетъ у Гукера минуты широты, или географическія мили, которыхъ считается 60 въ 1 экваторіальномъ градусѣ. Итакъ въ восточныхъ Гималаяхъ есть колоссъ вышиною въ 26,439 Парижскихъ футовъ! *Давала-Гири*, по измѣренію Вебба, имѣетъ только 26,344 такихъ фута; но какъ Гукеръ замѣчаетъ, что *Кинхингъ-Джинга* ниже *Давала-Гири*, то последняя должна восходить на высоту еще болѣе 26,439 футовъ. Въ-противуположность этимъ возвышенностямъ *Земнаго - Шара*, можно вспомнить о морской глубинѣ въ 25,990 Парижскихъ футовъ, измѣренной Капитаномъ *Джемсомъ-Россомъ*. *Ред.*

спадаетъ до 15,000 футовъ въ горныхъ проходахъ къ Ю. отъ Брахма-Путры между Ассамомъ и Бирмою, въ широтѣ 27° (на Ю. В.), гдѣ находятся самыя южныя снѣжныя горы Азіи!

«Теченіе *Яру-Цампо* все еще остается спорнымъ предметомъ, а въ слѣдствіе того и верхнее теченіе *Брахма-Путры*. Въ предстоящее время года я намѣреваюсь сдѣлать поѣздку въ *Верхній-Ассамъ*, и надѣюсь измѣреніемъ количества водъ въ *Дигонгъ* и *Брахма-Путру*, у Седьи, добыть нѣсколько указаній по этой статьѣ. Можетъ быть удастся собрать и нѣкоторыя свѣдѣнія о тамошнихъ туземцахъ; впрочемъ, постоянныя войны раздѣляютъ ихъ между-собою, такъ-что они сами не имѣютъ средствъ знать, что дѣлается позади ихъ.

«Съ-тѣхъ-поръ какъ завели мы чайныя плантаціи и торговыя сношенія съ тамошними племенами, Китайская граница сторожится съ удвоеннымъ вниманіемъ, и нельзя ожидать чтобы мнѣ удалось проникнуть въ Тибетъ съ В. отъ Кемана.

«Тибетская миссія, какъ я уже замѣтилъ выше, распущена. Но предприимчивый другъ мой Томсонъ, который въ декабрѣ изслѣдовалъ *Шаекъ* и воротился черезъ *Искардо* въ Кашмиръ, получилъ позволеніе путешествовать еще годъ. Онъ уже отправился въ *Легъ*, и надѣется перебраться черезъ *Каракорумъ*. Работы его удивительны. Если-бы онъ могъ ѣхать въ *Яркянь*, я-бы ужъ давно къ нему присоединился.»

Приписка отъ 28 іюля.

«Я имѣю основаніе думать, что снѣжныя массы Гималая увеличиваются, и что снѣговая линія мало-по-малу понижается. Обращу все вниманіе на это явленіе.»

Другая приписка отъ 9 августа.

«Теперь имѣю я положительную надежду, что въ нынѣшнемъ октябрѣ можно мнѣ будетъ посѣтить Кинхинъ-Джингу: Правительство взялось хлопотать о доставленіи мнѣ, для приведенія въ исполненіе намѣреній моихъ, возможности свободно разъѣзжать по Сикиму.»

— ПУТЕШЕСТВІЕ ВО ВНУТРЕННОСТЬ АФРИКИ, ПРЕДПРИНЯТОЕ БЯЛОБЛОЦКИМЪ. — Докторъ Богословія *Фридрихъ Бялоблочкий*, по званію — духовный, по происхожденію — отъмечившійся Славянинъ, прожившій большую-часть жизни своей въ Англіи и извѣстный нѣсколькими переводами съ Восточныхъ языковъ, изданными Лондонскимъ Азіатскимъ Обществомъ, предпринялъ, при пособіи со-стороны разныхъ частныхъ лицъ и Правительства, совершить ученое путешествіе во внутренность Африки, преимущественно съ цѣлію разрѣшить опредѣлительно спорный географическій вопросъ объ источникахъ Нила.

Планъ путешествія таковъ :

Изъ Александріи-Египетской ѣдетъ путешественникъ въ Суецъ ; оттуда , на пароходъ Остъ - Индской Компаніи , въ Аденъ ; а изъ Адена моремъ же , на островъ *Момбазу* , находящійся на *Зангвебарскомъ-Берегу* Африки , около 4° Ю. Ш. Тутъ на материкъ , у самаго острова , есть недавно учрежденный миссіонерскій постъ , а вблизи его обитаютъ поколѣнія народа *Вакамба*. Народъ этотъ , по извѣстіямъ миссіонеровъ , служить посредникомъ для торговли между помянутымъ берегомъ Африки и внутренними ея частями ; при посредствѣ его , пишутъ миссіонеры , можно пробраться въ самое сердце Африки , ибо главное поколѣніе *Вакамба* живетъ въ 400 — 600 миляхъ отъ берега и находится , на большомъ пространствѣ , въ связи съ другими болѣе западными поколѣніями. На *Момбазѣ* , или по-сосѣдству , располагаетъ путешественникъ сдѣлать нужныя приготовленія , чтобы пуститься внутрь материка съ караваномъ этихъ *Вакамба* или другимъ образомъ , какъ представится возможность. Предполагается , что удалившись отъ береговъ на 300 или 400 миль въ направленіи между З. и С. З. , путешественникъ достигнетъ окраины Восточно-Африканской плоской возвышенности , или водораздѣла разграничивающаго бассейнъ *Верхняго-Нила* отъ области рѣкъ *Лугбиджи* , *Ози* (*Покомози* , или еще иначе — *Маро*) и *Сабаки* , текущихъ къ В. въ Индійскій-Океанъ. Изслѣдовавъ здѣсь южные предѣлы Нильскаго-Бассейна , или пространство Африки посылающее воды свои въ Египетъ ; посѣтивъ , если будетъ возможно , источники важнѣйшихъ потоковъ , изъ соединенія коихъ образуется Ниль ; и собравъ свѣдѣнія о великомъ озерѣ , существующемъ , по рассказамъ , внутри материка въ тѣхъже широтахъ — г. Бялоблоцкій намѣревается затѣмъ продолжать путь далѣе на З. , если найдутся къ тому средства ; если-же нѣтъ , то слѣдовать по теченію *Нила* (*-Бѣлаго*) въ *Сеннааръ* и Египетъ , изучая приэтомъ побочные его притоки въ-отношеніи длины ихъ и направленія.

Во все продолженіе путешествія , предприимчивый ученый располагаетъ производить ежедневно и вносить въ журналъ : замѣтки о направленіяхъ и разстояніи каждаго путевого дня , опредѣленія географической широты , наблюденія метеорологическія и , наконецъ , наблюденія надъ абсолютною высотой проходимыхъ мѣстъ. Это въ чисто-географическомъ отношеніи ; въ-отношеніи-же лигивистическомъ , будетъ онъ стараться составлять словари и собирать другіе матеріалы для ознакомленія съ языками туземцевъ. Сверхъ этого , предметомъ изученія и наблюденій его будетъ вообще все , на что можетъ обратить вниманіе образованный Европеецъ въ странахъ совершенно неизвѣстныхъ : ихъ естественныя произведенія , удобства въ-отношеніи къ воздѣлыванію земли , торговлѣ и колонизаціи , нравы , обычаи , бытъ , способности туземцевъ , и т. д.

По имѣющимъ доселѣ извѣстіямъ, путешественникъ, оставивъ Лондонъ 24 іюня, захватилъ взглянуть на родину свою близъ Ганновера; оттуда, черезъ Геттингенъ, Берлинъ, Вѣну, Триестъ и Аѳины, прибылъ, 3 ноября, въ Александрію; а 23 тогоже мѣсяца располагалъ выѣхать изъ Суэца въ Аденъ. Во время этого проѣзда, вездѣ оказываемъ былъ ему самый ласковый пріемъ и всевозможныя пособія gratis, особенно со-стороны Австрійскаго Правительства. Берггаузъ, видѣвшій путешественника въ Потсдамѣ, говоритъ, что онъ лѣтъ пятидесяти, но человекъ здоровый и крѣпкаго сложенія. Съ нимъ вмѣстѣ ѣдетъ въ Африку и сынъ его, мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

— ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ СѢВЕРО-ВОСТОЧНЫЯ ЧАСТИ АВСТРАЛІЙСКАГО МАТЕРИКА, ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ КЕННЕДИ. — Усилія Англійскаго Колоніальнаго Правительства въ Австраліи постоянно устремлены въ послѣднее время къ тому, чтобы открыть удобный рѣчной путь сообщенія между Юго-Восточными владѣніями Англіи въ этой части свѣта и заливомъ *Карпентарія*, куда отъ острововъ Восточной-Индіи рукой подать. Экспедиція за экспедиціею отправляются внутрь страны съ этою цѣлію; но покуда успѣха еще мало. Мы упомянули уже объ открытіи сэръ *Томасомъ Митчелемъ* рѣки *Викторіи*, впадающей въ означенный заливъ, и неудачной попыткѣ *Лейхардта* пробраться сквозь материкъ во всю длину его съ В. къ З. (См. Г. И. стр. 19—20 и 53—55). Послѣ того, для ближайшаго изслѣдованія теченія *Викторіи* посланъ былъ г. *Кеннеди*; онъ проплылъ ею во внутреннія степи материка далѣе-чѣмъ было нужно по видамъ Колоніальнаго Правительства, а искомаго пути сообщенія не открылъ. Чтобы докончить начатое имъ обозрѣніе края со-стороны Залива-Карпентарія, предполагается послать туда извѣстнаго уже намъ *Лейхардта*; а *Кеннеди* получилъ между-тѣмъ другое назначе-ніе: отправиться съ особою экспедиціею подъ его начальствомъ, для раз-вѣдокъ въ части материка, извѣстной подъ именемъ *Йоркскаго-Полу-острова*, куда проникъ впервые *Лейхардтъ*, во время перваго путешествія своего, на пути къ Заливу-Карпентарія. Предполагается, что въ означен-номъ полуостровѣ есть много удобныхъ земель, и если таковыя окажут-ся дѣйствительно, то край этотъ, по-причинѣ приморскаго положенія сво-его и доступности какъ со-стороны острововъ Восточной-Индіи, такъ и отъ Новаго-Южнаго-Валлиса, долженъ сдѣлаться въ самомъ скоромъ вре-мени — разсчитываютъ Англичане — мѣстомъ, гдѣ оснуются новыя ихъ ко-лоніи. Инструкціи *Кеннеди* заключаются въ томъ, чтобы, по прибытіи моремъ въ *Рокенэмскій-Заливъ* (*Rockingham-Bay*) подъ 48° Ю. Ш., про-браться оттуда сухопутьемъ, держась въ надлежащемъ разстояніи отъ береговъ, въ Заливъ-*Принцессы-Шарлотты* и до *Йоркскаго-Мыса*. За-тѣмъ, возобновивъ здѣсь свои запасы съ корабля, который будетъ ожи-

дать экспедицію въ *Портъ-Альбани*, изслѣдователь долженъ спуститься къ восточному берегу Залива-Карпентарія до водъ *Платза* (Plaets), съ-тѣмъ-чтобы удостовѣриться: не тутъ-ли впадаетъ въ море рѣка назван-ная Лейхардтомъ *Рѣкою-Митчеля*, и если окажется, что дѣйствительно такъ, то подняться ею до соединенія ея съ рѣкою *Линдъ*. Отъ этого пункта экспедиція имѣетъ направиться на З.-Ю.-З. къ рѣкѣ *Флиндерсу* съ цѣлю развѣдать истоки ея; а отсюда итти такъ, чтобы связать путь свой съ открытіями сэръ Томаса Митчеля въ 1846 году.

— ИЗВѢСТІЯ О СЭРѢ ДЖОНѢ ФРАНКЛИНѢ И ОТЫСКИВАЮЩЕЙ ЕГО ЭКСПЕДИЦИИ СЭРѢ ДЖЕМСА РОССА. — Въ письмѣ Главнаго Фактора Гудзонъ-Бѣйской-Компаніи, Макферсона, отъ 1 марта 1848, полученномъ Великобританскимъ Адмиралтействомъ въ октябрѣ, значится: «Съ *Пилевой-Рѣки* получено донесеніе, что Эскимосы видѣли два большихъ бота (корабля?) къ В. отъ *Макензіевой-Рѣки*, которые были биткомъ набиты «бѣлыми людьми», и что они (Эскимосы) показывали Индѣйцамъ съ *Пилевой-Рѣки* ножи, пилы и проч., полученные ими отъ этихъ «бѣлыхъ людей». — Кого-это видѣли они: экспедицію сэръ Джона Франклина или Доктора Ра?». — Г. Гаргрэвъ, изъ Юркской Факторіи, къ которому адресовано письмо Макферсона, замѣчаетъ, сообщая Адмиралтейству это извѣ-стіе, что «видѣнные Эскимосами бѣлые люди не могутъ принадлежать къ послѣдней экспедиціи Доктора Ра, потому-что судя его не должны итти далѣе *Комити-Бѣя*; но — прибавляетъ г. Гаргрэвъ — мало можно полагаться на слова Эскимосовъ».

Въ-слѣдъ за этимъ въ Редакцію «*Athenaeum*» пришло отъ одно-го изъ ея корреспондентовъ подтвержденіе помянутыхъ вѣстей. «Сей-часъ получилъ я — пишетъ онъ — изъ *Гудзонъ-Бѣя* извѣстіе, совер-шенно сходное съ обнародованнымъ вами: что Индѣйцы *Пилевой-Рѣки* рассказывали, будто къ В. отъ *Макензіевой-Рѣки* видѣли партію «бѣ-лыхъ людей». Впрочемъ, означенный корреспондентъ, какъ и г. Гар-грэвъ, также сомнѣвается въ справедливости извѣстія. «Но, если оно достовѣрно» — продолжаетъ онъ — «то нѣтъ никакого сомнѣнія, что эк-спедиція Франклина въ всякой опасности, и мы услышимъ объ ней въ самомъ скоромъ времени. Не позже какъ съ наступленіемъ іюля, море противъ устья *Макензіевой-Рѣки* очищается ото льда на все простран-ство, какое только можно обнять глазомъ: такъ-что кораблямъ, которые достигли уже этихъ мѣстъ, не предстоитъ никакихъ препятствій къ даль-нѣйшему пути. Если-же корабли и подверглись крушенію — какъ можно заключать изъ словъ извѣстія, что видѣли два бота, биткомъ набитыхъ бѣлыми людьми — то спасшіеся въ ботахъ люди найдутъ на *Пилевой-Рѣкѣ* самое лучшее изъ поселеній, какое только есть къ С. отъ Озера-*Атабаска*: поселеніе, въ которомъ при благоразумной бережности не

будутъ они лишены средствъ противустать страшному врагу мореходовъ въ столь высокихъ полярныхъ странахъ—голодной смерти. Страна вокругъ этой рѣки еще совершенно-дѣвственна и, въ благопріятное время, обилуетъ оленями, тогда-какъ рѣка сама, въ лѣтніе мѣсяцы по-крайней-мѣрѣ, богата рыбою. Могу прибавить еще, что плаваніе по Ниле-вой-Рѣкѣ до самаго того мѣста, гдѣ находится помянутое поселеніе Гудзонъ-Бѣйской-Компаніи, не представляетъ никакихъ затрудненій: корабль въ 1,000 тоннъ смѣло можетъ войти въ нее изъ Ледовитаго-Моря и плыть ею вверхъ не встрѣчая ни одного препятствія отъ пороговъ или быстроты теченія.»

Отъ сэръ Джемса Росса получены, отъ 11 іюля, съ высоты *Бабыхъ-Острововъ* (*Wrow Islands*) слѣдующія извѣстія: «Мы остановлены здѣсь льдами, но дня черезъ два надѣемся пробраться сквозь нихъ. Плаваніе по Атлантическому-Океану было трудно, однакожъ мы справились съ нимъ, и теперь все обстоитъ благополучно. Объ сэръ Джонѣ Франклинѣ нѣтъ до-сихъ-поръ никакихъ вѣстей.» Письмо въ Адмиралтейство отъ Доктора Кирка, только-что возвратившагося изъ ученаго путешествія по Гренландіи, сообщаетъ о Россѣ еще позднѣйшія свѣдѣнія: Д. Киркъ встрѣтился съ его экспедиціею около *Уперनावика*, въ *Девисовомъ-Проливѣ*. Вечеромъ 13 іюля, «*Энтерпрайзъ*» и «*Инвестигаторъ*» (имена судовъ Росса) поплыли оттуда, вдоль берега къ С., и на слѣдующій день ушли уже изъ виду. «До-тѣхъ-поръ пока они оставили насъ»—пишетъ Киркъ—«на обоихъ корабляхъ все, кажется, обстояло ладно. Въ слѣдующую субботу и воскресенье, 16 и 17 іюля, былъ штормъ съ С.-З., который навѣрное изломалъ ледъ, въ началѣ іюля стоявшій еще въ 10 (Датскихъ) миляхъ къ С. отъ Уперनावика, и, стало-быть, уничтожилъ и послѣднее препятствіе, представившееся экспедиціи въ дальнѣйшемъ плаваніи ея къ С.» Наконецъ, самыя послѣднія вѣсти о Россовой экспедиціи получены необычайнымъ путемъ—выужены изъ моря, можно сказать. Барка «*Принцъ-Валлійскій*», прибывшая въ Гуль, поймала, 2 октября, подъ 68° 10' С. Ш. и 64° 30' З. Д. боченокъ съ заключавшимся въ немъ слѣдующимъ увѣдомленіемъ:—«Корабли Ея Величества *Инвестигаторъ* и «*Энтерпрайзъ*, пробившись сквозь главную массу льдовъ въ *Заливѣ-Мельвиля*, 20 августа, и произведя поиски, 23 тогоже мѣсяца, въ «*Заливѣ-Понда*, пошли отыскивать экспедицію сэръ Джона Франклина «далѣе на С. Боченокъ, заключающій эту бумагу, брошенъ съ *Инве-* «*стигатора* 28 августа 1848, подъ 73° 50' С. Ш. и 78° 6' 30" З. Д. «Все благополучно. Нашедшаго просятъ доставить ее Секретарю Адми- «ралтейства въ Лондонъ, означивъ число, когда—и широту и долготу мѣ- «ста, гдѣ—боченокъ найденъ. *Эдуардъ Бэрдъ*, Капитанъ.»—Скорая поимка и доставка этого увѣдомленія послѣ того, какъ спущено оно мореплавателями, наводитъ—какъ справедливо замѣчаетъ *Англійскій журналъ*,

изъ котораго взяли мы сообщенныя извѣстія—тѣмъ болѣе грустныя думы относительно совершеннаго и долговременнаго отсутствія всякихъ вѣстей объ участи путешественниковъ, которыхъ мореплаватели эти по-
ѣхали отыскивать.

ЗАМѢТКИ И ВЫПИСКИ.

— три дня въ аулъ юсупъ-кади. — Отрывокъ изъ «Этнографическихъ Записокъ о Трухменахъ», доставленный въ Общество Ч. С. *А. П. Архиповымъ*. *

Скучны Кавказскія степи весною и лѣтомъ, а еще скучнѣе осенью и зимою. Ни тогда, какъ одѣнутся онѣ зеленью и цвѣтами; ни тогда, когда наступитъ теплая пора и сѣнокосное время; ни тогда, какъ колосья поспѣютъ къ жатвѣ и уборкѣ въ копны: никогда не слышно здѣсь веселыхъ пѣсень, которыми во время полевой работы воодушевляетъ себя сѣверный земледѣлецъ. Не слышать здѣсь тѣхъ пѣсень, какъ не слышать и щебетанья воздушныхъ обитателей, весело порхающихъ въ сѣверныхъ дебряхъ. Вездѣ небо, трава, да безмолвная тишина, изрѣдка лишь прерываемая дикими звуками свирѣли чобана, да дребезжаньемъ перепела; повсюду —

Степь, песокъ, да трава,
Небеса, да земля;
Ни ползвукъ кругомъ —
Пустота, тишина;
Только вихрь съ ковылемъ
Пролепечуть порой,
Только ястребъ съ орломъ
Пронесутся стрѣлой...

И этотъ край, еще такъ недавно пустынный и дикій, нынѣ населенъ дѣятельнымъ многолудіемъ; еще и теперь переселенцы спѣшатъ сюда шумными толпами, спѣшатъ какъ въ обѣтованную землю! У нихъ, какъ и вездѣ, есть свои домашнія радости, свои удовольствія, свои заботы, свои труды, вседневныя хлопоты, утраты и печали... Но тихи и

* Белметрическая форма, въ которую г. Архиповъ облекъ свои помѣщаемыя здѣсь замѣтки о бытѣ Туркменовъ, можетъ показаться инымъ несоответственною строгости ученаго изложенія. Но сухость сама-по-себѣ не есть еще достоинство: надо уметь отличать оболочку отъ содержанія; подъ иною игривостію найдешь въ десять разъ болѣе сущности, чѣмъ подъ самыми сухими учеными формами. *Ред.*

скромны свободные часы южного семьянина-земледельца; однообразна жизнь его, какъ однообразны подвластныя ему степи; самое веселье его не то русское непритворное веселье, дышащее искренностью и радушіемъ; нѣтъ, оно какъ солнце, проглядывающее сквозь мрачныя тучи, какъ слезы облегчающія грудь страдальца! Впрочемъ, рядомъ съ бытомъ крестьянина есть еще другой бытъ, другая жизнь, несравненно тоскливѣе, пустыннѣе, однообразнѣе первой: это жизнь кочевыхъ племенъ окруженныхъ степями и небомъ. Здѣсь все —

Степь, песокъ, да трава,
По-краямъ — небеса,
По-среди — курганъ . . .

и ничего болѣе . . . Одинокій человѣкъ, случайно заброшенный въ эту пустынную глушь на нѣсколько времени, дичаетъ какъ робкая лань, тоскуетъ какъ дитя безъ рода и племени. . .

Во второй половинѣ іюня 1846 года, осмью верстами южнѣе пограничнаго озера Манычъ, кочевало свободное племя Трухменъ. То былъ ауль Юсупъ-Кăди, изъ рода Чоудыръ. Прошла недѣля, какъ онъ снялся съ урочища Бадринъ-Сала, и расположился длинною полосою по обѣ стороны незначительной рѣчки, протекающей по дну глубокой балки, простирающейся издалека на сѣверъ. Быстро растутъ кочевыя жилища въ пустынѣ. Сегодня еще гладкая степь съ непомятою травою и ковылемъ; завтра на томъ же мѣстѣ кипитъ уже жизнь многочисленнымъ муравейникомъ, разливается шумнымъ говоромъ словоохотливаго расказчика, торопливымъ топотомъ коня запоздалаго собесѣдника. Тамъ, гдѣ еще такъ недавно было гнѣздо перепела или пугливой ящерицы, теперь дымятся костры и жалобно блеютъ смиренныя жертвы котла, или отдыхаетъ стадо огромныхъ животныхъ самаго незлобиваго и покорнаго нрава — двугорбыхъ верблюдовъ.

Было 21 іюня. Ауль Юсупъ-Кăди готовился къ какому-то празднику, къ какому-то торжеству, занимавшему умы всѣхъ отъ мала до велика, въ томъ числѣ и самаго Кăди, пользующагося глубокимъ уваженіемъ народа. Торжество должно было совершиться 23 числа.

Чтоже это за торжество? Что это за праздникъ, ожидаемый съ такимъ единодушнымъ нетерпѣніемъ? Сколько намъ было извѣстно, это не свадьба, не какой-нибудь слезливый курбанъ-байрамъ; нѣтъ, это долженъ быть веселый, очень веселый праздникъ . . . Иначе къ чему-бы столько без-

конечныхъ хлопотъ, приготовленій!— Гонцы еще вчера ускакали съ приглашеніями по всѣмъ направленіямъ, по всѣмъ ближайшимъ дружелюбнымъ ауламъ — и ускакали, какъ видѣлъ всякій, сломя голову. Въ числѣ посланныхъ былъ даже *Котѣ*, братъ жены Чоудырскаго *Кади*. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что этотъ праздникъ не народный, не общій — а частный, домашній праздникъ въ семействѣ *Юсупа* *.

Но вотъ скачетъ дѣвушка лѣтъ десяти или двѣнадцати, на маленькой горской лошаdkѣ. Лицемъ она прекрасна какъ ангелъ; пышные локоны ея то разстилаются по плечамъ волнами, то играютъ съ вѣтромъ въ тактъ рѣзваго скака. Станъ милой малютки затянутъ въ цвѣтной шелковый бешметъ съ крючками и петельками изъ чистаго золота; на локонахъ легкая бархатная шапочка, вся въ рѣзномъ серебрѣ. Какъ крѣпко, вольно, и ловко держится эта юная наѣздница на богато-окованномъ черневымъ серебромъ орчакѣ! Двое провожатыхъ ѣдутъ слѣдомъ за нею.

Вдали отъ середины аула, къ сѣверо-востоку, въ-сторонѣ, виднѣется нѣсколько разбросанныхъ кибитокъ въ кочевомъ безпорядкѣ. Одна изъ нихъ отличается особенною величиною, опрятностью и многолюдствомъ: это кибитка самаго *Юсупъ-Кади*. По-сторонамъ ея расположены другія, небольшія, принадлежащія близкимъ роднымъ женой его; а въ тридцати шагахъ — во всемъ блескѣ роскоши красуется бѣлый шатеръ, щедро обвитый и изукрашенный лентами и алымъ сукномъ, какъ кибитка богатой четы молодыхъ: это жилье одного кунака, по-имени *Апцаръ*, посѣтившаго на ту пору гостепріимнаго *Кади*.

Болѣе сорока человекъ гостей съѣхались уже въ этотъ день по призыву на назначенный праздникъ. По-лѣвую-сторону двери громадной кибитки, на коврахъ и травѣ, возсѣдали неспѣсивые посѣтителы, и между ними — самъ *Кади*, низенькій, полный жизни и здоровья, старичекъ лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, умный, смѣтливый, зоркій. Судили-рядили, по восточному обычаю, о дѣлахъ степной политики и о домашнихъ; но чинно и тихо, безъ споровъ, что доказывало уваженіе гостей къ хозяину. Вдругъ раздалась едва слышная рысь. . . .

— « *Алѣ айгѣрѣ, Бабѣ!* » — произнесла звучнымъ голосомъ прелестная малютка-наѣздница, остановившись близъ собесѣдниковъ — и мигомъ прыгнула на землю.

Тотчасъ ретивый конекъ былъ разсѣданъ услужливымъ Бавбѣжъ — и пущенъ на волю. При первыхъ звукахъ мелодическаго голоса, въ дверяхъ кибитки появилась, въ нарядной одеждѣ изъ золота и шелку, высокая, стройная женщина, нѣкогда прекрасная собою.

* Объ этомъ замѣчательномъ человекѣ, полное имя котораго — *Юсупъ-Кады Худай-Берды Кадіевъ*, сообщу я подробнѣе въ статьѣ о Трухменцахъ, имѣющей войти въ составляемое мною общее описаніе Ставропольской губерніи. Соч.

— « *Afá!* » — радостно вскрикнуло дитя — и, ласкаясь, упало въ объятія матери. . . .

Никто, увидя въ первый разъ эту кудрявую головку, не повѣрилъ - бы, что она принадлежитъ не дѣвушкѣ, но Абдаллѣ, единственному сыну Юсупъ - Кади, и высокой женщины, его единственной жены.

Наступило 22 іюня. Безоблачное небо предвѣщало жаркій день. Одноаульные посѣтителы валили толпами къ громадной кибиткѣ. Пріѣзжіе гости, расположившіеся на ночлегъ у знакомыхъ, собирались одинъ-по-одному, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, смотря по отдаленности временнаго помѣщенія. Стекались и бакши съ звонкими *тамбрами* (двух-струнная балалайка), и важные эфенди въ лучшей своей одеждѣ и бѣлыхъ-на-бѣло чалмахъ; стекались и богачи—сибариты степные, и должностные люди — головы, старшины, *аксакáлы*; сюдаже торопились и бѣдняки, смиренная братія Ира. . .

Тридцать тучныхъ кобылъ, лучшихъ изо всего косяка Юсупа, давно стояли на привязи. Теперь ихъ было вдвое болѣе противъ того числа, какое пригонялось всedневно для наполненія величайшаго бурдюка (*тукъ*), заключавшаго въ себѣ степной напитокъ, — *кымызъ*. Пять человекъ занялись доеніемъ кобылицъ; десять зажиточныхъ семействъ обѣщали присылку готоваго кымыза; множество бѣдняковъ, охотниковъ полакомиться на чужой счетъ, дали вѣрное слово прислуживать гостямъ, въ теченіе двухъ дней, бесплатно. По одному желанію Кади, шесть опрятныхъ кибитокъ мгновенно передвинулись къ нему изъ разныхъ угловъ аула, и просторно заключили въ рѣшетчатыхъ стѣнахъ своихъ нахлынувшія толпы разнородныхъ варваровъ.

Всю ночь раздавались по кибиткамъ звучныя пѣсни. Болѣе двухъ-сотъ слушателей ловили каждый звукъ тамдры, каждое слово неутомимаго пѣвца *Алла-Гула*, сына *Магомеда-Бакши*, извѣстнаго старца-поэта, почему-то неучаствовавшаго въ нынѣшнемъ праздникѣ. Кромѣ его были здѣсь также *Аджи-Мурадъ* и извѣстный слѣпецъ-бакши *Сулейманъ*. Оба послѣдніе имѣли по незначительному кружку слушателей, побольшей-части стариковъ или бѣдныхъ гостей, которымъ, по тѣснотѣ, не было мѣста между нарядною знатію, окружавшею знаменитаго Алла-Гула. Ликующій и восторженный, онъ, казалось, забывалъ все слушающее его съ глубокимъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Могучее пѣніе его разносилось далеко по зарѣ и покрывало даже дикія восклицанія и говоръ многочисленныхъ сборищъ, неимѣвшихъ мѣста по близости пѣвца. Чародѣй этотъ то извлекалъ изъ глазъ своихъ слушателей самыя непри-

творныя слезы, то возбуждалъ шумные клики восторга. Вотъ, между прочимъ, одна изъ его пѣсень, пѣсня *Кіоръ-Оглы*: *

«Ворона не соловей —
Не оцѣнить запаха розы.
Въ полѣ ходящія бѣлыя птицы **
Не могутъ знать, что такое озеро.
Тотъ, кто не трудился,
Кто на скатерть не клалъ пищи ***,
Кто не испыталъ трудовъ житейскихъ —
Тотъ и не знаетъ, въ чемъ заключается властвованіе . . .
Давшій одно, а взявшій вдвое,
Съ словомъ добра слово зла смѣшивающій,
Достигшій знатности изъ *последнихъ* —
Какъ пойметъ онъ политичность общества?
Несовершенный въ мужествѣ,
Не плакавшій и не смѣявшійся (кстати),
Не понимающій самого себя —
Не будетъ понимать и другихъ!
Кіоръ-Оглы, какъ явился на свѣтъ,
Не измѣнялъ своему обѣщанію . . .
Кто не выросъ въ брани,
Тотъ не можетъ судить о храбрости! . . .»

Голоса и пѣсень у Трухменскихъ соловьевъ, какъ извѣстно, станутъ легко не на одну недѣлю сряду. Удивительная память и непонятная организація груди и горла! —

— «*Чай иссы* (чай горячій)!» — проговорила привѣтливо стройная Мешаръ, супруга Кăди, обращаясь къ молодому кунаку Апцару.

— «*Аллахъ-берекетъ-берсенъ* (да благословитъ Аллахъ)!» — протяжно поблагодарилъ онъ.

Люди хлопотали, суетились, бѣгали взадъ и впередъ, сталкивались, словно пожаръ былъ въ аулѣ. А онъ, этотъ прелестной отрокъ, этотъ дѣво-образный Абдалла? Онъ едва понималъ, что не далѣе какъ завтра должна рѣшиться участь его выющихся локоновъ, принадлежности пола

* Въ газетѣ «Кавказъ» за 1846 годъ, была помѣщена небольшая статья о *Кіоръ-Оглы*. Переводъ прилагаемой пѣсни его, сдѣланъ для меня, въ числѣ многихъ другихъ, бывшимъ переводчикомъ Штаба Военной Кавказской Линіи и Черноморья, нынѣ приставомъ Кара-Ногайскаго народа, Маіоромъ *Давлетъ-Мирзою-Шихалиевымъ*. Соч.

** Здѣсь, очевидно, говорится о птицахъ безъ перепонки. Восточная муза, въ порывѣ своего импровизаторскаго вдохновенія, не имѣла времени сообразить, что въ числѣ *ходящихъ по полю бѣлыхъ птицъ*, могутъ быть также гуси, лебеди и другія, которыя *могутъ знать, что такое озеро*. Соч.

*** То-есть: не предлагалъ угощенія, для достиженія властвованія, какъ водится у Азіатцевъ. Соч.

инаго... Шелковый бешметъ его, сшитый пятью швеями въ одинъ день * изъ матеріи, подаренной богатымъ родственникомъ, давно уже красовался на домашней выставкѣ. Настала пора подарковъ всякаго рода юному виновнику праздника. Не требовали многого: каждый приносилъ что могъ, по силамъ. Азіатскій обрядъ этотъ почтенъ былъ истинно по-европейски двумя кусками превосходной матеріи, подаренной кунакомъ Апцаромъ; они произвели во всѣхъ зрителяхъ дикую радость. Долго подарки переходятъ изъ рукъ въ руки, долго остаются вывѣшенными на-показъ; и чѣмъ они многочисленнѣе, тѣмъ выше стоитъ хозяинъ въ мнѣніи своихъ гостей; чѣмъ они богаче, тѣмъ болѣе молвы, пересудовъ и разсказовъ.

Абдалла, какъ мы сказали, единственное дитя Юсупъ-Кади и его нынѣшней супруги. Этотъ рѣдкій ребенокъ, тихостию нрава, послушаніемъ и необыкновенною привязанностию къ родителямъ, пріобрѣлъ такую безпредѣльную любовь ихъ, что въ наше время и между Европейцами не легко найти подобное въ этомъ отношеніи семейство. Бракъ Кади и Менаръ, единственной—противъ обычая кочевыхъ богачей—жены его, несмотря на желаніе этой рѣдкой четы, не принесъ ей дѣтей женскаго пола. Недостатокъ этотъ придумали замѣнить хотя на-время, отступленіемъ отъ обычая, воспрещающаго мужчинѣ носить на головѣ волосы (кромѣ одного завѣтнаго пучка)—и вотъ почему Абдалла, носившій до-сихъ-поръ локоны дѣвушки, былъ для своихъ родителей въ одно время, и сыномъ и дочерью.

Многіе разсказывали про это обстоятельство иначе. Утверждаютъ, что Кади имѣлъ уже нѣсколько дѣтей, но почти всѣ они умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ. Какъ быть, чтобы спасти хотя одного ребенка отъ жадныхъ челюстей смерти? Менаръ была беременна. Вотъ, однажды, когда наступалъ уже срокъ разрѣшенія, въ кибитку Кади является женщина и начинаетъ торговать у Менаръ ея ребенка. Сначала такое предложеніе показалось родителямъ страннымъ, несбыточнымъ; но, пораздумавъ нѣсколько и будучи убѣждены знахарями въ томъ, что предразсудокъ временной продажи дѣтей оказываетъ иногда спасительныя послѣдствія, они рѣшились покориться его вліянію на сохраненіе жизни ребенка. Торгъ былъ слаженъ заблаговременно: платою должны были служить, если родится дѣвочка — одна доска, если мальчикъ — двѣ доски чаю. При такихъ условіяхъ, не воспрещается родителямъ подарить что-нибудь ребенку на содержаніе; такіе подарки служатъ вмѣстѣ-съ-тѣмъ и временною платою за попеченія о немъ до извѣстнаго возраста, и — по обыкновенію — всегда составляютъ порядочный задатокъ. Родился Абдалла. Какъ сказано, такъ и сдѣлано: продали его въ другой аулъ... Прошло немало времени, годъ, два и болѣе: Абдалла росъ и хо-

* Это въ обыкновеніи у степныхъ народовъ. Скорость въ приготовленіи обновъ между ними удивительна. Соч.

рошѣлъ на диво всякому. Вдругъ разнеслось въ народѣ, что онъ умеръ... Легко представить себѣ, какъ были опечалены такою вѣстью злополучные родители. Однажды сидѣли они вдвоемъ и горевали. — «Можно войти?» послышалось въ это время за кибиткой. — «Можно, войди,» отвѣтилъ Кади, мгновенно принявъ на себя важный видъ служителя Аллаха и набожно произнеся: «*Ла-илагъ-иль-Аллагъ!!*» — Вошла высокая женщина, закутанная въ бѣлый *тастаръ* (женское головное покрывало) и съ ребенкомъ на рукахъ. — «Хотите купить?» спросила она у супруговъ. — «Мальчикъ или дѣвочка?» спросили они въ одинъ голосъ. — «Угадайте!»... — «Мальчикъ» отвѣчали они опять, какъ бы согласившись... — «Такъ-и-быть, продамъ... Цѣна два червонца, да, сверхъ-того, сколько прибавите сами, не откажусь...» — Дали два червонца, доску чаю, да разныхъ тряпокъ на женскія обновы. — «Любите его, какъ и я любила свое дитя» — примолвила потомъ гостя — «а онъ васъ любить будетъ, надѣюсь...» — Тогда изъ-подъ раскрытаго тастара глазамъ изумленныхъ супруговъ, предстало прелестнѣйшее бѣлокурое дитя — сынъ ихъ Абдалла, живъ-живехонекъ!... Съ-тѣхъ-поръ ребенокъ растетъ у родителей и хорошеетъ день-о-дня; съ-тѣхъ-поръ носить онъ локоны и, какъ примышль, называетъ мать свою ласковымъ именемъ: «*Афа!*»

Все ликовало въ аулѣ Юсупъ-Кади. Самый день 23 іюня, казалось, былъ веселѣе, свѣтлѣе, теплѣе обыкновеннаго. Всякій торопился сбросить съ себя старое одѣяніе и облечься въ лучшее свое платье. На всѣхъ появились шелковые, атласные и парчевые халаты и бешметы; заблестало серебро повсюду, гдѣ соответствовало средствамъ и вкусу.

Кунаки пріѣзжіе и одноаульные находились въ полномъ собраніи и сѣздѣ. Всѣхъ всадниковъ, не считая пѣшихъ пришельцевъ, было не менѣе четырехъ-сотъ.

Около полудня, кибитки мало-по-малу начали пустѣть. Народъ, пресытившійся артистическимъ пѣніемъ и игрою неугомонныхъ бакши, спѣшилъ къ удовольствіямъ другаго рода. Скачка малютокъ на заклады происходила еще наканунѣ, вечеромъ. Теперь празднество открылось скачкою и джигитовкою пятидесяти и болѣе всадниковъ, раздѣлившихся на нѣсколько партій. Дистанція бѣга простиралась на десять верстъ. Скакать въ-разсыпную сломя голову, безъ соблюденія необходимыхъ скаковыхъ условій, по-нашему — дѣло, не стоящее вниманія; но по понятіямъ кочеваго туземца, и этотъ родъ скачекъ имѣетъ свою занимательность и значеніе. Призы, вызывавшіе на удалство, заключались въ серебряныхъ деньгахъ, и зависѣли совершенно отъ щедрости присутствовавшихъ богачей. Болѣе другихъ отличился въ скачкѣ одинъ при-

ставскій казакъ (дуванщикъ) изъ туземцевъ, и остался въ значительномъ выигрышѣ. Трухмены въ искусствѣ наѣздничества — не обинуясь сказать — вообще далеко уступаютъ Ногайцамъ, въ-особенности обитающимъ въ при-Пятигорскихъ аулахъ.

Не входя въ описаніе всѣхъ игръ, сопровождавшихъ домашнее празднество Юсупъ-Кади, расскажемъ здѣсь только о томъ, что, по нашему мнѣнію, отличается своею замѣчательною особенностію, оригинальнымъ характеромъ. Говоримъ — о единоборствѣ силачей-охотниковъ.

Въ 4 часа по-полудни, когда солнце, нестерпимо палившее зрителей знойными июньскими лучами, начинало склоняться къ западу, всѣ разъединенныя выборомъ зрѣлищъ толпы стали сосредоточиваться въ одно мѣсто, на гладкую поляну, находившуюся позади кибитки Юсупа. Большая-часть всадниковъ спѣшилась, образовавъ своими густыми рядами широкій кругъ, состоявшій изъ представителей двухъ родовъ: Чоудыръ и Игдыръ. На западной сторонѣ, на первой линіи арены, помѣстились на цвѣтныхъ коврахъ самые почетнѣйшіе богачи и достойные чалмоносцы — эфендіи и аджіи (меккскіе поклонники) обоихъ родовъ, числомъ до шестидесяти; на юго-восточной — расположились бойцы Чоудырскіе; на сѣверо-восточной — ихъ Игдырскіе противники, окруженные своими; на южной сторонѣ находился возсѣдавшій на складномъ креслѣ кунакъ Апцаръ, а рядомъ съ нимъ, на травѣ — самъ Кади и юный Абдалма.

Болѣе сорока всадниковъ избраны были съ обѣихъ сторонъ, чтобы блюсти порядокъ и тишину. Сонму духовенства принадлежало право и честь произносить роковые приговоры, рѣшающіе счастливое имя побѣдителя. По законамъ борьбы, нужно только упасть одному, чтобы побѣда провозглашена была удѣломъ другаго. Упасть, по понятіямъ народнымъ, значить — быть побѣжденнымъ; не принимается въ уваженіе, если боецъ упадетъ, запнувшись за что-либо или поскользнувшись: онъ все равно побѣжденъ. Вотъ почему бойцу необходимо держаться на ногахъ до послѣдней крайности; иначе — позоръ неизбѣженъ.

Двое прислужниковъ внесли маленькій треножный столикъ (по ногайски — *сапра*) и съ подобающею важностію поставили его предъ толпою судей-эфендіевъ; на столикъ поставили деревянную чашку, наполненную небольшими кусочками жареной баранины и нетопленаго сала. Каждый изъ бойцевъ, приготовляясь выступить на поприще борьбы, долженъ былъ сѣсть нѣсколько кусочковъ, по Азіатскому обыкновенію въ знакъ незлобія и мира. Знатоки силы и ловкости избранныхъ для состязанія, тихо совѣщались между собою, на кого должна была пасть первая боязливая доля. Обѣ стороны долго думали объ этомъ важномъ предметѣ, пока не раздался ропотъ всеобщаго ожиданія и нетерпѣнія. Выборъ палъ . . .

Великанъ, завернутый съ головы до ногъ въ бѣлую простыню, былъ медленно, тихо, выведенъ на середину арены. Онъ остановился и съ-минуто стоялъ неподвижно, какъ-бы желая освоиться съ новостью своего положенія. Всѣ взоры устремились на него: всѣ старались угадать, кто онъ — и пошли жаркіе споры. Многіе требовали ускоренія развязки; но флегматическій, неповоротливый проводникъ все еще медлилъ, желая, казалось, возбудить большее любопытство зрителей. Наконецъ, онъ взявъ исполина подъ-руку и, по-прежнему, тихо, лѣнивымъ шагомъ подвелъ его къ судьямъ, предъ которыми трухменскій Голиаѳъ, не открывая своего таинственного лица, почтительно опустилсѣ на одно колено. Тогда нѣсколько словъ, произнесенныхъ вполголоса старѣйшимъ изъ эфендіевъ, съ длинною серебряною бородою, и, вѣроятно, заключавшихъ въ себѣ краткую молитву и благословеніе — дали знакъ, по которому боецъ поднялся на ноги не менѣе почтительно, подошелъ къ столику, взявъ нѣсколько кусочковъ баранины, и съѣлъ ихъ подъ простынею; потомъ, обратясь къ судьямъ, приложилъ правую руку къ своей груди — и возвратился на середину круга объ-руку съ представлявшимъ его проводникомъ . . . Этотъ боецъ былъ изъ рода Чоудырѣ.

Сильно и глубоко поражены были этою сценою Игдырскіе знатоки. Ростъ избраннаго противною партіей бойца изумлялъ ихъ и приводилъ въ нерѣшимость. Прошло четверть часа . . . Ожидавшій соперника великанъ начиналъ бить ногою тактъ отъ скуки и нетерпѣнія. Еще нѣсколько мгновений медленности — и родъ Игдыровъ былъ-бы непременно заклеименъ единодушнымъ и страшнымъ названіемъ — *трусовъ*! Но онъ не допустилъ себя до такого ужаснаго посрамленія, и, съ ропотомъ разхмынувъ направо и на-лѣво, далъ дорогу представителю, ведшему съ собою бойца, окутаннаго подобно Чоудырскому бѣлою простынею. Этотъ былъ хотя по-видимому и средняго роста, но плотнаго, крѣпкаго сложенія. Твердою поступью приблизился онъ къ мѣсту представленія, опустилсѣ, какъ и прежній, на одно колено, получилъ благосклонное разрѣшеніе, съѣлъ нѣсколько кусочковъ сала, приложилъ правую руку къ груди — и возвратился на мѣсто, гдѣ былъ его противникъ . . .

До этой минуты они еще не замѣчали другъ-друга, и ни тотъ ни другой не зналъ съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло, какъ вдругъ быстро сорванныя съ нихъ проводниками простыни совершенно обнажили атлетическія формы обоихъ, обличавшія несокрушимую крѣпость и силу . . . Кому не случалось видѣть, какъ встрѣчаются два хищные звѣря, рѣшившіеся растерзать одинъ-другаго, тотъ едва-ли, не бывъ очевидцемъ, можетъ представить себѣ всю ярость и ненависть трухменскихъ бойцевъ; это невыразимое остервененіе и обоюдную жажду уничтоженія противника предъ лицомъ родныхъ, знакомыхъ, друзей! — Колоссальный ростъ одного и его прочныя, мощныя члены, казалось,

слиты были изъ мѣди; ширина плечъ и груди обѣщали силу и здоровье вола; приэтомъ рѣдкая пропорціональность формъ исполина дотого была прекрасна, что зритель съ трудомъ могъ оторвать взоръ отъ этого страшнаго челоуѣка. Противникъ его едва только головою могъ доставать ему до плеча; но зато ужъ какъ былъ онъ мускулистъ и крѣпокъ, какъ удивительно ловокъ и живъ, какъ отличался стройностію стана, нѣжностію пріятнаго не-азіатскаго лица и бѣлизною кожи! Прелестъ и заглядѣнье!

Въ воздухъ завѣяли платки; но нигдѣ ни звука, ни шелеста, ни шопота: все безмолвствовало, притаивъ дыханіе и обратившись въ напряженное зрѣніе. Торжественна была эта минута, когда противники, въ нѣсколькихъ шагахъ, измѣряли взорами другъ-друга. Насмѣшливый великанъ улыбался надмѣнно, заранее увѣренный въ несомнѣнной побѣдѣ; но прекрасное, увлекательное лице его противника, ставшаго въ граціозную позу и спокойно сложившаго на высокой груди свои бѣлыя руки, выражало надежду и отважность. Свѣтъ и вѣтеръ раздѣлены были поровну между обоими; перевязи, прикрывавшія среднія части тѣла и состоявшія изъ весьма искусно подобранныхъ внутри *ястанъ* (штановъ), представляли какъ тому, такъ и другому, одинаковыя удобства въ борьбѣ и нападеніи . . .

Съ быстротою и легкостію серны красивый Игдырецъ первый измѣнилъ свою граціозную позу, и сдѣлалъ первое нападеніе, какъ эластическій шаръ эаирно отпрыгнувъ далеко всторону отъ бросившагося на него въ тоже мгновеніе исполина. Завязалась рѣзвая, забавная игра кошки съ мышью, начинавшаяся нѣсколько разъ и всегда оканчивавшаяся необыкновенными антрша и воздушною ловкостію одного, удачно и непостижимо избѣгавшаго яростныхъ усилій другаго, тщетно старавшагося схватить на лету свою жертву. Здѣсь, какъ и вездѣ, въ этотъ періодъ борьбы, перевѣсъ былъ на сторонѣ хладнокровія и проворства. Мудрено пересказать съ какимъ рѣдкимъ, непостижимымъ искусствомъ ведена была эта бышеная игра, раздражившая мощнаго силача до послѣдней степени остервѣненія, и — напротивъ — все болѣе-и-болѣе занимавшая его веселаго противника, который со всякимъ прыжкомъ становился все легче-и-легче, отважнѣе и живѣе: то подкрадывался онъ къ противнику на самое ближайшее разстояніе, съ быстротою молвіи забѣгая сзади, или дразнилъ его почти предъ самыми глазами; то вихремъ кружился вокругъ него, катался колесомъ, становился на руки вверхъ ногами — и неуловимо ускользалъ, замѣтивъ малѣйшее движеніе разсвирѣпѣвшаго непріятеля; то дѣлалъ онъ изумительно смѣлые прыжки черезъ голову, безвредно становясь на землю, какъ ни въ чемъ не бывало; то иногда покушался даже прыгнуть на плечо великана и, перекувырнувшись на воздухъ, катился потѣмъ по землѣ опять чрезъ голову, какъ шаръ . . . Но вотъ вы едва замѣтили, какъ они столкнулись,

какъ сплелись рука съ рукою, свились клубомъ, какъ змѣи . . . Уже ничто не въ состояннн было ихъ разнять, ничто не могло остановить этой варварской борьбы и ожесточенія: и то и другое лицо, теперь равно было ожесточено злобою и гнѣвомъ; какъ голодные волки добычу, рвали они другъ-друга руками, вихремъ кружась по аренѣ. Напряженные члены и кровью налившіеся глаза ихъ, казалось, готовы были поминутно лопнуть; конвульсивно-сжатые губы, покрытыя кровавою пѣною и потомъ, шептали проклятiя. То они готовы были оба рухнуть на землю; то высоко взбрасывали одинъ-другаго на воздухъ, не выпуская изъ рукъ; то тяжело, судорожно падали на-колѣна, стараясь изломать за-мертво стиснутые члены; то снова становились на ноги, снова начинали безконечную борьбу—и снова кружились, снова неслись въ сумасшедшемъ остервененнн. Любо и трепетно было смотрѣть на это бѣшенство. Можно положительно сказать, что дѣло шло скорѣе о смерти, нежели о жизни . . . Слышно было даже какъ трещали вывертываемыя руки и ноги—и каждый изъ зрителей легко предвидѣлъ, что безъ вмѣшательства стражи, обезумѣвшіе бойцы оба должны были остаться на-мѣстѣ до грозной трубы Азраэля . . .

Между-тѣмъ, къ общему изумленію, совершенно неожиданный оборотъ приняла эта дикая пытка силы и искусства. Въ самое рѣшительное мгновеніе, когда только-что собравшій всѣ свои силы исполнѣ готовился сломать или раздавить своего противника, тотъ счастливо успѣлъ высвободиться изъ удушавшихъ его объятій, сдѣлавъ легкое движеніе впередъ, потомъ съ непостижимымъ проворствомъ перекинулся назадъ—и громадный чоудырскій колоссъ, словно чудомъ поднятый на воздухъ, стремглавъ полетѣлъ чрезъ его голову, и въ двухъ саженьяхъ всею тяжестью тѣла ударился о землю . . . Дикая кошка на похитителя дѣтей своихъ, или испуганная внезапнымъ шорохомъ воздушная бѣлка—можетъ только прыгнуть такъ, какъ прыгнулъ на него побѣдитель! . . .

Яростно заволновались ряды гостей-черни. Одни торопились удержать побѣду за Игдырцемъ; другіе — сбросить, измять, раздавить торжествующаго бойца-непріятеля. Все закипѣло буйствомъ и бранью. Набѣдники смѣшались съ пѣшими зрителями, и малочисленной стражѣ весьма трудно было удержать бѣснующееся невѣжество въ границахъ прежняго порядка. Только громкія слова Юсупъ-Кади могли утишить волненіе. Одни торжествовали побѣду, другіе пылали ненавистью и мщеніемъ. Бойцы были уведены, а имя одержавшаго верхъ огласилось въ воздухъ воплями и радостными кликами нѣсколькихъ сотъ людей! . . .

За первую парю слѣдовала другая, третья и т. д., до двѣнадцати. Каждая пара бойцевъ выходила на арену тѣмъже самымъ порядкомъ, какъ и первая, и отличалась тѣмъже, а иногда еще и бѣльшимъ звѣрствомъ

и варварскою безпощадностью, пока кто-либо изъ бывшихся не оставался побѣдителемъ. Многимъ изъ любителей нравилась «*лежачая* борьба», происходившая у двухъ или трехъ паръ. На нашъ взглядъ — ничто не можетъ быть ужаснѣе этого боя. Ожесточеніе въ этой борьбѣ достигаетъ иногда съ обѣихъ сторонъ дотого, что противники, въ забытіи и изступленіи, рвутъ другъ-друга зубами и ногтями, или, въ припадкѣ высочайшаго бѣшенства и безсилія, грызутъ землю и вырываютъ руками огромные куски дерна. Въ такихъ случаяхъ спѣшатъ ихъ рознять; но, бывали, рассказываютъ, и такіе примѣры, что рознятые бойцы вымѣщали злобу свою на миротворителяхъ, какъ смогли, не имѣя права и возможности продолжать прерванную битву. Лежачая борьба, сколько могу судить о ней по двумъ-тремъ примѣрамъ, требуетъ невѣроятной ловкости и силы: здѣсь нѣтъ надежды ни на быстроту ногъ, ни на случайности, прерывающія часто гимнастическія упражненія удалцовъ въ самомъ началѣ.

Послѣ борьбы, заключившей собою всѣ игры, кругъ зрителей сдвинулся тѣснѣе. Юсупъ-Къди ввелъ въ него за одну руку жену свою, съ невообразимою щедростью украшенную золотомъ, и маленькаго Абдаллу, безсознательно и кротко озиравагося на сжатые массы гостей. Въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ произнесъ Юсупъ рѣчь къ духовенству и народу, объяснилъ въ ней свои домашнія обстоятельства, и коснувшись слегка свершенія извѣстнаго числа лѣтъ Абдаллѣ, замѣнявшему для него сына и дочь, объявилъ, что теперь, по этому случаю, онъ охотно и съ радостію готовъ пожертвовать имъ на служеніе Аллаху, начавъ съ обученія дитяти, какъ заведено, священнымъ книгамъ и письму. Горькими слезами окончилъ онъ свои слова; трогательнымъ рыданіемъ отвѣтила ему тоскливая супруга. Абдалла едва-ли понималъ, что онъ одинъ былъ причиною этѣхъ слезъ. Старѣйшій изъ эфендіевъ на рѣчь Юсупа отвѣчалъ утѣшительною, не менѣе сильною и вразумительною рѣчью. Народъ, не задолго жаждавшій варварскихъ зрѣлищъ, жался теперь, ловя каждое слово; многіе плакали. Трогательна была эта сцена, рѣшившая навсегда участь роскошныхъ волосъ Абдаллы!...

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ угощеніи. Оно, какъ требуютъ обычаи, состояло изъ бараньяго и конскаго мяса, приготовленнаго еще на-канунѣ. Приготовленіе состоитъ все въ томъ, что сварятъ что слѣдуетъ, да изрѣжутъ мелко-на-мелко—и дѣло съ концемъ. Сначала чинными рядами расположились на мягкой муравѣ проголодавшіеся гости, предъ которыми, по распоряженію хозяина, немедленно очутились цѣлыя батареи деревянныхъ чашекъ съ *бишъ-бармакомъ*. Пока еще все шло благополучно, и одинъ разъ даже совершенно счастливо удалось прислуживавшимъ обнести первые ряды; но, послѣ того, вполнину насыщенные гости заблагоразсудили подняться на ноги и, при первомъ появленіи второй порціи, отважно бросились на похищеніе... Началась

страшная свалка. Кулакъ и плеть дѣйствовали дружно, повсюду отбивая аппетитную добычу и сбивая съ ногъ все, рѣшавшееся на опасное сопротивленіе. Малочисленная прислуга, видя буйный напоръ и получая, невѣдомо за что, щедро сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ удары и толчки, пустилась со всѣхъ ногъ въ благоразумное бѣгство... Это голодное сумашествіе свирѣпствовало до-тѣхъ-поръ, пока все на-чисто было опорожнено, пока груды брошенныхъ чашекъ не напомнили бѣснующимся, что обѣдъ былъ окончательно съѣденъ. Таковы Восточная вѣжливость и обжорство!

Послѣ обѣда, гости, какъ-водится, выкурили по трубкѣ табаку, причемъ почетные выпили еще по чашкѣ кымыза, и потомъ, не поблагодаривъ даже хозяина за приглашеніе и пріемъ, сѣли на коней—и чрезъ пять минутъ были уже далеко, джигитуя въ-разсыпную, подобно разбѣжавшимся отъ страха муравьямъ . . .

СМѢСЬ.

— ГЕОГРАФІЯ АБУЛЬФЕДЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ. — Для исторической географіи нѣтъ въ настоящее время ничего важнѣе какъ изданіе географическихъ памятниковъ Восточныхъ литературъ. Европейскіе источники по этой части, какъ древніе, такъ и среднихъ вѣковъ, болѣею-частію изданы и давно уже изучены; наука взяла изъ нихъ почти все, что можетъ взять; Азіатскіе, напротивъ, и въ извѣстность-то стали приходить весьма недавно, а между-тѣмъ, судя по тому, что уже издано, обѣщаютъ богатѣйшую жатву новыхъ и любопытнѣйшихъ свѣдѣній. Абульфедъ, арабскій географъ и историкъ XIV вѣка, впрочемъ — одинъ изъ тѣхъ Восточныхъ писателей, которымъ наиболѣе посчастливилось въ Европѣ. Его хронологическая исторія мусульманскаго міра была первымъ большимъ историческимъ произведеніемъ, которое удостоилось въ Европѣ изданія въ текстѣ и въ переводѣ: Адмеръ напечаталъ ее по-арабски и по-латыни (въ переводѣ Рейске) въ 1789—1794 годахъ, въ пяти толстыхъ томахъ in 4°; а одна часть этого сочиненія, заключающая жизнеописаніе Магомета, издана была въ текстѣ и латинскомъ переводѣ еще въ 1722 году, въ Оксфордѣ. Географическое твореніе Абульфеды «*Тахъимъ-эль-Бульданъ*» стали переводить и издавать по частямъ, въ Англіи и Германіи, еще съ половины XVII столѣтія; въ нынѣшнемъ явились и два полныя изданія его въ подлинникѣ: одно — въ Парижѣ, въ 1840, другое — въ Дрезденѣ, въ 1842—1845 годахъ. Это была важная услуга наукъ, но услуга, которою могли пользоваться лишь избранные — оріенталисты; тогда-какъ для знаменитѣйшихъ воздѣлывателей географіи важный географическій памятникъ этотъ былъ доступенъ только въ нѣмецкомъ переводѣ Рейске, напечатанномъ въ многотомномъ изданіи Бюшинга: «*Magazin für die neue Historie und Geographie*». Наконецъ

одинъ изъ издателей арабскаго текста Абульфедовой Географіи, г. Рено (Reinaud), рѣшилъ перевести ее на французскій языкъ, и вотъ въ нынѣшнемъ году переводъ этотъ вышелъ въ Парижѣ, въ двухъ частяхъ in 4°, подъ заглавіемъ: «Geographie d'Aboulféda, traduite de l'Arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements.» Профессоръ Арабскаго языка, г. Рено знаетъ этотъ языкъ довольно хорошо для того, чтобы понимать нетрудный подлинникъ Абульфедовой Географіи и вѣрно передать его на свой отечественный языкъ. Но заслуга его не ограничивается этимъ: къ переводу присоединилъ онъ объяснительныя примѣчанія и ученое введеніе, составляющее цѣлый трактатъ о состояніи географическихъ свѣдѣній и объ исторіи географіи въ средніе вѣка у Арабовъ и другихъ Азіатскихъ народовъ. Оно раздѣляется на четыре отдѣла, въ которыхъ говорится о слѣдующемъ:

I. Объ Абульфедѣ; его кончина; сынъ его и преемникъ; вкусы его; прекращеніе его рода; сочиненія его.

II. Арабскіе и Персидскіе географы до Абульфеды. Рожденіе географіи у Арабовъ. Работы произведенныя въ халифатство Аль-Мамуна. Вліяніе ученій Персидскихъ, Индійскихъ и Греческихъ. Сказаніе купца Сулеймана. Трактатъ Ибнъ-Хордадбе. Географическія сочиненія Масуди. Сказаніе Ибнъ-Зеида. Путешествія Синдбада. Сказанія Эль-Истахри и Ибнъ-Хаукала. Географическіе труды Эль-Бируни. Нѣкоторые другіе географическіе трактаты Арабовъ. Работы Эдриси. Такъ-называемые «Путеводители», составленные Арабами. Трактаты гидрографическіе, и проч.

III. Географическія ученія Арабовъ и Восточныхъ вообще. Преданія Греческія, Индійскія и Персидскія, сохранившіеся въ Алькоранѣ. Лунныя стоянія. Способы оріентаціи у Арабовъ. Системы происхожденія вѣтровъ. Происхожденіе компаса. Способы составленія географическихъ картъ у Арабовъ. Обитаемая четверть міра. Система Индійцевъ. Раздѣленіе земли на семь климатовъ. Долгота и широта. Первый меридіанъ. Меридіанъ центральный на Востокъ и на Западъ. Предѣлы земли на Востокъ и на Западъ. Средства, употреблявшіяся для опредѣленія широты и долготы. Какъ выставлялись градусы на картахъ. Личейныя мѣры. Величина земнаго градуса. Общій очеркъ географіи. Извлеченія изъ таблицъ Эль-Батени. Очеркъ Европейскихъ свѣдѣній объ Индіи въ древности и средніе-вѣка. Судоплаваніе по морямъ Востока въ тѣже времена. Первое введеніе Христіанства въ Китай. Система семи Восточныхъ морей. Муссоны. Гидрографія Восточныхъ морей.

IV. О самой Географіи Абульфеды, и о планѣ, которому слѣдовалъ ея переводчикъ.

При этомъ случаѣ можно замѣтить, что у насъ на отечественномъ языкѣ нѣтъ ни вполнѣ, ни въ сокращеніи, ни одного изъ Арабскихъ или Персидскихъ географовъ, хотя бы такъ, для образчика; но зато мы имѣ-

емъ нѣсколько сочиненій географическаго содержанія, переведенныхъ съ Китайскаго. Таковы: изданныя Отцомъ Іакияфомъ (СПБ. 1829) «Описанія» Джунгаріи и Восточнаго-Туркистана, составленныя передъ Р. Х. и въ половинѣ прошлаго вѣка, и «Описаніе» Тибета (СПБ. 1828), составленное въ концѣ того же вѣка. Леонтьевъ, еще въ прошломъ же столѣтіи, напечаталъ переведенное имъ съ Китайскаго «Описаніе городовъ, доходовъ и прочему Китайскаго Государства» (СПБ. 1778); переведенное съ Манджурскаго «Путешествіе Китайскаго Посланника къ Калмыцкому Аюкѣ-Хану» (СПБ. 1782 и 1782), и т. д.

— новое итальянское изданіе путешествій марко-поло. — Вышло въ отечествѣ знаменитаго путешественника, въ Венеціи. Это вѣрный переводъ на нынѣшній Итальянскій языкъ стариннаго Французскаго подлинника сказаній Марко-Поло въ томъ видѣ, какъ напечатанъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Парижскимъ Географическимъ Обществомъ; кромѣ-того, въ это изданіе вошло значительное число мѣстъ, которыхъ нѣтъ въ означенномъ Французскомъ, но которыя находятся въ старинномъ Итальянскомъ изданіи Рамузіо. Переводчикъ, г. Винченцо Лазари, обогатилъ свой трудъ прекраснымъ предисловіемъ, въ которомъ приготовляетъ читателя слѣдить съ довѣренностію за разсказами своего соотечественника, доказывая ихъ искренность, истинность и важное значеніе; а въ-слѣдъ за текстомъ помѣстилъ свой комментарий на нихъ съ извѣстіемъ какъ о рукописяхъ путешествія, хранящихся по важнѣйшимъ библіотекамъ Европы, такъ и объ его многочисленныхъ печатныхъ изданіяхъ. Сказанія знаменитаго Венеціанца, достовѣрность которыхъ признана нынѣ вообще и подтверждается съ каждымъ днемъ по-мѣрѣ ознакомленія съ описываемыми имъ странами, представляютъ тѣмъ-не-менѣе множество темныхъ мѣстъ или, лучше сказать, географическихъ трудностей; надъ проясненіемъ и разрѣшеніемъ ихъ работало не мало ученыхъ, но все еще остается надъ чѣмъ поработать и другимъ: въ Комментаріи своемъ, вообще весьма дѣльномъ, г. Лазари нерѣдко оказывается, относительно пріуроченія тѣхъ или другихъ изъ упоминаемыхъ у Марко-Поло мѣстностей, другаго мнѣнія, чѣмъ прежніе комментаторы: Марсденъ, Бальделли и Муррей.

— о новой изготовляющейся топографической и этнографической картѣ австрійской имперіи. — Эта карта, составленіе которой предпринято, по порученію Правительства — Дирекціею Административной Статистики, а гравировка, печатаніе и раскраска — Военно-Топографическимъ Институтомъ, въ Вѣнѣ, — будетъ во многихъ отношеніяхъ отличаться отъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ работъ такого рода. Одна, и едва-ли не главная, изъ ея особенностей заключается въ томъ, что дан-

ныя служащія ей основаніемъ, собраны официальнымъ путемъ: единственно возможнымъ въ такомъ трудѣ, гдѣ идетъ дѣло объ обозначеніи и этнографическомъ охарактеризированіи такого числа отдѣльных мѣстностей, какое заключается въ предѣлахъ Австрійской Имперіи (именно до 80,000) — тогда-какъ всѣ предшествовавшіе труды (Славянская Народопись Шаффарика, этнографическія карты Венгріи и Семиградской-Области, составленныя Гейфлеромъ, и проч.,) основаны на свѣдѣніяхъ, собранныхъ по возможности частными людьми, и потому неполныхъ. Затѣмъ, предположено обратить, при составленіи ея, особенное вниманіе на два обстоятельства, или совершенно упущенныя изъ виду, или неудовлетворительно обозначенныя во всѣхъ существующихъ доселѣ лингвистическихъ картахъ: а) на указаніе смѣшанныхъ округовъ, которые находятся почти повсюду, гдѣ два семейства языковъ соприкасаются, а иногда и проникаютъ другъ-друга; и б) на обозначеніе «лингвистическихъ острововъ» (Sprachinseln), которое тогда только можетъ быть достигнуто вполне, когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, имѣются свѣдѣнія о каждой отдѣльной мѣстности. Въ какой мѣрѣ несовершенны въ этомъ отношеніи существующія доселѣ карты, можно видѣть изъ того, что въ Галиціи, на-примѣръ, показывается на нихъ пять или шесть такихъ «острововъ» Нѣмецкихъ, тогда-какъ изготовляемая нынѣ Правительствомъ карта насчитываетъ ихъ тамъ не менѣе ста-семидесяти. Еще большія трудности представляетъ обозначеніе такихъ острововъ въ значительной части Южной-Венгріи и по Военной-Границѣ Баннатской, гдѣ почти каждое мѣсто представляется особымъ островомъ въ-сравненіи съ своими окрестностями. Запасъ этого рода свѣдѣній, собранныхъ и хранящихся въ Статистической Дирекціи Имперіи, позволялъ-бы сдѣлать особую этнографическую карту для каждой провинціи, въ такомъ размѣрѣ, что каждая отдѣльная мѣстность могла-бы быть обозначенною; но какъ это потребовало-бы много времени, а имѣющіяся этнографическія свѣдѣнія, нужно, для административныхъ и политическихъ соображеній, издать какъ можно скорѣе, то и рѣшено довольствоваться обозначеніемъ замѣчательнѣйшихъ только въ этнографическомъ отношеніи мѣстъ, которыя на существующихъ картахъ опущены. Во всякомъ случаѣ, данный картъ объемъ — 22 кв. фута — достаточенъ для того, чтобы воспроизвести этнографическій образъ Имперіи съ величайшею подробностію и сдѣлать замѣтнымъ каждый отдѣльный лингвистическій островокъ.

Сверхъ-того, карту эту будетъ сопровождать объяснительный текстъ, въ которомъ изложится: какъ образовались существующія въ Монархіи національности, какимъ въ-теченіе времени измѣненіямъ подвергались ихъ границы, и въ какомъ положеніи находятся нынѣ этѣ національности относительно числа ихъ и топографическаго и административнаго распредѣленія. Для-того-чтобы представить послѣднее во всевозможной под-

робности, къ тексту будетъ приложенъ полный списокъ всѣхъ мѣстъ Имперіи по странамъ, областямъ, округамъ и волостямъ, съ означеніемъ о каждомъ: какое въ немъ число домовъ, сколько мужескаго и женскаго населенія, какой господствующій языкъ, и какъ называется оно на разныхъ языкахъ, съ сохраненіемъ каждому названію народнаго его правописанія.

По собраннымъ Правительствомъ свѣдѣніямъ, народонаселеніе Австрійской Имперіи распределяется, по численности составляющихъ ее отдельныхъ національностей, слѣдующимъ образомъ:

Нижняя-Австрія. Общее населеніе — 1.494,399 о. п. душъ; въ томъ числѣ: Нѣмцевъ — 1.474,067, Чеховъ — 11,803, Кроатовъ — 4,233, Евреевъ — 4,296.

Верхняя-Австрія. Населеніе составляютъ исключительно Нѣмцы въ числѣ 856,694.

Штейермаркъ. 650,200 Нѣмцевъ и 352,874 Виндовъ.

Каринтія и Крайна. Общее населеніе — 784,786; изъ нихъ: Словенцевъ — 506,266 (именно 410,722 Краинцевъ и 95,544 Виндовъ *), Кроатовъ — 17,697, Нѣмцевъ — 260,824, Евреевъ — 2.

Побережье (Küstenland, Littorale). Общее населеніе — 500,104; въ томъ числѣ: Славянъ-Краинцевъ — 185,757, Кроато-Сербовъ (Истрійцевъ) — 134,545, Итальянцевъ — 116,860, Фріульцевъ — 48,569, Валаховъ — 1,555, Нѣмцевъ — 9,385, Евреевъ — 3,530.

Тироль. Всѣхъ жителей — 859,250; изъ нихъ: Нѣмцевъ — 529,419, Итальянцевъ — 320,241, Ладинцевъ (Ladiner) — 8,642, Евреевъ — 978.

Богемія. Всего населенія — 4.347,962; въ томъ числѣ: Чеховъ — 2.549,975, Нѣмцевъ — 1.727,950, Евреевъ — 70,037.

Моравія и Силезія. Общее населеніе — 2.250,594; изъ коихъ: Чеховъ — 1.327,420, Поляковъ — 131,422, Кроатовъ — 663, Нѣмцевъ — 754,325, Евреевъ — 40,064.

Галиція и Буковина съ Краковомъ. Всего населенія — 5.253,624; изъ того числа: Русиновъ — 2.616,799, Поляковъ — 2.001,143, Чеховъ — 2,182, Русскихъ — 2,339, Нѣмцевъ — 133,000, Молдаванъ — 140,626, Мадяровъ — 5,446, Армянъ — 5,384, Евреевъ — 316,702.

Далматія. Всѣхъ — 404,640; изъ нихъ: Сербовъ (Далматинцевъ) — 374,725, Итальянцевъ — 28,500, Албанцевъ — 1,005, Евреевъ — 410.

Венеція. Общее число обитателей — 2.257,200; изъ нихъ: Итальянцевъ — 1.873,002, Фріульцевъ — 344,085, Словенцевъ — 26,347, Нѣмцевъ — 12,036, Евреевъ — 4,760.

Ломбардія. Итальянцевъ — 2.667,868 Евреевъ — 2,965; всего — 2.670,833.

* Въ этой рубрикѣ заключаются Славяне племени Хорутанскаго, которые всѣ сами себя называютъ Словенцами и имѣютъ одинъ общій языкъ, какъ ихъ ни называютъ Нѣмцы: Краинцами-ли (Krainer), или Виндами. *Ред.*

Венгрія (приблизительно). Общее число жителей—11.000,000; изъ нихъ: *Мадяровъ*—4.708,260, *Словаковъ*—1.822,730, *Сербовъ*, *Шокцевъ* и *Славонцевъ* * —739,240, *Кроатовъ*—689,580, *Русиновъ*—475,310, *Словенцевъ*—49,600, *Болгаръ*—13,580, *Нѣмцевъ*—1.156,400, *Валаховъ*—4.029,680, *Цыганъ*—33,000, *Грековъ* и *Македоно-Валаховъ* (*Цинцаровъ*)—10,000, *Итальянцевъ*—4,000, *Армянъ*—3,000, *Евреевъ*—265,610.

Седмиградская-Область (безъ ея Военной-Границы). Всѣхъ жителей—2.182,700, а именно (приблизительно): *Валаховъ*—1.290,000, *Мадяровъ*—566,500, *Нѣмцевъ*—250,000, *Болгаръ*—200, *Армянъ*—9,000, *Цыганъ*—60,000, *Евреевъ*—7,000.

Военная-Граница (не считая вооруженнаго ополченія изъ *Граничаровъ*). Всѣхъ жителей—1.226,408; а именно: *Кроатовъ*—524,048, *Сербовъ* и *Славонцевъ*—339,176, *Чеховъ* и *Словаковъ*—9,590, *Нѣмцевъ*—41,337, *Валаховъ*—203,931, *Мадяровъ*—106,067, *Албанцевъ*—1.288, *Итальянцевъ*—434, *Евреевъ*—537.

Къ этому должно присоединить еще Императорскую армию простирающуюся (со включеніемъ вооруженнаго ополченія *Граничаровъ*) до 492,486 человекъ; въ числѣ коихъ (приблизительно): *Нѣмцевъ*—128,286, *Чеховъ*, *Моравцевъ* и *Словаковъ*—96,300, *Русиновъ*—50,100, *Поляковъ*—37,700, *Кроатовъ*—27,600, *Словенцевъ*—22,000, *Сербовъ*, *Шокцевъ*, *Славонцевъ* и *Истрийцевъ*—19,000, *Итальянцевъ*—52,700, *Фріульцевъ*—4,300, *Мадяровъ*—32,500, *Валаховъ* и *Молдаванъ*—20,700, *Цыганъ*—600.

Соединяя населеніе различныхъ провинцій въ группы по національностямъ, видимъ, что въ общемъ числѣ обитателей Австрійской Имперіи, находится:

<i>Славянъ</i>	15.170,612
<i>Нѣмцевъ</i>	7.980,920
<i>Итальянцевъ</i>	5.466,171
<i>Мадяровъ</i>	5.418,733
<i>Румуновъ</i>	2 686,492
<i>Евреевъ</i>	746,851
<i>Цыганъ</i>	93,600
<i>Армянъ</i>	17,384
<i>Грековъ</i> и <i>Македоно</i> .	
<i>Валаховъ</i>	10,000
<i>Албанцевъ</i>	2,293

Итого — 37.593,096 о. п. душъ.

* Шокцами называются Славяне Сербіи Римско-Католическаго исповѣданія, живущіе въ такъ-называемой Славоніи; жители-же Славоніи Православнаго исповѣданія, принадлежащіе къ тому же племени чистыхъ Сербовъ и говорящіе тѣмъ же языкомъ, названы здѣсь просто Славонцами: а подъ именемъ Сербовъ заключены Православные ихъ братья, живущіе по-сю-сторону Дуная, въ такъ-называемой Бачкой (*Baczer-Comitat*) и Баннатъ. *Ред.*

— ГИГАНТСКІЙ морскою змѣй или допотопный плезиосауръ, видѣнный въ атлантическомъ океанѣ. — Объ этомъ змѣѣ много было толковъ. Представляемъ какъ документы процесса напечатанное въ «Athenaeum» официальное донесеніе капитана корабля, съ котораго видѣли животное, и замѣчанія на это донесеніе, помѣщенные въ газетѣ Times. Вотъ самое донесеніе :

Гамозъ, 11 Октября 1838.

« Сэръ !

Въ отвѣтъ на письмо Ваше отъ сегодняшняго числа, на-счетъ того, справедливо-ли помѣщенное въ Times извѣстіе о морскомъ змѣѣ необыкновенныхъ размѣровъ, видѣнномъ будто-бы съ состоящаго подъ командою моею корабля Ея Величества «Дедалъ», во время пути его изъ Остѣ-Индіи, — честь имѣю увѣдомить Васъ, для сообщенія о томъ Лордамъ-Коммисарамъ Адмиральтейства, что 6 числа нынѣшняго августа, въ 5 часовъ пополудни, подъ 24° 44' Ю. Ш. и 9° 22' В. Д., при пасмурной и облачной погодѣ, свѣжемъ С. З. вѣтрѣ и притокѣ волнъ океана съ Ю. З., когда судно шло въ направленіи N. E. ten N., Мичманъ, г. Сарторисъ, увидѣлъ, что къ кораблю быстро приближается изъ-за траверса что-то весьма необыкновенное. Обстоятельство это немедленно доведено было имъ до свѣдѣнія вахтеннаго офицера, Лейтенанта Эдгара Дроммонда, который прохаживался тогда по заднему деку вмѣстѣ со шкиперомъ г. Вилльямомъ Барретъ, и со мною. Экипажъ въ это время былъ за ужиномъ. Обративъ вниманіе на указанный г. Сарторисомъ предметъ, мы увидѣли, что это огромный змѣй, голова и шея (shoulders) котораго возвышались постоянно на четыре фута надъ поверхностію моря; затѣмъ, сколько могли мы судить приблизительно о величинѣ животнаго, по сравненію съ длиною нашего гротъ-марса-рея, туловище его видно было въ уровень съ водою (à fleur d'eau) по крайней мѣрѣ на шестьдесятъ футовъ; приэтомъ, ни одна часть туловища, на означенномъ протяженіи, не обнаруживала, какъ замѣтили мы, никакого, ни вертикальнаго, ни горизонтальнаго, изгибистаго движенія, которое-бы служило ему чтобы подаваться впередъ по водѣ. Животное прошло быстро мимо судна, но столь близко къ подвѣтренному баканцу, что будь это знакомый мнѣ человекъ, я-бы невооруженными глазами легко могъ различить черты его лица. Направлялось оно на Ю. З., вѣроятно съ какою-нибудь опредѣленною цѣлью, подаваясь впередъ отъ 12 до 15 миль въ часъ, и ни тогда какъ приближалось къ судну, ни послѣ того какъ вошло въ струю его, не уклонилось ни на-волось отъ своего курса. Диаметръ туловища у головы животнаго былъ отъ 15 до 16 дюймовъ, а голова его несомнѣнно змѣиная, и въ-теченіе 20 минутъ, пока оно находилось въ-виду нашихъ зрительныхъ трубъ, не опускалась ни разу подъ воду. Цвѣту было оно темно-коричневаго, а къ горлу — съ примѣсью бѣ-

ло-желтого. Плавательныхъ перьевъ не имѣло; но что-то въ родѣ конской гривы или, лучше, клока-морской травы, замѣтно было около спины. Видѣли его, кромѣ меня и помянутыхъ офицеровъ, еще квартирмейстеръ, боцманской помощникъ и рулевой. У меня есть рисунокъ животнаго, сдѣланный немедленно послѣ того какъ мы его видѣли; рисунокъ этотъ представляю я Лордамъ-Коммисарамъ Адмиральтейства съ завтрашнею почтою.

Имѣю честь и проч.

Peter McQuhae, Captain.

Адмиралу Сэръ В. Г. Гэджу (*Gage*).»

Нельзя думать, чтобы нѣсколько офицеровъ Королевскаго Флота рѣшились представить Адмиральтейству такую обстоятельную ложь, или чтобы всѣ они вмѣстѣ ошиблись одинаковымъ образомъ въ дѣлѣ простаго наблюденія: нѣтъ сомнѣнія, что они видѣли какое-то необыкновенное животное; только то, что видѣли они — выходить не змѣй. Вотъ какъ разсуждаютъ въ *Times* объ этомъ донесеніи:

«Одно изъ самыхъ странныхъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ донесеніи — обстоятельство разрушающее всякую аналогію между способомъ движенія такъ-называемаго въ немъ «морскаго змѣя», и способами движенія всѣхъ другихъ извѣстныхъ змѣй и угреобразныхъ рыбъ — заключается въ томъ, что туловище животнаго на протяженіи не менѣе 60 футовъ длины видимо было подвигающимся впередъ въ уровень съ водою и со скоростію отъ 12 до 15 миль въ часъ, тогда-какъ при самомъ внимательномъ наблюденіи не было примѣчено въ немъ никакого изгиба бистаго движенія, которому-бы можно приписать быстрый ходъ этого «змѣя». Едва-ли нужно говорить, что ни угорь, ни змѣя (если-бы даже то или другое изъ этихъ животныхъ и было въ состояніи плавать съ поднятою шеею), не могутъ двигаться безъ того, чтобы передняя часть ихъ туловища не выгибалась въ-слѣдствіе толчка, сообщаемого ему усиліемъ хвоста. Но если, поѣтому, животное, видѣнное Капитаномъ *McQuhae* и его товарищами, не принадлежитъ, къ роду змѣй или угрей, то къ какому-же классу животныхъ должно отнести его? На это отвѣтимъ, что, по мнѣнію нашему, оно скорѣе можетъ быть сродни гигантскимъ «саурамъ», которые извѣстны были доселѣ только въ ископаемомъ видѣ, и между ними — преимущественно «плезіосауру». Изъ анатомическаго устройства плезіосаура, обнаруженнаго изслѣдованіемъ органическихъ его остатковъ, геологи выводятъ единогласно, что животное это, плавая, держало шею (которая должна была походить на змѣиную) надъ водою, а двигалось впередъ посредствомъ широкихъ веслообразныхъ лапъ, дѣйствовавшихъ подъ туловищемъ, причемъ короткій но сильный хвостъ исправлялъ должность руля. Этѣ до-

гадки геологовъ совершенно согласны, въ означенныхъ особенностяхъ, съ тѣми свидѣтельствами очевидцевъ о живомъ чудищѣ, которыя находимъ въ донесеніи Капитана M'Quhae: короткая голова этого чудища и его змѣеобразная шея, поднятая на нѣсколько футовъ надъ водою, невольно поминаютъ отличительныя черты чудища исчезнуваго; что касается до щетинистой гривы на нѣкоторыхъ мѣстахъ спины — особенности рѣшительно не встрѣчаемой въ змѣяхъ — то такая грива есть принадлежность «игуаны» — животнаго, съ которымъ тоже сравнивали плезиосаура нѣкоторые геологи. Но что болѣе всего подтверждаетъ сходство обоихъ животныхъ, такъ это особенность движенія «морскаго змѣя», видѣннаго Капитаномъ M'Quhae, которое съ тою скоростію и ровностію, какія приписываются ему въ донесеніи, могло производиться не иначе, какъ посредствомъ прибора въ родѣ плавательныхъ перьевъ или веслообразныхъ лапъ, какихъ нѣтъ у змѣй, но какія въ самомъ совершенномъ видѣ имѣли плезиосавры.»

Мы вполне согласны съ изложеннымъ мнѣніемъ, и думаемъ, что не только могутъ существовать въ живомъ видѣ многіе изъ земноводныхъ извѣстныхъ доселѣ лишь въ видѣ ископаемыхъ, но что въ томъ-или-другомъ видѣ могутъ найтись даже многіе изъ считающихся баснословными птицъ и звѣрей Восточной Мифологіи.

— ИЗВѢСТІЕ О КОНЧИНѢ ОМЕРА-ДЕ-ГЕЛЛЯ. — Въ началѣ ноября Парижскіе журналы извѣстили о кончинѣ г. Омера-де-Гелля (*Montaigre de Hell*), Французскаго путешественника, который находился въ Персіи съ ученымъ порученіемъ отъ своего Правительства: онъ палъ жертвою климата, въ Испагани. Для насъ покойный остается памятенъ по участию его въ трудахъ ученой экспедиціи въ Южную Россію, которая совершена была въ 1837 году на иждивеніе А. Демидова.

— ВѢСТИ О ПОРУЧИКѢ ВИБЕРТѢ. — Тогда-какъ Омеръ-де-Гелль, отъ котораго такъ недавно еще имѣлись извѣстія, умеръ рѣшительно, о другомъ путешественникѣ, Англійскомъ Поручикѣ Вибертѣ (*Wyburt*), котораго давно считаютъ умершимъ, пришли вѣсти, что онъ здравствуетъ. Г. Вибертъ, какъ извѣстно, посланъ былъ отъ Англо-Индійскаго Правительства въ Туркестанъ съ политическимъ порученіемъ, въ Бухарѣ и раздѣлилъ печальную участь Полковника Стоддарта и Капитана Конолли. Свѣдѣнія объ обстоятельствахъ его смерти, которыя находимъ въ книгѣ Д-ра Вольфа, посыланнаго для развѣдокъ о судьбѣ помянутыхъ Англійскихъ агентовъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ни онъ, ни товарищи его не существуютъ въ здѣшнемъ мірѣ. Между-тѣмъ недавно получено изъ Бомбѣя извѣстіе, будто Вибертъ живъ и находится въ Коканѣ добровольнымъ изгнан-

никомъ, потому-что принялъ Исламизмъ. Сестра его, мистрисъ Форрель вѣрить крѣпко въ это извѣстіе и печатаетъ во всѣхъ газетахъ, что у нея имѣются «обильныя доказательства» въ пользу того, что братецъ досихъ-поръ здравствуетъ въ Бухарь; но ни одного изъ этихъ «доказательствъ», неизвѣстно почему, публикъ не представляетъ. И Бомбѣйское извѣстіе, и «доказательства» Мистрисъ Форрель, кажется, одинаковаго достоинства.

— РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ, ВОЗВРАТИВШІЕСЯ ИЗЪ АФРИКИ. — Докторъ Медицины *А. А. Рафаловичъ*, о путешествіи котораго по Сиріи, Палестинѣ, Египту и Нубіи, сообщали мы подробное извѣстіе (см. Г. И. стр. 95—111), посѣтивъ въ-теченіе лѣта еще Тунисъ и Алжиръ, потомъ чрезъ Барселону, Марсель, Парижъ и Сѣверную Германію, къ концу года возвратился въ С.-Петербургъ, гдѣ теперь сколько намъ извѣстно, занимается приведеніемъ въ порядокъ и приготовленіемъ къ изданію своихъ любопытныхъ записокъ. — За нѣсколько времени предъ нимъ пріѣхалъ сюда-же, чрезъ Константинополь, и Д. Ч. О. Полковникъ *Ковалевскій*, изъ путешествія своего по Нилу въ Восточный-Суданъ. Описаніе странствованій его въ этомъ малоизвѣстномъ краѣ, гдѣ проникалъ онъ въ мѣста не посѣщенные до него ни однимъ Европейцемъ, будетъ любопытнымъ подаркомъ для науки. — Африканскій климатъ нисколько не разстроилъ здоровья обоихъ нашихъ соотечественниковъ.

въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Печатать дозволяется. С. П. Б. апрѣля 22 дня 1849 года.

Цензоръ *Измаилъ Срезневскій*.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИЗВѢСТІЯХЪ

ЗА 1848 ГОДЪ.

А.

Абихъ: наблюденія его на Кавказъ, 5, 68; избранъ въ Члены-Сотрудники, 168.

Абрамовъ, Н. А.: о достопримѣчательной рѣдкости въ Березовѣ, 115; избранъ въ Члены-Сотрудники, 123.

Абульфеда: переводъ его Географіи на Французскій языкъ, 205.

Австралія: экспедиція Доктора Лейхардта, 19; Митчеля, 53; Кеннеди, 190.

Австрійская-Имперія: новая топографическая и этнографическая карта ея, 207.

Адеркасъ, В. В., 128.

Азія: экспедиція въ Верхнюю-Азію, 76; въ Малую-Азію, 14; въ Святую-Землю, 56; къ Виндійскимъ и Гималайскимъ горамъ, 182; учено-врачебная экспедиція, 95.

Аквасси - Боахи, Ашантійскій Принцъ, 27.

Акуловъ: Н. П., 8.

Ала-Тау (горы), 8.

Ала-Тау-Киргизы (народъ), 8.

Александрія, 97.

Алепъ, 106.

Апраксинъ, В. В., 128.

Аринцы (народъ), 146.

Арсеньевъ, К. И.: содержаніе его Статистическихъ Очерковъ Рос-

сін, 29; его статья о ярманкахъ, 43.

Артемьевъ, А. А., 26.

Архиповъ, А. П.: замѣчанія о Трухменахъ, 193—205.

Африка: путешествіе Джона Ли, 147; религіозно-ученая экспедиція, 18; экспедиція внутрь Африки съ Востока, 20; путешествія Раффенеля, 55; Рафаловича, 95; Ценковского, 152; Бялоблоцкаго 188.

Ашантіи, 27.

Алнъ (заливъ), 58—60.

Б.

Бабиновъ (Землемѣръ): сообщаетъ рисунки костюмовъ жителей Киргизской-Степи, 123; избранъ въ Члены-Сотрудники, 123.

Багратионъ, Князь П. Р., 8.

Багратионъ - Мухранскій, Князь Г. К., 43.

Баллаболла (племя въ Сѣверной-Америкѣ), 66.

Бальби, А.: некрологъ его, 32.

Банзаровъ (Дорджи), 28.

Барабра (народъ), 110.

Баренсъ, 21.

Барышъ (рѣка), 155.

Бедешевъ, см. Кентай-Бедешевъ.

Березовъ (городъ), 115.

Берингъ: его экспедиція, 4.
Беръ, К. М., 29; статья его о заслугахъ Петра-Великаго по Географіи, 1 — 4, 72; проектъ Этнографическаго Собранія при Р. Г. О., 35.

Библиотека Р. Г. О.: приобрѣтенія ея, 121.

Болотовъ, А. П.: о новомъ инвентирномъ инструментѣ Штамфера, 128, 156.

Борнео: путешествіе Доктора Шванера, 15.

Ботанъ-Бопрѣ, 41.

Брантъ, Членъ Уральской Экспедиціи, 34.

Британія: ея племена, 73.

Броссѣ (Академикъ): путешествіе его по Грузіи, 5.

Буле (Докторъ): ботаническое путешествіе въ Арменію и Персію, 5.

Бурро, 24.

Буряты, 151.

Бутаковъ, А. И., 44.

Бутурлинъ, Д. П.: 44.

Бухгольцъ, А. А.: 8.

Бялоблѣцкій: его отправленіе во внутренность Африки, 188.

В.

Васильчиковъ, Князь А. И., 8.

Васьковъ, Н. П., 44.

Веселовскій, К. С., 4.

Вибертъ, поручикъ, 213.

Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ, 25, 159.

Виллоби, 24.

Виндійскія-Горы, 182.

Віельгорскій, Графъ М. Ю., 44.

Воиновъ, В. Н., 167.

Волканы, на Дружескихъ - Островахъ, 26.

Вольфъ, А. И., 4.

Воронцовъ, Князь М. С., 33.

Вревскій, Баронъ И. А., 168.

Г.

Гаклюйтово Общество (въ Лондонѣ), 23.

Гакстгаузенъ, Баронъ, 72.

Гамбургское Отдѣленіе для Географіи и Геологіи, 75.

Ганстеэнъ (Профессоръ): письмо объ астрономическихъ и географическихъ работахъ въ Норвегіи, 113; карта Норвегіи, 121.

Географическія Извѣстія, временное изданіе Р. Г. О.: цѣль и планъ ихъ, 9—11.

Географическія Общества, см. Русское Г. О., Гаклюйтово Общество, Гамбургское, Лондонское, Для изученія Суэзскаго-Канала, 59.

Гирсъ, А. К., 4.

Горчаковъ, Князь И. М., 8.

Гималая (горы), 76, 182.

Голицынъ, Князь Э. М., 164; Князь Н. П., 167.

Головинъ, А. В.: его некрологъ К. О. Опочинина, 30; избранъ въ Дѣйствительные Члены, 43; обогащаетъ Этнографическое Собраніе, 121; содѣйствуетъ сношеніямъ Р. Г. О., 122; описаніе костюма Пронской крестьянки, 153.

Голубковъ, П. В.: изданіе Русскаго перевода Географіи Риттера, 35; пожертвованія на это изданіе, 92, 122; избранъ въ Члены-Соревнователи, 122.

Гофманъ, Э. К.: краткій отчетъ объ Уральской Экспедиціи, 44; содержаніе его путешествія къ золотымъ приискамъ Сибири, 29;

участіе въ Уральской Экспедиціи, 34; отчетъ объ окончательныхъ дѣйствіяхъ Уральской Экспедиціи, 168 — 182.

Григорьевъ, В. В.: Членъ Терминологической Коммисіи, 93; разборъ соч. Фундукля, 162.

Гроздовъ, Ф. В., 4.

Гукеръ: его путешествіе по Виндйскимъ и Гималайскимъ горамъ, 182 — 188.

Д.

Давыдовъ, В. П., 43.

Дамаскъ, 105.

Датская Кругосвѣтная Экспедиція, 15.

Джакманъ, 21.

Диттель, В. Ф.: некрологъ его, 117 — 120.

Дорбинь, А.: путешествіе въ Южную-Америку, 67.

Дружескіе-Острова, 26.

Дьяковъ, И. О., 168.

Дюперре, путешественникъ, 11.

Дюреръ, А.: карта по Птолемею, 24.

Е.

Египетъ: путешествіе Рафаловича, 95; Ковалевскаго и Ценковскаго, 152.

Ефремовъ, А. П., 4; его переводъ Риттеровой Географіи, 35.

Ж.

Жмудь (племя), 89.

Жомаръ, 24.

Жуковский, С. М., 8.

З.

Завпелейскій, М. Д., 26.

Закавказье: вѣсти оттуда, 67.

Записки Р. Г. О.: содержаніе 3-й книжки, 4; второе изданіе 1-й и 2-й книжки, 9.

Заринъ, В. И., 8.

Злобинъ, К. А., 8.

Зыряне: Ижемскіе, 181; нарѣчія Зырянскія, 64.

И.

Ивановскій, И. В., 4.

Ижемцы, 180.

Индъ (рѣка), 83.

І.

Іакобъ, Епископъ Нижегородскій и Арзамасскій, 121.

Іерусалимъ, 104.

Іорданъ, 44.

К.

Кавелинъ, К. Д., 168.

Кавказъ: труды по древней Географіи Кавказа, 25, 159; объ этнографическомъ сродствѣ народовъ Кавказскихъ, 45. См. еще Закавказье.

Казакі (Сибирскіе), 165 — 167.

Казанская Губернія: записки о ней г. Артемьева, 26.

Кара-Киргизы; извѣстіе о нихъ, 7.

Карманная Книжка, изданная Р. Г. О.: содержаніе ея, 29.

Карты: острова Св. Маврікія въ Ледовитомъ-Морѣ, 22; Карты изъ Среднихъ Вѣковъ, 24; Птолемея и Дюрера, 24; карта открытій на С. В. берегу Америки (къ статьѣ), 46; верховья Инда и Сетледжа (къ статьѣ), 76; Германіи, 158; Австрійской Имперіи, 207.

Карцеевъ, А. П., 8.

Кастренъ: его этнографическое путешествіе по Западной-Сибири, 129.

Квосмъ-Нієръ (гора): ея высота, 168.

Кемпицъ, Ф. Д., 11, 29.

Кеннеди: его экспедиція въ Австраліи, 190.

Кентай Бедешевъ: его извѣстія о Кара-Киргизахъ, 7.

Кеппенъ, П. И.: его этнографическая карта Европейской - Россіи, 7; статья объ этнографическихъ странствованіяхъ Финляндцевъ, 92.

Кингъ (Докторъ), 17, 52.

Кириловъ, В. П., 8.

Киргизская-Степь: замѣчанія Нёшеля, 123.

Киргизы, 151. См. еще *Ала-Тау-Киргизы* и *Кара-Киргизы*.

Климатъ: мысли о средствахъ къ опредѣленію его, 9; Коммиссія, учрежденная по этому вопросу, 9; ея инструкции и отвѣты полученные, 122.

Ковалевскій, Е. П., 72; возвращеніе его изъ Африки, 214.

Ковальскій, Членъ Уральской Экспедиціи 34, 85.

Ковенская Губернія: о жителяхъ Тельшевскаго уѣзда, 89.

Койбалы (народъ), 133, 147.

Коммисіи Р. Г. О.: учрежденная по поводу вопроса о средствахъ къ опредѣленію климата, 9; для пересмотра Устава, 69; для обсужденія статистической преміи, 70; для обработыванія географической терминологіи, 93; для собиранія этнографическихъ данныхъ, 122.

Конингемъ, 76.

Константиновъ, О. И., 11.

Копты, 109.

Кривцовъ, А. Д., 11.

Кузьминъ, П. А., 8.

Купріяновъ, В. А., 43.

Л.

Ламбертъ, Графъ І. К., 43.

Лапландцы, 13.

Латамъ (Докторъ): о народахъ Кавказскихъ, 45.

Лебедевъ, Н. С., 11.

Лейхардтъ (Докторъ): экспедиція во внутренность Австраліи, 19.

Леницъ, Э. Х., 9, 29.

Ли, Джонъ, 14.

Лидерсъ, К. К., 8.

Линчъ: экспедиція въ Святую-Землю, 56.

Литке, Ф. П., 1, 21, 52.

Лихаревъ: сообщаетъ извѣстія о климатѣ Рязанской губерніи, 122.

Лондонскій Королевскій Институтъ, 45.

Лондонское Королевское Географическое Общество, 11, 43, 72.

Люджеръ, А. А., 167.

М.

Максимовъ, Д. Ч. О.: о тригонометрическихъ работахъ въ Россіи, 128.

Мальта: торговое движеніе ея въ 1846 году, 25.

Маркевичъ: о достопримѣчательныхъ урочищахъ въ Новгородъ-стверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, 87.

Марко-Поло: новое изданіе его путешествій, 207.

Мартыновъ, П. А., 8.

Мейендорфъ, Баронъ А. К.: объ изслѣдованіи черноземной полосы въ Россіи, 69.

Мессершмидтъ: его экспедиція, 3.
Метеорологическія обсерваторіи,
устроенныя П. А. Чихачевымъ
въ Малой-Азіи, 14.
Метисы, 12.
Миддендорфъ, А. О., 12.
Милютинъ, В. А., 72; Д. А., 93;
Н. А., 70, 93.
Минусинскъ, 132.
Митчелъ: экспедиція его въ Австра-
лію, 53.
Монголы: Монголь съ Европей-
скимъ образованіемъ, 28.
Морской змій, видѣнный въ Атлан-
тическомъ-Океанѣ, 211.
Муравьевъ, В. М., 8.
Мясновъ, П. Н., 8.
Мясопдовъ: сообщаетъ извѣстія о
климатѣ Тульской губерніи, 122.

Н.

Надеждинъ, Н. И., 10, 93.
Небольсинъ, Г. П., 70.
Небольсинъ, П. И., 72, 121; его
замѣчанія о казачьихъ сословіяхъ
въ Сибири, 165—167.
Негры: Негръ съ Европейскимъ
образованіемъ, 27.
Некрологи Членовъ Р. Г. О.: К. О.
Опочинина, 30; М. Г. Свѣдомска-
го, 32; А. Бальби, 32; В. Ф. Дит-
теля, 117.
Нѣшель: замѣчанія о Киргизской-
Степи, 123.
Никитинъ, А. А., 43.
Никитскій, П. П., 8.
Никобарскіе-Острова, 15.
Нилъ (рѣка): источники Бѣлаго-
Нила, 43.
Нильская долина, 108.
Нити - Гатъ (проходъ въ Гима-
лаѣ), 76.

Новая-Зеландія, 11—12.
Новгородсверскій уѣздъ (Черни-
говской губерніи): достопримѣ-
чательныя урочища, 87.
Норвегія: астрономическо-геогра-
фическія работы тамъ, 113.
Нубійцы, 110.

О.

Оболенскій, Князь А. В., 11.
Огородниковъ, Е. К., 8.
Озерскій, А. Д., 11.
Оленинъ, А. А., 168.
Омеръ - де - Гелль (путешествен-
никъ): кончина его, 213.
Опочининъ, К. О.: некрологъ его, 30.
Орбины См. *Дорбины*.
Остяки, 180.
Очкинъ, А. Н., 11.

П.

Пай-Хой (хребетъ), 175.
Панаевъ, В. И., 8.
Петерманъ: о рѣкѣ Іорданѣ, 44.
Петръ-Великій: заслуги Его по Гео-
графіи, 1—4.
Петъ, 21.
Плезіосауръ, видѣнный въ Атлан-
тическомъ-Океанѣ, 211.
Полярное Море: путешествіе Док-
тора Ра, 46.
Порошинъ, В. С.: его мысли о
средствахъ къ опредѣленію кли-
мата, 9; Членъ Коммиссій, 69,
70, 93.
Портанусъ, 21.
Посыпкинъ, М. А., 167.
Правдинъ, В. А., 167.
Премія Р. Г. О.: пожертвованіе
5,000 р. С. П. Бургскимъ купе-
чествомъ, 70.
Птоломей: карта по Птоломею
А. Дюрера, 24.

Пузановъ: о рѣкахъ Суръ, Барышѣ и Свіягѣ, 154; о названіи рѣки Семь, 156.

Путешествія и Экспедиціи: въ Малую-Азію, 14; въ Западную-Африку, 14; на островъ Борнео, 15; кругомъ Свѣта, 15; для отысканія Капитана Франклина, 15, 191; во внутренность Африки, 18, 20, 55, 188; во внутренность Австраліи, 19, 53, 190; къ Русскимъ берегамъ и островамъ Ледовитаго-Моря, въ XVI столѣтіи, 21; къ Сѣверному-Уралу, 34, 168—182; къ берегамъ Полярнаго-Моря, 46; въ Святую-Землю, 56; въ Верхнюю-Азію, Тибетъ и къ Гималайскимъ-Горамъ, 76, 182; Русская учено-врачебная экспедиція на Востокъ, 95; путешествіе Кастрена по Западной-Сибири, 129; Ценковского въ Египетъ, 152.

Р.

Ра (Докторъ): путешествіе къ Сѣверо-Американскимъ берегамъ Полярнаго-Моря, 46.

Рафаловичъ, А. А.: его учено-врачебное путешествіе по Востоку, 95—112; возвращеніе изъ путешествія, 214.

Раффенель, (Докторъ): путешествіе въ Африку, 55.

Рейтернъ, М. Х., 43.

Риттеръ, К.: переводъ его Географіи, 35; пожертвованіе Голубкова на изданіе этого перевода, 92, 122.

Розбергъ, М. П., 4.

Романовичъ, В. И., 43; В. М., 8.

Россъ, сэръ Джемсъ: его экспедиція для отысканія Франклина, 16, 191.

Русское Географическое Общество: засѣданіе 14 января, 1; 4 февраля, 4; 3 марта, 9; 14 апрѣля, 43; 5 мая, 69; 22 сентября, 121; 13 октября, 128; 3 ноябля, 165; 1 декабря, 167; засѣданія Совѣта Р. Г. О.: 9, 11, 43, 129, 168. См. еще *Библіотека Р. Г. О.*, *Записки Р. Г. О.*, *Коммисіи Р. Г. О.*, *Совѣтъ Р. Г. О.*, *Этнографическое Собраніе Р. Г. О.*

С.

Сабатье, П. И., 167.

Сабиръ, М. О., 8.

Савваитовъ, П. И.: о Зырянскихъ нарѣчіяхъ, 64.

Савельевъ, П. С.: его статья въ Карманной Книжкѣ, 29; Членъ Коммисіи для разработыванія географической терминологіи, 93; некрологъ Диттеля, 117.

Савичъ, А. П., 7.

Садлеръ, 11.

Самогиты, 89.

Самоды, 13, 179.

Свіага (рѣка), 155.

Свѣдомскій, М. Г.: некрологъ его, 32.

Святая-Земля, 56.

Семь (рѣка): о ея названіи, 156.

Сибирь: новое дорожное сообщеніе въ Восточной-Сибири, 57; карта ея въ эпоху Ермака, 121; путешествіе Кастрена, 129; о казачьихъ сословіяхъ въ Сибири, 165.

Совѣтъ Р. Г. О.: засѣданія его, 9, 11, 43, 129, 168; дѣйствія его, 122.

Соіоты (народъ), 147.

Соллогубъ, Графъ В. А., 8.
 Солль: о племенахъ Британіи, 73.
 Спѣшневъ, Н. М., 43.
 Стефанъ, Г. О., 93.
 Стобеусъ, А. Я., 4.
 Стояновичъ, Д. М., 11.
 Страхи, 76.
 Стремоуховъ, П. Н., 167.
 Строновскій, М. О., 167.
 Суданъ, 152.
 Сура (рѣка), 154.
 Сухомлиновъ: о жителяхъ Тельшевскаго уѣзда Ковенской губерніи, 89.
 Сухтеленъ, Графъ К. П., 43.
 Суэзскій Перешеекъ: пересѣченіе его каналомъ, 59.

Т.

Тальяферро, 25.
 Татары Сибирскіе, 133.
 Тельшевскій уѣздъ (Ковенской губерніи): о жителяхъ его, 89.
 Тенгоборскій, Л. В., 72.
 Терминологія географическая: ея разработка особою Коммиссіею, 93.
 Тибетъ: экспедиція, отправленная Остъ-Индскою Компаніею, 76.
 Тимковскій, В. И., 11.
 Тифлисъ: карта его окрестностей, 5.
 Толстой, Графъ Д. Н., 4; Графъ И. П., 8.
 Томсонъ, 76, 188.
 Триангуляція на Кавказѣ, 5.
 Трухмены, 193.
 Тюменевъ, О. И., 168.

У.

Уваровъ, Графъ А. С., 8.
 Уды (племя Закавказское), 33.

Уральская Экспедиція, 34, 85, 123, 168 — 182.
 Уральскій Хребетъ: его направленіе, 174; его названія, 175; Сѣверный-Ураль, 176; проходы, 177; жители ближней тундры, 179.
 Урочища: въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, 87.

Ф.

Философосъ, А. Д., 128.
 Финскія нарѣчія: изслѣдованіе ихъ, 92.
 Франклинъ, Капитанъ: экспедиціи для отысканія его, 15, 56; извѣстія о немъ, 191.
 Фрейгангъ, А. В., 8.
 Фроринъ, 27.
 Фундуклей, И. И.: разборъ его книги о могилахъ Кіевской губерніи, 162.

Х.

Ханыковъ, Н. В.: извѣстія изъ Тифлиса, 5; вѣсти съ Закавказья, 67.
 Хвостовъ, Д. В., 8.
 Ходзько, О. И., 5, 68.
 Хромицовъ, А. А., 8.

Ц.

Ценковскій: извѣстія его изъ Судана, 152.

Ч.

Ченслеръ, 21.
 Черниговская губернія: достопримѣчательныя урочища въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, 87.
 Чихачовъ, П. А.: путешествіе его по Малой-Азіи, 14, 111.
 Члены Р. Г. О. избранные въ 1848 году: Дѣйствительные, 4, 9, 11,

43, 72, 128, 167, 168; Корреспонденты, 44. 72.

Чугучакъ (городъ), 8.

Чумуръ (озеро), 77.

III.

Шванеръ (Докторъ), 45.

Шенигъ, Н. И., 8.

Шиллинглау, агентъ Р. Г. О. въ Лондонѣ, 26, 122.

Шиховскій, И. О., 9.

Штамферъ: о его нивелирномъ инструментѣ, 128, 156.

Э.

Экспедиціи, см. Путешествія.

Эртонъ: объ источникахъ Бѣлаго-Нила, 43.

Этнографическое Собрание при Р. Г. О.: проектъ К. М. Бера, 35; пріобрѣтенія, 121. 123.

Этнологическое Общество: Лондонское, 73; Парижское, 12.

Я.

Языковъ, П. А., 167.

Якутскъ, 58—60.

Яновскій, А. Г.: о племени Удовъ, 33.

ФАБРИКА
Н.В. ГАВВЕСКАГО
Б. ДВОРЯНСКАЯ 24
МАГАЗИНЪ ВЛАДИМ 4

СОСТАВЛЕН

ВЪ 1848

ГЛАВНОУ

УЧЕБНОМУ ЗАВѢДѢНІЮ